Андрей Басов

СКАЗКИ СТАРОГО ДОМА 3

Романтическая фантазия

Санкт-Петербург
2013 г

ISBN 978-5-9904720-3-7
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б27

Серия
"Возрождение доброй фантастики"

Роман "Сказки старого дома" рассказывает о замечательных приключениях нескольких соседей старого, петербургского особняка в мирах своей мечты и фантазии. Много главных действующих лиц — много и необычных миров, сюжетных интриг, занятных ситуаций, а кое-где и сказочной любви.

Художники:
Ольга Боман (обложка)
Евгения Шевкаленко (иллюстрации)

© А.Н.Басов, 2013 г.
http://www.andrey-basov.net/

От автора

В предисловии к третьей книге романа повторяю то же, что содержится и в предисловии ко второй книге, а именно:

" …Перед вами книга любопытных положений, ситуаций для любителей интеллектуально завязанных сюжетов, выпутаться из которых герою помогает голова, а не волшебство, мускулы и умение стрелять.

Любители ужасов, космических и колдовских кошмаров, вражды и драк будут разочарованы, и им не следует открывать эту книгу и портить себе настроение. Но вот поклонники лёгкой для чтения, сказочной, романтической фантастики, возможно, получат эстетическое удовольствие. А те, кто любит иногда почитать на сон грядущий, — ещё и приятные сны!"

Андрей Басов

Оглавление

ГЛАВА 1: Поющий город - 6

ГЛАВА 2: Набег на амазонок - 93

ГЛАВА 3: Железный остров - 179

ГЛАВА 4: Пиратский блеф - 264

ГЛАВА 5: Охота за Октавианом - 351

ГЛАВА 6: Ожерелье Луизы - 427

Примечания - 509

ГЛАВА 1

ноющий город

ГЛАВА 1: Поющий город

Расселение в нашем доме идёт полным ходом. Нам бы побыстрее очистить дворовые флигели, чтобы было, куда переселиться самим на время ремонта фасадного здания. Стелла свою квартиру уже освободила и держит её пустой в ожидании ремонта всего здания. Долго ей ещё придётся ждать. Месяца три будут переезжать жильцы на новые места. Потом ремонт тоже месяца на три в лучшем случае. Кроме мороки впереди пока ничего не видно.

Через несколько дней после моего возвращения из мушкетёрского Парижа, заглянула Анна Петровна и рассказала о своей встрече с Ришелье. Как и предсказывала Луиза, кардинал перехватил Аманду в Париже. Правда, пригласил её не на чай в Пале-Кардиналь, а в свой кабинет в Лувре и это было опрометчиво с его стороны. Луиза тут же доложила королеве. А та послала свою камеристку к кардиналу с предупреждением, что королева сейчас зайдёт к нему по важному делу.

Кардинал попал в неожиданную засаду. Королеву ждать не заставишь, а Аманду не выгонишь, раз сам пригласил. Королева Анна, войдя в кабинет Ришелье и посетовав на то, как она неудачно пришла к занятому человеку, высказала желание подождать, пока кардинал завершит разговор с Амандой. Пришлось Его Преосвященству опять удовлетворять своё любопытство в присутствии королевы. Правда, поняв щекотливость ситуации, Ришелье не стал ходить вокруг да около. Просто вежливо попросил Аманду рассказать о заговорах, если ей о том что-то известно. Похоже, кардинал уже был готов не бросаться в крайности своих амбиций и обид.

Аманда понимающе переглянулась с королевой и выдала нас всех с потрохами. Королева же поинтересовалась, дошло ли теперь до кардинала, что в Париже

его сыску ничего не найти. Заговорщики истреблены друг другом. Участники этой истории в нашем лице никому и ничего раскрывать не намерены. А вот излишним интересом и шумом нам может быть нанесён вред. Получив уверения Ришелье в полном понимании и согласии с услышанными доводами, дамы покинули кабинет всесильного министра.

— Подождём некоторое время, — сказала мне Анна Петровна, — и, если всё будет спокойно, пошлём Жермене весточку, чтобы возвращалась. Хочется мне всё-таки взглянуть на эту заговорщицу. Чем это она вам с Пьером приглянулась? И знаешь что, Сергей, пожалуй, для нас обоих будет лучше простое обращение друг к другу. И путаницы меньше, и отношения между нами ведь давно не как у посторонних людей.

— Согласен, Анна, — и мы разбежались по своим делам.

На работе у меня не очень благополучно. Вернее, не у меня, а у нашего НИИ — разоружение. Заказы министерство обороны не спускает и никто не знает, что теперь делать пяти тысячам сотрудников огромного НИИ. Одних увольняют, а других выпихивают в отпуск за свой счёт на неопределённый срок. Поработав недельку, я без труда выпихнулся в такой отпуск пока что на два месяца. Уж чего-чего, а без дела не останусь.

Ахмед повосторгался подаренным ему Мальчиком и уволок его в Багдад. Александр разрывается между школой и нашей компьютерной конторой. Капитан вернулся из плаванья к Америкам и первым делом поинтересовался:

— А не сходить ли нам с тобой завтра полакомиться вернской ветчиной?

*

— И как это называется? – поинтересовался капитан Вик, обозревая дворик моего дома в Верне.

— Это такая местная осень, – просветил я его.

— Круто. Ты говоришь, что не заглядывал сюда месяца два. И я тоже около того из-за затянувшегося плавания в Аргентину. Почти совсем подзабыл вкус местной ветчины. Правда, вкус вина забыть невозможно. А смотри-ка, ничего не изменилось, а ведь уже сентябрь.

— Да, климат тут не российский. Осень приходит много позже, а лето много раньше. Вот потому и сейчас всё в цвету, как и летом.

— Прелесть. Посидим тут немного? Где ещё найдёшь такой покой, умиротворение и миниатюрную прелесть

— Отчего бы и не посидеть. Я бы даже и подзадержался тут.

— Зачем?

— Хочу Жозефа надуть.

— Жозефа? А разве королевского волшебника можно надуть? И зачем?

— Очень уж он воображает своей способностью всеведения. Как только я появляюсь в "Морском драконе" и он тут, как тут. Как-то предчувствует моё появление в Верне и знает, что первым делом я двинусь в таверну. А мы там сразу не появимся. Жозеф придёт в "Морского дракона" и вдруг ему такой облом! Нет меня и всё!

Кто-то осторожно постучал в калитку.

— Хозяин дома? – послышался с улицы знакомый голос.

— Вот это облом! – расхохотался Вик.

Встаю и открываю калитку.

— Здравствуйте, Жозеф.— Здравствуйте, Серж. О, Вик, и вы здесь! Рад вас обоих видеть. Любуетесь красотой? Жанна умеет её создавать. Я присяду? Никуда не спешите?

— Не спешим. Собирались с капитаном Виком через некоторое время сходить перекусить. А так вроде больше и делать нечего. А вы что, мне или нам работу

нашли?

— Это вы по поводу моего визита? Нет, ничего такого. Просто давно вас не видел. Вот и заглянул.

— Странно, что никаких проблем. Как-то, даже непривычно. Может быть, всё же что-то и где-то не так? А то нам с капитаном Виком скучно станет.

— Если о скуке, то Виолетта немного скучает. Но мы-то с вами знаем, что избавит её от тоски. Герц тоже чувствует себя не очень в своей тарелке.

— А ему-то чего не хватает?

— Забот, которых всегда было выше головы. Казна ломится от денег после не состоявшейся войны с пиратами и это его тяготит. Появились деньги — привычные заботы ушли.

— Да-а, задача серьёзная. Мне как-то ещё не доводилось думать над тем, чтобы создать проблемы там, где их нет, и не требуются. Хотя мы с капитаном Виком могли бы посодействовать Герцу советом в создании проблем. В некоторых странах имеют хождение не золотые и серебряные деньги, а бумажные.

— Бумажные? Разве такое возможно?

— Не только возможно, но и практикуется. Посоветуйте Герцу изъять из обращения золотые и серебряные монеты. Вместо них пустить в оборот деньги, отпечатанные на бумаге, с обозначенным достоинством золотой и серебряной монеты. Гарантируем, что в государстве появится столько проблем, что Герцу некогда будет скучать.

— Верю, верю, — рассмеялся Жозеф. — Бумажные деньги. Надо же! Даже мне понятно, что за проблемы возникнут. Нет уж, упаси нас, Бог, от такой напасти! Пусть лучше Герц пострадает от безделья. Так как насчёт перекусить?

— Думаю, что мы сами себе проблему голодных желудков создавать не будем.

В "Морском драконе" обычная суета. Подскакивает Жанна и подставляет всем по очереди щёку для поцелуя. Что-то во время проявления этого знака вежливости и дружбы Вик слегка подзадержался у щеки Жанны. Или мне это показалось?

— Как я рада вас всех видеть! Серж, твой стол Колин велел всегда держать свободным. Садитесь, я сейчас вас обслужу.

Колин приветственно машет рукой, но не подходит. Занят с кем-то то ли из поставщиков, то ли из посетителей. Жанна с напарницей уже тащат подносы к нашему столу, расставляют тарелки и всё прочее. Дружно вгрызаемся в пищу.

— Во дворец сегодня пойдёте, Серж? — спрашивает Жозеф.

— Не знаю. Дела нет, а без него как-то неудобно. Предложить дружескую компанию вечерком? А вдруг Виолетта и Казимир заняты?

— Не заняты, не заняты и будут рады, как вам, так и вашему предложению.

— Тогда нужно будет заглянуть во дворец. Придумать бы какой-нибудь фокус, чтобы вечер сделать поразнообразнее. Жанна, что бы такое нам сообразить для увеселения королевы?

— Может быть танцы под граммофон?

— Точно! Схожу сейчас к гномам в лавку и выберу инструмент. Как это Колин сам не догадался? Вик, а вы, пока я пробегусь по делам, можете сходить посмотреть, как налажено кабацкое дело в порту. Вас ведь это, помнится, живо интересовало.

— Схожу, схожу, конечно, вот только получше вкус ветчины запомню. Ещё четверть окорока не освоено.

— Тогда я пошёл.

Оставив капитана Вика за столом, мы вместе с Жозефом вышли из таверны.

— Вот уж никогда не подумал бы, что капитана Вика могут интересовать портовые кабаки, — смеясь, удивился Жозеф. — А уж тот, который в нашем порту, то он пользуется настолько дурной славой, что Герц всё время порывается его прикрыть. Я возражаю. Моряки, что прибывают к нам, разные бывают. В том числе и не очень спокойные и разборчивые по части развлечений. Плохо будет, если не найдя своего привычного веселья в порту, они пойдут искать и устраивать его в городе.

— У капитана Вика в нескольких портах есть свои таверны. А уж по части успокоения буянов ему и равных нет. Если он захочет выкупить ваш вернский портовый кабак, то Герц может не волноваться. И заведение будет спокойным, и публика в нём станет тише воды и ниже травы. Так что, Жозеф, встретимся ближе к вечеру во дворце?

В ателье Льюиса обычная толкучка и суета из желающих приобщиться к самым последним веяниям моды. Дела захлёстывают первого вернского модельера и поставщика королевского двора, и ему пришлось отойти от личного обслуживания клиентов. Рядом со столовой Льюис устроил себе кабинет, и бразды правления держит там.

— Синьор Серж, синьор Серж! — как всегда энергично приветствует он меня, вскакивая со стула. — Как я рад, как я рад вам! Вот видите, что вы со мной сотворили. Теперь сижу и только отдаю распоряжения. На работу с клиентами у меня нет времени. Так можно и совсем забыть, как мерки снимаются. Я шучу, я шучу. Всё идёт просто прекрасно! Хотя вру. Не всё. Открыли мы свой первый магазин по продаже готовой, модной одежды за границей — в Альгамаре.

— Так это прекрасно.

— Эх, если бы так, — тяжело вздохнул портной. — Прекрасно было только два дня. Лишь на них и хватило

того, что мы завезли. Полки пустые. Всё уходит намного быстрее, чем мы успеваем шить. Везём отсюда, наняли швей и в Альгамаре. Всё равно желающих много больше, чем мы можем удовлетворить.

— Но это ведь только первое время будет такой ажиотаж. Потом успокоится.

— Так-то оно так, но история обещает повториться и в другой стране, другом городе. Да и если новая мода возникнет, то получится та же картина.

— Да, задачка. Нужно подумать.

Льюис просветлел.

— Я уверен, синьор Серж, что вам что-нибудь удачное непременно придёт в голову. Если понадобятся деньги, то у нас их сейчас достаточно. Ваша доля в три тысячи декст* за последние два месяца у банкира.

— Спасибо, Льюис. Вы не подскажете, где тут лавка гномов?

— По нашей стороне Рыночной улицы ближе к городским воротам.

Распрощавшись с Льюисом, двинулся в указанном направлении. Смотри-ка, торговцы граммофонами разукрасили свою лавку под домик гномов. Чёрт, а денег-то в кармане всего две серебряные монетки. Совсем забыл. Пришлось вернуться назад и заглянуть в банкирскую контору. Выслушал даже небольшой отчёт по движению средств.

— Ваше доверенное лицо — Жанна Монк, синьор Серж, почти не пользуется поручением, которое вы ей оставили. За всё время она сама забрала меньше ста декст и написала распоряжение на ежемесячную выплату тридцати солентино другому лицу.

— Кому и за что?

— Женщине, не помню её имени, за уборку в лавке гномов.

— Всё правильно.

— В вашем распоряжении, синьор Серж, сейчас семьсот восемьдесят два золотых*. Вы так и не хотите их во что-нибудь вложить?

— Нет. Спасибо за порядок в моих финансах.

— Что вы, что вы, всегда рады вас видеть.

В граммофонной лавке оказалось довольно оживлённо. Да она, похоже, вовсе даже и не граммофонной стала. Правда, вижу её впервые, но Жанна-то раньше говорила, что открыли именно граммофонную лавку. Наверное, всё же лесной народ решил, что в городе прямо с народом торговать выгоднее, чем около леса с перекупщиками. Тут есть всё, что делают на продажу гномы и эльфы и кроме граммофонов. И струнные инструменты, и оружие, и иголки с ножницами, и металлическая посуда, и зеркала, и украшения из серебра. Глаза разбегаются. А это что? Очень похоже на слегка желтоватый фаянс или фарфор. Какие прелестные статуэтки! Двое продавцов из людей с достоинством разговаривают с покупателями. А ещё человек пять или шесть клиентов присматриваются к товарам на полках.

В дверях в глубине лавки стоят Арзон и Везер, с улыбкой удовлетворения, довольства созерцая дело рук своих. Увидели меня, встрепенулись, поспешили навстречу и потащили внутрь лавки.

— Ты в Верне надолго? К нам в лес заглянешь? — поинтересовался Везер. — Как удачно совпало. Мы с Арзоном только сегодня выкроили время посмотреть, как в лавке идут дела. Извини, здесь угощать нечем, но в лесу…

— Да что вы, какое угощение. Я ведь прямо из "Морского дракона". Как народ отнёсся к новому музыкальному инструменту?

— Берут. Очень хорошо берут, — с нотками гордости в голосе изрёк Арзон. — Жалуются, что очень дорого и берут. Но дешевле пока не получается. Работы много.

Даже в королевский дворец взяли. В основном покупают в богатые дома просто так или обычные люди кому-то в подарок на большой праздник. Будем думать, как облегчить нам работу, чтобы продавать дешевле.

— И сколько вы просите за инструмент?

— От пяти декст до золотого.

— Да, не дёшево. Но я, пожалуй, наскребу столько. Куплю у вас граммофон и десятка два пластинок для танцев. Нет, нет, даже не думайте! Бесплатно я ничего брать не буду. Эта машинка не для меня, а для таверны Колина. Так что сами подберите инструмент и пластинки, чтобы всё вместе обошлось не дороже золотого.

Подходящий граммофон быстро нашёлся. Пластинки тоже. За всё взяли девять декст.

— Арзон, а как вы делаете те чудесные статуэтки, что выставлены у вас в лавке?

— Это не мы. Фигурки лепят и раскрашивают женщины из деревни Везера. Мы им только печь для обжига сделали. Правда, красиво?

— Очень! Я бы купил пастушку с птицеловом. Сколько стоит?

— Семьдесят солентино.

— Только заверните во что-нибудь.

И в самом деле, изумительная пастораль. Как тщательно вылеплены лица, пальчики, цветы. А как тонко раскрашено! Нет предела, чуть не сказал, человеческому мастерству. Нечеловеческое мастерство! Эльфы могут потягаться с китайцами и даже превзойти тех. Был бы материал подходящий. Жанне должно понравиться.

— Везер, Арзон, мне нужно поговорить с вами об одном деле.

— О серьёзном деле? — поинтересовался старый гном.

— Да как сказать. У Льюиса трудности. Вручную шить одежду очень медленно. Он не успевает обслуживать

клиентов.

— Понятно, — улыбнулся Арзон, — ты принёс нам инструмент, который сам играет и хочешь, чтобы мы теперь сделали что-то, что само шьёт.

— Само-не само, но шьёт быстрее. Я принесу образец. Вы сможете.

— Видишь ли, Серж, — вместо Арзона ответил Везер, — у нас деревня большая и есть, кому работать. Но вот у гномов все уже заняты. Если браться за новое дело, то придётся бросать сегодняшнее. Сам понимаешь, что это не очень-то хорошо для всех.

— Да, не очень. Но вы же сами собираетесь подумать над облегчением себе труда. Почему бы вам не заказывать у людей изготовление грубых, простых, но отнимающих много времени заготовок, деталей? Много времени освободится, а все секреты останутся при вас. Вон продавцов-то вы наняли, а почему бы не нанять и рабочих?

— Ты прав. Над этим стоит подумать.

— Подумайте, подумайте, а машинку для шитья я принесу. Посмóтрите. Если ничего и не выйдет, то это не страшно. Живут же люди и без швейных машин. Я пойду, пожалуй. Рад был вас повидать.

Лесные жители проводили меня до порога лавки.

— Да, — вспомнил я, — если будет настроение, то приходите сегодня вечером в "Морского дракона". Затевается небольшой дружеский праздник.

— Придём непременно. Правда, Арзон? — пообещал Везер.

— Придём, — согласился старый гном, но…

Видно, что он хочет ещё что-то сказать, но колеблется.

— Тебя что-то беспокоит, Арзон?

— Да, можно и так сказать. В подземном зале одна дверь пропала. Та, которую мы камнем закладывали.

— Знаю. Я немного разобрался в машине, которая там стоит. С её помощью можно открывать и закрывать проходы. Опасный я закрыл, чтобы он глаза не мозолил.

— Слава Богам! — облегчённо вздохнул гном. — Значит, это с машиной не связано.

— Что не связано?

— Когда мы с Везером сегодня вошли в город, то почувствовали какое-то странное, едва уловимое напряжение в воздухе.

— Да, да, — подтвердил эльф, — словно что-то необычное должно вот-вот произойти, а что именно, где и когда не понять.

— И это не похоже на известное нам колдовство, — добавил Арзон, — а предчувствие какой-то беды что ли. Или не то, чтобы беды, а чего-то странного и несуразного.

— Так, не было печали. Я сегодня разговаривал с королевским волшебником. Он ничего такого не упоминал.

— Он хотя и волшебник, но человек. Может и не чувствовать того, что ощущаем мы.

— Понятно. А опасность какая-нибудь витает или только странность?

— Только странность.

— И то легче. Буду иметь ввиду. До вечера!

Капитана Вика в "Морском драконе" нет и посетителей немного. До обеденного наплыва ещё часа два. Отдаю граммофон и пластинки Колину. Подавальщицы собрались за одним из столов и о чём-то весело щебечут. Жанна отделяется от них и пересаживается ко мне.

— Это что, Серж? — спрашивает она, указывая на свёрток, водружённый на середину стола.

— Это подарок тебе. Разверни, — и Жанна, ёрзая от нетерпения и любопытства, начала разматывать тряпки, в которые укутали статуэтку.

— Какая прелесть, — очарованно прошептала девуш-

ка, осторожно поворачивая фигурку так и этак. — Это и в самом деле мне? Спасибо. Никогда таких ещё не видела.

— И мне тоже приятно, что я угадал тебе подарок по душе. Капитан Вик давно испарился?

— После вашего с Жозефом ухода, наверное, ещё с час просидел и потом пошёл в порт.

— Час? Да что же он тут делал столько времени? Окорок доедал?

— Нет, просто сидел, курил свою трубку и смотрел по сторонам. Какой дым-то ароматный! Я иногда к нему подсаживалась поболтать. Он на меня так странно смотрит! Мне даже не по себе становится.

— Неприятно?

— Нет, нет, что ты, Серж! Просто он меня как-то смущает.

Жанна замолкла, нервно теребя скатерть. Вроде как старается собраться с духом, мыслями.

— Серж, а сорок восемь лет для мужчины это много?

Опля, вот так фокус! Надо же до чего дело уже дошло. И когда это они успели так заинтересоваться друг другом? А Жанне-то такое зачем? Кругом молодёжи полно. Даже и далеко ходить не надо. Племянник Колина за ней увивается. Вполне приличный юноша. Как она на меня сейчас смотрит! Со страхом и надеждой. А синие глазищи-то у неё, какие бездонные! Любой капитан утонет бесследно и беззвучно. Соврать что-нибудь? Нельзя. Друзьям не врут. Тем более таким, которые тебе безоглядно верят. Нужно как-то выкручиваться.

— А откуда ты знаешь, что ему сорок восемь.

— Он сам случайно проговорился.

Проговорился? Жди! Чёрта два проговорился! Это он тебя специально пугает. Хочет, чтобы всё было по-честному. Оберегает тебя от ошибки. А ты, Жанна, хочешь от меня узнать, будет ли тут твоя ошибка или нет.

Видно это старьё тебе всё же почему-то нравится. Вот же напасть-то какая!

— Ну, что я могу тебе сказать, радость ты наша? Вик мужчина достойный. Ты это и сама видишь. А то, что ему сорок восемь, то это я от тебя впервые узнал. Никогда не интересовался. Нет, конечно, по его привычкам и опыту как-то так и должно быть. Но по внешности ему и сорок-то вроде бы с натяжкой только и дашь. По моему мнению, для него сорок восемь совсем не так уж и много. У него впереди, наверное, ещё столько же. Но ты ведь не это хочешь знать. Правда?

— Я и сама не знаю, что я хочу знать и хочу ли, вообще, что-то знать.

— Ты хочешь знать, не много ли его сорок восемь для твоих восемнадцати. Верно?

— Девятнадцати.

— Пусть будет девятнадцати. Но оценивать эту разницу только тебе. И кроме себя об этом никогда никого не спрашивай и не слушай. Меня в том числе. У тебя и радости должны быть свои, и ошибки тоже. Могу дать только один совет. Лучше присматривайся и не теряй головы.

— Спасибо, Серж, — с облегчением вздохнула повеселевшая Жанна. — Буду слушать только себя.

— Однако я должен тебя предупредить. Моряк есть моряк. Тем более что не из Верна родом. Он не может осесть здесь безотлучно так же, как и я.

— Я понимаю, — прошептала Жанна.

В открывшуюся дверь таверны ввалился Вик.

— Ой, — пискнула девушка, — я ничего не спрашивала. — И упорхнула, не забыв прихватить статуэтку.

— О чём это вы тут секретничали? — поинтересовался Вик, опускаясь на стул.

— О малых скульптурных формах. Обнаружилось что-нибудь интересное в порту?

— Обнаружилось. Кабак и, в самом деле, грязнее некуда.

— А падшие, доступные женщины?

— Не видел. Может быть, они ближе к ночи выползают. Хозяин, похоже, ещё тот тип! На такую жуткую рожу стоит взглянуть, ибо в уме представить трудно. Но вот постройки, похоже, довольно крепкие. Хотя на вид довольно-таки странные. Вроде бы и возведены не так уж давно. Такое ощущение, что заведение не сложилось само по себе, а организовано, как театральная постановка с декорациями и гримированными персонажами. Один из них очень даже занимательный.

— Чем?

— Своё давно отплававший старый моряк на роли приживалки в кабаке что ли. Интересный субъект. За кружку пива или стакан рома рассказывает такие небывалые истории, что диву даёшься. Я думал там только заведение, а оказалось, что довольно обширный земельный участок с хозяйственными постройками. Склад, конюшня с кузницей, сараи, какие-то маленькие, по виду жилые домики. Завидный кусочек, если за него с умом взяться. Попал, правда, не в те руки.

— Понятно. Мимо не пройти. И сколько за него запросили?

— Триста золотых. Это много?

— Понятия не имею. Нам бы поскорее обернуться с покупкой. Нужно ведь ещё во дворец заглянуть. Вы сидите здесь, а я слетаю к банкиру и по пути загляну к стряпчему. Пока я хожу, придумайте себе какую-нибудь бесхитростную фамилию. Иначе купчую будет не оформить.

У Циммермана взял не триста, а на всякий случай триста пятьдесят золотых, двадцать из которых серебром. Стряпчий — синьор Имрих оказался у себя в конторе.

— Мой друг хочет приобрести кое-какую недвижимость в порту. Вы, синьор Имрих, не согласились бы сопровождать нас, чтобы оформить сделку прямо на месте?

— Разумеется, сейчас я только соберусь.

Сборы были недолгими. Стряпчий побросал в портфель какие-то бумаги, запихнул туда же чернильницу-непроливайку, перья и какие-то печати.

— Я готов, — сообщил он, и мы вышли на улицу.

Вик ждал нас перед "Морским драконом". Познакомил его со стряпчим и двинулись вниз — к порту. Грязный притон не виден из города за окружающими порт домами. А из порта не виден за складскими строениями, но кому нужно — тот найдёт. Нашли и мы. Тем более что наш проводник здесь уже сегодня побывал. Внушительное деревянное строение с дырявой и полустёршейся вывеской "Приют моряка". Внешнее впечатление, что вот-вот развалится. Внутри не всё так безнадёжно, но всё равно удручающе до тех пор, пока не подойдёшь вплотную к стене или опорному столбу второго этажа и не колупнёшь их пальцем. Окажется, что серая, ноздреватая ветхость и точки изъеденного жучком дерева просто нарисованы. На стук древесина отзывается звонкой свежестью не таких уж давних лет, а не глухотой многих десятилетий, как старая.

Хозяин и в самом деле безобразен. Сухой, горбатый и хромой. Одетый в какое-то невообразимое, но не рваное тряпьё и с громадным ножом за поясом. Глубокие и кривые морщины прячутся в волосяных зарослях бороды. Пронзительный взгляд исподлобья прищуренных, словно оценивающих собеседника глаз и хриплый, повелительный голос довершают картину.

— Приветствую вас, синьоры, — обращаясь к нам всем, но глядя только на Вика, произнёс этот персонаж, словно сошедший со страниц страшных сказок. — Что

желаете?

— Продолжить наш недавний разговор, — ответил Вик, — если вы не передумали.

— Прошу вас, синьоры, за стол. Я не передумал, но подумал, что очень задёшево отдаю своё заведение.

— Зато я могу передумать покупать, — оборвал его Вик. — Если ваше заведение способно увеличиваться в цене, стоит только от него отойти на часок. Со мной такие фокусы не пройдут.

— Ладно, ладно, я пошутил, — проскрипел хозяин. — Всё как договорились.

— Генри, ты что, продаёшь свою таверну? — донеслось из угла зала и какой-то бородатый, но опрятно выглядящий старик в матросской одежде подошёл к нам на пару шагов.

Вик подмигнул мне. Понятно. На сцену вышел рассказчик историй за стакан рома.

— Продаю. И что? Тебе-то какое дело кому и что я продаю.

— А как же я?

— Это у нового хозяина будешь спрашивать.

— Как же так? У нас ведь с тобой договор.

— Договор, договор, — раздражённо передразнил кабатчик. — Договор до тех пор, пока я хозяин. Забыл? — И уже обращаясь к нам. — Сейчас бумаги принесу.

Рассказчик удивительных историй немного постоял, глядя на нас, повернулся и побрёл обратно в свой угол.

— Вот бумаги, — протягивая капитану Вику свитки, произнёс уродливый Генри.

Тот сразу передал их стряпчему и синьор Имрих погрузился в изучение документов.

— Так, так, карта земельного владения площадью два акра*, купчая на землю. А купчая на строения?

— Какая купчая на строения? Всё построено мной.

— Ах, извините. Вот регистрация построек в маги-

страте. Сразу не заметил. Так, дом, конюшня, кузница, склад. Но мы видели, что построек больше. В том числе и внешне жилых.

— Если не нравится, что их больше, а не меньше, то можете снести. Мне-то что.

— А то, что незарегистрированные жилые строения чреваты штрафом, а их снос разбирательством властей о тайно возведённых постройках и их тайном уничтожении.

— Синьор Имрих, — остановил, ретиво сбивающего цену стряпчего Вик, — пусть будет так, как есть. Меня устраивает.

— Воля ваша. Тогда давайте осматривать хозяйство.

В подвале кое-какие припасы для кухни. Винный погреб весьма обширен. Мне только показалось или, в самом деле, какая-то неясная тень промелькнула между бочками? Кухня довольно чистая, а комнаты для гостей на втором этаже вполне терпимые. На чердак не полезли. Конюшня, кузница такие, какие и должны быть. Склад свободен. Только в дальнем углу свалено что-то укрытое пустыми мешками.

— Что там? — спрашивает Вик.

— Чужое. Если сделка состоится, то сегодня же заберут, — отвечает кабатчик.

Сараи со всяким необходимым в хозяйстве инструментом и отслужившим своё хламом. Лужайка с ещё одним сарайчиком. На лужайке пасётся корова. Три маленьких домика для жилья в ряд в дальнем углу участка. Около одного уже стоит старик-рассказчик.

— А как же я? — опять слышится всё тот же вопрос.

— Живите, как жили, — отвечает Вик, отходя к следующему домику.

Тут нас ждал удивительный сюрприз. Из домика выходит очень даже миловидная, пожилая девушка лет двадцати пяти — двадцати семи. Похоже, что даже не

удивлена и не обеспокоена тем, что таверна продаётся. Приветливо улыбается нам.

— Кто это? — последовал вопрос хозяину.

— Да так, Криста, — замялся он, — живёт себе и живёт.

— Просто класс! — высказался Вик, направляясь к третьему домику. — Подумать только, живёт себе и живёт!

В третьем домике бездетная семья слуг средних лет. Он повар в кабаке, а она подавальщица. Сейчас они заняты своим делом, и дома их нет. Вроде всё осмотрели. Да, ещё небольшой, хорошо ухоженный огород и крошечный плодовый садик в дюжину яблонь и груш.

— Ну что ж, — подвёл итог капитан Вик, когда мы вернулись в местное, странно спокойное сейчас гнездо разгула и разврата — я удовлетворён. Можно подписывать.

Синьор Имрих извлёк из портфеля атрибуты своего мастерства и принялся за дело.

— Так, договор о продаже между Генри Рейном и Виком…

— Андерсеном, — подсказал Вик.

Вот тебе и раз! Словно не мог выбрать другую простую фамилию.

— Вы с синьором Сержем родственники? — удивился стряпчий.

— Нет, однофамильцы, — поспешил ответить я.

— Хорошо. Виком Андерсеном. Так и запишем. Ваши подписи и пальцы, синьоры. Вот и всё.

— Отсчитайте, Вик, — и я передал новому владельцу притона звенящий мешок, — а то там лишнее.

Расплатились со стряпчим и договорились с бывшим хозяином о том, что сегодня всё останется как обычно в его заботах, а к утру страшный Генри освободит владение от себя самого и чужого имущества. Когда мы ухо-

дили начал прибывать наёмный персонал таверны для подготовки заведения к вечерним оргиям. Двое вышибал и четверо слуг.

Когда мы не спеша шли вверх по Дворцовой улице, я спросил:

— Вик, вы ничего подозрительного не заметили в винном погребе?

— Заметил. Похоже, что там кто-то или что-то живёт. Потом разберёмся.

Лошадь Жозефа стоит у его дома. Значит, и сам хозяин на месте, но на стук никто не отзывается. Перемещаемся к дворцу. Дверь открывает сам король Казимир.

— Заходите. Жозеф здесь, у Герца, — сообщает он после взаимных приветствий и вопросов. — Поднимайтесь в гостиную. Я сейчас всех соберу.

Вик опять чуть ли не молитвенно замер перед портретом Виолетты.

— Нет, что ни говори, а королева в Верне бесподобная.

— А я опять вас слышу, Вик, — послышался голос Виолетты. — Спасибо. Рада вас видеть. Надолго к нам?

— Ещё не знаем. Вот пришли пригласить вас с Казимиром на дружескую вечеринку. Да, заодно отметим и покупку капитана Вика.

— Что за покупку?

— Вик приобрёл вернскую портовую таверну.

— О, Господи, Вик, вы в своём уме? Там же чёрт знает, что творится.

— Я знаю. Но дело не в том, что там сейчас, а в том, что будет. Для меня это дело знакомое.

— Тогда ладно, — успокоилась Виолетта. — Вот, пожалуйста, и остальные прибыли. Казимир, нас опять приглашают на вечеринку. Может, откажемся? — Лукаво улыбаясь, предложила Виолетта. — Ничего нового ведь не обещают.

— Никогда не совершу такого преступления, как отказ от дружеского праздника, — ответил Казимир. — Тем более что Жозеф говорит о возможных танцах под граммофон.

— Тогда и я не в силах устоять перед таким соблазном. Пошла переодеваться.

*

В "Морском драконе" вечером мило и людно, как обычно.

— Что-то сегодня стульев у нашего стола слишком много, — удивилась Виолетта, когда все расселись, и оказалось, что есть ещё свободные стулья.

— Обещали прийти два гостя из леса — Везер и Арзон.

— Как интересно! Я никогда с лесными жителями не встречалась, а о Везере и Арзоне много слышала от Жозефа и Герца.

— Да вот и они, — увидел обоих в дверях Жозеф.

Лесная пара стоит на пороге и оглядывает зал. Заметив нас, подошли и слегка замешкались, поняв, что здесь королева Верна. Но не растерялись и, почтительно приложившись к королевской ручке, уселись за стол. Подавальщицы птичками летают вокруг стола, расставляя приборы, графины и блюда с кушаньями.

— Жанна, Жанна, ты где? — позвала Виолетта.

— Бегу, Ваше Величество. Ходила за подушкой, чтобы Арзону повыше устроиться на стуле.

— Только тебя и не хватает. Садись, наконец.

— Я рада познакомиться с вами, Арзон, и с вами, Везер, — начала Виолетта. — Я слышала, что вы открыли свою лавку в городе. Очень довольна, что нет больше недоразумений между людьми и лесным народом. Сейчас я вас познакомлю со всеми. Синьора Герца и Жозефа вам представлять не нужно. Вы и так их хорошо знаете. Вот капитан Вик — друг и соотечественник Сержа.

Жанна…

Тут Виолетта слегка смешалась, затрудняясь, в качестве кого представить подавальщицу таверны.

— Мы знаем Жанну, — выручил её Везер.

— Тогда, наверное, знаете и какая это чудесная девушка. А вот этот симпатичный мужчина с бородкой мой муж — король Казимир.

Лесная братия почтительно, но с достоинством на мгновение склонила головы.

— Сегодня у нас небольшой дружеский праздник по случаю приезда Сержа и капитана Вика, — продолжила Виолетта, поднимая бокал, — и всегда в таких случаях первый тост за дружбу. Вы к нам присоединитесь, Арзон, Везер?

— С радостью и уважением, — изрёк Арзон, поднимая и свой бокал.

Второй тост последовал за удачную покупку капитана Вика.

— А что вы купили, Вик? — поинтересовался Арзон.

— Здешний портовый притон.

Арзон и Везер переглянулись и, как мне показалось, несколько напряглись.

— А вы при осмотре ничего странного не заметили?

— Заметил и Серж тоже. Но мало ли странного на первый взгляд в мире. Разберёмся.

— Дай Бог, — вздохнул Арзон.

— Серж, — поинтересовалась Виолетта, — а кто будет нас учить новым танцам? Та музыка, которую играют новые инструменты не подходит к привычным для нас ритмам.

— Сейчас что-нибудь придумаем. Жанна уже умеет танцевать вальс, танго и фокстрот. Она возьмёт в партнёры Казимира и научит его. Ничего сложного нет. Капитан Вик опытный танцор. Он научит королеву. Лучше всего начать с самого простого — с танго. Колин, запус-

кай машинку!

Вот две пары вышли в середину зала и начали потихоньку приноровляться к музыке. Уже к концу мелодии обучаемые хотя бы перестали спотыкаться. Запустили танго снова. Вся публика перестала есть и, затаив дыхание, наблюдает за парами.

— Ну? — обратился я к Арзону.

— Что "ну"? Неудачную покупку сделал твой друг Вик. Мы же говорили тебе, что что-то странное витает в воздухе. Когда Вик сказал о портовой таверне, то мы с Везером как-то сразу поняли, что источник нашего беспокойства именно там.

— И что это за источник беспокойства? — живо заинтересовался Герц. — Очень опасный?

— Не знаем. Так, вроде кроме необычности ничего не сулит. А там, на самом деле, кто его знает!

— Всякие необычности у меня уже вот где, — и Герц провёл ребром ладони по шее. — Не зря я пытался прикрыть этот притон, но Жозеф отговаривал. А теперь капитан Вик ухватился за это безобразие. Час от часу не легче.

— Не сокрушайтесь, Герц, — успокоил я старика, — капитан Вик справлялся и не с такими проблемами. А вот и наши танцоры возвращаются.

— Как интересно с этими новыми танцами! — порадовалась Виолетта. — Вот отдохнём и пойдём доучивать. Жанна, а почему бы тебе не организовать обучение новым танцам прямо здесь в "Морском драконе"? От желающих отбоя не будет.

— Можно попробовать, — согласилась та.

— За что теперь выпьем? — и королева посмотрела на меня. — За всех присутствующих поочерёдно, пожалуй, не стоит. В прошлый раз, похоже, это оказалось немного тяжеловато. А сегодня наша компания ещё и увеличилась.

— Давайте выпьем за самого старшего в нашей городской компании, — предложил я, — и больше злоупотреблять не будем. Герц, а как, кстати, ваше имя?

— Антонин.

— О, Боже, — Виолетта густо покраснела, — сколько лет мы вместе, а мне ни разу и в голову не пришло спросить имени. Всё Герц и Герц. Как так? Ваше здоровье, Антонин!

Только вернули бокалы на стол, как они сами по себе снова зазвенели. Все замерли от неожиданности. Издалека донёсся какой-то гул, задрожали пол и стены, загремела посуда на столах. Со стены на пол грохнулась картина.

— Бежим на улицу! — воскликнул Казимир.

Только вот выбежать сложновато. В дверях уже толчея.

— Давайте через кухню, — сообразила Жанна.

Все выскочили во двор, обогнули угол таверны и оказались на улице среди скопления выскочивших из домов жителей. Где-то над портом поднялся столб дыма, но не видно, чтобы что-то горело. Зарево-то есть и тоже столбом, но не от пламени, а просто сноп яркого, красного света. Через несколько секунд дрожь земли прекратилась, свет, медленно растворяясь, погас, а дым как облако поплыл по ветру.

Виолетта обратилась к Жозефу:

— Что это было?

Тот только пожал плечами и обернулся к хозяину портового притона:

— Вик, а это не в вашем новом приобретении?

— Откуда я знаю. Нужно посмотреть.

Хорошо, — решила Виолетта, — мы с Казимиром возвращаемся во дворец. Потом расскажете, что там такое.

Подъехала коляска Герца и королевская чета отбыла

домой.

— Что ж, придётся идти пешком, — со вздохом произнёс главный министр, и вся наша компания, кроме оставшейся у "Морского дракона" Жанны, двинулась в свете луны вниз по улице.

Источником дыма и света, в самом деле, оказался "Приют моряка". Только теперь он стал сам на себя не похож. Весь персонал столпился перед ним, в испуге и недоумении созерцая строение, из которого в панике выскочили несколько минут назад. Кроме слуг и вышибал тут ещё и несколько моряков разной степени опьянения и потрёпанности морскими бурями. А также три или четыре утомлённые не морскими, а жизненными бурями дамы разного возраста, но явно угадывающегося рода занятий. Бывшего владельца таверны — Генри среди них нет, но старик-рассказчик чудесных историй здесь.

— Почтеннейший, — обратился к нему капитан Вик, — я в некотором затруднении, ибо не знаю вашего имени. Днём Генри мне вас представил, но как-то неразборчиво, а переспрашивать я не стал.

— Роджер. Боцман Роджер Кан, капитан.

— Что тут произошло, Роджер?

— Нашего Генри вроде бы унесли черти. Наверное, много им был должен. И Кристу, похоже, тоже унесли. Я видел, как она пролетела вслед за Генри в это облако невесть откуда взявшегося дыма.

— А Криста-то тут причём?

— Наверное, одна компания.

— Компания с Генри или с чертями?

— А кто их разберёт! Генри и чёрт почти одно и то же. Думаю, Генри что-то почувствовал в последнее время. Раз свою таверну поспешил продать, как только представился случай.

— Угораздило же вас, Вик, приобрести в собствен-

ность прибежище чертей, — заметил Герц. — И что теперь будете делать?

— Посмотрю, что там осталось после визита нечистой силы, — и новый владелец решительно направился к своему заведению.

Посмотреть и в самом деле было на что. Дневной серости здания как не бывало. Даже в неверном свете луны видно, что оно словно преобразилось. Замшелости камня фундамента и изъеденности, гнилости дерева, словно никогда и не было. Дом будто бы только что построен. Лишь вывеска осталась ветхая и дырявая, как и была. В окнах колеблющийся свет горящих ламп. Бесовские проделки их не погасили. Мы двинулись вслед за Виком, и Роджер тоже побрёл за нами. Все прочие предпочли остаться стоять во дворе, наблюдая издали за нашей отважной компанией.

Внутри тоже всё преобразилось. Тёплого оттенка, светлое дерево стен и потолка даёт в лучах ламп лёгкий блеск, словно чуть-чуть покрыто лаком. Свет ламп не тонет в окружающей серости, а весело играет, отражаясь от стен. Только вот столы всё также замызганы не очень-то взыскательными до чистоты клиентами. Пара разбитых бутылок на полу, опрокинутые в спешке бегства кружки и стаканы. Кто-то видно зацепился за оконную занавеску и сорвал её на пол. Впрочем, там ей и место. Она ничем не отличается от половой тряпки. Один из столов опрокинут и все нехитрые кабацкие яства размазаны по полу. И всё кругом засыпано серыми хлопьями вдруг осыпавшейся со стен и потолка краски. Из кухни доносится запах чего-то пригорающего.

— Когда дом задрожал, а Гарри заревел: "Все вон!", то тут было не до порядка, — пояснил Роджер. — Даже сильно пьяные вдруг оказались резвыми и прыткими.

В ящике за стойкой буфетчика несколько серебряных декст и много медных солентино. Есть и несколько не

вернских монет. Отсюда Гарри, вероятно, и улетел.

— Роджер, — обратился к старику Вик, — заведение осталось без начальника. Не смогли бы вы хотя бы некоторое время присмотреть за ним, если не пожелаете, вообще, заменить Генри? Вы ведь здесь старожил и обо всём в курсе.

— Не знаю, капитан, — как-то сразу приосанился от такого предложения дедок, — смогу ли. Можно попробовать, раз такой случай произошёл. Да и вы не Генри. Мне ничего не должны. Своё житьё здесь мне как-то отрабатывать придётся же. Не справлюсь — наймёте кого-нибудь помоложе.

— Вот и хорошо. Зовите всех со двора. Вроде никакой опасности нет.

Потихоньку, нерешительно люди со двора перетекли внутрь таверны. Повар бросился в свои владения и что-то зашкворчало на кухонной плите. Мужчины подняли стол, а дамы принялись подметать пол и протирать столы.

— Всем сегодня по бесплатной выпивке и закуске в память о покинувшем нас Гарри, — объявил Вик. Чем снискал себе одобрительные возгласы публики.

— Надо бы осмотреть остальное хозяйство, — предложил я. — Вдруг где-нибудь нас ждут ещё сюрпризы.

— Верно, — согласился новый владелец таверны, — Синьор Герц, Жозеф, посидите, пожалуйста, пока здесь. Мы двор обойдём, посмотрим. Роджер!

Первым делом, взяв фонарь, спустились в винный подвал — тишина.

— Кто тут жил? Знаете, Роджер?

— Кто-то был, но наружу не показывался. Так, тенью мелькал. Гарри я не спрашивал. Не тот он тип, чтобы на чьи-то вопросы отвечать.

— Эй, есть тут кто? — крикнул в глубину подвала Вик.

Даже эхо не ответило.

— Ничего не чувствуете? — спросил я Арзона с Везером.

Они дружно помотали головами.

— Вообще, всё беспокоящее куда-то улетучилось, — ответил гном.

— Отлично, — проронил Вик, — значит, бесы нас покинули. Пойдём, посмотрим, что ещё пропало.

В складе пусто. Только прикрывавшие что-то пустые мешки валяются на полу. В домике Кристы тоже ничего и никого. Лишь пустота какая-то уж очень идеальная, неестественная. Словно тут и не жил никто. Вещи на местах, нигде ни пылинки и ни малейшего намёка на то, что буквально час назад тут кто-то жил. Столовая посуда в буфете, кухонная блистает первозданной чистотой, и нигде нет даже крошки какой-нибудь пищи. Или тряпочки, нитки, волосинки, свидетельствующей о живом человеке. Кто она — эта бесследная Криста?

— Как в старом, поющем городе, — пробормотал Роджер. — Вещи есть, а людей нет.

— А ты откуда о нём знаешь? — вскинулся Арзон.

— Э-эх, — только и выдохнул старый моряк.

— Ладно, идём обратно, — скомандовал Вик. — Огород проверять не будем. Вряд ли черти с собой тыквы да картошку забрали.

— Корова Кристы тоже пропала, — заметил Роджер, когда мы проходили мимо лужайки, на которой днём паслось это молоконосное животное.

В таверне всё уже поуспокоилось. Пол выметен, и буйства не наблюдается. Протрезвевшие матросы сидят группками за столами и что-то, лениво споря и оглядываясь по сторонам, обсуждают между собой. Общедоступные девицы собрались в обеспокоенный кружок и, видимо, тоже решают какую-то сложную для них задачу. Только вышибалы с невозмутимым видом расположились на своих табуретках по обе стороны буфетной

стойки и изображают полнейшее равнодушие к происходящему. Присоединяемся к Герцу и Жозефу.

— Ну, что там? — спрашивает Герц.

— Всё тихо и спокойно, — отвечает Вик. — Похоже, что нечисть покинула это место и можно будет организовать вполне презентабельное заведение.

— И с чего начнёте?

— С мытья, чистки, кухни и слуг. Но не об этом же говорить среди ночи.

Одна из "грязных" девиц, видимо, та, что почище и побойчее отделилась от своей компании, нерешительно приблизилась к нашему столу и обратилась к Вику:

— Хозяин, а с нами что будет?

— Как тебя зовут?

— Люсия.

— Ты меня удивляешь, Люсия, — отвечает тот. — Я заведению хозяин, а не вам и судьбы вам не выбирал. Что хотите, то и делайте. Служанки понадобятся. Можете поговорить с Роджером. Он тут пока будет за старшего. Возьмёт на работу, если договоритесь. Только тогда свои нынешние манеры и наклонности придётся забыть. Во всяком случае, в рабочее время. Хотите промышлять собой, как и сейчас — промышляйте. Только приведите себя в более благообразный порядок. Грязных и неопрятных в "Приют моряка" пускать не будут. И своих клиентов водите куда хотите. Наверху будут помещаться только приезжие гости.

Девица постояла в раздумье и вернулась за стол к своим товаркам.

— Думаете, сработает, Вик? — поинтересовался Жозеф.

— А я бы их просто разогнал, — высказал своё мнение Герц.

— Я им не надзиратель и не воспитатель, но прекрасно знаю, что с людскими пороками бороться силой

бесполезно. Зато когда есть выбор между плохим и не таким уж и плохим, то многое меняется. А всё же не пора ли нам всем по домам? Уже утро скоро.

— Наверное, пора, — согласился я, — только вот выясню один вопросик, и пойдём. Роджер, вы тут упомянули о старом и поющем городе без жителей. Что это за странный город?

— Когда-то давно от другого моряка я слышал легенду о золотом городе где-то в горах. Этот город столетья назад по какой-то внезапной причине покинули жители, бросив всё своё имущество. И город после этого запел. Что это значит, я и сам не понимаю. Как город может петь? Но в легенде ещё говорится, что этот поющий город больше не подпускает к себе людей. Нагоняет в человеческую душу такой страх, что даже только издалека увидевшие город, в панике убегают прочь.

— Это не легенда, — буркнул Арзон. — Страшный город и в самом деле есть далеко в наших горах. Мой дед говорил, что там раньше добывали золото. А я ещё в молодости увидел этот город довольно близко, но поспешил уйти, подгоняемый внезапно накатившим, необъяснимым страхом и болью в голове.

— Мне помнится, — вступил в разговор Герц, — ещё, когда строили водопровод к королевскому дворцу, были разговоры о каком-то мёртвом городе в горах. Какие-то рабочие, бродя в дальних окрестностях горного источника, от которого идёт водопровод, наткнулись на него. Но чем дело кончилось, я не помню. Скорее всего, ничем. Иначе были бы какие-нибудь сведения об этом городе. Что-то и мне хочется домой. А их величества, наверное, ещё не ложились и ждут доклада.

От "Морского дракона" и до калитки во дворик моего дома мы с капитаном Виком шли молча. Только когда я уже вставил ключ в скважину, владелец портовых кабаков спросил:

— Ты думаешь о том же, о чём и я?

— Естественно.

— И что?

— Нужно с Арзоном поговорить. Если он возьмётся проводить нас к этому поющему городу, то будет просто великолепно. Да и Везера неплохо было бы взять в спутники. Бродить по сказочным лесам и горам без местных провожатых было бы весьма опрометчиво.

— А если откажутся?

— Тогда пойдём одни вдоль водопровода, а там дальше уже как повезёт.

— Ну, что ж, пойдём, если что вдоль водопровода. Ты опять во дворе спать будешь?

— А где же ещё? Мою колыбельку-то вы оккупировали окончательно. Не драться же с вами из-за перины.

*

Утром мы встретились с Арзоном и Везером за завтраком в "Морском драконе". Везер уже сидел за столом, а Арзон, зевая, спускался со второго этажа, когда мы вошли в таверну. Поздоровались. Жанна мигом обставила нас тарелками и упорхнула. Народа в таверне порядочно. И тут я увидел знакомое лицо у буфетной стойки. Лицо о чём-то оживлённо беседовало с Колином.

— Крис, — позвал я лицо, когда оно повернулось в нашу сторону, — давай к нам!

Возчик приветливо кивнул всем, закончил разговор с хозяином таверны и подсел к нам.

— Вот, только что приехал, — сообщил он, будто мы сомневались в этом факте. — Уже и разгрузился. Как ты, Серж? Какие новости?

— Ты сначала познакомься с незнакомыми, а потом уж спрашивай о новостях.

— Познакомился, — заявил любитель новостей и носитель сплетен, обменявшись рукопожатиями с сидящими за столом.

— Одну новость — про портовую таверну Колин тебе уже наверняка рассказал.

— Рассказал.

— А вторая новость в том, что капитан Вик, наверное, захочет наладить снабжение свежими и хорошими продуктами для своего заведения. Ты можешь ему помочь?

— Запросто!

— Вот и хорошо. Когда мы покончим с завтраком, сходи с капитаном в порт и определитесь с тем, чего, сколько и когда ваша деревня будет поставлять для "Приюта моряка".

— Хорошо.

— И ещё одно. Вы с Колиным всех в городе знаете. Посоветуйте капитану Вику хороших мастеров для ремонта и обстановки таверны. Хоть она и выглядит теперь как новая, но не всё там в идеальном порядке. Вик, тех денег, что остались от покупки хватит на всё с лихвой. А пока вас нет, я поговорю с Арзоном и Везером о нашем деле к ним.

Вик быстренько завершил трапезу, поднялся из-за стола, поговорил о чём-то с Колином и Крисом у буфетной стойки. После чего они с возчиком вышли через заднюю дверь во двор.

— И какое у вас с Виком дело к нам? — поинтересовался Арзон. — Нам с Везером пора возвращаться в лес. Работы много.

— Ты думаешь, что просто так Серж сегодня ночью расспрашивал о поющем городе? — засмеялся Везер.

— Понятно, — погрустнел старый гном, — хочешь, Серж, чтобы я был проводником?

— Не только. Мы бы не отказались, если бы и Везер составил нам компанию.

— Я не против, — оживился эльф.

— А я против, — скривился гном. — Дойти можно, а войти в город — нет. Какой смысл тащиться в такую

даль?

— У меня другие мысли на этот счёт, — начал излагать я свою позицию в вопросе смысла бессмысленного. — По моему разумению невозможно войти в город, если он физически недоступен. Например, стена до неба, а ворот нет. Или не пускают под угрозой смерти. А по вашим с Роджером описаниям город открыт, никто не угрожает, но есть непонятное явление ужаса и боли при приближении к нему. Если непонятное изучить и понять, то в город и войдём. А если и не войдём, то хотя бы посмотрим издали. Всё равно интересно.

— Я согласен с Сержем, — поддержал меня Везер. — В любом случае интересно.

Арзон в сомнении помотал из стороны в сторону бородой. Тогда я выложил главный козырь.

— В общем-то, безвыходности у нас нет. Даже, если ты, Арзон, нас не поведёшь. Просто расскажи подробнее, куда идти от водопроводного источника, а там мы уж сами. Правда, Арзон, как ты будешь смотреть в глаза лесным жителям и людям, если мы заблудимся и погибнем.

— Это наглый шантаж! — взвился было старый гном и тут же стих. — Мне бы и самому любопытно было бы попасть в поющий город. Только вот интересно, как люди о нём узнали? Когда строили водопровод, то им было разрешено заходить в лес не дальше источника. Судя по тому, что говорил Герц, нарушили запрет. Но и легенда старого боцмана давняя. До водопроводная. С другой стороны, если это человеческий город, то к нему должен быть свободный доступ извне хотя бы по дороге. Слишком давно его покинули, и всё забылось, заросло. Дорогу не найти. И когда вы хотите двинуться туда.

— Давайте завтра утром. Вы утрясёте сегодня свои дела — мы свои и двинемся в путь. Что нам нужно взять в дорогу?

— Мы с Везером возьмём кое-какие инструменты, а вы с капитаном запаситесь провизией для всех дня на три-четыре. Здесь и встретимся.

Посидели молча ещё несколько минут и Арзон с Везером ушли. Правда, поскучать пришлось недолго. Вернулись Вик с Крисом.

— Договорились?

— Договорились, — подтвердил Вик, — А лесные люди где?

— И я тоже договорился с ними. Завтра утром собираемся здесь. Крис!

— Да?

— Ты можешь не уезжать до завтра? Нам нужно, чтобы кто-нибудь нас довёз до гор.

— Нет ничего проще. Заночую здесь.

— Отлично.

Мы с Виком заказали к утру у Колина продукты для четверых на четыре дня и отправились домой.

— Вроде нам сегодня тут нечего делать по-крупному. Разве что у вас, Вик будут какие-нибудь неотложные хозяйственные дела. А мне нужно сходить в Питер. Обещал Арзону и Везеру снабдить их швейной машинкой для образца. Возможно, у них получится что-то подобное воспроизвести здесь.

— Надеюсь, ты не собираешься притащить им электрическую машинку?

— Вам бы всё только шутки, Вик. А вот мой пошивочный бизнес существует под спудом низкой производительности. Да и вам — следовало бы заглянуть домой. Нам может потребоваться большой бинокль. Если всё же не удастся подступиться к поющему городу, то хотя бы издали рассмотрим его хорошенько.

— Ладно, ладно, я разве против? Заодно и к Стелле заглянем. Я в нашей конторе уже давно не был. Пошли!

*

В офисе "Электрона" обычная толчея заказчиков. Стелла занята с кем-то из них, и мы не стали её отвлекать. Секретарша Лиза ничего срочного и беспокоящего не сообщила, и мы разошлись. Капитан домой, а я проторённой тропой двинулся в комиссионку. Разумеется, не в ту, куда мы поставляем золотишко. Странно в глазах подпольных клиентов выглядели бы поиски задрипаной швейной машинки дельцом, который ворочает центнерами золота.

Швейных машинок оказалось хоть завались. Всяких разных, но мне нужен старенький, универсальный Зингер, который можно поставить и на обычный стол, и на специальный столик с педалью для вращения шпинделя. Таких оказалось две. Состояние не ахти, но вроде обе работают. Однако выбирать было не из чего. Одна из них уже ножная в комплекте с чугунным столиком и тащить такую тяжесть с собой, смысла нет.

— Мне важно, чтобы она была в рабочем состоянии, — заявил я продавцу.

— Сейчас проверим.

Мигом нашлись нитки и тряпочки. Работает!

— Давно она у нас стоит, — посетовал продавец. — Зачем только директор берёт такое на комиссию, когда новых электрических и более дешёвых полным полно. Вы что, для бабушки берёте?

— Нет, для театра. Нужен работающий реквизит.

— Тогда понятно. А что за постановка? Может билетик презентуете на радостях счастливой находки?

— Постановка "Волшебный портняжка", а билетика не презентую — нет их. Репетиции ещё даже не начались.

С трудом доволок эту тяжесть до Дома. Позвонил Капитану и когда он переодетый во что-то походное, явился ко мне со своим громадным биноклем — отправились обратно в Верн. Тут опять разделились. Капитан, но теперь уже капитан Вик отправился благоустраивать своё

новое приобретение, а я, как про́клятый потащился с этой тяжеленной машинкой в лавку гномов. Арзон и Везер ещё не успели уехать в лес, но как видно уже вот-вот собирались. Грузили что-то в маленькую, ещё ничем не запряжённую тележку.

— Вот, получите, — как бы обрадовал я их, грохая свою ношу на стол.

Оба лесных жителя мигом столпились вокруг меня, с интересом разглядывая неведомую штуку. Понятно, что раз есть ручка, то её непременно нужно вертеть для получения эффекта. Чем оба первым делом и занялись. Конечно, интересно как находящаяся вверху иголка быстро-быстро делает тырк-тырк в нижнюю дырочку.

— И что дальше? — поинтересовался Арзон.

— Нужно нитки зарядить.

Зарядил, подложил пару тряпочек, опустил ножку.

— Крутите.

Арзон покрутил, и тряпочки сами побежали вперёд, обретая строчку сшитой ткани.

— Здорово! — оценил работу машинки Везер, пробуя тряпочки на разрыв. А кожу сшивать можно?

— Наверное, можно. Только иглу надо потолще. Вот я захватил с собой несколько.

Между тем, сообразительный Арзон отвернул защёлки на основании, завалил механизм на бок, и, вертя ручку, изучает, как там крутится шпиндель и бегает туда-сюда шпулька.

— Здорово, — согласился он с Везером, — и не так уж и сложно. Есть над чем подумать.

— Думайте, — напутствовал я эту пару и потихоньку отчалил домой.

*

Утром не успели мы с капитаном Виком дойти до "Морского дракона" как нас нагнали Арзон с Везером, сидящие в своей маленькой тележке, запряжённой тоже

маленькой, симпатичной лошадкой с большими, добрыми и весёлыми глазами. Не пони. Где это они взрастили или добыли такую симпатягу?

— Мы специально выехали из леса пораньше, чтобы позавтракать вместе со всеми.

Во дворе таверны Крис принял от Везера повозку, выпряг лошадку и увёл её в конюшню. Лесная братия перегрузила свои котомки в повозку Криса и через минуту мы все уже поглощали яичницу с ветчиной. А ещё через четверть часа весь персонал "Морского дракона" высыпал во двор, провожая наш отъезд самыми разными пожеланиями. Но лишь только одна Жанна сказала, напутственно целуя всех подряд, что-то в действительности ценное для нас:

— Возвращайтесь скорее!

Королевский волшебник помахал нам рукой из окна своего дома, когда мы проезжали через Королевскую площадь. Выезжали не через главные, а боковые ворота, которые поближе к морю и буквально локтей через триста, совершив вслед за дорогой крутой поворот влево, уже въезжали в старый лес. Мощные деревья, простирающие свои ветви над дорогой, низкая лесная трава, проблески солнца сквозь густую, ещё не опадающую листву и просто одурманивающее своим разнообразием и мелодичностью пение птиц.

Дорога мощёная и определённо наезженная. Слева вдоль неё тянется медная, позеленевшая труба диаметром сантиметров пятнадцать, опирающаяся через каждые десять локтей на каменные подкладки. Давление в трубе, похоже, не маленькое. Кое-где капает в соединениях, а изредка прорываются и тонкие, длинные струйки.

— Эта дорога идёт к границе с Коруной, а за Коруной лежит Либра и ещё дальше Альгамара. Сейчас никого не видно, потому что выехавшие утром из Коруны путники досюда ещё не добрались, — объясняет Везер. — Мы

так никого и не встретим. Нам скоро сворачивать.

И в самом деле, минут через десять трубы водопровода свернули к низким горам, похожим на простые, зелёные холмы, которые мы видели, выехав из городских ворот. Тут же начался и едва ощутимый подъём вверх. Вдоль трубы уже не дорога, а петляющая вместе с трубами между деревьев широкая тропа. Впрочем, повозка Криса проходит по ней совершенно свободно.

— К вечеру должны добраться до источника, — высказал предположение Арзон, по праву старшинства, сидящий на козлах рядом с Крисом.

И опять скрип колёс, и убаюкивающее пение птиц.

— Арзон, расскажи, как ты оказался у поющего города? Как он выглядит и о чём поёт? — попросил Вик.

— Не поёт он ничего. Во всяком случае, при мне не пел. А привело меня к нему любопытство молодости. Когда дед рассказывал мне об этом городе, то и нарисовал на песке, где тот находится, а я запомнил. Только лет через десять после смерти деда я отважился сходить и посмотреть на этот диковинный город. От нас он в двух днях неспешного пути. Да и от Верна тоже. Город, а, скорее, городок лежит в небольшой долине, похожей на неглубокую тарелку. Виден как на ладони с холмистых гребней, окружающих его. Или даже не гребней из-за своей отлогости, а словно ты сам сидишь или стоишь на краю огромной безлесной тарелки. А в центре её, где-то локтей за тысячу или две от тебя большие и маленькие дома, безлюдные улицы и площади. Посреди города какая-то большая арка выше окружающих домов. С чем-то внутри её, ярко сверкающим в лучах дневного солнца. Часть противоположного склона тарелки густо изрыта входами в шахты.

Я долго стоял, смотрел и ничего не происходило. Тогда и двинулся вниз. Уже через сто шагов на меня напало какое-то непонятное и беспричинное беспокойство. А

ещё через сто настоящий ужас и паника. Голова стала как звенящий котёл, сердце бешено забилось. Было такое ощущение, что на меня вот-вот набросится кто-то большой и страшный. Я опрометью бросился назад. И ещё не добежал до края тарелки, как то, что толкало меня прочь, вдруг резко прекратилось, словно оборвалось. Я обернулся. За мной никто не бежал и я никого не чувствовал поблизости, кроме вездесущих мышей. Какое-то неизвестное мне колдовство. Не зря ведь люди покинули это место. Сильное заклятье на него наложено. Чем-то жители прогневали богов.

— Да-а, — протянул Вик, — любопытная история. Мне становится всё интереснее и интереснее.

Тени деревьев стали очень длинными, когда мы со скрипом подкатили к источнику. Водопровод начинался широкой, медной воронкой, в которую скатывался со скалы довольно-таки не слабый поток неширокого, но полноводного ручья. Даже, пожалуй, очень полноводного ручья. Труба не поглощала и четверти текущей воды, переливалась через край воронки и извилистым путём убегала по камушкам куда-то в сторону.

Крис распряг лошадь и пустил её щипать травку. Арзон с Везером принялись развязывать мешки с провизией.

— Интересно, что там Колин собрал нам для пропитания? — копаясь в мешках, бормочет Арзон. — Нужно ли разогревать? Так, не обязательно, но можно. Серж, Вик, соберите дров. Дай им топорик, Везер, и разжигай костёр.

Огоньки весело лижут собранные ветки и сучья. А мы все, как рыбаки с удочками. Сидим каждый со своим прутиком, с нанизанным на него кусочками жареного мяса и греем его над пламенем.

— Как-то беспокойно мне всё-таки, — говорит Арзон, осторожно, чтобы не обжечься, обкусывая свою порцию.

— Когда случайно сталкиваешься с непонятным и угрожающим, то не успеваешь испугаться. А когда сам лезешь в неприятности, то заранее жутковато.

— Но с тобой же ничего не случилось, — замечает на это Везер.

— Так-то оно так, но всё равно не по себе. Проклятое любопытство! До седой бороды дожил, а покоя так и не нажил.

— Ты не один такой, — успокоил его Вик. — Вон Серж ни одной щели не пропустит, чтобы не сунуть в неё свой нос.

— Ха, кто бы говорил, Вик, про носы и щели. Куда мне до вас! Это же надо было удумать — позариться на прибежище чертей и бесов в порту.

Все дружно рассмеялись.

— А ведь и в самом деле, Вик, — подзадорил его Везер, — выглядишь ты внешне солидно, уважающе, но, похоже, что из всех нас в действительности ты самый заядлый авантюрист. Расскажи-ка нам какую-нибудь захватывающую историю из своей жизни.

— Историю? — не стал ломаться Вик. — Морскую или сухопутную?

— Морскую, конечно. Сухопутная и так нас уже ждёт.

Вик помолчал немного, перекладывая в голове с места на место свои истории и начал:

— Было это довольно давно. Я ещё и капитаном не был, а плавали мы в южных морях. Что такое южные моря вы все, конечно слышали. Неимоверная жара, бешеные бури, огромные волны и миражи, миражи, миражи. Шли мы за хлопком на плантации острова с названием Крузейра. По карте он должен был уже часа через два-три появиться на горизонте. Шли на Крузейру впервые, а карта говорит о не очень-то простом входе в бухту — кругом рифы и мели. И в самом деле, где-то через час на горизонте появился и начал приближаться какой-то

остров.

— Что за чёрт! — удивился наш капитан, разглядывая остров в подзорную трубу. — Странный какой-то остров. Или мне мерещится, или у нас прямо по курсу очень редкое явление — надводный мираж.

И действительно, остров как бы слегка мерцает и колеблется, становясь видным то совершенно чётко, то несколько расплывчато. Причём всё больше увеличивается в размерах с нашим приближением. Это не характерно для обычных миражей, висящих в воздухе. Те висят себе и висят, не меняясь в размерах. Сколько ни плыви к ним — никогда не доплывёшь. Надводный мираж совсем другого свойства. Это поднявшийся от поверхности воды плотный столб мельчайших капелек, неразличимых глазом. Вот в этом столбе, как в линзе и появляется отражённое в горизонтали и не перевёрнутое изображение чего-нибудь не очень далёкого. А в отличие от обычного миража, надводный мираж стоит на месте, и в него даже можно вплыть. Тогда изображение пропадает, а всё кругом становится влажным от осевших капелек воды.

Вот такая картина и оказалась перед нами. Несёмся под всеми парусами прямо к ней в то место, где видны расступающиеся берега. Вот бушприт и нос уже погрузились в мираж, и картинка пропала.

— Все на ванты! — раздался неожиданный рёв капитана. — Спустить паруса!

Ещё никогда эта команда не выполнялась так скоро. Но всё равно на исходе движения по инерции судно слегка процарапало килем песчаное дно у берега, к которому мы летели на всех парусах. Когда осмотрелись вокруг, то оказалось, что мы стоим в бухте Крузейры. За кормой узкая щель входа в неё и дальше безбрежный океан. После мы долго гадали, что же это было за явление. Ещё никто не описывал такой штуки, чтобы пред-

мет, который послужил отражением для миража, оказывался внутри самого миража. И как это так нам повезло вслепую влететь в узкий пролив, а не врезаться во внешний берег? Вот такая история.

— Крис, закрой рот, а то муха залетит, — скомандовал Арзон. — Красивая история на сон грядущий. Давайте устраиваться.

*

На следующее утро после завтрака, Крис отправился в обратный путь. Ещё довольно долго слышался издалека скрип колёс его повозки. Но и он, в конце концов, затих. Молча разделили поклажу и двинулись вверх по лесистому склону.

Арзон, несмотря на почтенный возраст и коротенькие ножки, бойко и уверенно вёл нас за собой. Даже не приходилось придерживать шаг. Идти приятно, словно мы на прогулке. Удивительно обилие жизни вокруг. Птицы само собой, а другая, наземная живность то тут, то там попадается на глаза, совершенно не пугаясь нас. Зайчишки что-то грызут, смешно шевеля усами. Еноты, перестав копаться в земле, провожают нас словно удивлёнными глазами.

Склоны настолько пологие и ровные, что подъём на них почти незаметен. К полудню перевалили уже два холма и взошли на третий. Арзон остановился и начал обозревать дали.

— Похоже нам туда, к горе со словно обрубленной вершиной. Да, точно туда. На вершине нет деревьев, как на других — она. Пожалуй, к вечеру доберёмся. Давайте перекусим. Ужинать будем уже на месте.

Однако планы достижения цели чуть не утонули в глубокой и довольно широкой, стремительной реке, протекающей между холмов.

— Арзон, про реку ты ничего не говорил, — упрекнул старика Везер.

— Сам её впервые вижу. Я ведь шёл с другой стороны. Надо искать или расширение реки с бродом, или камни в русле. Вплавь, пожалуй, опасно. Унесёт неизвестно куда. Давайте пойдём вверх по течению.

С час продирались по берегу через густые кусты, запустив капитана Вика вперёд для протаптывания тропы.

— А это что такое? — вдруг остановился он.

— Похоже, что когда-то был мост, — как бы про себя пробормотал Везер.

И в самом деле, когда-то был. Мощная, замшелая арочная кладка из нетёсаных камней. Каменный парапет высотой почти до пояса. Между камнями мостовой прорастает трава и кое-где тоненькие, чахлые кустики. На той стороне реки то же самое и между тем и этим провал шириной метра три. Обломки моста торчат из воды. Если на самом сооружении мостовая шириной метра два с половиной хоть и заросла травой, но явно видна, то продолжаясь на берегу уже неразличимо исчезает под слоем нанесённой земли и растительностью. Едва-едва угадывается, что когда-то очень давно здесь проходила дорога. Угадывается лишь потому, что, если внимательно присмотреться, то деревья словно выстроились вдоль какой-то, довольно далеко просматриваемой линии. Наверное, дорога мощёная.

— Нужно поспешить, — забеспокоился Арзон, доставая свой топорик. — Иначе до темноты не доберёмся. Везер, начинай рубить те, которые толщиной дюйма три-четыре, а мы с Сержем будем настилать. Вик, вот тебе мой топорик. Будешь укорачивать то, что свалит Везер до десяти локтей.

Чёрт, брёвна хоть и тонкие, но тяжёлые. Вику за Везером не угнаться. Эльф буквально дюжиной ударов своего топора валит дерево. Вику на укорачивание ствола нужно намного больше времени. Мы с Арзоном тащим очередной ствол на мост, ставим стоймя и валим

на ту сторону.

— Сколько ещё нужно? — кричит нам Везер.

— Ещё штук пять-шесть, — отвечает Арзон.

Последнее бревно Везер с Виком приволокли сами. Настил плотно улёгся между парапетами. Уселись отдышаться.

— Если судить по направлению дороги, то она должна идти к морю. Тогда мы её где-то пересекли и не заметили, — в раздумье произнёс Арзон.

— Почему ты думаешь, что к морю, а не к Верну? — поинтересовался я.

— Верна тогда ещё не было. А двигаться нам всё же надо. Солнце вон уже где. До темноты можем и не успеть. Хотя сейчас легче будет идти. Главное — дорогу не терять и она приведёт, куда нужно. На проверку направления не потребуется время тратить.

— А может быть, нам здесь остановиться до завтра, чтобы в темноте не оказаться?

— Не может. Провизии у нас на лишний день нет.

По старой дороге и в самом деле идти легче. Не нужно вилять между деревьев. Ускорили шаг. Теперь уже не до глазения по сторонам. Встретился маленький, горбатый, каменный мостик-труба через ручей. Около него видно, что и, в самом деле, дорога мощёная. И опять камни скрылись под слоем земли. Становится трудновато поддерживать быстрый темп ходьбы. Арзон заметно устал, но держится. Быстро темнеет. Солнце с трудом освещает дорогу не сверху, а сбоку едва пробиваясь через толщу стволов и крон.

— Вроде бы последний склон, — шумно дыша, произносит старый гном.

Взбираемся на гребень, когда солнце уже ушло за горизонт. Перед нами тёмная чаша долины. Солнца уже нет, а луна ещё только поднимается. Тишина. Дорога впереди исчезает в темноте, проходя в ложбине гребня.

— Здесь и остановимся, — распоряжается Арзон, спускаясь немного назад и сбрасывая свой мешок на землю. — Давайте разводить костёр.

Молча что-то жуём и чем-то запиваем. Сидим с полчаса, тупо глядя на костёр. Ужасно хочется спать. Начинаю расправлять свою подстилку. Остальные тоже зашевелились. Вдруг Везер замирает, прислушиваясь к чему-то.

— Что это? Он и в самом деле поёт!

— Я ничего не слышу, — ответствует Вик.

— Похоже, Везер прав, — поддерживает эльфа Арзон. — Ничего опасного не чувствуется. Давайте выглянем.

Поднимаемся на гребень. В свете поднявшейся луны чаша долины, как на ладони. Теперь уже и нам с Виком слышно. Тихий, мелодичный, приятный для слуха звон. Нет, не звон колокола или колокольчика. Словно кто-то ударил в большой китайский гонг и этот звук не угасает. Он только становится чуть громче или тише. Чуть выше или ниже по тону и не замирает окончательно, как при ударе в гонг. Чарующая мелодия из одной ноты. Откуда она идёт не определить. Вся чаша долины наполнена этим пением.

— Ну, вот, Арзон, а ты говорил, что город не поёт, — шепчет Везер.

— Не пел. Я здесь был днём, а сейчас ночь, — тоже громким шёпотом отвечает тот. — Странная музыка.

— И таинственная, — добавляю я.

— Не зря пришли, — обрадованно заключает Вик. — Что будем делать?

— Спать, — решительно отвечает Арзон.

Сползаем с гребня и заворачиваемся в свои подстилки. Усталость берёт своё, и я проваливаюсь во временное небытие.

*

Солнце пробивается сквозь опущенные веки и птицы тоже сигналят, что пора вставать. Костерок уже горит и Вик с Арзоном что-то колдуют у него. Завтрак готов. Чувствуется во всех какое-то напряжение и стремление побыстрее покончить с обязательными, неизбежными делами.

Покончили и взобрались на гребень. Никакого пения нет. По очереди долго рассматриваем город в бинокль Вика.

— Отличная вещь, — хвалит оптику Везер, передавая бинокль мне.

В свете солнца разглядываю двух - трёхэтажные дома, довольно широкие улицы, небольшие площади. Некоторые площади, похоже, даже с фонтанами и какими-то статуями. Много одичавших садов и садиков, заросших лужаек между домами. Сами дома светлого камня явно давно заброшены, но очень хорошо сохранились. Между плитами мостовых высокая трава, а стёкла домов серые от вековой пыли. Но со стёклами домов очень мало. Рамы окон и двери почти везде давно вывалились. В центре города большая площадь с каким-то храмом. Тут же, рядом с храмом внушительная арка. Похоже, что это какой-то памятник. Внутри арки на цепях в углах, словно растянутый этими цепями в четыре стороны висит сверкающий золотом диск. Если хорошо навести бинокль на резкость, то можно различить на диске изображение какой-то диковинной летящей птицы вроде павлина на фоне стилизованного солнца. Арка высотой с трёхэтажный дом. Так что, если взять это для сравнения, то диск должен быть метров пять-шесть в диаметре. Возвращаю бинокль владельцу.

— Ну, что, — спрашивает Вик, — пойдём? Вроде всё спокойно.

— Пойдём, — неохотно соглашается Арзон. Эй-эй, Везер, не трогай мешки. Пусть здесь остаются.

— Почему.

— На всякий случай. Без них бежать легче.

Медленно спускаемся в тарелку долины. Ничего. Только жарковато. Спокойно идём дальше, удаляясь от гребня шагов на триста. Лёгкий ветерок прилетает, немного развевая жару и освежая кожу. Страх и ужас наваливаются внезапно, парализуя волю. Кровь в голове начинает молотом бухать в стенки черепа. Глаза стремятся вылезти из орбит. Вижу, как лицо Везера искажает страшная гримаса. Арзон словно оцепенел, сжав зубы. Вик опомнился первым, схватил гнома поперёк туловища и со стариком подмышкой стремительно понёсся туда, откуда пришли. Мы с Везером за ним.

На гребне остановились. За нами никто не гонится, кровь в голове не бухает и страха как не бывало. Может быть, даже лишнее пробежали обратно. Однако проверять, где лежит граница страха, нет никакого желания.

— Вот так, — констатирует оживший немного Арзон. — Дальше не пройти.

— Что это было? — ни у кого спрашивает Везер.

— Что, что? Заклятье или проклятье, — отвечает Арзон.

— Нужно подумать заклятье ли, — с сомнением в голосе говорит Вик. — Что-то вроде бы знакомое есть в этом, но условия совсем какие-то не те — странные и непонятные. Всё не так, как могло бы быть.

— Любопытно, что это вам пришло в голову Вик? — спрашиваю я, садясь на траву.

Остальные тоже опустились на землю.

— В южных морях часто ходят разговоры о вдруг возникающей во время шторма панике, ужасе, который лишает человека рассудка и побуждает его броситься за борт. Не раз встречали плавающие суда, брошенные командой. Учёные говорят, что такое может случаться с людьми в жестокий шторм. Когда ветер очень силён, а

волны велики.

— Да, я читал об этом где-то тоже. Инфразвук.

— Вот-вот. Ветер, создающий вихри между волн порождает инфразвук. Но здесь нет ни бури, ни штормового ветра, ни морских волн. А вот ощущение кошмара, расстройство организма есть.

— Что это такое - инфразвук? — чуть ли не в один голос спросили Арзон с Везером.

— Серж, попробуй, объясни это попроще. У тебя это хорошо получается.

— Ладно, попытаюсь. Что такое звук вы знаете.

— Ещё бы, — хмыкнул Везер.

— Вот именно. И бывает он разный. Тонкий и толстый. Звонкий и глухой. Высокий и низкий. Человек слышит не все звуки, какие существуют в природе. Если звук тоньше писка комара, то человек его не слышит и, если звук ниже буханья большого барабана, то тогда тоже не слышит.

— И что из того? Не слышишь ты его и ладно.

— Очень многое из того, Везер. Ты ведь радуешься или грустишь, когда слышишь музыку. Это значит, что звук действует на организм. Неслышимый звук тоже действует на организм, но не через уши. От очень низкого, неслышного звука выходят из строя внутренние органы. В первую очередь мозг и сердце. Если такой разрушительный звук очень силён или действует долго, то человек может не только почувствовать страх, но и умереть быстро или медленно.

— Этого ещё не хватало! Неужели, правда? Но, если, правда, то откуда этот ваш инфразвук здесь. Ведь нет ни моря, ни сильного ветра.

— Верно. Нет ни моря, ни ураганного ветра, которые существуют в природе. Но также, как ты делаешь виолу со струнами, дающими слышимый звук, можно построить и машину, инструмент, дающие неслышимый звук.

Капитан Вик намекает на то, что здесь дело может быть совсем не в заклятье. Кто-то постарался сделать машину, создающую инфразвук и поставил её в городе, чтобы отпугивать любопытных.

Арзон мрачно взглянул на Вика и спросил:

— А в вашей стране такие машины есть?

— Бывают. Случайно появляются и наносят много вреда. Боремся по мере сил. Низкий звук в машинах возникает против нашего желания. А специально делать машины для получения инфразвука запрещено.

— Если ты прав Вик, то вы нас с Везером сильно озадачили. Может, в городе вместо заклятья и есть машина, пугающая нас, но мы же не можем к ней подойти, чтобы сломать. Сами же говорите, что она может и убить на расстоянии. С заклятьем хоть можно разделаться другим заклятьем, а тут…

— Как такая вредная машина может хоть выглядеть? — спросил Везер, берясь за капитанов бинокль.

— Кто его знает! Высматривай что-нибудь необычное, а я, пожалуй, схожу всё-таки проверю, где начинается это безобразие.

— Ты с ума сошёл! — воскликнул Арзон.

— Вряд ли, — откликнулся Вик. — Серж очень осторожен. Пусть идёт.

Шагах в ста от края долины я ощутил смутное и беспричинное беспокойство. Ещё через десяток шагов беспокойство усилилось. Ещё через двадцать стало почти невыносимым, и я поспешил назад. Беспокойство быстро спало.

— Ну, что? — поинтересовался Вик.

— Картина всё страннее и страннее. Инфразвук, говорят, почти не встречает сопротивления в атмосфере и распространяется очень далеко. По тому, что мы все ощутили он очень сильный и не мог бы заметно ослабнуть к краю долины. А ведь здесь, на краю его совсем

нет. И там, куда я сейчас дошёл он по силе изменяется очень резко. Словно что-то не природное ограничивает его распространение.

— Или, наоборот, природное, — тихонько подсказал умудрённый жизнью Арзон. — Звук может отражаться.

— Точно! — воскликнул Вик. — Чашеобразная форма долины. Собирает всё в пучок, как вогнутое зеркало.

Я подошёл к Везеру.

— Ну, что ты насмотрел интересного?

— Почти ничего. Странно, что среди маленьких входов в рудник на той стороне долины есть одна огромная дыра. Почему? А в городе ничего странного не видно. Только корова.

— Какая ещё корова?

— Обыкновенная корова — с пятнышками.

— Где? Дай взглянуть!

— Вон там, почти в середине города, на лужайке.

— Да, действительно, корова. Инфразвук не действует на многих животных. А некоторые могут даже его создавать. Ничего странного в корове нет.

— Может быть, ничего в самой корове странного и нет, но её кто-то должен доить и кормить сеном зимой, — тихо заметил Везер. — Ей неоткуда здесь взяться самой или выжить в одиночестве сотни лет.

Повисло минутное молчание.

— Ты хочешь сказать, что там есть человек, на которого инфразвук не действует?

— Или люди, но я их не видел.

— Час от часу не легче! Если это так, то нам не дадут приблизиться к машине даже, если мы всё-таки её обнаружим.

— Известно, что мужчины не любители возиться с коровами, — подметил Арзон.

— Женщина? Всё ещё больше запутывается. Что будем делать прямо сейчас? — спросил Вик. — Арзон пра-

вильно вчера заметил, что наше пребывание здесь ограничено запасами провизии. Или завтра мы уйдём отсюда ни с чем, или прорвёмся в город и начнём доить чужую корову. А может быть, послать Везера на охоту за дичью? Кто за какой вариант?

Опять наступила пауза. Только Арзон тяжело вздохнул.

— Понятно, — оценил коллективное молчание Вик. — Все хотят молока. Тогда нужно шевелиться. Серж!

— Пойдём на ту сторону. Осмотрим рудник. Может, там какой-нибудь ключик найдём, и хоть что-то станет понятнее.

— Пойдём. Только вот удастся ли подойти к руднику, — засомневался Везер.

— Может и удастся. Долина, сам видишь, не идеально круглая, а продолговатая. Город ближе к нам, чем к руднику. Так что от противоположного края до опасной границы должно быть дальше, чем здесь. Во всяком случае, на это можно хотя бы надеяться.

— Да, если источник инфразвука в городе, а не в той дыре на другой стороне.

По краю долины, огибая город, пошли на ту сторону. Добрались за час и стали с опаской спускаться к выработкам. Спустились ниже рудника, не дойдя сотни шагов до какого-то каменного строения с большой трубой. Почувствовали себя плохо, и отошли назад.

— Если это золотой рудник, то, наверное, в том строении с трубой была плавильная мастерская, а, может быть, и чеканка монет. Жаль, что дотуда не добраться. Давайте полазаем по выработкам.

Полазали. Ничего интересного не нашли. В большой пещере почти начисто сгнившие обломки деревянных тачек и тележек с ржавыми железными колёсами. Снаружи тут и там на камнях валяются такие же колёса, превратившиеся в коричневую труху ржавчины. Дере-

вянные детали средств малой механизации здесь не сохранились. Никакую звуковую машину и не искали. Понятно, что она в городе. Но где?

Взял у Вика бинокль, и начал изучать город с этой стороны. Корова лежит на лужайке и занята своей непрерывной жвачкой. Окна храма в центре должно быть красивые, если их отмыть от пыли. Похоже, что витражные. Только цвета под грязью не разобрать.

С этой стороны видно, что золотой диск в арке не плоский, а выпуклый и край диска загнут в эту сторону. И всё также никаких признаков живых существ. Кроме коровы, конечно. За чертой города кладбище. Сравнявшиеся с землёй могилы и покосившиеся кресты. А это что такое? Свеженасыпанные холмики! Разрывали или зарывали? Скорее, зарывали. Если бы цель была разрыть, то обратно зарывать смысла нет.

— Не пора ли нам заправиться? — интересуется Арзон. — Обеденное время давно минуло. Пошли обратно.

И пошли. Только уже по другому краю. Когда проходили со стороны кладбища, я остановил всех.

— Видите? Свежие могилы. Стало быть, люди тут водятся. Или кто-то вроде людей. Коровы копать не умеют и мёртвых не хоронят. Только вот вопрос — кого хоронят?

В нашем лагере уныние. Пришли, хорошо перекусили и теперь под лучами заходящего солнца валяемся на траве, не зная, чем заняться. Одна мыслишка всё шевелится в голове, но делиться ей со всеми как-то пока не хочется. Слишком много вопросов возникнет, а у меня лишь шаткие догадки и предположения.

— Да-а, походили вокруг города, как кот вокруг сметаны, — чуть ли не с безнадёжностью в голосе произнёс Вик. — Так и уйдём отсюда не солоно хлебавши?

— Я же предупреждал, что поход сюда зряшный, — качая головой, ответил старый гном. — Что из того, что

там окажется не колдовство, а какая-то вредная машина. Не подступиться.

— А мне жаль, что провизии мы с собой мало взяли, — пробурчал Везер. — Кто-то же в городе есть и как-то попадает туда. Обидно нам так возвращаться. Может, мне и в самом деле охотой заняться? А хлеб растянем, насколько получится. Ручей рядом. Так что не пропадём и за неделю. Ты как, Арзон?

— Как, как? Да вот так! Не обращайте внимания на мою воркотню. Как говорит Вик, не солоно хлебавши, уходить и в самом деле обидно. А что делать? Серж, ты что отмалчиваешься?

— Сегодня ночью пойдём на приступ.

Все на минуту замерли.

— Ты это серьёзно?

— Серьёзно, Арзон. Как стемнеет, и город запоёт, так и пойдём. Я буду впереди.

— Постой, постой, как это впереди? А мы? Вдруг помощь потребуется. Ты это кончай!

— Оставь его, Арзон, — вдруг повеселевшим голосом прервал гнома Вик. — Он знает, что делает. Просто нам пока ничего не скажет, чтобы потом внезапно удивить. Знаю я этого типа.

— А если город не запоёт? — поинтересовался Везер.

— Всё равно пойдём. Но лучше бы запел. Ветерок нужен, а он пока что дует. Так что должен город запеть.

Сидим на внутреннем склоне долины и смотрим, как уходят за горизонт последние проблески солнца. Яркий диск луны медленно поднимается всё выше и выше, но в долине ещё полная тьма. Ветерок ласково обдувает нас и…

И город запел. Сначала очень низко, на пределе слышимости, а потом чуть выше и выше потянул свою единственную, мелодичную и вибрирующую ноту. Какая

нота? Какая октава? Не знаю. Может капитан Вик знает? Его же когда-то в детстве учили играть на рояле. И Везер, наверное, по-своему, но тоже знает. Впрочем, какая разница! Звук почти ангельский, хотя и низковатый. Все замерли, внимая ему.

— Ну, что? Идём? — встрепенулся Вик.

— Темновато ещё. Подождём, пока луна поднимется повыше.

Ждём. Арзон задремал. Да и у меня что-то веки слипаются. Везер трясёт головой, прогоняя сон. Один Вик настороже. Привык, однако, ночные вахты стоять. Вроде бы стало достаточно светло. Толкаю в бок Арзона:

— Пора. У вас верёвки в мешках есть?

— Конечно, есть.

— Возьмите с собой и один топор на всякий случай.

Подождали Везера, пока он бегал к мешкам, и двинулись вниз. Сто шагов – ничего. Двести – ничего. Перестал считать. Пение города становится всё ближе и громче, но не нарастает настолько, насколько следовало бы ожидать с изменением расстояния. Какой-то акустический эффект?

Входим в город и молча движемся посредине широкой улицы среди мёртвых домов, отбрасывающих чёрные тени. Жутковато. Выходим на главную площадь. Теперь уже все видят и поняли, что является источником звука. Подходим к диску в арке. Гудит. Причём не оглушительно. Мы можем говорить между собой, почти не повышая голоса. Однако отчётливо слышали звон от края долины, а это, наверное, с километр отсюда. Удивительно!

Диск висит низко. Даже Арзон дотянется рукой до нижнего края. Диск и в самом деле выпуклый и с загнутым сзади краем. Если не металлический бубен, то уж гигантский гонг точно. Прикладываю ладонь — вибрирует. Арзон с размаху стукнул в край диска кулаком. В пе-

ние диска ненадолго вторглась более высокая, дрожащая составляющая. Но быстро растворилась в основной ноте.

— А он, похоже, и в самом деле золотой, — пощёлкивая ногтём по краю, — сказал Арзон.

Я потрогал одну из нижних цепей. Как и ожидалось — она сильно натянута. Налёг на неё всем телом. Тон звука стал едва заметно выше. Похоже, моя догадка подтвердилась.

— Вот, пожалуйста, перед вами инструмент мелодичного звона и одновременно безжалостный убийца инфразвуком.

— Как это, как это, как это? — зачастил Вик.

— Довольно просто. Он работает, как струна. Чем больше струну натягиваешь, тем выше её звучание. Смотрите, как сильно натянуты ночью цепи, держащие диск. А звук хотя и очень приятный, но и очень низкий. Почти на нижней границе слышимости. Когда восходит солнце, диск под его лучами нагревается, расширяется, цепи удлиняются, ослабевают и диск меняет свой тон на ещё более низкий, уходящий в инфразвук.

Можно предположить, что раз здесь золотой рудник, то из гордыни жители решили поставить самим себе памятник из золота. Планировали ли они сделать его поющим — мы никогда не узнаем. Но две ошибки они совершили точно. Диск слишком тонок для такой большой площади поверхности. Завихрения малейшего ветерка заставляют его дрожать. И слишком велик. Колебания в нём очень низкого тона. Вот и возник сладкоголосый убийца.

— Если ты прав, то получается, что, как только эту штуку освободили от лесов, дунул ветерок и город почти мгновенно вымер, — сообразил Вик.

— Что-то вроде этого. Если это было в выходной день или праздник, то умерли, наверное, все. Если в ра-

бочий день, то в живых остались те, кто был на руднике. Но войти в город они уже не могли.

— А ночью, как мы? — проронил Везер.

— Это уже насилие над моей фантазией. Связать явление с временем суток оставшиеся в живых вряд ли смогли бы. И если и зашли бы ночью, то утром умерли бы и они.

— Что будем делать-то?

— Как что? — вскинулся Везер. — Нужно эту штуку закрыть от ветра или чем-то заглушить. Можно сзади упереть бревном в середину, и оно не даст диску звенеть.

— Верно. Деревьев кругом полно. Срубить пару и кронами упереть в диск. Но тогда он и петь не будет. Можно сделать иначе. Привязать к нижним цепям дополнительные грузы. Когда днём цепи от тепла вытянутся и ослабнут, то диск будут напрягать грузы и колебания не уйдут в область инфразвука.

— С грузами — это удачная мысль, — одобрил Арзон. — С перспективой.

— Какой ещё перспективой? — удивился Везер.

— Такой, что, когда утром диск не замолкнет, тот, кто в городе выберется посмотреть почему. Тут-то мы его или их и накроем!

— Какой же ты, однако, коварный, Арзон. Но мне по сердцу такое коварство. Давайте за работу! — воодушевился Вик.

Пришлось расковырять лестницу храма, чтобы добыть две подходящие каменные плиты. Привязали их к цепям диска с каждой стороны, как висячие площадки. Распотрошили немного и ограду храма. Камни из ограды навалили на висячие плиты. Наверное, почти по полтонны с каждой стороны. Должно хватить. Тон звука стал чуть выше.

— Прекрасно, — любуется делом наших рук Вик. —

Теперь давайте сматываться. Может, ещё успеем вздремнуть часок – другой. А когда солнце начнёт пригревать, нам на всякий случай лучше быть подальше отсюда. Сработает наша затея или нет — мы не знаем.

*

Два или три часа сна — это, конечно, безобразие, а не сон. Тем не менее, к восходу солнца мы, не выспавшиеся и голодные, уже стояли в долине на стошаговой отметке от края чаши. Солнечные лучи упали на город. Ждём. Ничего не происходит — город поёт. Проходит с полчаса — город всё поёт.

— Двинулись, — предложил Вик, — а то, как бы нам к приходу гостей не опоздать.

Рванули чуть ли не бегом. На площадь выскакивать не стали, а скрылись в зарослях ближайшего к арке с диском садика. Перед нами вся площадь, как на ладони. Ждать пришлось довольно долго. Ноги устали. Но, если присядешь, то ничего не видно за кустами. Арзон начал что-то бубнить себе под нос.

Однако дождались. Шагов, конечно же, за звоном не слышно. Поэтому визитёры явились из боковой улочки бесшумно словно привидения. Я чуть не вздрогнул. Какая-то совершенно нелепая, тощая фигура в длинном, сером балахоне. Ростом, похоже, мне по плечо. И женщина на полголовы выше своего спутника в неброском, аккуратном платье. Похоже, что молодая, если судить по походке. Лиц не видно. Подошли к диску и стали рассматривать камни, привязанные к цепям. Женщина потрогала верёвки. Оба обернулись, огляделись вокруг, и никого не обнаружив, переместились к храму и осмотрели разломанную нами ограду и лестницу. Затем вернулись к диску и уставились на него.

Вик махнул рукой, и мы высыпались на площадь. Шагов за десять до этой пары они что-то почувствовали и обернулись. Действительно, молодая женщина. Вернее,

симпатичная девушка, которую я уже когда-то встречал. Но взгляд приковывает лицо её спутника. Огромные, почти круглые, голубые, печальные и одновременно испуганные глаза. Длинный и тонкий нос, длинный и тонкий подбородок. Глубокие морщины на лбу. Не человек.

— Здравствуй, Криста, — произнёс Вик.

— Здравствуйте, капитан Вик, — слегка замешкавшись, ответила девушка.

— Как-то так получилось, что мы сегодня ещё не завтракали. Не угостишь ли нас молоком?

— Конечно, — последовал опять чуть задержавшийся ответ, и Криста двинулась к той улочке, откуда она несколько минут назад появилась. Нелепая фигура скользнула за ней.

Чистенький домик, чистенькая комната, чистенький стол. На столе молоко, сыр, творог, свежий хлеб и овощной салат. За столом мы все, Криста и неведомая фигура. Поговорили немного и о поющем диске. Ничего интересного местные жители о нём не знают.

— Ты хорошая хозяйка, Криста. Как у тебя здесь всё приятно и ладно!

— Спасибо, капитан Вик.

— А как ты тут оказалась?

— Нас с Уоли отпустили, а отца нет. Он на прощание сказал, что здесь, в этом городе никого нет и нам никто здесь жить не помешает. Мы и пробрались сюда.

— Отпустили? Кто отпустил? Ладно, не хочешь — не говори. Ты, оказывается, дочь Генри Рейна. А Уоли это он? — кивнул Вик на серую фигуру, с аппетитом грызущую сыр.

— Он. Уоли — домашний дух.

— А-а, понимаю. Это он жил в винном погребе?

— Жил и следил, чтобы вино не портилось.

— Полезная работа. Такой дух и мне бы не помешал. Ты колдунья, Криста?

— Немножко и не злая, — улыбнувшись, призналась хозяйка.

— Я так и подумал. Обычные люди ведь здесь жить не могут.

— Да, жалко их всех бывших. Особенно маленьких. Мы с Уоли собираем кости и хороним. С улиц уже убрали, а с домами это долго. Много их, — тяжело вздохнула Криста.

— Согласен. Печально, очень печально. Но ведь это не дело для молодой девушки. Хотя бы и немножко колдуньи. Не хочешь ли вернуться в Верн? Твой домик свободен. Корову с собой заберёшь. "Приютом моряка" теперь управляет Роджер. А ему ой, как нужна хорошая помощница по всему хозяйству. Таверна будет совсем другой, чем раньше. Гостеприимной и весёлой.

— А Уоли?

— И Уоли.

— Я…, мы подумаем.

— Правда, я не знаю, как там с твоим колдовством. Серж, что ты скажешь.

— Королевский волшебник и главный министр не приветствуют колдовства в Верне. Криста, а зачем тебе, вообще, это колдовство? Выходи замуж, нарожай детей. Никакого колдовства для этого не нужно. И счастья колдовством не добьёшься. Плюнь ты на него. А будут трудности какие, так мы всегда поможем.

— Я подумаю.

— Подумай, а мы, пожалуй, пойдём. Спасибо тебе за угощение.

Уже в дверях Криста спросила:

— Капитан, а как вы узнали об этом городе?

— Из легенды. Нам с Сержем нравятся легенды, и мы им верим. Вот и зашли посмотреть. Бывает, что и легенды вновь оживают. Поющий диск нужно убрать или переделать, чтобы он никого не убивал и тогда люди опять

сюда вернутся.

Вышли из домика и решили пройтись по улицам — осмотреться. Мостовые заросли травой, но если её скосить, то получится очень симпатично. Каменные плиты с зелёной окантовкой. Фонтан на маленькой площади — перекрёстке трёх улиц сухой и весь растрескался. Раз фонтан, то есть и водопровод. Хорошо.

Заглянули в один из домов. Тлен и прах. В комнате на полу кости взрослого человека. В обломках маленькой кроватки и лохмотьях истлевшей ткани крошечный скелетик. Молча вышли.

— Какая трагедия! — вздохнул Арзон. — Такое никогда не забудешь.

Прошли город насквозь в сторону рудника. Нас интересует здание с трубой, до которого мы со стороны рудника не добрались. Деревянные ворота давно сгнили и рухнули. Скелетов внутри нет. Наверное, выскочили в панике, если был рабочий день. Большая печь, похоже, на древесном угле, потому что его не видно нигде. С каменным углём ничего бы не произошло. Валялся бы где-нибудь у печи. Каменные столы, тигли — огнеупорные ёмкости для плавки. На столе очертания того, что было когда-то кузнечными клещами. На маленьком столе у стены какие-то покрытые пылью бруски. Везер смахивает пыль — слитки золота. Шесть штук. Каждый весом килограмм пять с клеймом летящего павлина. Тут же много жёлтых шариков. Заготовки для чеканки монет?

В соседнем помещении останки большого винтового пресса и опять жёлтые шарики. Готовые монеты горкой лежат поодаль. Рассыпались, вероятно, когда мешок сгнил. На монете, с одной стороны, всё тот же летящий павлин, а на другой чей-то профиль. Надписей нет.

— Золото заберём или оставим? — интересуется Арзон.

— А кому оставлять? — вопросом на вопрос отвечает

Вик.

— Значит, забираем. Каждый тащит своё.

Три слитка Арзону с Везером и три нам с Виком. Монеты отдали нам. А шарики Арзон забрал себе для изготовления украшений.

— А как же Криста? — вдруг вспомнил Везер. — Раз она в городе, то и ей доля положена.

— Вот, кто же тебя тянул за язык! — воскликнул Арзон. — Всё так прекрасно получалось, а теперь придётся ей два слитка отдать. Если монеты и шарики нам останутся. У меня сердце кровью обливается, как представлю её мучения с такой тяжестью.

— Ты прав, — рассмеялся Вик, — но всё же придётся её такой неприятностью огорчить. Надо заглянуть к ней. Что они там с духом решили?

Там всё было уже согласовано.

— Мы с вами! — объявила Криста.

— Замечательно, но два дня пути пешком через лес выдержите? А корова?

— Выдержим. И корова у меня хорошая, послушная. Мешать не будет.

Когда выходили из города Арзон обернулся, посмотрел на диск и с сожалением в голосе произнёс:

— Эх, сколько материала хорошего пропадает зря.

*

Так с коровой на верёвочке наша компания и вступила через два дня на Королевскую площадь. Жозеф торчал в окне своего дома. Видимо почувствовал наше приближение.

— Корова не из поющего города? — крикнул он нам.

— Оттуда, — ответил я.

— Поёт?

— Корова нет, а синьор Герц непременно запоёт, когда узнает, что мы там нашли.

— Я сейчас.

Тут у фонтана мы разделились. Криста, Уоли и корова пошли вниз по Королевской улице к порту. Арзон с Везером в "Морской дракон" за своей тележкой и симпатичной лошадкой. А мы с Виком во дворец. Не успели нам открыть, как Жозеф нас догнал.

— Куда всех собрать?

— Наверное, в комнате советов удобнее будет.

Минут через пять уже все расселись.

— Как я рада вас видеть, Серж и капитан Вик, — приветливо начала беседу Виолетта, — Странные события того вечера, как я понимаю, имели продолжение. Жозеф говорит, что вы разыскали легендарный поющий город. Как он?

— Поёт.

— Исчерпывающий ответ, — засмеялась Виолетта. — А корова, которую упомянул Жозеф тут причём?

— Ни при чём. Просто хорошая корова. Это Жозеф от зависти потешается над коровой, потому что его не пригласили в такое интересное путешествие. А если серьёзно, то…

Подробный рассказ занял больше часа. Все слушали, затаив дыхание.

— Вот, таким образом, мы и оказались час назад на Королевской площади с коровой на поводу. Мы не берёмся судить, насколько богат рудник. Мы забрали там рабочего золота где-то около ста фунтов в слитках, монетах и заготовках для монет. Неизвестно за какой период эта добыча. За день? За неделю? За месяц? Мне же кажется, что должно быть за какое-то не очень большое время. В мастерских готовое золото не хранят, а только то, которое в обработке. Да и золотой диск весом в тысячу фунтов просто висящий на площади, и приведший к гибели города сам за себя говорит. Может быть, там есть и хранилище готового к вывозу золота. Вик!

Вик вывалил на стол слиток с павлином и высыпал

горсть монет.

— Никто не встречал такого клейма? Может быть, о нём где-нибудь упоминается?

— Интересный и очень печальный рассказ, Серж, — произнесла Виолетта, вертя монету в руках. — В один момент умер целый город. Но такой птицы я никогда не встречала. А вы, Герц? Тоже нет? Что же будем делать с найденным сокровищем? Синьор Герц!

— Тут и думать нечего. Нужно возобновить добычу.

— Казимир!

— Я того же мнения.

— Согласна. Дальше мы всё обсудим обычным порядком. А у вас, Серж, Вик, есть какие-нибудь пожелания, предложения?

— Два. Во-первых, диск в сегодняшнем состоянии оставлять нельзя. Любая случайность, неосторожность и история может повториться. Мы бы рекомендовали снять его и переплавить. Но в память погибших жителей нужно будет сделать что-то другое.

— Согласна. Синьор Герц, кому должна принадлежать эта находка?

— В наших законах ничего не говорится о притязаниях кого-либо, включая государство, на находки, не имеющие хозяина. Кроме самого нашедшего. Это как раз такой случай.

— Значит, золотой диск полностью принадлежит только тем, кто его обнаружил. После того, как будет определена его ценность, нужно будет рассчитаться монетами с нашедшими его. Сколько вас, Серж? Пятеро?

— Шестеро, — поправил Жозеф. — Они корову забыли приплюсовать. Она ведь тоже там была.

— Да ну, вас, Жозеф, — хохоча вместе со всеми, замахала на него руками Виолетта, — здесь Совет или что? Ой, не могу! Далась вам эта корова! Ладно, Серж, продолжайте.

— Мы думаем, что половину этого нам следует внести на восстановление поющего города. Остальное мы возьмём.

— Принято.

— И второе, но очень важное. Прежде чем открывать рудник и переселять людей в городе должна быть сделана хорошая чистка. Всё содержимое домов, пригодных для использования, должно быть вынесено, сожжено, а останки людей захоронены. Этого нельзя делать силами людей, которые будут там жить.

— Согласна. Мало радости жить в доме, если ты видел в нём скелеты бывших хозяев. Всё?

— Всё. Только синьора Герца мы хотели бы попросить поменять нам слитки на монеты.

— Нет препятствий. Можете прямо сейчас пройти со мной в казначейство, — с готовностью отреагировал Герц.

Попрощавшись с Виолеттой, Казимиром и Жозефом мы заглянули с Герцем в казначейство и нам отсчитали за четыре слитка пятьсот золотых с профилем Виолетты Вернской.

— Наверное, долю Кристы надо положить в банк, — предложил Вик. — Да и мою тоже. Не таскать же в карманах.

— Пожалуйста, как сказал Герц: "Нет препятствий". А если хотите, можете положить на мой счёт, а я, как и Жанну впишу вас в поручение о распоряжении капиталом. Будете пользоваться всем, что есть и будет.

— Жанна распоряжается всеми твоими деньгами?

— Может распоряжаться, если потребуется.

— Да ты просто бессребреник! А, может, легковер?

— Не знаю. Я-то что! Вот один мой знакомый чудак как-то раз по одному моему слову припёр неведомо откуда целую четверть тонны золота и вручил мне без всяких условий и гарантий.

Мы переглянулись и рассмеялись.

Циммерман встретил нас с величайшим почтением. Открыл счёт в двести пятьдесят золотых на имя Кристы Рейн. Принял на мой счёт двести пятьдесят золотых Верна и взял на хранение четыреста восемьдесят золотых неизвестной чеканки с изображением летящего павлина. Потом принёс моё поручение, и я вписал в него Вика Андерсена. Банкир только покачал головой.

— Где будем обедать? В "Морском драконе" или в вашем притоне, Вик?

— Притон ещё не готов для изысканных обедов. Но в него потом заглянем. Посмотрим, как Криста устроилась. И корова тоже.

В "Морском драконе" больше необходимого не задержались. Вкусненько пообедали. Рассказали Колину некоторые эпизоды похода в поющий город. Обласкали взглядами прелести Жанны и получили от неё по два поцелуя по случаю возвращения. Вру. Вик почему-то получил три и сияет как начищенный грош.

В "Приюте моряка" закончили ремонт и уже обставили мебелью. Мне нравится. Стало как-то светло и свободно. Посетителей ещё не много, но франтовато одетые вышибалы внимательно наблюдают и за ними. Две из "грязных шлюх" одеты чисто и опрятно. Вроде, как и сами стали выглядеть посвежее. А две из их бывших товарок теперь в голубых фартучках пока ещё не очень ловко обслуживают столы. Роджер и Криста сидят в глубине зала, а с ними ещё и старшина цеха портовых грузчиков, имени которого я так до сих пор и не знаю.

— Альф Санчес, — представляет его нам Роджер.

— Премного рад, — тряся Вику руку, обрадованно восклицает старшина грузчиков. — В нашу первую встречу я не представился и, Бог знает, что подумал на ваши вопросы. А тут эвон, какая штука. Будьте спокойны, клиентов я вам буду направлять.

— Спасибо. И сами не забывайте заходить.

— Непременно. Ну, я пошёл, Роджер. Пока!

— Ну, как, Криста, договорились?

— Договорились.

— На какое жалование?

— Три дексты в месяц и кормление для Уоли.

— Это нормально, Роджер?

— Нормально. Мне-то вы положили пять. Криста старательная девушка и дело знает. Говорит, что вы нашли поющий город.

— Нашли. Потом расскажу. Извините, Рождер, нам надо с Кристой поговорить.

— Надо так надо, — поднимаясь со стула, произнёс старый боцман, — позовите, если что.

— Уоли доволен, Криста?

— Ещё бы! Он здесь так привык за много лет, что просто растерялся, когда нас отсюда унесли.

— А корова?

— Вернулась на свою лужайку. Только сено нужно будет докупать. Травы там маловато.

— Всё, стало быть, устроилось. Тогда я спокоен. У нас для тебя новость, Криста. Мы на руднике в поющем городе забрали немного золота. Ты там была и сама тоже могла бы его взять. Так что мы поделили всё поровну. Доля в двести пятьдесят золотых положена на твоё имя в банкирскую контору Циммермана. Можешь брать, когда хочешь. Так что ты и без колдовства богатая невеста.

— Спасибо, но я даже не знаю, что сказать.

— Тогда ничего и не говори, а мы с Сержем, пожалуй, ещё посидим, поболтаем с Роджером.

Криста ушла, а новый кабатчик, от скуки покружив по заведению, опять подсел к нам. Пришлось опять описывать свой недавний поход. А куда денешься? Всё ведь с Роджера и началось.

— Славное дело, — попыхивая трубкой, прокомментировал наш рассказ Роджер. — Кто бы мог подумать, что это всё не легенда. Хотя часто легенду от правды отличить сложно. Вот, например, как разговоры о блуждающем железном острове то ли в водах Верна, то ли неподалёку за ними.

Мы с Виком мигом навострили уши.

— Что это за блуждающий остров? Да при этом ещё и железный.

— А вы что, ещё о нём не слышали? В порту каждый что-нибудь да знает о нём. Если бы не пострадавшие от встречи с ним корабли, то все разговоры можно было бы принять за обычное, моряцкое враньё. Самому зреть этот остров мне не довелось, но от видавших эту штуку можно бы услышать многое. Одни утверждают, что встретили в море чуть ли не плавающую железную гору. Другие клянутся, что это вовсе не гора, а низкий холм без растительности. Третьи будут уверять, что это целое железное поле, а от четвёртых вы узнаете просто о большой, железной бочке.

Так до сих пор и непонятно видели все одно и то же или совсем разное. Видели-то в разных местах. Но это всё больше разговоры. Есть только две записи в судовых журналах кораблей "Ласточка" из Альгамары и "Карузо" из Верна о столкновении с железным островом. Только вот на этих судах командам было не до разглядывания того, с чем столкнулись — суда бы спасти. Если поинтересуетесь у капитана порта синьора Бугера этими случаями, то он, наверное, сможет много больше меня рассказать.

Мы с Виком не преминули воспользоваться советом и, покинув "Приют моряка", двинулись в управление портом. Синьор Бугер оказался на месте и очень даже радушно принял нас.

— Как же, как же, железный остров давняя история и

проблема не таких уж далёких вод. Видели его многие, но на карты нанести мы его никак не можем. Свидетельства не сходятся в месте, где его видели. Я уж не говорю о разнице описания острова. Сходятся только в одном — он голый. Вот лишь это и позволяет говорить о том, что железный остров действительно существует.

Капитан порта покопался в одном из шкафов, и разостлал на столе большую, тысячемильную карту моря.

— Вот, смотрите, этими точками с пометками дат я обозначил места, где видели этот странный остров. Совсем рядом с привычными морскими путями и даже кое-где прямо на них. И всё в разных местах. Два судна уже пострадали. Но это лишь те, о которых мы знаем. Случайность столкновения редкая, но всё равно неприятная.

— Я смотрю, — заметил Вик, — у вас между первой датой и последней промежуток почти пятьдесят лет. А вам самому, синьор Бугер много меньше того.

— Я понимаю вас, капитан Вик, — засмеялся капитан порта. — Конечно же, всё это случалось не только при мне. Просто я нанёс на карту события и со слов, воспоминаний, старых судовых журналов за последние пятьдесят лет. Если покопаться в более раннем времени, то, вполне возможно, что обнаружатся и ещё случаи. Наиболее много встреч с железным островом раз в год. Реже два раза в год и совсем редко три раза за год.

— У вас очень хорошая карта, синьор Бугер, — похвалил Вик. — Не окажете ли нам услугу, дав её копию. Очень уж интересная история с этим неуловимым островом.

— Невозможно отказать вам, капитан. Синьор Серж в прошлом году выручил нас из очень неприятной ситуации с морским войском. Мы ему очень обязаны. Карты есть. Нужно только перенести туда мои значки.

Синьор Бургер достал из шкафа ещё один лист карты, и начал вместе с Виком обогащать его пометками.

— Очень благодарны вам за помощь, — сказал Вик на прощание.

— Что вы, что вы, — замахал руками капитан порта, — был рад с вами познакомиться. Альф Санчес мне уже доложил, во что вы превратили портовую таверну. Непременно зайду посмотреть.

— И мы будем рады вас видеть.

На улице Вик спросил:

— А что это за история с морским войском, о которой упомянул капитан порта?

Я рассказал о Спиридоне и его братьях.

— Класс! Надо же, как быстро и изящно решаются проблемы войны и мира при помощи бочонка хорошего вина. Странно, что они ушли. Я бы на их месте, попробовав вина Колина, остался бы здесь навсегда. Какой к чёрту остров Буян! Там кроме домашней браги ничего не будет. Однако, сами пушкинские герои очень интересны. Можно было бы сплавать к ним на Буян в гости и посмотреть, как они там устроились.

— Можно бы, если бы знать, где этот самый Буян в здешнем мире. Никто о нём тут и слыхом не слыхивал.

— Да-а…

Некоторое время молча идём вверх по Рыночной улице.

— Слушай, Серж, а мне почему-то с этим таинственным островом на ум приходит "Наутилус" капитана Немо.

— Да нет, откуда ему здесь быть? В других наших мирах его тоже нет. Так что и случайно пробиться оттуда нечему.

— А Спиридон?

— Спиридон с братьями — сказка. Он не из другого мира, а ошибка этого. "Наутилус" сюда никак не укладывается. Вместе с тем, в Верне хватает и своих сюрпризов. Плавающая железяка по давности происхождения,

скорее, похожа на предмет из чего-то местного. Хотя в самом Верне уровень обработки железа ещё не тот, чтобы сооружать большие, герметичные конструкции. Да ещё притом за пределами пятидесятилетнего времени. Нужно поспрашивать Жозефа. Он должен хорошо знать историю. Может, какие-нибудь намёки и обнаружатся. У меня такое предчувствие, что вы, Вик, обдумываете, как бы зафрахтовать судно для прогулки в поисках таинственного железного острова.

— Подумываю, но мы ещё слишком мало знаем. Хотя, когда мы с капитаном порта ставили пометки на карте, кое-какие мыслишки в голове зашевелились. Вот придём домой и посовещаемся. У меня и со свободным временем неясность. Нужно узнать, как там у нас дома в Питере. Похоже, что морские перевозки по контрактам ещё СССР заканчиваются, а новых фрахтов не ожидается. В стране бардак и в пароходстве тоже. Не будет фрахтов — нечем будет платить людям за работу. Торговый флот встанет на прикол. Неизвестно пойдёт моё судно куда-нибудь или нет.

Когда проходили мимо "Морского дракона", из дверей выскочила Жанна.

— Уф, отработала сегодня. Вы куда?

— Домой.

— Тогда я с вами.

Мы остановились.

— Может, возьмём что-нибудь с собой? — спросил я. — Тогда ужинать нам не придётся сюда идти.

Свернули во двор таверны, Жанна вынесла из кухни корзинку со всякой всячиной, и мы двинулись дальше.

Уже ставшая чуть ли не привычной мизансцена. Мы с Виком развалились на скамейках во дворике моего дома, а Жанна копается в клумбе и прислушивается к тому, что Вик рассказывает ей о поющем городе.

— Какая ужасная судьба! Правда, Серж? Умереть от

страха сразу всем. Нет, я бы с вами не пошла, чтобы не видеть такого. А приключения я люблю, — оторвалась от клумбы, задумалась и добавила: — Наверное. Честно говоря, приключений-то у меня ещё никаких и не было, но хотелось бы, чтобы были.

— Пусть это тебя не расстраивает. Рано или поздно какое-нибудь приключение, так или иначе, выпадает на долю почти каждого человека, — обнадёжил я Жанну. — Если не сидеть дома.

— Мы тут с Сержем собираемся в небольшое морское путешествие. Можешь составить нам компанию, если качки не боишься.

— Правда? В путешествие? Как интересно! Прямо сегодня? А качки я не боюсь. Ещё когда был жив отец, то мы часто катались в лодке по морю.

— Нет, — засмеялся Вик, — не сегодня, конечно. Но со своим хозяином поговори, чтобы отпустил, когда потребуется. Серж, а на чём бы нам карту расстелить?

— Можно взять в прихожей столик для шляп.

Вытащили из дома столик, и Вик развернул карту.

— Вот, смотри. Отметки Бугера примерно в четырёхстах милях от Верна. Выше них миль на пятьдесят группа островов с общим названием Малагра. Пара крупных и много мелочи.

— В скобках приписано Атабанга. Двойное название архипелага что ли?

— Нет, не двойное название, — донеслось от клумбы. — Малагра — это острова, а Атабанга — страна, которая когда-то давно была на этих островах.

— Страна?

— Да. В школе по истории Верна о ней рассказывают. Этой страны уже давно нет. Пожалуй, больше ста лет уже.

— Тогда зачем же о ней рассказывают? Да ещё по истории Верна почему-то.

— Атабанга была очень беспокойным соседом не только для Верна. Её правители всё время пытались что-нибудь отнять у прибрежных стран. Приходилось иметь большую армию и военные корабли, чтобы отбиваться от постоянных нападений. Учитель говорил, что было иногда очень трудно. У Атабанги и оружие имелось сильнее нашего, и корабли зачем-то дымящие. Спасало только то, что прибрежные страны объединились против общего врага.

— И куда же делась Атабанга? Вы вместе всё-таки её победили?

— Нет, не победили. Вмешался Бог, и не стало Атабанги.

— Бог?

— Да. Большой вулкан на самом крупном острове проснулся, и убил там всех. Земля даже у нас заметно тряслась, а после ещё целый месяц восходы и закаты были красные, как кровь. Так нам рассказывали в школе. Вот потом и не стали нужны ни солдаты для войны, ни корабли с пушками. Хотя ещё долго сохранялись и у нас, и в соседних странах.

— Интересная история, — промолвил Вик. — Боги — великая сила, но и люди тоже многое могут. На чём мы с тобой остановились, Серж?

— На отметках Бугера.

— Да, интересная особенность этих отметок. Они все расположены как бы по дуге. Вот, посмотри, если взять отметки хотя бы и разных лет, но по возрастанию или убыванию даты в году и соединить линией, то получается неровная дуга. Взять другие несколько точек в таком же порядке и тоже получается дуга.

— И что?

— Точки и дуги не выходят за пределы обозначенного на карте течения, огибающего архипелаг. И вот ещё одна интересная вещь. Архипелаг с другой стороны омы-

вается встречным течением, а вот здесь между встречными течениями вторгается ещё и третье, растворяясь в них. Усекаешь, какая любопытная штука складывается?

— Так, так, так, вы, Вик, полагаете, что железный остров из года в год циркулирует по морю вокруг архипелага Малагра по одному и тому же пути?

— Точно! Понимаешь, что из этого получается?

— Начинаю понимать. По датам наблюдения можно вычислить и сколько времени нужно жестянке на полный круг, и скорость её движения, и где она может находиться сейчас. Разумеется, с какой-то погрешностью туда-сюда. Циклы не могут быть точно равными. Природа всё-таки не машина. Только странно, что видели железку лишь в этом месте.

— Ничего странного. Выше по карте торговых путей нет. Атабанга-то мертва. Ну, и острова, наверное, тоже. Получается, что сделали её где-то там, когда Атабангу ещё не уничтожил вулкан.

— Пожалуй, в самом деле, у нас есть причины поискать подходящее судно для морского пикника. Жанна, ты что-нибудь слышала о плавающем железном острове?

— Конечно. В таверне чего только не услышишь. Легенда какая-то.

— Вот мы с Виком как раз и собираемся проверить легенда ли это. Поющий город тоже был легендой.

— Туда вы и хотите меня взять? Как здóрово! Колина я уговорю отпустить меня. Ох, что-то подустала я сегодня, — пожаловалась Жанна, выпрямившись, и разминая спину покачиванием из стороны в сторону. — Давайте я вас покормлю и пойду домой.

За столом Вик больше ел Жанну глазами, чем курицу из своей тарелки ртом. Жанну это и в самом деле смущает. Стрельнёт время от времени своими синими глазищами в сторону нашего бравого капитана и снова утыкается взглядом в стол. Не знаю, я им не судья и по мо-

лодости лет, наверное, несколько максималист в суждениях. По-моему несуразная пара получилась бы из них сама по себе. Так что поощрять их игры не собираюсь. Впрочем, и мешать тоже не буду.

— Вик, Жанна устала. Вас не затруднило бы проводить её домой, а я тут сам приберусь.

Предлог спровадить их обоих на прогулку вдвоём, конечно, смехотворный, но вполне благовидный. Возражать не стали. Ничего убирать, когда они ушли я, разумеется, не стал. Вышел во дворик и завалился на свою любимую скамеечку. Звёзды уже начали высыпать на небо. Красиво. Хлопнула входная дверь, но Вик во дворике не появился. Слышно как загремела посуда и заплескалась вода на кухне.

— Страшный ты человек, — сообщил мне Вик, выйдя во дворик после мытья посуды. — Не по годам умом рáзвит.

— Ничего не могу с собой поделать. Уж воспитание такое.

— Это верно. Твоя родительница прекрасный скульптор характера своего сына. Редко такое встречается. Как они там — в Новгороде?

— Пишут, что хорошо. Однако думаю, мама по Питеру всё же скучает, но бабушку, пока та жива, не оставит. Тоже ведь воспитание и привязанность. Ну, как? Идём на базу?

— Идём.

*

Анна Петровна… Тьфу ты, теперь просто — Анна следующим утром оказалась дома.

— Очень хорошо, что ты зашёл. Я уже собралась в замок. После нашего с тобой разговора две недели назад я попросила Луизу вернуть Жермену ле Гран обратно. Италия не так уж и далеко. Так что Жермену, когда она ступит на земли Луизы, сопроводят ко мне в за-

мок. Посмотрю, что это за особа. Ты со мной или занят?

— С тобой.

Я так до сих пор и не пойму спокойствия челяди графини де Жуаньи. Ладно, Гийом. Одного близкого к своей персоне человека можно убедить, что ты не колдунья и твои внезапные исчезновения и появления не диво. Но ведь слуги в замке не идиоты. Появление хозяйки не может их не удивлять, если через ворота она не въезжала. А чего уж говорить обо мне. Странное дело.

Аманда с Гийомом что-то хлопочут где-то внизу по хозяйственным делам, а я опять любуюсь окрестностями с башни и попиваю великолепный вишнёвый сок. Казалось бы, вишни уж месяц или больше как отошли, а сок свеж и ароматен, словно выжат из ягод только сейчас снятых с дерева. Ни чуточки не забродил. Секрет мастера?

Ага, Пьер с Арманом, как всегда вовремя и вместе. Машут мне с дороги. Ещё не въехали на мост, как их догоняет Катрин. Вот уж она сегодня поиздевается над Луизой за её опоздание! Что-то гости просто валом валят друг за дружкой. Только карета Катрин скрылась в замке, из-за деревьев выбирается карета с гербом Граммонов. Двое слуг в одежде цветов рода де Шеврез сопровождают её верхом. Самой Луизы всё нет.

Над чем-то смеясь и переговариваясь, все, кто приехал и хозяйка с Гийомом, поднимаются на башню. Только Жермена тиха и настороженна. Рукопожатия Пьера и Армана, щёчка Катрин и лёгкий поклон Жермене. Легкомысленная в любовных интрижках Катрин, прекрасно чувствует любую другую ситуацию. Вот и сейчас весело щебечет что-то на ухо Жермене, пытаясь преодолеть скованность гостьи.

— Будем ждать Луизу? — спрашивает Аманда больше для приличия. Уже догадываясь, какова будет реакция у некоторых присутствующих.

— Ни в коем случае! — поспешно выкрикивает Катрин. — Пусть вовремя приходит. Семеро одного не ждут. Будет ей урок!

— Тогда сядем за стол. Катрин, у меня почему-то предчувствие, что ты знаешь, где Луиза и почему её нет.

— Ничего я про неё не знаю, — честно округлив глаза, заявила воспитательница королевских дочерей. — Просто есть зверски хочу. Может быть, она на проводах короля обратно в Ла-Рошель?

С дороги послышался топот несущихся во весь опор лошадей и грохот колёс мчащейся кареты.

— Скорее, скорее за стол, — засуетилась Катрин и потащила за собой Жермену.

Жермена заметно напряглась с появлением Луизы. Как же, ведь та была готова отдать приказ Пьеру, чтобы он пырнул заговорщицу ножичком до смерти. Сама же герцогиня сейчас мрачна как туча.

— Подождать меня не могли, — досадливо проворчала она.

— Мы же не знали, когда ты прибудешь, — с совершенно невинным выражением лица, — ответила подруге Катрин. — Да и что расстраиваться-то. Мы ещё почти и не начали.

Луиза окинула Катрин подозрительным взглядом, но промолчала.

— Что случилось Луиза? — поинтересовалась Аманда.

— Королева собиралась провожать короля, а я уже готовилась двинуться сюда. И вдруг Анна приказывает мне возглавить дамский кортеж в процессии провожающих. Приказ — есть приказ. Тащусь вместе со всеми за пределы Парижа до дворца Сен-Жермен-эн-Ле. Слава Богу, что не пришлось ещё и в Лувр со всеми возвращаться. Король отбыл. Простилась я с Анной и сразу сюда.

— Какое несчастье! — воскликнула Катрин. — Как я тебе сочувствую.

Луиза с сомнением сердито покосилась на неё.

— Что-то уж очень довольная у тебя физиономия при таком сопереживании. Не твоя ли это работа?

— А чем ты-то огорчена, Луиза? Возглавить кортеж королевы такая честь! Я её величеству и шепнула в Лувре, что тебе этого очень хочется, но ты стесняешься попросить…

— Ах ты, зараза! Ну, я тебе это припомню!

Арман с Пьером, а с ними Гийом и я просто покатились со смеха. Аманда от души рассмеялась и даже Жермена заулыбалась.

— Ну, теперь берегись, Катрин, — сквозь смех проговорил Арман. — Месть будет страшная и ужасная.

— Да, здóрово ты разозлила подругу, — поддержал Армана Пьер. — Она даже забыла светские выражения.

— Какие тут могут быть светские выражения! — кипятится Луиза. — Такую подлость подстроить. Всё, я теперь с тобой, бывшая подруга, целых полчаса разговаривать не буду. Нет, — час. А месть будет, и ещё какая! Не сомневайся. Арман, в утешение отрежь мне кусочек вон от того кабанчика.

С четверть часа все речевые аппараты были заняты жеванием и глотанием. Только у Жермены, похоже, нет аппетита. Хотя и понятно — беспокоится и недоумевает, зачем она здесь, и что нам от неё нужно?

— Извините, Жермена, — начала Аманда, — что наше приглашение вам посетить мой замок выполнено так бесцеремонно. Мне важно было увидеть вас своими глазами.

— Чего уж там, — проронила едва слышно Жермена.

— Да, и я тоже думаю, что это оказалось для вас не слишком обременительно. Учитывая то, какие тяжкие обстоятельства и возможные последствия свели нас с

вами. Вы можете возвращаться домой и поступать, как вам заблагорассудится. Луиза, что там в Лувре?

— Следствие внутри Парижа прекращено. Вы с королевой славно обработали Ришелье.

— Вот и всё. И не подумайте, что вы нам чем-то обязаны или нам что-то нужно от вас, Жермена. Мне даже почему-то кажется, что и в заговор-то вы оказались втянутой против своей воли. Но, каким образом это случилось, никогда нам не рассказывайте. Даже, если вас вдруг сильно потянет на откровенность. К чему я этого говорю? Надеюсь, что это не последняя наша встреча. Что-то в вас привлекло Пьера и Сержа. Да и Луиза совсем не враждебно присматривается к вам, не говоря уж о Катрин. Так что постарайтесь и вы не смотреть на нас, как на врагов. Ну, а там уж как получится. Всё в руке Божьей. Не запирайтесь дома. Катрин, например, очень любит, когда к ней ходят с визитами.

— Жермена, — решила внести свою лепту и Луиза, — скоро мой день рождения. Вас внесут в число приглашённых. Будет весело. Об этом я уж позабочусь.

— Ты хоть скажи человеку, какой по счёту день рождения-то будет, — вкрадчиво и услужливо подсказала Катрин.

— Аманда! — взревела Луиза. — Я убью её прямо здесь и сейчас. Принесите мне топор! Побольше, потупее и поржавее.

— Успокойся, Луиза, не каждый же день только тебе и побеждать Катрин в ваших смешных интрижках и шпильках друг другу.

Ещё с час проболтали о всякой ерунде вроде планов кардинала Ришелье и слухов о любовницах короля. Жермена вроде немножко расслабилась. Хотя в разговоре участия и не принимала. На вопросы отвечала только односложно "да" или "нет". Наконец, засобиралась и попросила разрешения откланяться.

— Серж, проводи, пожалуйста, гостью, — распорядилась Аманда.

— Какая странная и, вместе с тем, интересная у вас компания, — в раздумье промолвила Жермена, спускаясь по ступенькам.

— Я и сам удивляюсь, как она сложилась. Не так уж давно я в неё влился и редко с ними бываю, но мне кажется, Жермена, что вы всем чем-то понравились. И причём некоторым из нас совсем не сегодня, а в прошлый раз. Герцогиня де Шеврез, например, очень разборчива в своих симпатиях и приглашениях. Если вы сблизитесь с ней и Катрин, то никогда об этом жалеть не будете.

— А графиня де Жуаньи?

— Она у нас главная. Хотя и не принадлежит к королевскому дому, как Луиза. Аманда мудрая и добрая. Все её слушаются беспрекословно.

Мы вышли во двор замка. Подкатила карета. Жермена влезла в неё, слегка натянуто улыбнулась и уехала, а я опять потащился по ступенькам на самую верхотуру.

— Ну, как? — спросил Арман у Аманды.

— Прямо-таки не знаю. Когда человек в таком замкнутом состоянии, то не чувствуется души. Мне кажется, что она чего-то очень боится. Подождём и посмотрим. Нам самим навязываться ей, нужды нет. Захочет — сама придёт. Тогда и будем её разглядывать в мелочах.

— Мне тоже кажется, что Жермена о чём-то очень переживает, — вздохнула Луиза. — И переживает совсем не о погибших заговорщиках. Хотя, может быть, о ком-то одном из них? Ладно, что будем делать-то, когда дела больше нет и до ночи ещё далеко? Не припоминаю в прошлом такой краткой нашей встречи. Я бы домой отправилась. Катрин, ты со мной?

— С тобой.

Арман и Пьер тоже засобирались. Поместья у них ря-

дом. Вот и ездят вместе. Аманда всё-таки одарила их сокровищами из своей библиотеки. Пьер, не помня себя от радости, прижимает к своей груди бесценный фолиант об охоте с изумительными иллюстрациями — гравюрами. Арман же слегка засмущался, получая из рук нашей хозяйки немалой толщины книгу скабрёзных историй о любовных похождениях кавалера де Гриньи. С шикарными, откровенными картинками! Аманда только понимающе ухмыльнулась и не стала комментировать свой подарок Арману. Хорошо, что Катрин и Луиза уже уехали и не присутствовали при событии дарения книг. Вот уж Арман бы от них натерпелся.

Договорились все встретиться на дне рожденья Луизы. Не на том, который для семьи, а на том, который для друзей. Разъехались.

— Я здесь ещё задержусь на денёк-другой. Сбор урожая и налогов, — объяснила Аманда и я тоже испарился…

*

Только вернулся домой — звонит Капитан.

— Поход за железным островом откладывается. Послезавтра снимаемся в Швецию. Дней на семь-десять, а дальше полная неизвестность. Ни фрахтов, ни их перспективы в пароходстве не видно. Поговаривают даже о продаже и консервации судов. В общем — кошмар. Да, Стелла просила, как ты появишься в пределах видимости, то передать, чтобы заглянул к ней. Какая-то проблема с расселением.

Я посмотрел на часы:

— Не поздновато?

— Рабочий день ещё не кончился. Да и Стелла часто засиживается допоздна.

— Тогда я пошёл.

У Стеллы в кабинете оказался Александр. Понятное дело, что с кружкой бесплатного кофе в руках. Я, поздо-

ровавшись с обоими, укоризненно посмотрел на Учителя и кружку.

— Стелла, а этот гражданин у нас в штате?

— Ещё нет, а что?

— Почему я каждый раз застаю его с кружкой кофе, который положен только сотрудникам фирмы и клиентам?

— Но он же учредитель!

— Согласен, но раз учредитель, то кофе ему положен за счёт представительских расходов, а не издержек по офису. Так?

— Так. По представительской статье мы ещё ничего не закупали.

— Вы слышали, гражданин? Извольте внести деньги за выпитый кофе в кассу. Стелла, скажи бухгалтеру выписать приходный ордер.

Стелла рассмеялась:

— Стоит только вас обоих встретить вместе, так жди какого-нибудь спектакля. Это Капитан передал, что мы тебя искали?

— Капитан.

— Проблема тут возникла с расселением десятой квартиры. Саша, давай!

— Вся квартира уже разъехалась, — приступил Александр, — и только Мария Васильевна отказывается. Уж я и так, и этак, и все красоты нового жилья не раз расписал — ни в какую. Здесь, мол, умер мой муж и я умру. Как только последний сосед её коммуналки выехал, заперлась изнутри и никого не впускает. Не выживать же её насильно.

— Марью Васильевну-то? А что она нам плохого сделала, чтобы выдавливать её силой? Ей ведь уже далеко за семьдесят. Небось и отца нашего Ахмеда помнит, и блокаду перенесла.

— То-то и оно. Кроме добра мы от неё ничего не ви-

дели. Особенно в детстве. Я раньше, а ты позже. Что будем делать?

— А что мы можем тут сделать? Пусть остаётся — её право. Левый флигель-то всё равно мы планируем под жильё для сотрудников. Будет один не сотрудник. Я сейчас схожу с ней поговорю.

Забежал в магазин. Десятая квартира на втором этаже. Звоню.

— Кто там? — раздаётся за дверью старческий, но хорошо знакомый, звонкий голосок. Сашка, опять ты? Не пущу тебя — стервеца.

— Не Сашка, Мария Васильевна, — Сергей.

— А Сашки с тобой нет?

— Нет.

Послышалось лязганье затворов, старушка выглянула и подозрительно оглядела лестничную площадку за мной.

— Ладно, заходи. Хотя вы с Сашкой теперь одна компания. Тоже будешь уламывать меня съехать с места? Не выйдет!

— Не буду.

— Слава Богу, а то я опасаюсь даже в магазин выйти. Вернёшься, а вещички на улице. Такие страсти ныне пишут в газетах об обманутых стариках! Так чего тебе? Проходи в комнату. Я только чайник с плиты сняла. Почаёвничаем. Как мама с бабушкой?

— Спасибо, хорошо. Нравится им в огороде копаться. Вот, я пряников захватил.

— Ай, уважил, уважил старуху. Мои любимые. Чувствуется мамино воспитание. Богатая на душу женщина. Наливай сам.

— Благодарю, Мария Васильевна. С вами, да чайку — всегда с удовольствием. Заодно и спокойно побеседуем о будущем.

— Да что ты, милок, какое у меня будущее. Это у вас

будущее, а мне давно уж в землю пора.

— Ну, ну, Мария Васильевна, что это вы о земле задумались. Мы вместе в одном доме ещё долгонько поживём.

— Стало быть, ты не как Сашка, уговаривать меня съехать не будешь?

— Не буду. Мы все вместе подумали и поняли, что нашим планам вы никак не угрожаете. Только уж вы нам, в самом деле, не мешайте.

— Чем же это я вашей компашке с Сашкой могу помешать?

— Нам нужно сделать ремонт здания, в котором вы живёте. Вон в том флигеле напротив освободились комнаты и квартиры. Выбирайте любую. На время, конечно. Мы поможем перебраться. А когда это здание отремонтируют, то и вернётесь обратно. Только вот коммуналок здесь уже не будет. Царские хоромы не обещаю, но свою маленькую квартирку вы, Мария Васильевна определённо получите.

Старушенция на минуту замерла с открытым ртом.

— И никуда съезжать не надо?

— Не надо.

— Отдельную?

— Да.

— С балконом?

— Вот балкона не обещаю.

— Если бы пообещал, то я как раз и не поверила бы. Не обманешь? Хотя, что это я. Мать тебя этому не учила.

— Вот и хорошо. Договорились?

— Если прямо здесь, то грех не согласиться. А то новостройки, новостройки…

— Тогда завтра с Александром сходите к нотариусу. Обмен комнаты на квартиру нужно закрепить на бумаге.

— Опять Сашка!

— Опять. Мария Васильевна, вы же прекрасно знаете Учителя. Почему вы на него сердитесь? Что он вам предлагал? Что-нибудь нечестное или просто вам не понравившееся? Конечно же, не первое. За что на него сердиться-то? Если захотите, то мы вашу квартирку и купим у вас на условиях пожизненного проживания. Будете и с жильём, и с деньгами — богатой пенсионеркой. Если что непонятно, то поговорите с нотариусом. Он всё объяснит.

— Ты всегда гладко говорил с самого детства. Придраться не к чему. Подсылай вашего Сашку. Схожу к вашему нотаривусу. Этим крючкотворам я ещё верю.

Стелла с Александром в конторе. Впрочем, рабочий день только-только закончился, а Стелла так рано обычно не уходит.

— Что-то ты быстро обернулся.

— Так и вопрос-то пустяшный. Могли бы и сами сообразить, что не ко всем мы можем со стандартным предложением подкатываться. Саша, завтра сходите с бабулей к нотариусу и оформите всё как надо. По существу нужды особой в этом нет, но бабульки любят официально оформленные бумажки. Да и нам спокойнее. Что с архитекторами? Планировки флигелей они нам предложили?

— Вот, — и Стелла выложила листы на стол. — Мне понравилось.

— Тогда я и смотреть не буду. Саша, а что с главным зданием? У меня уже последние соседи собираются съезжать.

— Тоже пока всё в порядке. Переплачиваем, конечно, очень сильно. Нигде в городе при расселении таких условий не предлагают. Зато всё идёт как по маслу. Финны берутся сделать общий ремонт за четыреста пятьдесят тысяч зелёных. Недорого, но это если проект реставрации будет наш. Индивидуальные требования за

отдельные деньги. Слава Богу, что дом не памятник архитектуры. Хотя, по моему мнению, достоин быть памятником. Стелла вон просто извелась в ожидании въезда в свои апартаменты.

— А как не известись? Вы мне такое шикарное жильё сосватали. А уж чтобы попасть на работу нужно будет лишь спуститься во двор. Царская жизнь настанет!

Когда мы с Александром вышли из офиса, то остановились на минутку посреди двора. Дом словно вымер. Непривычно как-то. Только кое-где в окнах занавески, говорящие о том, что здесь ещё кто-то пока живёт.

— Нужно будет сквер во дворе разбить, — задумчиво произнёс Александр. — Света для растений достаточно и места тоже.

— Детскую площадочку вон в том углу можно разместить, — добавил я.

— Согласен. К Ахмеду пойдём?

— Через гастроном?

— Естественно!

— Нужно и Капитана позвать. Он завтра в рейс уходит.

Ахмед благосклонно и одобрительно взглянул на гостей. А как же иначе? Ведь при нас было два больших фруктовых тортика.

— Вот, всегда бы так! — одобрил он, плотоядно глядя на коробки, которые мы ставим на стол.

После первого тортика, захватив с собой стулья, переместились в тайник. Свет не зажигали. Элементы машины Швейцера мерцают спокойно и таинственно. Молчим, созерцая эту беззвучную, почти столетнюю музыку сказочного устройства.

— Мы с Анной Петровной архив Швейцера так и не нашли, — нарушил я тишину. — Обнаружили только два листочка с описанием переключателей той части машины, которая в подземном зале неизвестно где. Я вроде

бы всем о нём рассказывал, а Александр и сам видел. В ваш мир, Капитан, вход и выход где-то на хребте Альберта. К Ахмеду я не выглядывал, но, думаю, Ахмед, у тебя это где-то в Шахтиярском лесу.

Переключателями можно открывать и закрывать входы из наших миров в общий зал. Сейчас все наши миры открыты — гуляй, куда хочешь. Разумеется, с ведома и согласия хозяев. Но есть там один особый переключатель, который я не трогал. Полагаю, что он открывает проход куда-то сюда в Питер или поблизости от него.

— Ну, и что? — отреагировал Ахмед. — Зачем нам второй проход? Мы и так прекрасно перемещаемся.

— Вообще-то да, но наши перемещения при помощи мысли зависят от работоспособности машины, которая перед нами. Если она выйдет из строя, то мы никуда уже попасть не сможем. Хотя наши миры и продолжат существование. То, что в подземном зале, похоже, даёт возможность ходить куда угодно, минуя вот эту здешнюю красоту. Своего рода аварийный вход/выход. Я в размышлении — включить его на всякий случай или нет. Мало ли, что вдруг произойдёт. А Швейцер — большой мудрец! Предусмотреть даже и такое. Причём сделать так, что пользоваться запасным входом могут только те, кто пользовался основным.

— Я, как поборник запасных вариантов, — ожил Капитан, — высказываюсь за то, чтобы было включено всё. Опасности нам никакой, а гарантия важная. Включай, Сергей, и посмотри куда выход.

Возражений не последовало. Капитан посидел ещё немного с нами и отправился готовить судно к рейсу. Мы с Александром тоже снялись с места.

— Ахмед, — на прощание заметил Учитель, — обрати внимание, что мы совершенно добровольно оставляем тебе второй тортик нисколько нетронутым.

— Никогда не забуду вашего бескорыстия и щедро-

сти, — посулил нам дворник.

— То-то же! — и мы ушли.

— Девочки скучают без тебя, — куда-то в пустоту проговорил Адександр, поднимаясь по лестнице нашей "барской" парадной.

Я промолчал.

— Не слишком ли мы завлекли их всякими интересностями и чудесами цивилизации? Ведь через год им возвращаться в племя. Тосковать будут.

— Но, с другой стороны, они заслуживают интересного, когда сами по себе чудо, — ответил я. — Есть и другая проблема возвращения их домой.

— Да?

— Антиопа, уезжая, высказала пожелание, чтобы девочки возвратились в племя беременными.

— О, Господи, не было печали! От нас? — поразился Александр.

— А ты как думаешь? От фавнов что ли? Ага, а сказала не им, а мне.

— И что ты ей ответил?

— Я не отказался. Но как подступиться к этому — никакого понятия. Они нам как члены семьи. Совершенно не представляю их в роли наложниц.

— Ничего не знаю, и знать не желаю! У меня Клития. Сам расхлёбывай, раз не отказался. А Зубейда?

— Там, где она совсем другие представления морали, чем у нас и Зубейда не стала бы возражать. Даже, если бы и узнала.

— Вляпался ты по самые уши. А вдруг будут мальчики? Их же из племени нужно будет забрать. Что будешь делать?

— Что, что? Придётся пристраивать у тебя.

— Вот-вот, тебе любовные шалости, а мне проблемы. Просто вот так — по дружески. Ну, ты и жук!

Помолчали, стоя на площадке между этажами.

— Няньку из села придётся брать. А в школу в Рим отправлять. Ладно, чего-нибудь придумаем. Вдруг ничего и придумывать не придётся. Если все девочки родятся. Ты не пропускай мимо ушей, что я тебе намекнул про скуку. Сам же начал их развлекать. Теперь и отступать нехорошо. Нужно хотя бы по мелочи чем-то их радовать.

— Свободы у меня теперь хоть отбавляй. Завтра же выберусь на виллу. Прихвачу с собой мороженого и пирожных. Не обязательно их куда-нибудь водить с приключениями. Достаточно хотя бы оказывать им внимание время от времени.

*

ГЛАВА 2

НАБЕГ НА АМАЗОНОК

ГЛАВА 2: Набег на амазонок

Утро началось с того, что я выпросил у Ахмеда коробку из-под торта. Эскимо в шоколаде вполне подходящее лакомство, чтобы побаловать чудо несказáнное. В коробку влезло шестнадцать штук. Мороженщица даже пожертвовала несколько кусочков искусственного льда, чтобы содержимое коробки не сразу растаяло. В кондитерском отделе прихватил ещё и пару коробок с бисквитными пирожными. Нужно побыстрее бежать домой и далее, если хочу донести продукт нерастаявшим в Древний Рим.

Средиземноморское начало осени — это на самом деле просто продолжение лета. Воздух жарок и свеж одновременно. Свеж я имею ввиду, что не прохладен, а приятен для дыхания. Птицы многочисленны и голосисты, как и летом. Листва шумлива под лёгким ветерком и опадать с ветвей не собирается. Выскакиваю из леса прямо чуть ли не в объятия амазонок, уже подкарауливающих меня в дверях виллы.

— Сергей, кто это за тобой гонится? — удивилась Охота. — Кроме твоего топота ничего на слух не различить.

— Никто не гонится. Очень вашей утренней кашки хочу. Боялся опоздать.

— Успокойся. Ещё не опоздал, — обнадёжила Антогора, в свою очередь, подставляя щёку.

— А в коробках что? Подарки? — деловито осведомилась Ферида.

— То, что в коробках будет после каши.

Мар невозмутим, как всегда. Оделил всех порциями и сам уселся за стол. Девочки как заведённые быстро работают ложками, не спуская глаз с коробок, сулящих какие-то сюрпризы. Они уже покончили с кашей, а я специально не спешу, чтобы потомить их. Взоры троицы

сползли с коробок и с укоризной скрестились на мне.

— Ладно, ладно, уговорили, — сдаюсь я и развязываю верёвочку на коробке из-под торта.

— Что это такое? — спрашивает Ферида, опасливо прикасаясь пальчиком к блестящей обёртке эскимо. — Ой, какая холодная штука, но не железо. Там внутри что-то не очень твёрдое.

— Это очень вкусная вещь под названием эскимо. Берёшь её вот так вот за палочку, разворачиваешь блестящую шкурку и откусываешь кончик. Ам!

Пока Охота и Ферида следили за моей процедурой, Антогора повторяла её следом за мной и "ам" сделала, лишь чуть отстав от меня.

— Девочки, мороженое! — раздался восторженный вопль.

За десять минут красавицы освоили по четыре эскимо. Мар успел только два. Я ограничился одним. Все взгляды сошлись на последнем оставшемся экземпляре.

— Отдадим его Мару, чтобы никому обидно не было, — явно преодолевая тяжёлые душевные муки неизбежной утраты, по праву старшинства отважно решила Антогора. — Так справедливо будет. А в тех коробках что?

— То, что в тех коробках будет после обеда.

— Понятно, — догадалась она, — пирожные! Девочки, сегодня у нас праздник! Мар, а нельзя обед как-нибудь пораньше сделать?

Охота с Феридой вроде бы примостились в библиотеке, как обычно сыграть в шахматы. Антогора, с блаженством поглаживая животик, возлежит на своей кушетке. А меня никак не оставляет ощущение, что что-то тут сегодня не так, как должно бы быть.

— Антогора, а как же ваши ежедневные упражнения? Я донесу Антиопе, что вы тут совсем обленились, и к службе совершенно не пригодны.

— О, Боги, что это мы сегодня! Память что ли поте-

ряли из-за мороженого? — воскликнула амазонка, вскакивая с любимой кушетки, как подброшенная пружиной. — Охота, Ферида, мигом во двор!

Выхожу на террасу и сверху любуюсь их гимнастикой. Замечаю в саду какое-то шевеление. Наверное, Габор со своей компанией там, как обычно расположился. В поле сельский народ копошится. Далеко. Около виллы уже всё скошено. Кричу вниз:

— Девочки, не уходите оттуда. Я сейчас спущусь. Купаться пойдём.

Внизу прекратилась гимнастика. Заканчивается и стрельба из лука. Скорость отправки стрел в полёт и меткость поразительные. В Париже Охота и Ферида положили в мишень пуля в пулю. Если бы то же самое они делали здесь, то быстро бы без стрел остались. Последующая стрела расщепляла бы предыдущую. Сейчас амазонки выстраивают стрелы в идеально прямые линии. Вертикальные и горизонтальные. Ни малейшего нарушения геометрии. Я когда-то наблюдал, как Антогора за минуту выстроила на мишени свою подпись с росчерком. Поразительно!

Ферида опять забежала куда-то в глубину леса за нимфами и на бережке озерца сегодня очень оживлённо. Скидываю тунику и с блаженством растягиваюсь на траве.

— Вчера уехал вестник из Рима, — сообщает Антогора, снова избрав своим изголовьем мой живот. — Продолжай, продолжай. Очень приятно, когда ты вот так ворошишь мне волосы.

Грива у девушки изумительная! Пальцы тонут в её густоте и, вместе с тем, почти не встречают сопротивления. Охота и Ферида пристраиваются рядом.

— Марк и Ливий сообщают, что в Риме затишье. Октавиан и Антоний ведут себя как лучшие друзья. В Галлию отправлено жалование для стоящих там легионов.

Только говорят, что из казны на это взято на восемьдесят тысяч денариев больше, чем обычно. Деньги повёз сенатор Флар. Сначала собирались послать вроде бы известного нам Домиция Ульпиана, но он сказался больным.

— Даже слухов тревожных и тех нет, — добавляет Охота. — Антогора, слезай с чужого живота! Теперь моя очередь.

— Почему это твоя? — возмутилась Ферида. — Живот у Сергея общий.

— Прекратите споры хотя бы здесь! — сползая с меня, цыкнула на Фериду Антогора. — Охота первая сообразила, как это приятно. — Подумала и добавила: — После меня, конечно, сообразила.

— Ладно уж, подожду, — отступилась Ферида. — А меня вот беспокоит такое затишье в Риме. Обычно не к добру спокойствие между врагами. Жди двойной гадости кому-то.

— Ты права, — согласилась Антогора, — и мне тоже тревожно. Не верю я в дружбу врагов. В страх и ненависть верю, а вот в дружбу — нет. У Антиопы в Риме и не только в Риме есть хорошие знакомства. Я их не знаю, но до Антиопы всякие римские известия доходят раньше, чем до нас и, бывает, раньше, чем что-то случается. Думаю, потому что многие амазонки нашего племени имеют отцов в Риме. Но этих отцов знает только Антиопа.

— Меня же вот интересует то, что Марк и Ливий не смогли узнать. С чего бы это вдруг кому-то вздумалось посылать с деньгами для легионов Ульпиана. Как я понимаю, он при Октавиане что-то вроде посланца по тайным делам. Да и при его крепком здоровье вдруг заболел именно перед поездкой. Из этого следует, что нам неплохо было бы съездить в гости к Антиопе, — подвёл я итог. — Хорошая осведомлённость лишней не бывает.

— Вот после обеда тогда и поедем, — предложила Ферида, спихивая с меня Охоту и устраиваясь вместо неё.

Сборы были недолгими, но обстоятельными. Проверена упряжь всех четырёх лошадей. Почищены изрядно запылившиеся от долгого лежания доспехи. Собран провиант на дорогу. Как объяснила Охота, Антиопа непременно захочет проверить готовность девочек к любым неожиданностям. Поэтому придётся ехать не налегке, как в прошлый раз в Рим, а с полным вооружением. Хотя и нет нужды нацеплять на себя всё железо и оно приторачивается к седлу, но и в лёгкой экипировке у амазонок устрашающий вид. Особенно когда они, разминаясь, начинают с необыкновенной лёгкостью вращать вокруг себя огромными, со свистом рассекающими воздух мечами.

Выехали, немного отдохнув после обеда. Не по дороге, а обогнув сад и конюшню, двинулись на восток по нетоптаной земле, придерживаясь кромки леса. Изредка встречались небольшие сёла, а недолго где-то почти у горизонта видели и виллу Гнея Фульвия. Редкие к вечеру крестьяне, выходя из леса с дровами или плодами, увидев кто едет, с интересом останавливались и провожали нас взглядами.

Когда солнце скрылось за горизонтом, остановились на опушке и расседлали лошадей. Ферида с ловкостью разожгла костёр, орудуя кремнём, а мы — остальные натаскали сучьев.

— Девочки, — попросил я, откусывая какую-то сладковатую, подогретую лепёшку, — расскажите мне что-нибудь о порядках в вашем племени. А то, как бы мне не совершить чего-нибудь непозволительного.

— Порядки в племени для нас, — сказала Ферида. — А тебе лишь не следует заглядывать в дома без приглашения.

— И без возражений выполнять то, что скажет Антиопа, если потребуется — добавила Антогора. — А так вы с Александром можете делать, что хотите.

— А другие мужчины?

— Ты имеешь в виду тех, кого приглашают на таинство зачатия?

— Ага.

— Им вход в поселение запрещён. В полумиле для них построены домики и амазонки сами к ним приходят. Это для вас двоих запретов нет. Вы же друзья, а не самцы для оплодотворения.

— Как знать, — пробормотал я про себя.

— Что-что?

— Нет, ничего. Это я себе.

Антогора подозрительно уставилась на меня.

— У меня со слухом всё в порядке. Что ты имел ввиду?

— Ну, что ты пристала! Уж и самому себе ничего сказать невозможно без чьих-то расспросов.

— Когда человек сам с собой разговаривает, то это верный признак расстройства ума, — хохотнула Охота.

— Нет, у него с головой всё в порядке, — признала Антогора, принимаясь уже за второй кусок мяса.

— Девочки, а какая живность в ваших краях водится?

— Для еды?

— Именно.

— Из птиц много куропаток и голубей. Олени есть, много зайцев. Лесных свиней не очень много — бережём их или приручаем. Охотимся не у дома, а уходим иногда далеко и не на один день. Поэтому около племени лесной живности много. На всякий случай. Вдруг беда какая-нибудь с кормлением. А так овцы и коровы. У нас большое стадо. Грибы, ягоды собираем на зиму. А вот виноград растить не умеем. Мелкий и кислый получается. В общем, живём совсем не как у Геродота описано,

— рассмеялась Антогора. — Врёт старик про нас почти всё. И ходим не в шкурах, и живём в домах.

— В домах? А какие они — дома-то?

— Конечно же, дома не каменные — деревянные. Иногда и пожары случаются. Зато строим сами.

Хотя ночью для обогревания в костре нужды нет, всё же разлеглись около него. Привычка, традиция? Охота с Феридой по одну сторону, а мы с Антогорой по другую. С той стороны мигом всё затихло и послышалось едва различимое сопение Фериды. Антогора не спит, а широко раскрытыми глазами смотрит в небо.

— Ты что? — шепчу я ей.

Она поворачивается ко мне. В свете луны цвета глаз не различить. Не глаза, а тёмные, бездонные озёра.

— О чём вы с Антиопой секретничали вдвоём? Тогда, на купании у озера, — тоже шёпотом спрашивает она. — Тайна?

Вот, пожалуйста! Догадывается о чём-то. Дёрнул же меня чёрт за язык час назад. Умница-то какая! И врать бесполезно. Она у Антиопы спросит. Надо же, как глупо попался!

— Антиопа хочет, чтобы вы после окончания службы вернулись домой беременными.

Антогора с минуту молчала, глядя на меня. Потом тихо произнесла:

— Понятно, — и повернулась ко мне спиной.

Обиделась что ли? Вряд ли. Не тот характер и не та ситуация. Я протянул руку и положил ладонь на её тёплое и шелковистое на ощупь предплечье. Она пошевелилась и накрыла мою ладонь своей. Так и заснули.

*

Охота без всяких церемоний разбудила всех ни свет, ни заря.

— Хватит валяться. Завтрак готов. Уж чем рады. Пирожные ещё вчера в обед почему-то неожиданно кончи-

лись.

Каждому досталось по куриной ножке, куску хлеба и плошке кислого молока. Помыться не удалось. Остановились на ночлег в безводном месте. Но когда двинулись, то милях в двух впереди встретился ручей. Остановились и ополоснулись. И снова нудное, однообразное движение вдоль леса. Справа локтях в пятистах видно вьющуюся между купами деревьев дорогу.

Внезапно из какой-то рощицы у дороги вылетает группа всадников человек пятнадцать-двадцать и стремительно приближается, пересекая нам впереди путь. Двое ещё издалека отделились от группы и стараются оказаться позади нас.

— Охота, Ферида! — командует Антогора.

Обе амазонки становятся лошадьми бок о бок впереди. Я оказываюсь за ними, а Антогора позади меня.

— Сергей, не дёргайся и места не меняй, — спокойно говорит мне в спину Антогора. — Иначе ты будешь мне мешать.

Луки у девочек уже не за плечом, а лежат у шеи лошади поперёк седла, удерживаемые левой рукой, в которой одновременно и поводья. Те всадники, что впереди вышли к нашему пути и теперь стоят неплотной группой, поджидая нас. Те, что сзади почти догнали нашу компанию. И, похоже, нимало озадачены увиденным. Следуют, не приближаясь, шагах в тридцати.

Группа вооружённых всадников впереди всё ближе и ближе. Охота и Ферида невозмутимо едут прямо на них. Похоже, и там появилась растерянность. Словно они ждали чего-то другого, а их обманули. Когда расстояние сократилось шагов до двадцати, группа зашевелилась, и расступилась, пропуская нас. Ну и бандитские же рожи! Мрачные и разочарованные. Одеты, кто во что горазд, но разного оружия много. Разве что только копий не хватает.

Вдруг одна из рож, мимо которой я уже почти проехал, выкрикнула какое-то проклятье и, выхватив короткий меч, бросила своего коня к нам. Короткий свист меча Антогоры у меня за спиной и чужая лошадь понесла куда-то в сторону безголовое тело всё ещё цепляющееся за поводья. Всадники бросились врассыпную, нещадно настёгивая коней. Вслед им полетели стрелы. Девочки как на утренней тренировке спокойно расстреливают беглецов. Но четверо или пятеро всё же успели ускакать дальше полёта стрелы и скрылись из глаз. Тишина и только лошади, потерявшие седоков, бродят здесь и там, щипля траву.

— Пойдём собирать стрелы. Сергей, жди нас здесь, — сказала Антогора, — и девочки разъехались по полю, время от времени останавливаясь у лежащих тел. Сбрасывают упряжь с потерявших седоков лошадей и отпускают их на волю.

— Что это было? — спросил я, когда они возвратились.

— Разбойники, — ответила Охота.

— В Римской Империи разбойников хватает, — добавила Антогора. — Большинство из них пешие, а эти самые опасные — верховые. Стерегли дорогу, а мы просто случайно им на глаза попались. Да, видно всё это сборище какой-то новичок подвёл.

— Причём тут новичок? — не понял я.

— Новичок у разбойников может не знать, что на амазонок нападать нельзя, — терпеливо объясняет мне Ферида. — Мы разбойников не трогаем, когда они не грабят кого-то у нас на глазах и на нас не замахиваются. Вот они и бросились бежать, поняв, что из-за опрометчивости одного из них, может хоть кого-то спасти только быстрота. Несколько и в самом деле уцелели. Да и мы не особенно старались — неинтересно стрелять по убегающим.

Дальше двинулись, повернув немного к северу. Признаки присутствия людей исчезли. Пересекли небольшое лесистое нагорье и остановились у ручья на обед. Вода тёплая. Искупались. Только двинулись дальше, прямо на Фериду вылетела куропатка. Ферида среагировала мгновенно. Привскочила в стременах, успела схватить летящую птицу за крыло, и мигом свернула ей голову. Вот и приличный ужин потащили с собой.

— Завтра к обеду будем дома, — сказала Охота вечером, поворачивая дичину над костром. — Ещё немного и будет готова. Ой, я солью посыпать забыла.

— А если бы и не забыла? — смеётся Ферида. — У нас соли с собой нет.

Птичьей шкуркой меня предусмотрительно обделили. Всё равно я её есть не буду. А свою долю даже несолёного, нежного мяса я съел с удовольствием.

— Интересно, как там Вивьен в Париже поживает? — неожиданно саму себя спросила Охота. Плохо бы нам пришлось, если бы не он. Наверное, рад, что нас в Париже нет. Антогора, а тебе Вивьен понравился?

— Он мне сразу понравился, как только вы его подарок мне вручили.

— Вслепую? — дружно засмеялись Охота и Ферида.

— Вслепую.

— А что тебя больше всего порадовало в Париже? — спросил я Антогору.

— Лувр и канкан, — без колебаний последовал ответ.

— А из этого, что больше?

— Всё! Это слишком разные вещи. Нельзя сравнивать и выбирать.

— Да-а, канкан… — протянула Охота, как тогда — Ферида после "Мулен ружа" и девочки замолкли, думая о чём-то своём.

Может, прав Александр? Не переборщили ли мы с приключениями и новизной для девочек?

*

От далёкого холма слева отделились две точки и стали стремительно приближаться, превращаясь в скачущих амазонок.

— Вот мы и дома, — облегчённо вздохнула Антогора, — раз дошли до пограничного дозора.

Миловидные девушки в полном вооружении обменялись с нами приветствиями.

— Здравствуй, Антогора, давно тебя не видели, — приветливо обратилась одна из них, с любопытством глядя на меня. — Не встретили ли чего, о чём нам следует знать? А это с вами Александр или Сергей?

— Нет, всё тихо. Это Сергей. Антиопа здесь?

— Вчера была дома, но собиралась на побережье. Там неспокойно что-то в последние дни.

Оставшиеся десять миль проехали часа за два с небольшим. Большое, сжатое поле у края леса пусто. Дальше, за ним, похоже, что-то вроде тоже немаленького огорода. В нём копошатся какие-то фигуры. А ещё дальше загоны со скотом и лошадьми. Длинные, низкие строения для животных. Издалека деталей не разглядеть, но вроде бы всё обихожено старательно, с любовью. Но как ни высматриваю, жилых домов нигде не видно. Только когда подъехали почти вплотную к краю леса, стало ясно, что поселение разбито среди деревьев.

Крепкие дома и домики из тонких брёвен стоят прямо в лесу. Так что даже и не увидишь много ли их, и насколько далеко в лес уходит поселение. Белки нисколько не пугаясь людей, снуют по стволам со своими беличьими заботами. Где-то над нашими головами стучит дятел. Слезаем с коней, и оставляем их без привязи. Антиопа, словно уже кем-то предупреждённая, ждёт нас, выйдя из одного из домов.

— Здравствуйте, девочки! Здравствуй, Сергей, — це-

луя меня в лоб, приветствует нас предводительница амазонок. — Вам очень повезло. Через час меня здесь уже не было бы. Теперь придётся немного отложить отъезд. Как вы здесь оказались? Что-нибудь случилось?

— Нет, — говорю я, — ничего не случилось. Просто я давно хотел посмотреть, как вы живёте. А ещё девочки говорят, что к тебе из Рима много известий приходит. Хотелось бы их услышать, если можно. Вроде бы там что-то странное происходит.

— Антогора, Охота, Ферида, вы, наверное, хотите домой заглянуть? Правда, не все ваши родительницы дома. Идите и через поворот часов ко мне. Очень удачно вы появились. У нас как раз опытных старших над сотнями не хватает.

Из дверей дома, на пороге которого мы стояли, выходит Астерия в полном походном снаряжении.

— Мама, с кем это… Ой, Сергей, — восклицает самая быстрая вестница племени, — а я-то думаю, кого это моя родительница беседой развлекает. Очень рада тебя видеть. Аве!

— Вот, говорит, что в гости заглянул. Посмотреть, как мы тут живём. Извини, Сергей, у нас тут дела неважные и очень непонятные. Много времени я тебе не уделю, но пока твои спутницы ходят домой, можем пройтись по нашей деревне.

Вопреки ожиданию, не как в нашей пословице: "Дальше в лес — больше дров", в глубине леса оказалось светлее, чем на его краю. Оставлены не так уж и редко высокие деревья почти не препятствующие солнечным лучам. А около небольших домов и домиков, разбросанных на несколько десятков локтей друг от друга, сохранены кустики, а кое-где даже высажены цветники. Нигде мне ещё не встречалась картина такого окультуренного и, вместе с тем, гармоничного единения множества людей с природой. У эльфов и гномов в Верне

разве что. Но они не люди.

— Вот здесь у нас площадки для тренировок, — обводит рукой Антиопа несколько полянок меж деревьев.

На ближайшей к нам лужайке несколько десятков девочек десяти-одиннадцати лет занимаются силовыми упражнениями с камнями. Пожилая воспитательница приветливо кивает нам. Остальные лужайки пусты.

— Почти все взрослые сейчас на берегу моря, — объясняет Антиопа. — И мы тоже туда отправимся.

— Что случилось?

— Пока ничего и непонятно может что-то случиться или нет. Сами увидите. А вот наши кузницы.

Их целых две. Впрочем, это не удивительно, учитывая количество оружия и лошадей в племени. Две обнажённые по пояс женщины лет сорока-сорока пяти в кожаных фартуках. Одна держит клещами над наковальней раскалённую подкову. А другая, легко и ловко пробивает в ней отверстия для гвоздей. В обоих чувствуется необыкновенная живая сила. Но и как у всех амазонок не видно при этом вздутых, рельефных мужских мышц, или бугорчатых тел наших современных культуристок. Взглядывают искоса на нас и небрежно кивают жестом очень занятых людей.

Во второй кузнице две ещё довольно молодые женщины точат мечи.

— Сейчас мы заканчиваем и идём, — отвечает одна из них на немой вопрос Антиопы.

— Поторопитесь и соседкам скажите, чтобы бросали подковы. Ждать вас некогда.

А для этого не потребовалось никакого объяснения — детский сад. Много девочек, а несколько годовалых мальчиков, для которых кормление грудью закончилось, ожидают своей отправки к отцам. Рядом школа под открытым небом. Урок истории Греции. Понятно откуда у Фериды, Антогоры и Охоты такая необычная для жен-

щин этого времени эрудиция и тяга к красоте.

— Антиопа, ты тут упомянула какой-то поворот часов. Вы так меряете время? Что за поворот?

— А-а, у нас же нет таких часов, как у Александра на вилле. Которые внутри стучат и звенят время от времени. У нас солнечные и песочные. Поворот песочных часов — это, по-вашему, час. И большой промежуток на солнечных тоже час.

Возвращаемся к жилищу Антиопы. Наши лошади здесь и ещё чьи-то. Чудо несказа́нное уже вернулось, оделось в железо само, одело на коней железные нагрудники и о чём-то невесело разговаривает с Астерией и ещё двумя девушками в доспехах.

— Астра и Вилия, — знакомит меня с ними Антиопа. — Это моя охрана и вестницы. Нужно спешить. Иначе до вечера к морю не успеем. Охота, возьмёшь под себя седьмую сотню. Ферида — восьмую. У Астерии — девятая уже давно. Антогора, под твоей командой весь этот отряд. Это последние. Остальные уже на берегу. Пошли!

Кто взлетел, а кто и взгромоздился на своего коня. Двинулись вглубь леса. Хотя пока это ещё не лес, а населённый пункт. Представления не имею, как мы будем проламываться через настоящий лес на лошадях. Хотя бы он даже и не такой непролазный, как на севере. За последними домами бурлит скопление амазонок в доспехах и с лошадьми.

— Седьмая сотня! — подняв руку и, отделившись от нас в правую сторону, выкрикнула Охота.

В мешанине людей и лошадей образовалось движение вслед за Охотой.

— Девятая сотня! — выкрикнула Астерия и повела своих бойцов чуть налево.

— Восьмая сотня! — подала свой голос Ферида, и остаток от беспорядочного скопления выстроился за ней в колонну.

Оказалось, что не так уж сложно и опасно ехать на лошади по усыпанному большими и малыми полянами итальянскому лесу. Нижние ветви больших деревьев всё равно выше головы. А мелкую поросль лошадь подминает под себя. Молодые деревья почему-то не растут под сенью великанов и поэтому не очень часты, и лавировать между ними не составляет труда. Даже проезжая рядом вдвоём. Мы с Антиопой едем впереди. За нами её вестницы-охранницы и Антогора. Охота, Ферида и Астерия мелькают где-то слева и справа. В сотне Охоты оказалась и её мать. Теперь они едут бок о бок и о чём-то оживлённо разговаривают.

— Антиопа, ты упомянула, что не хватает опытных старших сотниц. А вон у Охоты в сотне и её мать и те женщины, которых я видел в кузнице. Каждая из них вдвое старше Охоты. И будут ей подчиняться?

— Кто чему обучен и какой у кого талант, тот тем и занимается. Возраст тут ни при чём. Это у нас все прекрасно понимают. В племени и Охота, и Антогора, когда требуется, таскают и дрова для кузницы. Чего сами кузнецы не делают. Наши работницы огня и молота прекрасные бойцы и никудышные командиры. Любая из них в поединке запросто отлупит Охоту, но никогда не окажет Охоте неподчинения в строю. Но ты вроде бы хотел поговорить о новостях из Рима. О том, что тут происходит, и почему мы сейчас едем на берег я тебе там, на берегу и объясню.

— Ладно, на берегу так на берегу. Понимаешь, на днях приезжал вестник из римского дома Александра…

— Забыла спросить, — перебила меня Антиопа, — а Александр-то почему не с тобой? Нет его здесь? Понятно.

— Так вот, этот вестник мало что интересного передал. Стало быть, наши друзья в Риме не очень-то осведомлены о том, что у них под боком происходит. Может у

тебя есть что-нибудь интересное о римских делах?

— Вряд ли. В основном то, что известно всем. У Октавиана и Антония вроде бы никаких разногласий. На сегодня во всяком случае.

— А что говорят об отсылке денег в Галлию для расположенных там легионов?

— Да ничего, кроме того, что давно было пора это сделать. Правда, Антоний тут руку приложил, говорят. Выторговал у Октавиана денег и на покрытие долгов перед войсками в Галлии. Его старания понятны — перетянуть легионы в Галлии на свою сторону.

— А что-нибудь про сенатора Флара слышала.

— Которого послали следить за выплатой жалования?

— Его са́мого.

— Сторонник Октавиана, но держится как-то особняком от других сторонников. Больше ничего. А что тебя беспокоит? С деньгами в войска всегда посылают кого-нибудь либо от сената, либо от императора. А то бывало, что деньги до солдат и не доходили.

— Сам не знаю, что меня беспокоит. Вроде бы обычное казённое дело, но вот промелькнуло боком одно знакомое имя и это меня насторожило. Думал, что тебе больше известно.

— Что за имя?

— Домиций Ульпиан.

— А-а, этот старый интриган! И что?

— Он должен был ехать вместо Флара, но внезапно заболел.

— Эка невидаль! И заболеть в его возрасте немудрено, и послать его могли, как любого другого. Не вижу ничего странного.

— И я не вижу, кроме того, что Ульпиан служит при Октавиане, похоже, для всяких тайных и тёмных дел. Октавиан ради присмотра за выдачей жалования солда-

там не стал бы удалять Ульпиана от своей особы.

— Думаешь, в Галлии что-то затевается? Новости-то до нас долго доходят. Жалование, наверное, уж давно выдано, а Флар на дороге домой. Но к нам-то какое это имеет отношение? Галлия от нас далеко. Хотя по ту сторону моря и других дикарей хватает.

— Пожалуй, никакого. Наверное, просто моё чрезмерное любопытство.

— Жаль, что мне не удалось его удовлетворить, — засмеялась Антиопа. — Но всё равно я рада, что оно привело тебя к нам. Хотя время, пожалуй, не очень подходящее для встречи гостей. Похоже, за разговорами мы уже почти половину пути проехали.

Примерно через час в запах леса вторгся запах моря, который ни с чем другим не спутаешь. Лес прервался огромной поляной, простирающейся далеко влево и вправо. Несколько сот огромных коней разной масти и тоже, как и в наших сотнях в стальных нагрудниках пасутся на ней. Пересекаем поляну, спешиваемся и, оставив амазонок отряда Антогоры на поляне, опять углубляемся в лес. Теперь лес уже недолог. Поляну с лошадьми и прибрежную кромку деревьев разделяют не более двухсот шагов. Кругом, насколько видно глазу, группами, парами и поодиночке сидят, стоят и лежат одетые в броню амазонки. Одни дремлют, другие что-то жуют, а большинство просто тихо разговаривают между собой. Голосов почти не слышно.

— На берег выходить нельзя, — предупреждает Антиопа.

За кустами опушки леса шагов на полтораста каменная осыпь, переходящая в жёлтый песок превосходного пляжа, вечерняя синева морской глади и красный диск заходящего солнца. На горизонте видны какие-то острова. Берег безлюден, но не пуст. Из конца в конец какие-то почти бесформенные сооружения из чего попало.

Вкопанные в песок брёвна плавника, всякие стоймя стоящие коряги, наваленные камни. Какая-то прерывающаяся каждые десять шагов широкими проходами стена в человеческий рост из всякого принесённого морем хлама. Примерно посредине между морем и лесом.

— Видишь, какая странная штука? — вполголоса говорит мне Антиопа. — Уже три ночи строят. Приплывают на больших лодках с островов и сооружают вдоль берега. Мы пока не мешаем и только наблюдаем. Море в руках Богов и всякий может временно искать себе места на чужом берегу. Мы не вправе мешать. Рыбаки часто тут высаживаются. Проплывающие корабли ищут воду и дичь в лесах. Нас не беспокоят и мы не против таких гостей.

Антогора, Охота и Ферида сквозь ветви тоже с интересом присматриваются к изуродованному пляжу.

— Как, по-твоему, что это такое? — поинтересовалась Антиопа.

— Если бы не нахальство и видимая бесцельность сооружения этой штуки я бы сказал, что это укрытие для воинов, скапливающихся для наступления. Но воинов-то нет!

— А если вдруг появятся?

— А смысл? Если воины есть, то для врага выгодно внезапное нападение. А тут словно предупреждают заранее, что готовятся к набегу. Бессмыслица.

— И я тоже ничего не пойму. Однако всё это кому-то же нужно. Столько сил потратить ни на что? Трудно поверить. Ладно, если бы этим занимался какой-нибудь сумасшедший или даже несколько. А ведь приплывают по сто и более человек. Я решила на всякий случай всех поднять. Строить вроде заканчивают. Дальше что? Если укрытие, то войско должно быть немалое. Дозорными постами его не сдержишь. К востоку и западу дозоры стоят всегда. Но там тихо. Каждое утро от них сюда при-

бывают вестницы и возвращаются обратно. Тревожно мне. Очень тревожно. Словно нас кто-то водит за нос, а я понять не могу, откуда ждать беды.

— А строителей рассмотрели?

— Похоже, что из племён по ту сторону моря. Когда-то те пытались делать набеги, но мы быстро отбили им желание соваться сюда.

Довольно быстро темнеет и на большой поляне, позади передовых позиций амазонок зажглись костры. Вечернее кормление войска. Постепенно огни гаснут, амазонки рассеиваются между деревьями и устраиваются на ночлег. Только мы с Антиопой обозреваем сквозь кусты берег, море и то же самое делают дозорные, расставленные через каждые сорок шагов. Тишина. Лишь время от времени брякнет железо доспехов, когда спящие поворачиваются во сне.

Гладь воды ровна и спокойна в свете луны. Проходит час, два, три. Я с трудом борюсь со сном. Вопросительно взглядываю на Антиопу. Она пожимает плечами.

— Давно бы должны быть и в море никого не видно. Непонятно.

Сон меня всё-таки сморил. Астра тормошит за плечо и подсовывает кусок хлеба с мясом. Птицы заливаются вовсю и солнце уже высоко. Протираю глаза и одновременно кусаю импровизированный бутерброд. Антиопа стоит поодаль и обсуждает что-то с группой старших. Подхожу к ним, продолжая жевать. Антиопа оборачивается и досадливо говорит мне:

— Вестница из западного дозора давно здесь. У них тихо. Из восточного дозора ещё никого нет. Вот дождёмся и будем думать, что делать дальше.

— И далеко восточный дозор?

— Миль пять-шесть. Там, где река впадает в море.

— Давно вестница оттуда должна бы быть?

— Не меньше поворота часов.

— Странное опоздание при вашей-то дисциплине. А, может…

— Что с тобой, Сергей?! — с беспокойством вскрикнула Антиопа, глядя как я, наверное, побелел, а из рук вывалился хлеб.

А у меня всё похолодело внутри от внезапно пронзившей мозг кошмарной мысли.

— Антиопа, — прохрипел я каким-то не своим голосом, — если мне память не изменяет, то река проходит рядом с вашим поселением. И дозорный от реки не прибыл.

— О, Боги! Нас выманили! — на мгновение задумавшись, прямо-таки взревела предводительница. — Антогора, отряд в седло! Остальным приготовиться и ждать при лошадях!

Это была просто бешеная скачка сначала по большой поляне. Потом на миг ворвались в прибрежный лес и тут же вылетели на морской берег. Копыта мчащихся во весь опор трёхсот огромных коней в один момент превратили песчаный пляж в стремительно перемещающуюся тучу взлетевшего в воздух песка. Скорее, скорее, скорее! А в голове глупая мыслишка, что хорошо, если бы под каждым из нас были бы неповторимые жеребцы Луизы. Опоздали!

Какие милые и странно почти безмятежные лица у этих трёх девочек. Самой старшей, наверное, не больше двадцати, а младшей не больше семнадцати. Рот приоткрыт, а изумрудные глаза удивлённо распахнуты. Доспехи у всех порублены и измяты ударами, а на открытых частях тел ни одного живого места. Порезаны и исколоты страшными ранами. Видимо, от злобы их терзали и после смерти. Между шеей и воротом панциря старшей торчит стрела. Наверное, нападавшие отчаялись справиться с ней в ближнем бою. Кровь уже начала густеть, но ещё не потемнела. Мы опоздали буквально на час.

Вся земля вокруг истоптана ногами множества напавших и, наверное, с десяток или больше их остались тут навсегда. Страшноватые фигуры в домотканой одежде или шкурах валяются тут и там. Кожаные нагрудники с бляхами, топоры, секиры, шипастые дубины и какие-то невообразимые шлемы. Галлы? Гунны? Франки? Германы? Не разбираюсь я в этих древних племенах. Вряд ли девочек застали врасплох. Скорее, просто отрезали от войска. Иначе они легко бы ушли от беды. Три лошади шагах в ста у кромки леса стоят, и обеспокоенно смотрят на нас.

Антиопа упала на колени рядом с младшей. Опустила ей ладонь на лицо и закрыла глаза.

— Мерида, — вздохнула, словно всхлипнула предводительница амазонок. — Это был её первый дозор. Антогора! Костьми ложитесь, а опередите их и к домам, полям не подпустите. Судя по следам от лодок на берегу их очень много. Держитесь — мы скоро за вами. На открытое место не выходить, чтобы не становиться мишенями для лучников. По десять своих лучниц от сотни поставить позади строя. Пусть выбивают самых опасных. Берег крутой и каменистый, трудный для лошадей. Вы быстрее доскачите через лес. Пошли!

Три сотни сорвались с места и вмиг исчезли среди деревьев. Мы тоже рванули и понеслись обратно по берегу. Прямо на скаку Антиопа указала мне на моё место в событиях:

— Твоё место, Сергей, позади всех. Понимаешь? Помочь в драке ты нам ничем не можешь, а отвлекать девочек на твою защиту мы не должны. Держись подальше. Никто не знает, сколько их там.

Земля задрожала, когда лава, наверное, из тысячи амазонок на огромных конях поскакала через поляну и лес в сторону своего дома. Моя лошадка полегче и побыстрее любой четвероногой громады амазонок. Но по

выносливости она им сильно уступает. Через полчаса бешеной скачки я стал понемногу отставать. Тогда-то и выяснилось, что Антиопа всё-таки не оставила меня своими заботами. Её охранницы Астра и Вилия почему-то оказались рядом. То ринутся вслед за всеми, то придержат лошадей и ждут, когда я поравняюсь с ними. В конце концов, я им крикнул:

— Оставьте меня! Я буду осторожен!

Астра благодарно махнула рукой, и они понеслись вслед за всеми. Отставать не означает, что я остался один. Просто войско амазонок уходит всё дальше от меня, но остаётся в пределах видимости. Я вижу, как оно разделилось надвое. Половина всё так же держится к дому, а половина пошла левее, к реке. Я свернул за ними. Здесь берег уже достаточно ровный, и бег пошёл быстрее.

Слегка замедлились у каменной осыпи, пересекающей берег и упирающейся в высокую скалу, стоящую прямо в воде. Тут я их немного нагнал, но за осыпью амазонки опять подстегнули коней. От всей массы отделилось десятка два девушек, спешились у скалы, мгновенно сбросили доспехи и стали карабкаться на вершину. Зачем?

Когда я пролетел мимо скалы, то стало видно поле битвы. О, Господи! Да сколько же их тут? Как муравьёв! А лодок-то, лодок! Сотня или две? Всё происходит как раз в том месте, где по широкому берегу реки кончается лес с поселением в нём и начинаются поля и загоны. Амазонки отряда Антогоры заняли край леса и прикрыты деревьями и молодой порослью опушки. Отбиваются успешно. Вдоль деревьев уже навалено порядочно мёртвых тел. В оконечности леса, похоже, засели лучницы и не дают врагу обойти линию обороны через поле. Но слишком велик численный перевес. Рано или поздно отряд охватят слева или справа, или прорвут строй,

навалившись в одном месте.

Хотя, что это я. Не обойдут и не прорвут! Времени у нападающих на это уже нет. Лава амазонок, скачущих во весь опор по берегу реки наваливается на эту огромную банду сбоку и начинает давить всех встречных конями. Почти в тот же момент из-за спин обороняющихся вываливается на врага часть войска, скакавшего через лес. Началась просто-напросто какая-то натуральная резня. Конный вал сшибает фигурки в шкурах как кегли, топчет их копытами, а вышедшие из-за деревьев амазонки отряда Антогоры, растянувшись цепью, идут за валом и добивают ещё живых.

Кое-где пришлые сбиваются в кучки. Ощетинившись оружием, прочно противостоят конным наскокам амазонок. Тогда тактика боя амазонок меняется. Всадницы кружат вокруг такой обороняющейся группы, держа врагов в напряжении, а несколько пеших амазонок, используя преимущество длинных мечей, взрезают оборону, как консервную банку. Через несколько мгновений всё кончено.

Правда, не всё так уж благополучно. Вон одна лошадь носится без всадницы. И ещё одна, и ещё, и ещё, но исход предрешён. Последние остатки бородатых дикарей в мохнатых одеждах прижаты к реке и добиваются. Три лодки успели отчалить и, набитые отступающими, спешно на вёслах уходят вниз по течению. Правда, уходят не очень далеко. Когда поравнялись со скалой, с её вершины полетели вниз камни, калеча гребцов и пробивая днища лодок. Метательницы камней ссыпались вниз со скалы, и с ножами в зубах поплыли к оказавшимся в воде врагам. Через две минуты всё и везде уже завершилось.

Жутко подходить к этому побоищу. Ноге ступить некуда. Пробираюсь по кромке воды мимо груд тел с конём на поводу. Амазонки отталкивают почти все большие,

мореходные лодки от берега и те плывут по течению. Пытаюсь их сосчитать. Не меньше двухсот. Если на каждой было по двадцать воинов, то на берегу лежит сейчас около четырёх тысяч трупов. Амазонок участвовало в этой короткой битве втрое меньше. Но лошади-то каковы!

Что-то вода у берега вроде как покраснела. Амазонки, переговариваясь между собой, отмываются сами и отмывают своих коней. Поодаль стоят старшие, окружив Антиопу, и что-то обсуждают. Вижу и знакомую женщину, стоящую по колено в реке — кузнец. Из тех, что постарше. Которая подкову клещами держала. Приветливо кивает мне, смывая водой с ног и рук красные пятна.

— Вот такая у нас иногда работа. Да и она ещё не кончилась.

— Разве? Почему?

— А хоронить, кто всё это будет? — ответила работник огня и молота, кивнув в сторону побоища.

— Да, я как-то и не подумал. А где твоя напарница?

— Нет у меня теперь напарницы, — тихо проговорила амазонка и отвернула голову.

Только сейчас у меня пропало какое-то дурацкое чувство, будто всё, что я видел — это спектакль. Ужасный, но, тем не менее, постановочный спектакль.

— Мне очень жаль. Я так вам сочувствую.

— Ладно уж, а тебе спасибо от всех нас.

— Мне-то за что?

— Говорят, ты первым сообразил об угрозе. Представляешь, что было бы с поселением и нашими детьми, если бы мы опоздали хотя бы на полчаса?

От группы старших отделились вестницы и побежали по берегу, громко крича всем:

— Тела в реку! Тела в реку! Пусть плывут, откуда пришли!

Я присоединился к Антиопе, наблюдающей, как всё

войско амазонок занято этой мерзкой, но неизбежной работой. Доспехи амазонок сняты и аккуратно разложены в стороне. Трупы пришельцев стаскивают в воду и пускают по течению. Сюда же — к нам приносят тела погибших амазонок и укладывают в ряд на траву. Чуть дальше импровизированный лазарет. Хотя и дома рядом. Раненых немало. Некоторые пострадали даже довольно серьёзно, но нет ни бесцельной суеты с причитаниями, ни жалоб и стонов. Пожилые женщины и девчушки из поселения ловко накладывают повязки. Глубокая старуха, наверное, здесь главный хирург. Искусно орудуя хирургической иглой, сшивает края длинной и глубокой раны на бедре. Её пациентка, запрокинув голову и сжав зубы, молча переносит процедуру. Только выступившие из-под ресниц слёзы выдают её боль.

Видна и работа Александра. Йод, перекись водорода и, похоже, спирт, а также стерильный перевязочный материал в достатке. Да и кое-какие хирургические инструменты совсем не отсюда.

— Астерия! — подзывает предводительница свою дочь. — Пошли кого-нибудь или сама сходи в устье. Нужно привезти девочек из дозора. Или нет, возьмите одну из лодок. Вам нужно обернуться до заката. И их лошадей приведите.

Подходят Ферида с Антогорой.

— Антиопа, Серж, пойдёмте с нами. Там странных мертвецов нашли.

Перешагивая через трупы и уступая путь переносящим тела к реке, идём к краю поля битвы у реки. Действительно, две странные фигуры лежат на земле. Не потому странные, что сами по себе странные, а странные потому, что их здесь вроде бы не должно быть. Один из них мужчина лет пятидесяти, а другой тридцати. Светлокожие и по-римски бритые. В обычных, лёгких нательных доспехах рядовых римских легионеров. Без

шлемов. Во всяком случае, они здесь рядом не валяются. И оружия при них не видно. Даже ножен у пояса нет. Явно не для драки они здесь оказались. Странная пара. Наблюдатели или советники что ли? Но, как я понимаю, в пылу боя никто со странностью разбираться не стал и оба попали под горячую руку. У старшего череп разрублен до переносицы. У более молодого дыра в груди.

Понятно, что никакие это не легионеры. Нет оружия. Да и не в оружии, собственно, дело. Пальцы старшего унизаны золотыми перстнями. С камнями и без камней. Таких легионеров не бывает. Антогора, проследив мой взгляд, приседает на корточки, стаскивает с пальцев трупа перстни и подаёт мне.

— Нет, мне только один вот этот, который попроще, — выбираю я. — Остальные отдай Антиопе. Это ваши трофеи.

Перстень-печатка какого-то аристократа с вязью букв. Преодолевая тошноту от вида разбитого черепа, пытаюсь представить себе, как выглядело лицо старшего раньше. Нет, не встречал его в Риме. Во всяком случае, не помню.

— Девочки, позовите сюда Охоту, — и когда та подошла, попросил:

— Посмотрите внимательно. Не видели ли вы этого человека где-нибудь раньше?

Чудо несказáнное отрицательно и дружно помотало головами.

— Жаль. Отправляйте их, куда и всех.

Я оглядел поле. Очищение его от тел идёт довольно быстро, но и площадь очень велика. Разве что только к закату управятся. Русло реки до видимого поворота вниз по течению усыпано медленно плывущими телами. Лодка Астерии с амазонками на вёслах несётся к морю, не обращая внимания на эти помехи, и скрывается за поворотом.

— Тебе что-то в голову пришло с этими двумя? — спрашивает Антиопа. — Правильно девочки сообразили, что не на месте они.

— Ещё как не на месте! — откликаюсь я, подавая ей перстень-печатку. — Не берусь утверждать в полной уверенности, но с большими основаниями можно думать, что сенатор Флар вовсе не на дороге домой после выдачи жалования войскам. А на дороге в царство Плутона после выдачи жалования большой разбойничьей ораве из-за моря. Если поделить восемьдесят тысяч денариев из казны Рима на четыре тысячи воинов в набеге, то каждый получит по двадцать монет. Хороший стимул для начала. Хотя может быть и проще. Все восемьдесят тысяч вождю племени или правителю страны, и бери воинов, сколько хочешь.

— Но мало ли аристократов с именем, начинающимся на букву "Ф", — возразила Антиопа, разглядывая перстень.

— Немало, — согласился я, — но и совпадений уж слишком много.

— Да, — вздохнула Антиопа, — согласна с тобой. Совпадения налицо. После погребения созову Совет племени.

Лодка с павшими девочками из дозора прибыла, когда солнце уже наполовину ушло за горизонт. Тела обмыли и уложили в ряд со всеми. Двадцать две амазонки потеряли мы сегодня. Тягостный обряд начался. Зажглись костры, окаймляя кольцом лежащие тела. Близкие погибших уже давно сидят рядом с телами. Всё племя от мала до велика большим кругом стоит и сидит вокруг тел и костров. Несколько женщин разного возраста, облачённые в какие-то свободные хламиды, кружáт вокруг тел, что-то тихо напевая. Местные жрицы? Некоторых из них я видел днём в доспехах.

— Песнь о павших продлится до рассвета, — тихонь-

ко толкает меня в бок, сидящая рядом на траве Антогора. — Не запрещается спать при этом или уйти. Но я ещё ни разу не видела, чтобы во время такого обряда кто-нибудь уходил совсем.

Я и в самом деле заснул в середине ночи, привалившись к плечу Антогоры. Утром тела переправили на другой берег реки — на кладбище. Могилы уже отрыты. Могильные плиты сделают позднее, а пока подготовлены деревянные колышки с именами. После обряда похорон бродим с Антогорой по кладбищу. На могильных надписях ничего кроме имён и цифр с одной буквой "л" или "д".

— Возраст, — объясняет Антогора.

Кара — 29 лет. Фриза — 75 лет. Одра — 16 лет. Пина — 19 лет. Руза — 44 года. Леста — 2 дня… Ряды могил уходят далеко. Много, много их здесь молодых и не очень за триста или пятьсот лет, но стариков единицы. Вот и сегодня добавились ещё почти все молодые. Кому они жить помешали? Почему они должны умирать такими юными?

— Пора на Совет, — напоминает Антогора.

Едва поместились в доме Антиопы. Двенадцать сотниц, включая Охоту и Фериду. Четыре командира отрядов, включая Антогору. Старейшая амазонка, которую я видел вчера за зашивкой ран. Старшая воспитательница детей. Старшая учительница. Кузнец — знакомая мне, хотя так и не знаю до сих пор её имени. Антиопа и Астра с Вилией. Я не в счёт. Тесновато.

— Вот, опять отбились, — начала Антиопа. — Не скажу, что с большим трудом, но вот потеря у нас большая. Двадцать две девочки — это очень много. Мы от таких утрат уже отвыкли — давно подобного не было. И отбились знаете почему? То-то же! Надеюсь, что больше не будет разговоров о смягчении условий военного воспитания. Кто в прошлый раз плакал о тяготах для моло-

дёжи? А? Ещё раз услышу, то на страдалиц наложу такие тяготы…

— Оставь их, Антиопа, — заговорила кузнец. — Они уже всё поняли.

— Оставь, оставь! — передразнила её предводительница. — Вечно ты их защищаешь. Что там у тебя, Одра, по добыче?

Оказывается, что кузнеца зовут Одрой и она ещё вдобавок и казначей племени!

— Добыча очень скудная. Дубины, секиры и топоры нам не нужны, как оружие. А ничего путного для хозяйства из них не сделать. Нет, попробовать превратить их в мягкое железо можно, но это потребует много времени и сил.

— Выбросить?

— Скорее, да, чем нет. Оставить немного на изготовление ножей. С деньгами тоже неважно. Со всей этой огромной оравы собрали монет, золота и серебра всего примерно на тысячу двести денариев. Вот и решайте, на что мы их потратим. Да ещё в Риме нас, как обычно надуют при обмене вещей на монеты. Правда, урожай у нас хороший, но зерно на продажу везти далеко. Так урожай в этом году везде хороший. Цены упадут, и мы останемся с носом. Железа мягкого нам нужно прикупить и гвоздей строительных. И на виноградную лозу всё никак денег выделить не можем. Так что опять, как и в прошлом году на всё денег не хватит.

— С тканями у нас совсем беда, — вступила в разговор самая старая амазонка. — Кусочки сшиваем для нательной одежды, а девочки хотят ещё и кожаную подшивать.

— Да, с тканями у нас и в самом деле совсем плохо, — согласилась со старухой Антиопа. — И девочек можно понять. Подшитая тканью кожа приятнее для тела. Одра, сколько нам нужно?

— Если скромно, то хотя бы по двадцать локтей ткани в год на каждую. И это притом, что мы не носим таких роскошных и длинных одежд, как римлянки. Это получается сорок тысяч локтей по два сестерция за локоть. Всего восемьсот денариев.

Повисло тягостное молчание.

— На детей тоже по двадцать локтей? — с надеждой спросил кто-то из угла. — Может меньше?

— Вот будут у тебя дети и тогда узнаешь, что им нужно больше, чем взрослым, — сердито бросила Одра, обернувшись к говорившей.

— Ладно, сделаем так, — решила Антиопа. — Без железа нам никак нельзя. Поэтому хотя бы двести денариев на это мы должны отдать. Ткани тоже возьмём. Без них мы совсем человеческий вид потеряем. Посмотрим, что у нас останется. Очень хочется своего винограда и вина, но уж, что поделаешь, потерпим ещё. Не пойму, почему у нас с ним ничего не получается.

— С виноградом, наверное, Александр сможет помочь и без денег, — подсказал я. — У него в поместье хороший виноград. И женщины-виноградари, наверное, найдутся. Помогут взрастить.

— Вот это было бы хорошо! — оживилась Антиопа. — Однако у нас есть проблема и посерьёзней. Сергей, может, ты расскажешь?

— Попробую. Среди убитых при набеге на нас…

— На вас? — брякнул кто-то из нетерпеливых и бестактных старших сотенных девочек.

— На нас, на нас, — раздражённо подтвердила Антиопа. — Александр и Сергей наши друзья и вы это все знаете. Наши беды — их беды и наоборот. Продолжай!

— Так вот, обнаружились два римлянина. Один из них очень непростой. Мы с Антиопой полагаем, что это важный человек со своим помощником. Что нас заставляет так считать? По известиям из Рима в Галлию был

направлен Сенатор Флар, чтобы следить за выдачей жалования войскам. Причём также известно, что денег при сенаторе было много больше, чем требуется для обычной выплаты солдатам. А теперь вспомните, как Рим пытался выгнать вас с ваших земель при помощи юридического крючкотворства. Давно ли это было? Но эта затея у них провалилась. А теперь вот обнаруживаются люди из Рима среди внезапно набежавшей орды с той стороны моря, но Антиопа полагает, что не из Галлии, куда из римского казначейства повезли непонятные деньги. Галлия не совсем в той стороне. Но Флар-то здесь. Что мы должны думать?

— А что тут думать! Этот Рим уже давно нужно было бы подпалить с четырёх концов, — высказались радикалисты из нетерпеливых и бестолковых.

— Ну, подпалить — не подпалить, конечно же, не то. Но как-то нужно вынудить Рим оставить нас в покое, — рассудительно заметила старейшая амазонка.

— У меня в последнее посещение Рима очень чесались руки удавить этого крысёныша Октавиана, — вспомнила Антогора. — Напрасно я этого не сделала. Вчерашнего набега не было бы.

— Очень хорошо, что мы здесь единодушны, — подняв руку, чтобы все замолкли, произнесла Антиопа. — Осаждать Рим мы, конечно, не будем, но убрать оттуда враждебных нам властителей нужно бы. Сергей, мы можем что-нибудь сделать?

— Почему бы и не попытаться. Конечно же, это должна быть тайная интрига, заговор, а не лобовой налёт. Рим же. А заговор нужно подготовить. Собрать сведения, составить план. Но ситуация такова, что вряд ли всё можно будет проделать лишь болтовнёй.

— Мы будем нужны?

— Обязательно и много. Не меньше сотни. Вдруг потребуется демонстрация силы для поддержки разгово-

ров. И первым делом нам всем нужно, чтобы племя оказалось под защитой государства. Иначе будет трудно говорить в Риме о правах племени даже с нашими сторонниками.

— Как это под защитой государства?

— Я тебе говорил, Антиопа, что раз вы стали владельцами земли, то придётся платить налоги. Пока вы не платите налоги, то и не являетесь гражданами Рима. Сейчас осень — время сбора налогов. Нужно заплатить первый — подушный и как можно скорее. Взять у откупщика расписку с печатью об уплате налога. Если тот будет упираться, то сами знаете, что делать.

— Откупщик, который собирает налоги, сидит в Алкалии. Это больше двадцати миль отсюда, — сообщила Одра. — Да и денег, сам видишь, как у нас мало. А сколько платить мы даже и не знаем.

— Всё это неважно. Заплатить можно зерном. Ты же сама говорила, что урожай хороший. Сколько заплатить тоже неважно. Отвезите мешков пятьдесят-семьдесят или, вообще, все излишки, если их некуда деть. Если будет мало, то можно будет довезти позже. Если окажется много, то перейдёт на следующий год. Нам важно получить на руки доказательство уплаты. Оно делает вас гражданами Рима. Как въедете в Алкалию, спросите местных жителей о налогах и ценах на зерно. Сколько за кого платить? За мужчин, женщин и детей берут поразному. А то откупщик может вас надуть. Солнце ещё не в полдне. Если поспешите, то успеете погрузиться и доехать до Алкалии уже сегодня, а завтра вернётесь обратно.

— Антиопа, мы тогда пошли?! — вопросительно заявила Одра. И, захватив с собой пару молодых сотниц, ушла.

— А мы тогда с Антогорой отберём девочек пособразительнее и половчее. Я сама их поведу. Затея у нас

опасная. Могут и не все вернуться.

— Конечно, сама. Представитель племени должен же быть у нас наготове. Что там у нас получится, кто знает…

*

Через три дня колонна амазонок въезжала во двор виллы Александра. Компания Габора, разинув рты, взирала из сада на эту демонстрацию силы и красоты.

— В конюшне только ваши лошади и поместятся, — сказал я Антогоре. — Остальных выгоните в поле. Пусть сами пасутся. Доспехи сложите в нижних залах. Не представляю, где мы всех расположим с ночлегом и едой. Давайте так, столы, какие есть вытащим в сад. Там и будем обедать. Место, где спать девочки пусть сами ищут себе в доме. Только на наши лежбища пусть не зарятся. В библиотеку можно положить человек двадцать. В наших комнатах на полу и кушетках человек по пять. В столовой, гостиной, верхних и нижних комнатах для гостей тоже много поместится. В первый этаж не нужно никого помещать — полы каменные. Александру в спальню можно вселить десяток. Так что вроде места и хватает, а вот на чём лежать…

— У всех походные мешки с собой. Набьют травой или сеном.

— Ферида!

— Я здесь.

— Бери серебряные деньги, Мара, запрягайте повозку и давайте в село за едой. Берите всё, что только дадут. Помощниц взять с собой не забудь.

Почти все новоприбывшие всю жизнь прожили, не покидая племени. Теперь группками бродят по всем трём этажам виллы, разглядывая диковины невиданного жилища. Пусть себе бродят, где хотят. Надо же как-то привыкать к атрибутам древнеримской цивилизации. А то ещё, не приведи Боги, в самом Риме растеряются. Хотя

вряд ли — не то воспитание. Где-то внизу, в первом этаже истошный визг и плеск воды. Вот, пожалуйста, кого-то ради потехи уже спихнули в бассейн.

— Ладно, Антогора, я отправлюсь разыскивать Александра. Ты со всей компанией лучше кого бы то ни было управишься. Не вижу Антиопы. Где она? А, впрочем, не надо. Передай ей, чтобы на своих девочек не давила. Пусть чувствуют себя свободно и делают, что хотят. Ну, не совсем, что хотят, конечно. Какой-то предел должен быть. Например, Александр очень удивится и расстроится, если появится здесь и вдруг не обнаружит своего дома на месте. Я пошёл!

И в самом деле, пошёл. Скрылся за деревьями и огляделся, не видит ли кто меня. Вроде нет. Но амазонки пронырливый народ. Особенно в таком количестве, из-за которого не уследить, кто и где находится. Когда выходил из виллы, то увидел, что несколько девочек уже в саду. Не обидели бы они наших фавнов. Пройдусь-ка я на всякий случай подальше. Углубился в лес ещё шагов на двести и наткнулся на жилище нимф. А меня вот всё интересовало, куда это Ферида бегает звать нимф на купание.

Лесная прогалина и на ней сплетённый из живых ветвей дом. Словно дом или не дом, а большая, изящная и замысловатая, лесная беседка растёт себе из земли и не знает, что домам не положено самим расти — их строят. Но нимфы — не люди и, может быть, и умеют растить живые дома. Красиво! Вьющиеся растения взбираются на стены, огибают окна и распускаются цветами небывалой радужной гаммы. Зайти? Не приглашали. Отступаю на несколько шагов назад и ухожу в Питер.

*

Александра дома нет, как нет ещё и двух часов дня. Наверное, ещё в школе. У Стеллы его сменил нанятый менеджер. Ну, что ж, пойдём в школу. Александр и в са-

мом деле там. Заканчивает последний урок. Звонок. Выходим на улицу.

— Ты что это припёрся? Вроде бы отправился отдыхать, а сам другим покоя не даёшь. У меня ещё продлёнка сегодня.

— Попроси кого-нибудь подменить.

— Ты это серьёзно?

— Более чем. И напиши заявление за свой счёт дней на десять. Соври что-нибудь. Если надо пообещай коллегам материальную благодарность сверх официальной платы за переработку.

— Так серьёзно?

— Я тебя вон в той уличной кафешке подожду. А то дождик накрапывает.

Не задавая больше вопросов, Александр унёсся в школу. В кафе среди дня не многолюдно. Оккупирую столик подальше от всех и заказываю кофе. Кругом мир и спокойствие. Никто и не подозревает, что сейчас в этом невинном заведении начнёт зреть заговор против Великой Римской Империи. Александр прилетает через полчаса. Тоже заказывает кофе.

— Выкладывай!

— На племя был набег из-за моря. Двадцать две девочки погибли.

— Ох!

— Вот тебе и "ох". И ещё какой "ох" — двойной и тройной. Амазонки, конечно, всех уложили, но среди мёртвых дикарей обнаружились двое римлян, — и я рассказал всё по порядку, начиная от сообщения Антогоры об уехавшем вестнике из Рима.

— Надо же, как неймётся этим сволочам! Нашу римскую коалицию самозащиты опасаются трогать. Решили подойти с другой стороны и разбить нас с тыла чужими руками. И они как бы ни при делах, и наша коалиция лопается, как мыльный пузырь без защиты амазонок. Лов-

качи! Пошли!

— Погоди, погоди, там сейчас такое творится, что спокойно с глазу на глаз не поговорить.

— Понятно. Три амазонки для моей виллы в самый раз, а сто — это уже большой перебор?

— Что-то вроде этого. Так что лучше посидим пока здесь.

— Есть какие-нибудь мыслишки?

— Как обычно. Слишком мало информации у нас о том, что происходит на кухне Октавиана и Антония. Не с чем интриги начинать.

— И что?

— Нужно и сведения из их банды выдавить, и заставить делать то, что им делать совсем не хотелось бы. А свои козыри мы попридержим.

— Думаешь наша осведомлённость большой козырь?

— У нас есть кое-что побольше просто осведомлённости. Именной перстенёк убитого на землях амазонок римлянина. Пока о нём молчим и, если выяснится, что перстенёк и в самом деле сенатора Флара, а сам он где-то пропал, то у нас будет не козырь, а целая куча козырей. Амазонки-то теперь богатые собственницы имущества и гражданки Рима. Представляешь, какая картина вырисовывается. Правители Империи организовали на деньги Империи набег враждебных племён на территорию Империи, её граждан и имущество этих граждан. Это ведь предательство непростительное и императору. Понимаешь? Перед этой парой замаячит петля, несмотря даже на то, что они сейчас на самом верху.

— Классная идея! И с чего начнём?

— С блокады Рима.

— Чего-чего?

— Оглох что ли? С блокады. Сколько в Риме ворот для въезда-выезда?

— Восемнадцать.

— Очень хорошо. Объезжаем Рим вокруг и у каждых ворот оставляем по пять-шесть амазонок. Пусть они войдут в город и обоснуются у самых ворот. Постоялый двор, таверна или наём дома. Ты со своими друзьями присоединишь к ним по человеку, знающему Рим и Антония с Октавианом в лицо. Никто ничего не делает, а просто наблюдают, как народишко шастает туда-сюда через ворота. Гражданки Рима могут позволить себе такую невинную забаву, как сидеть в полном вооружении у любых городских ворот и смотреть по сторонам. Кому какое дело до этого!

— Я всё время удивляюсь, какой ты, Серёга, жук! Мудрый не по молодости жук. Такое удумать, что и придраться не к чему. Везде возникнут вопросы, поплывут слухи, а ответы на них только у нас. Информация и визитёры к нам валом попрут, а мы будем только подбрасывать дровишек в огонь.

— Вот-вот. Именно попрут. Не могут не попереть. Амазонки здесь, хотя их тут и не должно быть. И что там у них произошло неизвестно. Сенатор-то пропал. Если бы при этом ещё кто-нибудь шумел, требовал чего-то, и то было бы спокойнее. А амазонки и ночью не выпускают ворот из вида. А вдруг их армия на подходе и они здесь, чтобы открыть перед ней ворота? Вариантов слухов и предположений великое множество. Будем подогревать те, которые нам выгодны. На самом деле нам нужно, чтобы Октавиан и Антоний ни под каким видом не выскользнули из города.

Вот вроде вчерне пока такой план. Можно идти. Но меня, знаешь, что ещё гложет, хотя здраво рассуждая, вины на нас нет никакой?

— Что?

— Не затеяли бы мы эту коалицию самозащиты…

— То не было бы и набега на амазонок, — закончил Александр. — Печально, как факт, но, сам понимаешь,

любое наше действие или бездействие в любом случае вызвало бы какую-нибудь подлость с той стороны. Октавиан-то даже и без нас пытался нагадить амазонкам.

*

Надо же, вилла Александра всё ещё на месте и даже не повреждена. И что особенно странно — тихо кругом.

— Пойдём через сад, — предлагаю я. — Там вроде кто-то копошится.

— Чего это вы все столы сюда вытащили?

— Так в доме всем не поместиться. Твоя столовая максимум на сорок человек. А тут, если за столами всем места не хватит, то хоть скамеек много.

Несколько девочек таскают из дома посуду и расставляют на столах. Антогора пересчитывает места. Габор со своей компанией тут же. Комментируют действия девочек и путаются у них под ногами. У Антогоры лопается терпение:

— Что вы тут топчитесь, мохнатые! Мешаете только. Взяли бы кувшины, да принесли вина. Можете не торопиться.

Рогатая компания мигом исчезла, почуяв возможность загрузиться и самим прямо в погребе.

— А где остальные? — спрашиваю я.

— Некоторые на кухне, а кому занятия не нашлось, отправились с Антиопой на озеро, — ответила Антогора, подставляя Александру щёку. Посмотрела на солнце и добавила: — Наверное, скоро придут обратно.

И в самом деле, за столами все так и не уместились. Кто-то разбрёлся по скамейкам со своими плошками. Подчистили всё, что было. Вино, конечно, стало предметом особого интереса Антиопы.

— Александр, Сергей говорит, что ты можешь нам посодействовать с виноградом. У нас что-то плохо получается. Опыта нет. Никогда не сажали, а вот несколько лет назад решили попробовать. Неудачно. Несколько

раз покупали саженцы и всё впустую.

— Нет ничего проще и время сейчас как раз подходящее для посадки. Какое вино вам больше всего понравилось? Это? И это тоже? А это красное? Понятно. Три сорта, стало быть. Хорошие сорта не только для вина. Ягоды тоже вкусные. Винные виноградники за селом. Потом сходим и поговорим с крестьянами. А если кто-нибудь хочет ягод, то вон за садом маленький виноградничек для стола. Там, наверное, ещё что-нибудь осталось. Можно пощипать.

Несколько амазонок сразу ринулись туда.

— Сергей мне всё рассказал, — вздохнул Александр. — Тянуть нам незачем и завтра утром двинем в Рим. Антиопа, собирай всех в библиотеку. Расскажем, что будем делать.

В библиотеке едва-едва все поместились. Кто-то стоит у стен и в дверях, многие расселись прямо на полу, а счастливицам, прибежавшим впереди всех, достались кушетки. Антогора смешно сморщила носик, увидев, что её любимая кушетка уже полностью оккупирована и шансов завалиться на неё нет, и не будет. Бесцеремонно втиснулась ко мне в кресло, правда, рассчитанное чуть ли не на великанов, а Охоту посадила себе на колени.

— Объясняю всем задачу, — начал Александр. — Всех вас здесь, кроме вашей предводительницы сто десять человек. Очень удачное число. Нам нужно восемнадцать команд по пять-шесть человек. Так что Антиопа разделит вас по шесть человек, назначит старших и две из вас — Астра и Вилия так и останутся вестницами при Антиопе. Вот и сто десять. Когда мы приблизимся к Риму, то у каждых ворот будем оставлять по команде.

Вот теперь слушайте внимательно. Потому как дальше будете действовать самостоятельно. Вам вместе с лошадьми нужно будет устроиться в городе рядом с во-

ротами. Всё равно где. Подойдут и постоялый двор, и таверна. Если их нет, то нужно будет договориться с постоем у жителей. Деньги на всё у вас будут.

— Ворота брать будем? — послышался чей-то вопрос.

— Нет, только наблюдать за воротами, словно вас очень интересует, кто и когда в них входит и выходит. Ни во что не вмешиваться и в драки со стражей не вступать.

— Совсем ни во что не вмешиваться? — послышался уже совсем другой голос.

— Правильный вопрос. Смотрите сами. Вмешаться можно, например, чтобы выручить кого-то из беды. Смотрите по сторонам весь день и даже ночью. К каждой команде присоединится по местному жителю, которых мы к вам пришлём. Они будут знать в лицо Октавиана и Антония. Ваша главная задача только в одном. Если кто-то из этих лиц пожелает выйти из города, то не выпустить его за стены. Даже, если придётся подраться. Если они появятся рядом, зовите подмогу от соседних ворот. А так, ни на что внимания вроде не обращаете и не давайте себя спровоцировать на нарушение порядка. Но и в обиду себя не давайте. С окрестной публикой старайтесь подружиться, но лишнего не болтайте. Вроде всё.

— Нужно будет захватить Антония или Октавиана?

— Нет, только не дать выйти из города. Пусть катятся обратно. Ещё есть вопросы? Нет? Тогда твоя очередь, Антиопа, дели всех на команды.

Я легонько щипнул Охоту за ягодицу и подсказал:

— Тащи мешок.

Она соскочила с Антогоры, полезла в шкаф и взвалила на стол, звякнувший серебром мешок.

— По сколько давать?

— По две горсти должно хватить.

Управились быстро. Антиопа называла имена и

назначала старших, а Охота отсыпала старшей монеты. Мешок сильно похудел. Даже можно сказать, что вконец отощал, но хватило всем.

Александр с Антиопой отправились в село говорить с виноградарями, а девочки рассыпались кто куда. Как саранча прочесали плодовый садик. Если там что-то и было, то после них остались только листочки. Габор и Фаустус, смотрю, завлекли в саду двух долговязых амазонок какими-то сказками. Но быстро схлопотали по рукам и убрались в лес. Большая группа двинулась к озерцу. Нашлись и желающие полюбоваться необычными нарядами Антогоры, Охоты и Фериды. А почему бы и не примерить их, а заодно и вызвавшие наибольший интерес трусики. Подглядывать не стал. Хотя и сильно подмывало побаловаться таким интимным зрелищем. Все как-то сами нашли себе занятие до ужина.

Уже стемнело, когда Мар подкатил к дверям на дорогу повозку со свежим, не совсем даже высохшим сеном. Кому не досталось мягкой лежанки, набили свои дорожные мешки сеном. Запах от этого сена в доме — сказочный. Сунулся в свою ванную освежиться — чёрта два! Намыленная красотка в полутьме блаженствует под холодным душем и одновременно с наслаждением принюхивается к куску ландышевого мыла, зажатого в кулаке. Хоть бы в спальне ни на кого не наступить. Осторожно пробираюсь между лежащими на полу девочками. Все уже спят. Привыкли отходить ко сну с наступлением темноты. На моей кровати кто-то лежит.

— Подвинься же! — пихаю я это тело.

Тело что-то недовольно промычало, но подвинулось.

Наутро не только рядом со мной никого не оказалось, но в спальне даже и мешков не видно. Будто ночная катавасия мне приснилась. Зевая выхожу на террасу. Вот они — все сто десять и три наших во главе с Антиопой колонной возвращаются с озера. Свежие и весёлые.

Словно и нет у них в памяти той кошмарной битвы несколько дней тому назад. Я даже непроизвольно поёжился.

После завтрака массовая гимнастика, на которую даже нимфы пришли полюбоваться. Почему после, а не перед завтраком я так до сих пор и не понимаю. Сто четырнадцать стройных и красивых гимнасток — это зрелище! Антиопа не только не отстаёт от молодёжи, но и подаёт команды на упражнения. На стрельбу из лука времени нет, и вся сотня высыпала на поле ловить своих коней.

*

Путь до Рима прошёл без приключений. Мы даже не стали считать по дороге вытаращенные глаза и разинутые рты. В придорожных харчевнях и постоялых дворах доходные клиенты сметали всё подчистую, не скупясь при расчёте. На последней перед Римом остановке девочки надели боевые доспехи и прицепили к поясу мечи. Шлемы Антиопа приказала не одевать. Сверкающие на солнце воронёные нагрудники, наплечники и набедренники, развевающиеся на ветру длинные волосы и строй огромных коней по двое в ряд — это что-то! С одной стороны, взглянув на эту картину, становится страшновато. Но с другой стороны, снятые шлемы говорят о том, что угрожающие намерения у кавалькады отсутствуют.

Какой-то всадник, спешивший по своим делам нам навстречу, вдруг, доехав до середины нашей колонны, резко развернулся и поскакал обратно. Когда вышли на Аппиеву дорогу, от ритмичного и звенящего стука подков тяжёлых коней по камням зрелище стало ещё более мощным и угрожающим.

У ворот нас уже ждали. Человек тридцать городской стражи выстроились перед воротами вогнутым к нам полукругом, и перегородили въезд в город. Центурион в шлеме с гребнем, или кто он там, стоит слева и смотрит,

как мы приближаемся. На всякий случай мы с Александром встали сбоку от колонны, и Антиопа оказалась впереди. Шагах в семидесяти от стражи колонна остановилась. Антиопа подняла руку.

Передняя шестёрка амазонок отделилась от строя, и подъехала вплотную к стражникам, оказавшись внутри их полукруга. Старшая команды свесилась с коня и что-то сказала ближайшему стражнику. Тот помотал головой, судорожно вцепившись в копьё. Амазонка полуобернулась к центуриону и повторила уже сказанное ею. Тот что-то ответил и тоже мотнул головой. Она снова что-то сказала. Похоже, что уже настойчиво и сердито. Центурион опять отрицательно мотнул головой, что-то негромко выкрикнул, отступил на шаг назад и положил руку на рукоять меча. Стражники напряглись.

В мгновение ока левый ряд шестёрки развернул коней в обратную сторону. Длинные мечи, сверкнув и звякнув, оказались вне ножен прижатыми к правой ноге острием к земле. И стражники, и амазонки замерли. К девочкам, принявшим строй круговой обороны, теперь ниоткуда не подступиться, не напоровшись на стальное лезвие.

Антиопа тронула коня, колонна двинулась вперёд и остановилась в пяти шагах от центуриона.

— Я вижу, что ты не трус, но моих девочек пропусти, — без малейшей угрозы в голосе бросила Антиопа центуриону. — Гражданки Рима имеют право беспрепятственного входа куда угодно.

Тут и угрозы не нужны. Тяжёлый, безжалостный взгляд крупной телом и зрелой годами амазонки в чёрных с золотом доспехах и с глубоким шрамом на щеке убедит кого угодно. Да когда она ещё и возвышается, нависает над тобой. Центурион поёжился под этим взглядом, опустил глаза и махнул рукой своим солдатам. Те словно ожили и суетливо расступились. Шестёрка

убрала мечи, восстановила строй и скрылась в воротах. Колонна попятилась назад и свернула на тропу вдоль крепостной стены.

Я поймал несколько растерянный взгляд центуриона, пожал плечами и помотал головой, словно удивляясь его легкомыслию вставать на пути такой силе. За воротами видны две фигуры в тогах внимательно наблюдающие за этой сценой. Сам центурион вряд ли бы стал перекрывать ворота среди бела дня, если нет очевидной опасности. Будут теперь ему неприятности за уступчивость.

У следующих ворот не возникло никаких препятствий. Впрочем, и у всех последующих. Правда, пришлось дважды переправляться через Тибр. Мелкая речушка. Девочки отделялись от нас и исчезали за стеной. В одном месте, играющие у ворот мальчишки начали кричать:

— Амазонки! Амазонки! — чем привлекли внимание взрослых и шестёрка скрылась в воротах под приветственные крики и рукоплескания.

— Антогора, а это ведь тебя помнят, — обернувшись назад, сказал я.

— Так уж и меня, — буркнула мне в спину девушка.

— А кого же ещё. А вот твоя слава досталась девочкам, которые сейчас скрылись в воротах.

— Ну и пусть, — послышалось в ответ. Хотя чувствуется, что ей приятна чья-то память о ней.

А я подумал, почему это когда мы вместе едем верхом, то Антогора всё время старается держаться у меня за спиной. М-м д-а, загадка. Впрочем, Охота всегда держится за спиной Александра. Спросить что ли?

— Антогора, а почему в поездках верхом вы с Охотой стараетесь держаться за спиной у нас с Александром?

— Да-да, интересно, — поддержал меня Александр.

Антиопа улыбается и молчит, глядя на девочек.

— Всё очень просто, — отвечает Антогора. — Сзади

нам видно и вас самих, и всё поле, откуда могут напасть.

— Вот как? А я думал, что это вы нами прикрываете себя от опасности спереди.

— Ах, ах! Да как ты смеешь даже подумать такое! — задыхаясь от возмущения, завопила Антогора.

Я быстро подъехал к ней, обхватил за шею и прижал к себе.

— Эх, девочки, знали бы вы, как мы с Александром вас всех любим!

Антиопа смеётся:

— Сергей, тогда бери сразу их всех трёх замуж.

— Не могу. Все очарование платонической любви сразу пропадёт.

Антогора облегчённо вздыхает и улыбается уголками губ:

— Не шути больше так.

Впереди показались последние ворота. Въезжаем все вместе. Последняя шестёрка отстаёт, а мы ввосьмером направляемся к дому Александра. Оказывается, что сама Антиопа впервые в Риме. С интересом осматривается вокруг.

— Какое множество народа!

Специально проехали через Форум, чтобы Антиопа, Астра и Вилия могли полюбоваться его архитектурой. Молча поедают глазами.

— Теперь понятно, что такое Рим и почему его называют Великим, — проговорила Антиопа, когда мы подошли к зданию сената. — Но мы поборемся и с Великим.

По ступеням спускаются одетые в тоги государственные мужи. Бросают на нас заинтересованные взгляды. Кому-то подводят лошадь. Кто-то отбывает в носилках, а кто-то и на своих двоих.

— Вон Марк и Ливий вышли, — увидел своих римских друзей Александр. — Давайте спешимся. Не принято говорить с государственными деятелями, сидя на лоша-

ди.

Эта пара уже увидела нас и спешит навстречу с распростёртыми объятиями.

— Как вас много сегодня, — восклицает Ливий, знакомясь с неизвестными ему амазонками.

— Не случилось ли чего, — беспокоится Марк.

— Случилось, но об этом поговорим дома.

Марк и Ливий живут неподалёку и в сенат ходят пешком. Так что домой к Александру дружно потопали, держа лошадей в поводу. Там нас не ждали, и началась обычная суета неготовности к пришествию гостей. Но два дня пути — это всё-таки два дня и сенаторам пришлось терпеливо ожидать, пока мы приведём себя в порядок при помощи воды. Наконец, все расселись за заставленным всякой всячиной столом.

— Ну, и что случилось? — нетерпеливо спросил Ливий.

— На амазонок был совершён набег из-за моря, — ответил Александр. — Двадцать две воительницы убиты.

— Это ужасно, — обернувшись к Антиопе, охнул Марк. — Мы вместе с вами будем скорбеть. Искренне сочувствуем.

Антиопа кивнула, принимая соболезнования.

— Ужасно — это ещё мягко сказано, — продолжил Александр. — Среди оставшихся на поле битвы трупов дикарей с севера обнаружились два римлянина без оружия. Либо послы, либо советники.

— То есть вы думаете, что набег организован из Рима?

— А ничего другого думать и не остаётся.

— Пожалуй, что так. Знать бы имена этих посланцев.

— Есть у нас кое-какие соображения. Кто отправлялся из Рима в Галлию или куда-то туда севернее и восточнее по делам? Торговли там у Рима сейчас нет. Так

что круг римских дел в тех краях очень ограничен, и частным лицам там делать нечего.

— За последние полгода туда ушли два обоза для армии, но это ещё в начале года. А месяца полтора или два назад туда повезли жалование легионам. Сенатор Флар должен вот-вот вернуться оттуда с отчётом. Нет, Александр, хотя Флар и из партии Октавиана, но чтобы он, сенатор, оказался замешанным в набеге… Нет, не укладывается в голове. Хотя многим и показалось странным, что он вдруг повёз туда деньги и по долгам перед армией. Об этих долгах обычно стараются не вспоминать. С долгами лучше рассчитываться, когда армии возвращаются в метрополию. Их численность тогда значительно меньше.

— Так вы думаете, что время возвращения Флара ещё не прошло?

— Может быть, он и должен был уже вернуться, но задержка ещё не так уж велика, чтобы беспокоиться.

— Ладно, пусть будет так. Но у нас есть вещичка, снятая с трупа на поле битвы. Нам хотелось бы, чтобы вы её посмотрели. Вдруг узнаете, кому она принадлежит. Сергей!

Я выложил на стол кольцо-печатку и Марк быстро схватил его. Осмотрел, передал Ливию. Тот повертел его так и этак, положил обратно на стол, и сказал со вздохом:

— Да, вы правы. Это Флар. Стало быть, ждать его с отчётом не приходится.

— Не только. Дикари не пошли бы в набег по указке Рима, если бы им не заплатили. Римские правители на деньги римской казны организовали набег дикарей на Рим. В результате погибли граждане Рима. Если это обнародовать в сенате, то какая будет оценка?

— Предательство.

— А если узнают на улицах?

— Тоже поймут как предательство, и начнётся бунт. Как удачно для нас кости упали!

— Не спеши. Про удачу ещё рано говорить. Её ещё нужно подготовить, чтобы в Риме и стране не началась резня. Так что помалкивайте пока и о перстне, и о римлянах в набеге.

— И что тогда будем делать?

— Те амазонки, которых вы здесь видите, ещё не все, что прибыли в Рим. Есть ещё больше ста, которые командами по шесть человек сидят у всех римских ворот. Ничего не делают, и делать вроде ничего и не собираются. До сената слух о них ещё не дошёл, но уже вечером слухи по городу о таком странном явлении поползут. Наша задача потворствовать слухам и пробудить в верхах панику неизвестно о чём. От неизвестности начнутся и панические действия, а это нам и надо. Будем подливать масла в огонь.

— Гм, интересная затея, — пробурчал Марк размышляя. — Здесь есть, где рыбку половить. Нам с Ливием какая роль отводится в вашем плане?

— Большая. Нужно подобрать восемнадцать надёжных людей, знающих Рим и Октавиана с Антонием в лицо. Этих людей дадим в помощь амазонкам. У тех одно задание — не выпустить из Рима ни Антония, ни Октавиана. Больше ничего. Так что пока амазонки тихо сидят у ворот к ним не с чем придраться.

— Понятно. Найдём таких людей. Что ещё?

— Поднимите в сенате шум по поводу исчезновения сенатора Флара. А также о странности расчёта по долгам перед армией. Не пора ли послать по следам Флара комиссию, для выяснения, где он и что там с посланными деньгами. Если будут возникать предложения о применении каких-либо санкций к амазонкам в городе, то поинтересуйтесь основаниями. Топите эти предложения в зародыше.

— Тоже понятно. Запрос по Флару в сенате – это здорово пощекочет пятки Октавиану и Антонию. Хорошая идея. Ты прав. Кольцо ещё рано пускать в ход. Сначала нужно показать, что Флар и деньги пропали. Или, во всяком случае, породить мнения, что с ними что-то нечисто. Подточить позиции Октавиана и Антония. А потом и выложить перстень.

— Вот-вот, именно. Сегодня слухи поплывут. Завтра сгустятся и вызовут вопросы, что с ситуацией делать? Послезавтра, наверное, к нам начнутся визиты с вопросами к первоисточнику. Тут мы и помутим воду. Амазонки придут в сенат с жалобой о набеге. Ждите. Так что завтра у нас выходной, а у вас двоих самая работа.

*

— Итак, чем займёмся в свой законный выходной? — спросил Александр утром за столом.

— Не знаю, кому выходной, но ты свой ещё не заработал. Вчера ты погорячился, объявив на сегодня выходной, — охолонул его я. — Дел непочатый край.

— И какие это дела ты нам придумал?

— А тут и придумывать нечего. Я забираю Антогору, Антиопу с Астрой и Вилией, и идём проверять, как устроились девочки. Думаешь, что впихнули их в город и можно бросить без призора?

— Ладно, ладно, согласен. У тебя выходного не будет, а мне какую работу придумал?

— Сложную и подлую. Возьмёшь Охоту с Феридой и на свой собственный выбор слуг потолковее. Твоя задача устроить наблюдение за императорским дворцом. Если кто-то из интересных нам лиц двинется в сторону городских стен, то мы моментально должны об этом узнать.

— Действительно, ничего подлее, как поручения организовать шпионаж, мне от тебя и ждать нельзя было.

Антиопа рассмеялась

— Ты что, Александр, тебе досталась самая почётная миссия. Держаться как можно ближе к властителям и не сводить с них глаз, а ты обижаешься. Пойдём, Сергей!

— Пойдём. Саш, встретимся у Василия.

На всех наших постах вроде бы благополучно. Марк и Ливий постарались ещё вчера и их люди присоединились к амазонкам уже с раннего утра. Вроде смышлёные ребята в возрасте лет от двадцати пяти до сорока. Мы с Антиопой начали объезд с ворот на Аппиеву дорогу. Думали, что после вчерашней стычки у этих ворот будут проблемы. Обманулись в ожиданиях. Сбоку от ворот небольшая толпа из жителей и стражников. Что там происходит за спинами не видно, но народ хохочет и подзадоривает кого-то. Подходим. Крохотный клочок травы локтей семь на семь у стены. Две девочки учат стражников делать подсечки. И так, и этак, и разэтак — повсякому. Стражники молодые и им интересно, а кругом смех. Напротив, у окна в большой будке сидит вчерашний центурион и грустно, неодобрительно смотрит на всё это безобразие, но не запрещает. Подхожу к нему. Смотрит настороженно. Спрашиваю:

— Получил вчера по шее за уступчивость?

— Получил. Всё же это лучше, чем быть самоубийцей. Ваши, — и он опасливо оглянулся по сторонам, — бабы от нас и мокрого места не оставили бы.

— Твоим командирам нужно было как-то замарать амазонок кровью в Риме, а на тебя и стражников им совершенно наплевать. Вот тебе и отдали приказ не пускать их в ворота. Хотя и права-то отдать такой приказ не имели. Понимаешь?

— Ещё бы!

Отхожу от будки и присоединяюсь к Антиопе.

— Мы разместились вон в той таверне, — рассказывает старшая команды. — Там и конюшня хорошая есть. Вечером пришли несколько стражников и стали изви-

няться за то, что произошло перед воротами. Что сделаешь, народ-то подневольный. У меня есть вопрос.

— Давай.

— На что можно тратить деньги?

— Чёрт, Антиопа, как же это я забыл объяснить всем сразу. Теперь придётся по отдельности растолковывать. С деньгами всё просто. Посчитай, сколько твоей команде придётся заплатить за постой и еду в течение семи дней. Отложи, а остальное поделите между собой и тратьте, как хотите. На римском рынке много заманчивых вещей и для себя, и для подарков. В вашем распоряжении два дня — сегодня и завтра. Событий пока не ожидается, и поэтому можете попеременно побегать по Риму, оставляя на карауле двух-трёх человек. С послезавтра уже никаких отлучек. Будьте внимательны. Уличных воришек в Риме тьма тьмущая.

— Спасибо. Девочки очень обрадуются.

— Как тебя зовут? — спросил я стоящего рядом человека Марка и Ливия.

— Бруно.

— Очень хорошо, Бруно. Покажи девушкам что здесь и где.

— Конечно.

— Щедро ты распоряжаешься, — вслух подивилась Антиопа, когда мы двинулись к следующим воротам. — Им же каждой достанется денариев по пятнадцать. Сумасшедшие деньги!

— Думаешь, они не достойны такой мелочи?

— Не путай меня. Каждая из них бесценна, как и любой хороший человек. Но они отроду таких денег в руках не держали.

— Да брось ты, если всё хорошо разыграем, то мы для племени и не такие деньги добудем. Вы же пострадавшие. Хотя вашу утрату никакими деньгами не возместишь, но всё же...

В общем, все устроились нормально и подходы к воротам контролируют. У Пренестинских ворот две девочки присматривают за улицей. Остальные и их местный помощник завтракают в таверне. Антиопа недовольно покрутила носом, увидев на столе кувшин вина, но ничего не сказала.

— Мы только чуть-чуть для пробы, — тем не менее, начала оправдываться старшая.

— А я разве что-нибудь говорю? Вы не маленькие и должны сами знать, что и когда можно.

У Соляных ворот амазонки играют во что-то с ребятнёй из окружающих домов. У ворот Аврелия — сады Цезаря. Девочки облюбовали небольшую лужайку и расположились, как на пикнике. Пара стражников толкутся возле них, и стараются завязать разговор. Антиопа обходом осталась довольна. Правда, у меня от ходьбы ноги устали. Рим — город всё же не маленький и обойти его по периметру непростое дело. Солнце давно перевалило за полдень, когда мы всей компанией ввалились к Василию. Александра ещё нет. Или уже нет? Антогора пошла узнавать и распоряжаться насчёт баранинки. Нет, не приходили сюда ещё наши разведчики. Сидим и ждём, а их всё нет и нет. Наконец, являются.

— В следующий раз сам будешь заниматься такими делами, — заявил Александр.

— А что, не успели вы ещё появиться перед дворцом, как вас уже застукали на шпионаже? Так физиономии нужно было заранее состроить не вызывающие подозрений.

— Обошли не раз всё кругом. К дворцу Августа, где засели Октавиан с Антонием не подступиться. Всё открыто, а кругом богатые дворцы и виллы. Едва нашли два места поодаль. Самого дворца из них не видать, но из дворца мимо этих мест незаметно не пройти в ту или другую сторону. Оттуда до моего дома можно маленьки-

ми улочками быстрее добраться, чем по парадным. Да и недорого обошлось.

— Ладно, и то хлеб.

— Знаешь, — с сомнением в голосе произнёс Александр, отрезая от бараньей ноги солидный кусочек, — все эти наши старания выглядят как-то несолидно, примитивно и неубедительно. Замахиваемся на властителей такой империи и вдруг какая-то мышиная возня у городских ворот, дилетантская слежка и всё такое.

— А ты думаешь, что другие заговоры выглядят иначе? Хотя ты прав, но ты, наверное, подумал о совсем других заговорах с другими целями.

— Какими ещё другими? — поинтересовалась Антиопа, опередив такой же вопрос Александра.

— Цели в заговорах могут быть разные, а также ближние и дальние. У нас только одна — ближняя цель. Нам нужно как можно быстрее убрать с политического олимпа двух прохиндеев и только. Тут чем проще средства и меньше толчется народа, тем лучше. Другое дело, если бы у нас была бы ещё и другая цель. Скажем вместо свергнутых злодеев сделать императором, ну, скажем, Антиопу.

Антиопа глупо хихикнула:

— А почему бы не Антогору?

— Только не меня, — мигом отреагировала та. — Мне кушетки в библиотеке вполне хватает.

— Да ладно, вам. Это же так, для примера. Для того, чтобы занять трон и усидеть на нём нужна большая поддержка. Вот тогда и возникает солидный по средствам заговор. Масштаб, внушительность тут необходимы. Без них никак. У нас же ни сесть в императорское кресло, ни посадить туда кого-то определённого, намерения нет. Вот у нас всё и просто.

— Наверное, ты как всегда, нет, как почти всегда прав. А может, всё-таки кого-нибудь посадим наверх?

Если нас самих не посадят в какие-нибудь казематы.

Антогора даже застонала сквозь зубы.

— Ну и идейки у тебя иной раз проскакивают, Саша. Антогора, объясни ему, почему этого не следует делать.

— Просто не нужно туда лезть честному человеку и всё тут! Это место для бесчестных. Таким уж оно создано и другим не будет.

— Понял, что наша умница говорит? Глас народа-таки. Коротко, элементарно, понятно. Антогора, я просто дивлюсь иногда, какая у тебя мудрая голова. И красивая притом. Как такое совпадение в природе может быть? Антиопа, где ты нашла такое чудо?

— У нас в огороде такие растут, — смеётся Антиопа. — Вот я состарюсь, как раз Антогора меня и сменит. Лучше меня предводительница будет.

Антогора просто млеет от похвал. Кто ж без недостатков? Любит красавица лесть, но бескорыстно, не стяжательски. Впрочем, какая же это лесть? Она ведь и вправду такова.

*

Паломничество за слухами и новостями началось раньше, чем мы ожидали. Вечером какой-то солидный гражданин в тоге сначала о чём-то посекретничал с Александром внизу. Затем они поднялись в гостиную.

— Флав Оргий, — представил его Александр. — Флав — устроитель боёв в Колизее. Прослышал, что амазонки в Риме и зашёл пригласить их на арену. Условия просто роскошные.

Мы с Антиопой переглянулись.

— Нет, в этот раз ничего не получится, — объявил я. — У амазонок траур по погибшим сёстрам. Никаких празднеств и состязаний.

Древнеримский шоумен настаивать не стал, выразил соболезнование и удалился вместе с полученным интересным слухом.

Пришли Марк и Ливий. Весёлые и возбуждённые. Начал Ливий:

— Вы не представляете, что творилось сегодня в Сенате. Чуть до драки дело не дошло. Сначала всё было тихо. Марк заявил, что сенатор Флар куда-то пропал с отчётом о выдаче жалования войскам в Галлии. Неплохо бы выяснить, что с ним случилось и с деньгами тоже. Стали тупо и лениво дискутировать о том пропал или ещё не пропал. Нужно кого-то посылать или нет. Рано или пора. Случилось что-то с деньгами или нет. Обычная пустая болтовня, которая кончается ничем.

И тут Октавиан дал маху. Сидел бы себе тихо и всё заглохло бы. Ему донесли, что поднят такой вопрос. Он мигом послал в сенат своего секретаря. Тот начал объяснять, что с Фларом всё в порядке. С деньгами тоже и сенатор скоро будет. Его спросили — когда? Ответа вразумительного нет. А где Флар известно? Тоже неизвестно. Тогда откуда сведения, что он скоро будет? Сенаторы зашевелились, почувствовав тут какой-то подвох.

Марк подбросил ещё дров в огонь интереса. Сказал, что ему любопытно, почему с Фларом послали большие деньги для якобы расчётов по долгам с армией. Обычно рассчитывались здесь, в Риме с уже вернувшимися солдатами. Это всегда обходилось казне дешевле. Погибшие в расчётах-то не участвуют. А так получается, что деньги отправлены на всех солдат, а их, может быть, уже давно и половины нет в живых. Потребовали Антония. Чтобы пришёл и объяснил. Тот пришёл и заявил, что вместо того, чтобы заниматься всякой ерундой, Сенату лучше бы подумать, что делать с нашествием амазонок в Рим. Вчера они ворвались с Аппиевой дороги, растеклись по городу и заняли все ворота. Зачем неизвестно, но явно угроза какого-то вторжения, которое может кончиться неизвестно чем.

Марк спросил о жертвах вчерашнего прорыва. Оказалось, что их нет. Тогда какое же тут вторжение, о котором никто кроме Антония ничего не знает? А что амазонки делают сейчас? Неизвестно. Решили послать людей к разным воротам. Те скоро вернулись и доложили, что у Аппиевых ворот амазонок замечено три. Со скуки учат стражников приёмам рукопашного боя. У соседних ворот две амазонки играют со стражниками в кости на щелчки. Лбы у стражников в синяках. У других ворот тоже две амазонки. Возятся со вьющимися вокруг них детьми. У четвёртых ворот три амазонки сидят на траве и просто смотрят по сторонам. Все с мечами, но без доспехов. Стало быть, нападать ни на кого не собираются. А зачем околачиваются у ворот непонятно. Может и в самом деле ждут кого-нибудь или чего-нибудь. Вообще-то, эти девы странный народ, но на злых не похожи.

Тут-то всё и началось. Сенатор Гай заорал, что Антоний дурачит Сенат. Вместо ответа на вопрос о Фларе и деньгах для армии, пытается нас отвлечь сказками о войне с амазонками. И понеслась дискуссия на повышенных тонах о том, кто, кого и чем дурачит. В конце концов, проголосовали за немедленную отправку в Галлию комиссии по выяснению судьбы сенатора Флара и денег для армии. Обсуждение амазонок оставили на завтра. Нам показалось, что к воительницам большинство относится благосклонно. Ведь все поголовно видели Антогору в Колизее.

— Что ж, очень даже недурно получилось, — согласился Александр. — Теперь вопрос о том, что предпримет пара наших правителей на решение Сената о посылке комиссии в Галлию. Постараются сделать так, чтобы и комиссия исчезла бесследно, как Флар? Вряд ли. Этим положение не спасти. Вот поднять шум вокруг амазонок им на руку. Наша коалиция мешает им разделываться с кем угодно, как угодно. Ведь она открыта для

вступления любого. Но поднять шум им мешает неосведомлённость, зачем амазонки в Риме в таком количестве и с таким странным поведением.

Завтра будем ждать гостей с вопросами. А мы все, пожалуй, лучше исчезнем с утра из дома. Пусть визитёры помучаются неизвестностью. Марк, Ливий, амазонкам нужны ткани и железо. Вот мы и посетим наши мастерские. Может, они захотят купить у нас.

— Прекрасно. Со своими друзьями мы даже об уступках в цене говорить не будем. Отдадим по нашим затратам, — расщедрился Марк, и Ливий тоже согласно кивнул головой.

— Ловлю вас на слове, — засмеялась Антиопа. — Только учтите, нам много надо.

— Ничего, переживём. То, что вы для нас делаете, гораздо большего стоит.

Марк и Ливий ушли, а Антиопа с Антогорой погрузились в расчёты. Выпытали у Александра, по каким ценам они отдадут амазонкам железо и ткани. Сколько будет стоить перевоз. Возчикам-то придётся оплатить дорогу туда и обратно. Минимум восемь дней помножить на число повозок и получится…

— Сколько получится, Антогора?

— Ничего хорошего не получится. Денег у нас не хватает динариев двести.

— С ума сойти. Вроде выгодно товар нашли, да далеко уж больно. Может, у девочек попросим? Из тех денег, что Сергей им выделил?

— Бросьте мудрить, — вмешался Александр. — Рано ещё считать, сколько у вас денег. Подождём, пока всё кончится, а там видно будет.

На том спать и разошлись.

*

Утром постарались пораньше удрать из Рима. Владение с мастерскими рядом с городом. Я так и не удосу-

жился посмотреть литературу по изготовлению бумаги. Да ладно, попишут в Риме ещё на пергаменте. Как раз увидели, как свозили в давильню поздний виноград. Большой винтовой пресс под навесом. Рабы крутят рычаги. Сок сбегает в чаны и оттуда сливается в бочки. Попробовали — сладко и вкусно. Наверное, получится славное десертное винцо.

Кузница большая, на несколько наковален. Железо здесь, конечно не выплавляют. Но из привезённых бесформенных слитков выковывают полосы, стержни разной толщины, длины и ширины. Нарубают на кусочки и делают из них самые разные гвозди. Пожалели, что с нами нет Одры. Антиопа так, по памяти заказала разные полосы и несколько десятков мер гвоздей. Ну и пекло же здесь!

Ткацкий цех — текстрина. Нет, я не оговорился. По размерам и в самом деле цех. Только вместо шума станков непрерывный стук перекладин или как их там называют. Не знаю, какого пола пряхи в Древнем Риме, а вот за ткацкими станками сидят только мужчины. В семьях же этим занимаются женщины. Но здесь не семья, а рабовладельческое хозяйство. Амазонки долго ходят по мастерской, разглядывая и ощупывая, как ткут самые разные ткани. Льняные и шерстяные, тонкие и грубоватые, в свёрток или в готовую вещь.

— Да, — вздыхает Антиопа, — просто глаза разбегаются. Но нам пока хотя бы льняной ткани побольше.

Заглянули в склад. Время удачное. На лён перед зимой спрос упал и поэтому, если сейчас не отпускать лён на рынок, то, может быть, сорок тысяч локтей, нужных сейчас амазонкам и наберётся. А может, и больше. Ряды полок с грудами свёртков в этом убеждают.

Чего бы ещё посмотреть? Ага, изготовление сыров! Это интересно. Девочки с удовольствием пробуют свежие и выдержанные. В племени сыр не делают. Слиш-

ком много времени отнимает.

— А там что? — спрашивает Антогора, увидев через распахнутую дверь, как женщины месят какую-то тёмную массу.

— Здесь краски делают.

Совсем не обязательно ей знать, что такие краски в нашем мире зовут косметикой. И так хороша! Правда косметику девочки видели и у Швейцера, и в Париже. Знают что это такое, но воспринимают как чудачество чужого мира. А если увидят, как просто это мазание делается дома? Не начнут ли? Правда, для чего?

Два барака заслуга Александра. Мыло и ковры. Античные плетения совсем не то, что восточное ковроткачество. Александр очень успешно перенёс его сюда. Девочки с восторгом рассматривают рисунки ещё не законченных ковров. Орнамент или картинка.

— В доме с такой штукой не в пример будет уютнее, — признаёт Антиопа.

Мыло пока что на вид ещё не важнецкое, но уже разных цветов. Антиопа видела мыло в доме Александра. Но то мыло притащено из Питера. Глядя на это мыло, Антиопа, конечно, видит внешнюю разницу, но также понимает и ценовую.

— Мыло нам очень нужно, — решительно заявляет предводительница амазонок. Не меньше, чем ткани. Можно и попроще, но побольше. Самим бы научиться его делать.

— Научить нетрудно. У вас для этого всё есть, — успокаивает её Александр.

Бродили по мастерским долго, и домой вернулись только к обеду.

— Приходил Домиций Ульпиан. Сказал, что зайдёт ещё.

— Отлично! Именно его-то нам и не хватает, — обрадовался Александр. — Заранее можно было догадаться,

кого к нам подошлют. Сядем за стол или подождём?

— Подождём. Наверняка он оставил поблизости кого-нибудь из слуг, чтобы предупредили о нашем возвращении.

И в самом деле. Не успели мы рассесться и он тут, как тут. Я надел на палец перстень Флара и повернул его печаткой в ладонь.

— Здравствуй, здравствуй, Домиций, — радушно встречает гостя Александр. — Всегда рады тебя видеть. Присаживайся. — И уже слугам: — Заносите!

— Благодарю, — кивая всем поочерёдно, ответил юрист. — У тебя, Александр, как всегда многолюдно и изобильно. Как поживаешь? Как дела в ваших краях?

— Поживаю ничего, а в краях не очень спокойно — разбой на дорогах. Видишь, какую охрану приходится с собой брать.

— Вижу, вижу, но, говорят, что твоя охрана более многочисленна, чем тут за столом.

— А-а, ты об этом. Вот этого винца попробуй. По-моему вполне достойное такого гостя как ты. У тебя-то как дела? Слышал, что ты не так давно вдруг внезапно приболел так, что даже не смог отправиться в Галлию с поручением от правителей.

— Винцо славное, — мрачнея лицом, от переноса темы разговора на его персону, — похвалил Домиций, — и даже очень славное. Не в каждом погребе такое найдёшь. А со здоровьем у меня ничего — оправился.

— Ага, я и то подумал, что в твоём возрасте в такие опасные поездки не стоило бы ездить.

— Почему ты думаешь, что опасные?

— Как почему? Флар-то не вернулся.

— Ещё вернётся. Куда он денется. Ну и хитрец же ты, Александр! Как ловко ушёл от разговора о твоей очень уж многочисленной охране.

— Что ты говоришь! Куда я ушёл? Охрана она и есть

охрана. Чего о ней говорить-то. Разве что у них в Риме и свои какие-то дела. Но это уж не ко мне, а к Антиопе вопросы. Что тебе далась-то моя охрана? Сидят тихо, не хулиганят.

— А я не сказал бы, что просто сидят — засели. Многих интересует, почему они обосновались у всех городских ворот. Странно это и похоже на какую-то угрозу.

— Ну, вот, ты, Домиций, уже и до странностей и угроз договорился. Хотя всё намного проще. Куда я их всех дену? В дом они не поместятся. Ни в один постоялый двор тоже. У амазонок сотни делятся на команды по шесть человек. Они так и разделились на постой. А то, что у ворот, то здесь и постой ближайший, и собрать их всех при отъезде легко. А про угрозу ты совсем переборщил. О какой угрозе может быть речь, если они так разделились? А? Если бы они захотели взять Рим, то ещё позавчера бы это сделали, когда какой-то идиот распорядился не пускать их в город. Это же надо такое удумать! Не пускать в город граждан государства.

— Что-то я не припоминаю, Александр, чтобы они были гражданами Рима. То, что они владеют землёй, ещё не делает их гражданами.

— Ты прав, Домиций, не делает. Но уплата налогов за этот год сделала их гражданами. Есть и расписка от сборщика налогов из Алкалии, что налог уплачен не только за этот год, но и за половину следующего. Девочки с такой радостью были готовы платить налоги, что даже впопыхах привезли сборщику лишнее.

Домиций несколько опешил от такой новости. Возможно, у них затевалось что-то против амазонок, где ставка была на отсутствие у них римского гражданства? Теперь затея лопнула.

— А чего же тогда они не гуляют по городу, а сидят у ворот, словно ждут чего-то? — поинтересовался Домиций, слегка собравшись с мыслями.

— Антиопа, — обернулся Александр к предводительнице амазонок, — почему они у тебя не гуляют, а сидят у ворот.

Тут я повернул перстень Флара печаткой наружу.

— А чего бы им и не сидеть у ворот? Где-то нужно же сидеть. Они никому не мешают. Что за вопросы?

— Что-то ты не договариваешь.

— Да ну, тебя! Что, у нас кроме твоих дел не может быть в Риме и своих?

— Так, понятно. Стали гражданками и дела в Риме появились. Жаловаться будете?

— Будем. Наше право!

— Успокойся, успокойся, я разве против. Может быть, вот даже Домиций вам с жалобой поможет. Он тут все ходы-выходы знает. Домиций, поможешь?

Но тот уже ничего не слышит вокруг. Взгляд упёрся в перстень на моей руке. Куда моя рука — туда и взгляд старого законника.

— Домиций, ты, что на моё колечко уставился? — спрашиваю я ревниво. — Нравится? Мне тоже. Симпатичное колечко. Вензель на нём, правда, не мой, но какое это имеет значение. Да, что с тобой, в самом деле? Или оно тебе знакомо?

— Откуда оно у тебя? — внезапно изменившимся голосом прохрипел императорский советник.

— Антогора подарила. Трофей в битве. Говорит, что вот почаще и побольше присылали бы таких гостей, с которых можно снять богатую добычу. А то, что там четыре тысячи дохлых, нищих дикарей, с которых и взять нечего. Пошутила, конечно. Им, вообще, никакие гости не нужны.

Ульпиан перевёл глаза на девушку, и встретил немигающий, угрожающий и, я бы даже сказал, беспощадный взгляд. Поёжился и уставился на меня.

— Вижу, вижу знаком тебе этот перстень. Правильно

ты заболел. Почувствовал, наверное, что затея с набегом на амазонок опасно и дурно пахнет. Вот и отошёл в сторону. Дальновиден, как всегда. Больше двадцати совсем юных девушек были убиты ни за что. Кто-то за это должен ответить. Доказательств предательства властителей Рима против того же Рима выше головы. Как юрист ты это понимаешь. Сенат сенатом, куда Антиопа подаст жалобу, а и сами амазонки судьями могут оказаться.

— Я говорил Октавиану и Антонию, что не стоит трогать амазонок, когда не знаешь, чем это может кончиться.

Голос Ульпиана опять ровен и спокоен. Силён старик! Получить такой удар, представляя последствия, и не грохнуться в обморок или не закатить истерику не каждый бы смог.

— Говорил, может быть, и говорил, да, вот всё же впутался, — досадливо произнесла Антиопа. — Место у племени не такое уж и простое. А глядишь ты, как быстро и безошибочно вся эта банда из-за моря оказалась там, где им нужно. Кто-то много им рассказал, кто много знал. А кто может знать о нашем месте больше и лучше тебя и землемеров, которых ты водил по нашим местам. А, Домиций? Если не хочешь боли и позора на старости лет, то реши эту проблему сам. Убитых девочек я никому не прощу.

Ничего не ответил правовед Домиций Ульпиан. Тяжело поднялся из-за стола и молча вышел. Посидели немного, не говоря ни слова. Я снял кольцо и передал Антиопе.

— Интересно, пойдёт он во дворец Августа или нет, — сам себя спросил я. — Впрочем, всё равно это ничего не изменит. Жалоба готова?

— Вот она, — показала мне свиток Антиопа.

— Тогда давайте собираться в Сенат. Будем её по-

давать, а то не начали бы римские законники уже расходиться по домам. Правда, Марк с Ливием обещали, если что задержать всех болтовнёй, но не до бесконечности же.

В Сенате дело обернулось довольно быстро. Когда мы вошли в зал все замолкли, без враждебности разглядывая нашу компанию. Марк представил предводительницу племени, её спутниц и нас с Александром, как представителей племени за его пределами. Секретарь Сената принял у Антиопы жалобу и передал Принцепсу — старшему сенатору. Тот развернул свиток, пробежал глазами и вернул секретарю. Секретарь зачитал текст вслух.

— Есть ли словесные или вещественные дополнения к жалобе? — спросил Принцепс.

— Есть вещественные доказательства, — ответила Антиопа. — Антогора, передай. Это кольцо снято с руки убитого на поле битвы.

Принцепс осмотрел кольцо и передал его для обозрения сенаторам. Кольцо пошло по рукам, а вслед за ним волна гула переговаривающихся голосов. Принцепсу пришлось говорить громче:

— Антиопа, опиши старшего из тех двоих, о которых говорится в жалобе.

— Мужчина лет пятидесяти-пятидесяти пяти. Волосы короткие и только начали седеть. Подбородок острый, раздвоенный. Нос обычный. Левая бровь слегка кривая, хотя шрама не видно. Также слева на щеке у самого уха бородавка.

— Понятно, — тяжело вздохнул старший сенатор. — Жалоба принята Сенатом. Завтра вас уведомят о нашем решении.

Заседание Сената сегодня затянулось. Марк и Ливий пришли поздно, к самому ужину возбуждённые и голодные.

— Тяжёлый день сегодня выдался после того, как вы ушли из Сената, — вздохнул Ливий. — Такого оборота дел никто и ожидать не мог. Один из секретарей Октавиана, наблюдающий за работой Сената испарился вслед за вами. Так что Октавиан и Антоний уже знают о вашей жалобе и кольце Флара. Ни один из них в Сенате не появился и не появится. Вся сенатская братия в растерянности.

— От чего? — поинтересовалась Антогора.

— Тут много чего рушится, — сменил Ливия Марк. — Вашу жалобу никто и не пытался подвергнуть сомнению. Слишком всё очевидно и сходится из разных мест. А это означает, что хотят того сенаторы или нет, а решение они примут единственное и известно какое. Но им нужно с ним ещё освоиться. Партии распались прямо сейчас. Нет уже ничьих сторонников, а вот обязанные есть и немало. Многие подкармливались Октавианом или Антонием и при этом щедро. А тут придётся голосовать против них. Если этого не сделать, то толпа, узнавшая такую новость, разорвёт и подкупленных ранее сенаторов. Также уже понятно, что найдёт в Галлии комиссия Сената. Хоть её и не посылай вообще. Так что почти все настроены хоть на сколько-нибудь оттянуть решение. Хотя бы до завтра или послезавтра. Гай высказался за то, чтобы послать запрет преторианской гвардии выходить из казарм. Но и это оставили на завтра.

— И ещё одно, — добавил Ливий. — Уже когда расходились, пришло известие, что Домиций Ульпиан покончил с собой. Пришёл днём домой, написал завещание и выпил яд. Где он только его взял? А вы ведь, наверное, думали, что он здесь, у Александра появится.

— А он и был здесь, — заметил я. — Днём, говорите? Значит, он от нас во дворец так и не пошёл. Антиопа убедила его не брать позор на своё имя.

— Позор?

— Ага, теперь никто и копаться не будет, каким боком Ульпиан причастен к набегу на амазонок. А ведь именно он навёл дикарей на амазонок. Через Флара, конечно.

— Понятно. Тогда ждём развития событий?

— Ждём.

Марк и Ливий ушли. На улице уже темно. Говорить вроде не о чем.

— Нет, — прерывает молчание Антиопа, — так сидеть нельзя. Ситуация слишком напряжённая. Девочки, собирайтесь. Разделимся поодиночке и поедем по командам. Ну, и что, что ночь! Нужно, чтобы все приготовились. Надели доспехи и заседлали коней. Александр, провожатых дашь, а то мы заплутаем? Я бы на месте Антония поспешила к своим войскам. Ему есть куда податься под защиту. В Отличие от Октавиана.

*

Вопреки ожиданиям и ночь прошла спокойно, и утро не принесло сюрпризов. Время уже перевалило за полдень. Ферида с Охотой откопали где-то в доме шахматы и развлекаются своим обычным образом, споря и ругаясь. Антиопа с интересом следит за их игрой, но в перепалку не вмешивается. Все в доспехах. Как ночью одели, так и не снимали. Антогора печально вертится в кресле, гремя железом. В таком облачении не очень-то приляжешь. Через раскрытое окно слышно, как во дворе брякают копытами осёдланные лошади. Астра и Вилия дремлют внизу, у фонтана во внутреннем дворике. Александр уединился в кабинете и через распахнутую дверь видно, как он копается в каких-то свитках.

— Антогора, пойдём, прогуляемся, — предлагаю я. — Чего дома-то от скуки дохнуть.

— Давно бы мог предложить, — мигом ожила она. — Чего тянул-то? Александр, ты меня слышишь?

— Что?

— Если мы к обеду не придём — не ждите.

— Ладно.

На улицах обычная толкотня и давка. Продираемся сквозь неё.

— Если бы Октавиан попытался удрать, то сделал бы это ночью, — рассуждает Антогора, покачиваясь в седле. — Постарался бы выскользнуть незаметно через какие-нибудь тихие, малолюдные и днём ворота. Ему поблизости от Рима опереться не на что. Так что до легионов в провинциях, преданных Сенату он добирался бы тайком. Но что ему в этих легионах! Как только до них дойдёт весть о низложении правителей Сенатом, и по какой причине, то там ему спасения не будет. Скорее, он попытается скрыться в другой стране.

Пока сенат не вынес решения эти двое, как ни крути, а правители. До своих войск Антоний постарается добраться открыто и днём. Всё-таки он полководец и позориться тайным бегством не станет. А это значит, что выйти из Рима он попытается либо через Латинские, либо через Аппиевы ворота. Это в сторону его военного лагеря, мимо которого мы проезжали, двигаясь в Рим. Посмотрим, что там делается.

У Латинских ворот девочки жмутся к стенам домов. Хоть какая-то тень. Их лошади тут же. Улица узкая. Не то, что от Аппиевых ворот и перегорожена стоящими вдоль стен домов лошадьми почти наполовину. Антогора немного поболтала и мы двинулись дальше.

У Аппиевых ворот сегодня никакого веселья. Наши в полном составе сидят и стоят группой по одну сторону улицы шагах в пятидесяти от ворот. Стражники по другую сторону поближе к воротам. Народ, как обычно шастает туда-сюда со своими делами и делишками. С интересом, но без опасения смотрят на грозную компанию. Антогора идёт к девочкам, а я к стражникам. Всё тот же центурион здесь. Только стоит на улице, а не сидит в будке.

— Аве!

— Аве! Что это ваши бабы сегодня в полном вооружении и составе? Ждут кого-то? Будет драка?

— Кто его знает. Не от нас зависит. А тебе-то что? Твоё дело — ворота. Если и возникнет какая-нибудь потасовка, то, если она не приблизится к воротам, вам и вмешиваться не надо.

— Думаешь?

— А что тут думать — логика и дисциплина. Поставили у ворот, вот и держись за них.

— Может ты и прав. Лучше не вмешиваться. Неизвестно кому ещё своим вмешательством на пятку наступишь. Говорят, что сегодня с утра Сенат запретил преторианцам покидать казармы. К чему бы это? А ты кем при них — при амазонках-то?

— Не я при них, а они при мне, — рассмеялся я, — охрана от разбойников.

— Да? И ты сам-то своей охраны не боишься?

— Чего их бояться? Они добрые и послушные. Если на них не нападать, конечно. Вот если тронешь, то тогда они вмиг становятся злыми и смертоносными. Так что лучше их не дразнить.

— Похоже на то.

— Ну, ладно, держись за свои ворота!

Антогора тем временем наставляет соратниц.

— Если что, то встанете клином — один, два, три. К воротам близко не стройтесь. Иначе отступать будет некуда. Постарайтесь крови не пускать. Но это уж как получится. Если очень сильно будут нажимать, то тогда уж делать нечего. Старайтесь прикинуться глупенькими, если удастся и тяните время разговорами, пока мы не подоспеем. Где ваш помощник? Ага, как только распознаешь, те ли появились, кого мы ждём, то сигнал девочкам, а сам беги к Латинским воротам за подмогой. Вроде всё. Но об этом тебе уже говорили, наверное.

Что? Звать ещё? Нет, больше ты никуда не успеешь.

На Форуме сегодня народа больше, чем обычно. Не проходят по своим делам, а собираются кучками и что-то обсуждают. Значит, слухи из Сената уже в городе. Увидев нас, приветствуют Антогору поднятием рук.

— Вот видишь, а ты сомневалась, что тебя помнят.

— Не говори глупостей. Это амазонок встречают, а не именно меня.

— Ух, какая ты скромница! К Василию пойдём?

— Давай заглянем, раз уж здесь оказались.

Не знаю, может быть, и в самом деле я такой бесчувственный. С удовольствием отвёл душу баранинкой. Антогора сидит и без аппетита ковыряет вилкой баранью ногу. Вот ещё одна загадка этого мира. Вилки на самом деле появились гораздо позже и совсем не в Италии.

— Нет, я так больше не могу! Никогда так не волновалась. Обычно всё просто и ясно. Вот я, а вот они. А тут неизвестно ни кто, ни где, ни когда, ни будет ли вообще. Может, домой пойдём?

— Ты меня удивляешь, Антогора. Давно ли тебе было ясно всё. Антоний днём у Аппиевых ворот. Только вот он тебе точное время свидания не сообщил. По мне так лучше бы этого свидания совсем не было. Арестовал бы Сенат обоих и дело с концом! Ладно уж, домой так домой.

Однако домой мы не попали. Пробились через базарную толпу, свернули в проулок у дома Александра и увидели, как он вместе с амазонками вылетает со двора. Сворачивают налево, в сторону Аппиевых ворот, уезжая от нас. Мы следом. Но не так-то просто догнать их в дневной уличной толчее. Только когда удалились от центра, и прохожих стало меньше, упёрлись в едущую последней Охоту. Она обернулась, и, не дожидаясь вопроса, бросила:

— Антоний выехал из дворца Августа.

Уличная толчея сильно задержала и мы, выехав сбоку к воротам, не увидели начала стычки. Команда у Аппиевых ворот выстроилась треугольником за старшей во всю ширину проезда, как и приказывала Антогора. Девочки спокойны и невозмутимы. Стража ворот стоит двумя группами около крепостной стены. У копыт лошади старшей валяется фигура, облачённая в форму дворцовой стражи. Шлем с гребнем отлетел в сторону. Живой, раз шевелится. Видимо, не подумав, сунулся под тяжёлую руку амазонки. Лошадь без седока тут же. Вероятно, строй процессии был восемь всадников впереди — Антоний — восемь всадников позади. Сейчас это смешалось и не понять кто же здесь Антоний. Все в красных плащах. Похоже, тот, который единственный без шлема. С волевым, мужественным лицом старого воина и начальника. Я-то видел его всего раз в Колизее и издалека.

Был какой-то крик, когда мы подъезжали, но как только выехали в предворотный проезд, наступила тишина. Нарушаемая лишь звоном копыт, перебирающих ногами лошадей. Конная дворцовая стража уставилась на оказавшихся у них во фланге Антиопу и Фериду с другими девочками за спиной. В этой тишине отчётливо слышен приближающийся стук копыт из улочки по другую сторону проезда. Команда от Латинских ворот вываливается в проезд, бесцеремонно тесня дворцовую стражу своими огромными конями. Всадники в красных плащах в растерянности оглядываются вокруг. И опять на несколько мгновений наступает относительная тишина, которую нарушает спокойный голос Антиопы:

— Кто из вас соправитель Рима Антоний?

— Я Марк Антоний — соправитель Римской Империи, — внушительно заявляет тот, который без шлема. — Требую, чтобы вы немедленно освободили дорогу!

— Возвращайся назад, Марк Антоний. Из города ты

не выйдешь.

Антоний побагровел от бешенства, но Антиопа опередила его, не дав раскрыть рот:

— Возвращайся назад, Марк Антоний. Ты же стратег и должен понимать, что силы не в твою пользу. Не добивайся поединка со мной.

Антоний перевёл метающие молнии глаза с Антиопы на Антогору, протиснувшуюся вперёд и, похоже, что-то вспомнив, сразу словно поник. Медленно развернул коня и махнул рукой страже, приказывая следовать за ним.

— Астра, Вилия, проследите! — скомандовала предводительница амазонок, разворачивая коня обратно. — Всем разойтись по местам!

Треугольник строя амазонок перед воротам распался. Сброшенный с лошади стражник поднялся, подобрал шлем, не с первого раза взгромоздился на лошадь и отправился вслед за своими.

— Что это было? — поинтересовался у меня подошедший центурион.

— Не обращай внимания. Небольшой конфликт между правителями и гражданами. Обычное дело.

Когда мы возвратились домой Марк и Ливий были уже там. Недовольные.

— Споры шли весь день, — сообщил Марк. — Обсудили всё, что только имело отношение к делу. Даже куда посадить свергнутых правителей и деньги за ущерб, нанесённый племени. Хотя про возмещение ущерба в жалобе ничего не было. Но голосование перенесли на завтра. У нас с Ливием такое впечатление, что у многих сенаторов ещё теплится надежда, что Антоний и Октавиан всё же сбегут. Это всем развяжет руки. Вот и тянут.

— Антоний сегодня уже попытался сбежать, — подала голос Охота. — Мы ему случайно помешали.

— Случайно?! — расхохотался Ливий. — Представляю себе эту случайность! Он хоть жив остался?

— Остался. Астра и Вилия его даже до дворца пошли провожать, чтобы с ним ничего по дороге не случилось.

— Не повезло Антонию. Интересно, что он завтра будет делать?

— Завтра? Ничего, — тихо, серьёзно и отчётливо произнесла Антогора. — У него нет завтра. Антоний не доживёт и до утра.

В гостиной повисла гробовая тишина. Все озадаченно уставились на амазонку. Только Антиопа одобрительно кивнула головой. Надо же, как быстро соображает Антогора! Я даже и не успел задуматься о возможных последствиях только что произошедшей стычки.

— Поня-ятно, — протянул Марк после трёхминутного раздумья. Отрезанный вами от своей армии Антоний становится не соратником или противником для Октавиана, а просто обузой. Причём опасной обузой, ибо его можно допросить. Мертвеца допросить нельзя, а вот свалить на него можно всё, что угодно.

— Если догадка Антогоры верна, то возникает вопрос о том, что будет делать Октавиан, когда разделается с Антонием? — продолжил мысль приятеля Ливий.

— Скорее всего, ничего, — предположил Александр. — Мальчик не по годам шустрый и решительный. Принципы его не сдерживают. Уход Антония со сцены предоставит ему возможность выкрутиться, как якобы несведущему в преступных махинациях своего соправителя. Правителем ему уже не быть, но шкуру может спасти. Меня вот смущает, что мы говорим о словах Антогоры, как о свершившемся факте. Нужно подождать всё-таки.

— И подумать, как добраться до Октавиана, — добавила Антиопа. — Нельзя позволить, чтобы он выбрался живым из своих подлостей. Марк, ты говорил, что в Сенате обсуждалось, куда поместить арестованных правителей. Куда решили?

— В Мамертинскую тюрьму у подножия Капитолий-

ского холма. Туда всех преступников обычно запирают по решению Сената, пока идёт следствие и суд.

— Очень хорошо. Нужно заблаговременно позаботиться о мальчике, если он в неё попадёт. Как туда проникнуть?

— Никак, — ответил Ливий. — Вы же не будете брать приступом тюрьму. Нельзя этого делать.

В гостиную тихонько вошли, уже снявшие доспехи Вилия и Астра, успокаивающе кивнули Антиопе и устроились у стола.

— Александр, — напомнила Антогора, — ты же сам говорил, что в Риме любую проблему можно решить за деньги.

— Верно! — поддержал её Марк. — Только нужно знать, кому и сколько их сунуть. А у тебя, Александр, как раз есть для таких дел пронырливый и верный человек. Мы ведь не раз поручали ему щекотливые дела. Правда, до организации убийств ещё не доходило.

— Но всё когда-то бывает в первый раз, — философски изрёк Ливий. — Действительно, твой управляющий Панкратий мастер влезть в любую щель и не поцарапаться.

— Я с ним сама поговорю. Может, ему моя помощь понадобится. Значит, деньги я беру, Александр?

— Бери, сколько потребуется, Антогора. Мелочиться не надо, чтобы уж наверняка.

*

С утра, посекретничав с Панкратием и побренчав монетами в довольно большом сундучке в шкафу, Антогора ушла вместе с управляющим. Меня с собой не взяли.

— Это дело не терпит многолюдья, — объяснила мне одна треть чуда несказа́нного. И они оба пропали до самого вечера.

Часа через два после их ухода из Сената прискакал посыльный с приглашением прибыть на оглашение ре-

шения Сената по жалобе племени амазонок на разорение и убийства по вине государственных лиц. Собрались и поехали теперь уже налегке. В кулуарах Марк успел нам шепнуть, что все уже знают о вчерашней стычке у Аппиевых ворот, а утром нашли Антония мёртвым в его кабинете. Признаков насильственной смерти нет. Его бывшие сторонники тихо радуются такой развязке. Они теперь никому ничего не должны, и готовы голосовать за что угодно. Сенату тянуть с арестом Октавиана больше не удастся.

Господа сенаторы разбились на кучки и что-то оживлённо обсуждают в разных местах зала совета. При нашем появлении расселись по своим длинным скамьям и замерли с важностью и мудростью на лицах. Принцепс развернул, поданный ему свиток и торжественным голосом огласил, к чему пришёл Сенат в процессе бурных обсуждений:

— По жалобе племени амазонок на бесчинства в отношении их, Сенат пришёл к выводу, что претензии племени справедливы. Сенат объявляет своё намерение преследовать всех виновных лиц по закону. Разумеется, из числа тех, кто будет находиться в досягаемости для правосудия Римской Империи. Одновременно Сенат налагает на виновных штраф в пятьсот золотых ауреусов за каждую погибшую гражданку Римской Империи из племени амазонок. Штраф будет взыскан за счёт имущества виновных. Одновременно Сенат назначает за счёт казны компенсацию племени по двести пятьдесят золотых ауреусов за каждую из двадцати двух погибших амазонок. Компенсация может быть востребована с момента оглашения данного решения и до истечения текущего года.

Принцепс свернул свиток и вернул его секретарю. Секретарь в свою очередь подошёл к нам и вручил Антиопе какой-то клочок пергамента с печатью. Антиопа

приняла его и стоит как столб. Александр толкает её локтём:

— Идём, идём, спектакль кончился.

— Я так ничего и не поняла насчёт досягаемости виновных для правосудия, — ожила предводительница амазонок, выйдя из зала совета. — Это как?

— Мёртвые для правосудия недосягаемы. Равно как и сбежавшие за границы Империи. Думаю, они прямо сейчас вынесут решение об аресте Октавиана. Ваше нахождение в Риме очень нервирует сенаторов. Небывалое дело выплата такой большой суммы из казны и при этом без всяких проволочек. Они думают, что это подтолкнёт вас поскорее покинуть Рим.

— А что это мне вручили? — спросила, Антиопа, вертя в руках клочок пергамента.

— Это квитанция на получение денег в казначействе. Советую забрать их прямо сейчас. Спокойнее будет. Бери золотом. Серебро нам просто до дома будет не дотащить.

— Что, так много?

— Пять с половиной тысяч золотых - это сто тридцать семь с половиной тысяч денариев. Такой груз и слон не поднимет.

— И что мы будем делать с такой кучей денег?

Часа через полтора мы уже не спеша двигались домой. Перед девочками через седло перекинуты тяжеленные, звенящие мешки. Приехав домой, перенесли их в кабинет Александра и сложили на полу. Антиопа всё ходила и ходила вокруг кучи, время от времени тыркая мешки носком сандалии, и прислушиваясь к звону. Только обед отвлёк её от этого странного занятия.

— Что-то мне не по себе, глядя на эти мешки с деньгами, — посетовала Антиопа. — Вроде бы должна радоваться, а, поди же ты, кроме какой-то досады ничего не чувствую. А ведь у нас о таких деньгах и мечты даже

никогда не было. Почему так?

Александр пожал плечами, а я подумал вслух:

— Может быть, потому что гибель девочек тебе очень близка, как и нам всем. Компенсация деньгами живым за смерть близких людей — это словно издевательство над их памятью.

— Похоже, что так. И что делать?

— Ничего особенного. Не тратить лишнего. Вот сейчас вам нужны ткани и железо. Купи их сколько нужно. Остальные деньги передай Одре. Она, думаю, сообразит, как их применить к вашему хозяйству. Наверное, вам нужны каменные хранилища для зерна, мастерская для изготовления мыла, погреб для будущего вина. Мало ли что для всех полезного можно сделать. Только на всякую ерунду не тратьте. Ушедшим девочкам было бы обидно, что память о них разменяли на пустяки.

Но полученные один раз деньги ведь это временное. Сегодня есть, а завтра истрачены. Вашему племени нужно что-то такое делать, что больше никто не делает, но всем нужно. Будете своё менять — будут и постоянные деньги. Мы тут с Александром подумывали, как бы наладить в их мастерских изготовление бумаги.

— Чего-чего наладить?

— Бумаги. Это такая штука вместо пергамента, ни которой можно писать. Удобная и всем нужная вещь. Делать легче, чем пергамент. Думаю, Александр не будет возражать, если бумагу начнёте делать вы, а не они. Вот и будет у вас постоянный источник денег. Наладить всё это я вам помогу.

— Ты не только хитроумный Сергей, но и мудрый Сергей, — улыбнулась Антиопа, и потрепала меня по волосам.

— Это не его мудрость, — выдал меня Александр. — Это у него мать и бабушка такие мудрые. Ты посмотри только, как он скромно потупил глазки от твоей похвалы.

— Ладно, вот Антогора вернётся, посчитаем, что мы теперь сможем купить для племени.

Антогора с Панкратием вернулись, когда уже начало темнеть. Оба мрачные, как тучи. Поздоровались с недавно пришедшими Марком и Ливием.

— Не вышло ничего, — призналась Антогора, ссыпая деньги обратно в сундучок.

— Тюремщики слишком боятся, — добавил Панкратий. — К наружной охране из преторианской гвардии не подступиться. Даже и думать нечего. Да и бесполезно. У наружной охраны доступа к камерам нет. Весь город истоптали, пока добрались через моих знакомых до родственников двух тюремщиков. А там и до них самих. Видно, что такое дело, как придушить кого-нибудь из узников на заказ им не впервой. Даже и цена этому есть — пятьдесят денариев. Но когда узнавали, кого нужно будет отправить в царство Плутона сейчас — наотрез отказывались. Ни один не клюнул на приманку Антогоры даже в двести золотых. Мести пугаются что ли?

— Мы из Рима не уйдём пока не разделаемся с Октавианом! — заявила Антиопа. — А что скажет наш хитроумнейший Сергей? А?

— Хитроумнейший скажет, что как раз здесь-то никакого хитроумия не надо. Раз в тюрьме Октавиана не достать, то нужно, чтобы он либо в тюрьму не попал, либо был оттуда выпущен.

— Не попасть он не может. Он уже там, — сообщил новость Марк.

— Тогда нужно, чтобы следствие не доказало его вины. Это по вашей части, Марк и Ливий. Следственную комиссию уже назначили?

— Завтра. Будет две комиссии. По Октавиану и смерти Антония.

— Всё у вас в Сенате завтра. Постарайтесь куда нужно попасть. Если не получится, то насколько возможно

мутите воду в пользу Октавиана. Прямых улик против него пока нет. Он всё будет валить на Антония. Нужно, чтобы его бывшее ближайшее окружение разбежалось, кто куда и свидетельствовать против него не могло. Организуйте это. Антиопа, завтра заканчиваем ваши хозяйственные дела, снимаемся и уходим. Вы, Марк и Ливий, должны, как можно раньше предупредить Панкратия о том, что Октавиана освобождают. Панкратий, сразу же шли вестника на виллу Александра, а с Октавиана не спускать глаз. Девочки немедленно приедут и уж тогда-то его не упустят. Ждать, правда, нам придётся, наверное, долго. В Сенате-то всё идёт неспешно.

— Да уж, — подтвердил Ливий, — несколько месяцев следствие протянется. Да и ругани потом много будет. Компенсацию-то амазонкам назначили в расчёте на имущество в основном Октавиана. Что позволило бы и казну пополнить. Если же его отпустят, то имущество уже не тронут и в казне образуется дыра.

— Вот как хорошо, что я посоветовал Антиопе деньги забрать немедленно, — захохотал Александр.

*

За нашей колонной легко одетых амазонок тащится десятка полтора больших гружёных повозок с тканями, железом, мылом и ещё всякими полезными вещами, которые Антиопа всё-таки набрала для племени. Ну, котлы, кастрюли это ещё понятно и кифары — подобие лиры, флейты тоже, а краска-то для волос зачем? Всё же женщины непостижимый народ во все времена. Вон уже и виллу Александра видно вдали. Не учли мы при отбытии из Рима, что обоз будет нас сдерживать и в поместье прибыли уже в темноте. Вот радости-то Мару достанется!

Обоз с возницами оставили лагерем в поле. Амазонки своих лошадей тоже. Там спокойно. Зато в доме не пойми что творится. Мар поступил мудро. Варить что-

либо уже поздно. Готовить столы тоже. Вынес из кладовых всё на кухню и сами берите, что хотите и катитесь с этим куда-нибудь, где место найдёте. Поэтому амазонки с плошками и кружками разбрелись по всему дому. Лишь бы, где присесть. Непривычно шумно и весело на вилле. Вот, опять визг и плеск воды в первом этаже. Снова кого-то в темноте спихнули в бассейн. Девочки ведь совсем девочки! Им и пошалить не грех. Но потихоньку всё утихомирилось и замерло. Чудо несказáнное, Антиопа, Александр с Клитией и я сидим в саду и любуемся звёздным небом. Лёгкий ветерок холодит лицо. Спать совсем не хочется.

— Как хорошо у тебя здесь, Александр, — вполголоса произносит Антиопа.

— У вас тоже не хуже. Небо-то одно.

— Но у тебя ещё чудесное озерцо с водопадом, нимфы, сад с фонтанами и статуями. Да и эти ещё, мохнатые которые. А где они живут?

— В лесу, конечно. Только я никогда не был у них в гостях. Не знаю, дом у них или шалаши какие-нибудь.

— Пещера, — подсказала Клития.

И снова молчание, тишина и таинственный шелест листвы.

— Антиопа!

— Что Ферида?

— Ты не беспокойся, мы Октавиана не упустим.

— Я знаю. Вы у меня молодцы!

Наутро гимнастика чуть не была прервана появлением Диониса, собирающего свою свиту из фавнов для осеннего праздника в его честь.

— Нам некогда! — прикрикнул он на них. — Сколько сёл нам нужно обойти с процессией! А вы тут расселись. Хотя нужно признать, что зрелище вы нашли достойное.

Но всё-таки Дионис не был бы Дионисом, если бы его нельзя было бы соблазнить фиалом* хорошего вина.

Дружно пропели в саду здравицу в его честь, и Бог всяких безобразий отбыл в турне по итальянским сёлам на своей увитой плющом и запряжённой почему-то ослами колеснице. Скучновато здесь будет некоторое время без привычной рогатой и мохнатой братии.

К римскому обозу присоединилось ещё несколько больших повозок с саженцами винограда и женщинами-виноградарями из села. Амазонки наняли их на посадку лозы и обучение амазонок уходу за ней. Мы стоим на террасе второго этажа и смотрим, как длинная процессия во главе с Антиопой уходит вдаль.

— У вас тоже всё выпросили и утащили? — спрашивает Антогора Фериду и Охоту.

— Всё. Осталось только то, что у нас сейчас на теле.

Чудо несказа́нное переглянулось между собой и всё вместе вопросительно уставилось на меня.

— Вы что?

— Нам нужно в германскую лавку для женщин.

— Ну, так и смотрите на Александра. Он ведь тоже здесь.

— Он стесняется заходить в эту лавку. Стало быть, и посоветовать ничего не может.

— Да даже, если бы и не стеснялся, — хохотнул тот, — то ничего у вас не вышло бы. Мне нужно уходить. Вот Сергея и уговаривайте, а меня тут уже нет.

И в самом деле, по очереди чмокнул девочек в разные детали лиц, и только мы его и видели. Сбежал с террасы вниз и через мгновение прошмыгнул между домом и лесом.

— Вы что, хотите идти в Гешвиг прямо сейчас?

— Конечно. К обеду и вернёмся.

— Вьёте вы верёвки из нас с Александром. Ни стыда, ни совести у вас нет. Идите, переодевайтесь и свои наплечные сумки захватите.

— Антогора, деньги-то у нас есть или менять придёт-

ся? — поинтересовался я, когда мы через некоторое время сошлись в библиотеке.

Красотка вывернула карманы и принялась считать.

— Почти девятьсот марок. Должно хватить даже на мороженое и ещё останется.

Но я на всякий случай положил в карман несколько ауреусов.

— Пошли, наказание вы моё! А что станете делать, когда вернётесь в племя? В германскую лавку-то уже будет не сходить.

— Начнём сами шить.

Автомобилисты Гешвига как всегда тактичны и предупредительны. Не проедут мимо и не оставят прекрасных дам на дороге.

— Итак, куда идём первым делом? — интересуюсь я, когда мы высадились на главной площади.

Хотя, впрочем, мог бы и не спрашивать. Антогора решительно потянула нас через площадь в кафе "Генрих". Но не тут-то было. Мороженого там почему-то не оказалось. Но это девочек не обескуражило. Они всё равно знают, где это лакомство водится совершенно точно. Поэтому мы буквально через пять минут оказались в кафе при отеле "Швейцер". О, Господи, неужели это всё в них влезет? И сливочное, и шоколадное, и с орехами, и с вареньем, и Бог знает ещё какое. Но влезло. Не сразу, но вошло-таки. Правда, пришлось после этого с полчасика ещё посидеть в заведении, не делая резких движений, чтобы поглощённое улеглось. Но умиление и наслаждение, написанное на лицах девочек — искупает всё.

— Может быть, сходим к Францу? — провокационно предложил я. — На сабельках подерётесь для разминки.

— Девочки, он нашей смерти хочет, — возмутилась Антогора. — Понимает ведь, что ни на что, кроме лавок у нас сейчас сил нет.

Антогора-то в этом магазине женского белья уже побывала, а Фериде с Охотой он в диковинку. Они сразу затерялись в недрах изобилия невиданных вещей невиданного назначения для женщин. А Антогора наткнулась на продавщицу, которая обслуживала нас в прошлый раз, и никак не может понять, почему та сейчас, глядя на клиентку, и отсчитывая пары затребованных трусиков, просто давится от смеха.

Ферида с изумлением рассматривает шикарные, похожие на бальные платья пеньюары, а Охота не может оторвать глаз от манекена то ли в ночной, то ли в домашней голубой, байковой пижамке с карманами и яркой цветочной аппликацией слева на груди. Обойдёт манекен и так, и этак, и удалится подальше, и опять подойдёт вплотную. Потрогала ткань и вздохнула:

— Никогда не встречала такой мягкой на ощупь ткани. Наверное, приятно одеть её на тело. Сергей, а для чего женщинам такая штука?

— Можно спать в ней или просто носить дома. Называется — пижама. Спроси Антогору сколько у неё денег остаётся. Вдруг хватит вам и на пижамы.

Оказалось, что не хватит. Пижамная идея понравилась всем трём девочкам. Даже и цвета есть из чего подобрать по душе. Но отобранные три десятка трусиков для каждой обойдутся вместе в семьсот двадцать марок, а на пижамки нужно ещё четыреста пятьдесят. Нет у нас столько. Придётся опять воспользоваться услугами Тевтонского банка в обмене золота. Воспользовались, послав туда Антогору, как знающую худо-бедно местный язык общения. Оказалось, что золотые ауреусы там всё ещё в цене и пижамки тоже стали нашими.

Под рядами лип вдоль Генрихштрассе через каждые двадцать шагов стоят симпатичные деревянные скамейки. Почему бы и не присесть и не подумать, на что истратить оставшиеся марки.

— Может, Александру и Сергею тоже пижамы купить? — предлагает Охота.

— Нет уж, — отвечаю, — тогда мы себя с вами путать будем. Сидите здесь. Я быстро.

Только сейчас приметил чуть дальше магазина дамского белья торговлю радиотехникой. Вот это мне интересно! Радиоприёмники просто шикарные и по внешнему виду, и по характеристикам, и по размерам от масштабов обувной коробки до мастодонта с хороший буфет. С телевидением в Гешвиге гораздо хуже. Телевизоры по размерам экрана недалеко ушли от наших дедушек техники КВН-49. Правда, общим размером и весом много меньше. КВН-49 подмышку не возьмёшь, а эти запросто. Но меня поразили карманные приёмники на лампах. Они действительно карманные, как и наши на полупроводниках, но по частотности, чувствительности и избирательности превосходят транзисторные просто несравнимо. Однако батарейки занимают половину всего приёмника. Тёпленькие устройства. Звук великолепный и крошечные лампы светятся зелёным светом сквозь прорези металлического корпуса. Как такое чудо не купить! Купил. И батарейки запасные тоже, и источник питания от сети. Правда, сети питания в 110 вольт в нашей цивилизации уже давно нет, но это лишь вопрос трансформации и решается просто. Чудесная вещь!

Девочки сидят на скамейке и словно в каком-то нетерпении или возбуждении болтают ногами. Наверное, ждать меня надоело. Спрашиваю:

— Пойдём пешком или…

— Пешком, пешком, — обрывает меня Ферида и резво вскакивает со скамейки, — а то мы тут всё себе отсидели, ожидая тебя.

Вроде как что-то врёт. Меня не было всего-то минут десять-пятнадцать. До камня шли так быстро, что я едва поспевал за их длинными ногами. Чего это они так

несутся? И при этом молча. Верный признак того, что, похоже, что-то натворили. Ерунда какая-то! Были-то почти всё время у меня на глазах. Чего можно натворить, сидя на скамейке? И шума никакого не было, и скопления народа не наблюдалось, и скамейка вроде бы осталась цела, и кругом никаких разрушений. Только когда поднимались по лестнице на второй этаж виллы, вдруг заметил, что в сумке, идущей впереди меня Фериды, вроде как что-то шевелится. Обалдели совсем! Спёрли чью-то пробегавшую мимо собаку или кошку?

— Девочки, зайдите в библиотеку. Ферида, что там у тебя в сумке?

Воровка расстёгивает свою сумку и вываливает на ковёр механического дворника. Тот вскакивает на свои членистые ножки и начинает крутиться на месте, словно озираясь и обнюхиваясь в незнакомой обстановке. Однако через некоторое время, словно в нерешительности замирает, и начинает помигивать красной лампочкой.

Кому это из них пришло в голову свистнуть машинку из чужого мира? Антогора и пальцем к ней не прикоснётся. Ферида заводилой редко когда бывает. А вот Охота часто выступает подстрекательницей на сумасбродства.

— Охота, твоя идея уволочь машину из Гешвига?

— А что, пусть у нас здесь в доме убирает. Их там много. Ты говорил, что тамошние машины заводные, как часы. Сделаем ключ и будем пользоваться.

— Охота, девочки, машина ведь хоть и бегает по городу без хозяина, а всё равно не ничья, а чужая. И завести её не удастся. Она работает не от завода ключом, как часы. Ей нужна волшебная, специальная сила, которой здесь в доме нет. Эту штуку нужно заправлять, как автомобиль, на котором вы ездили, но не тем, чем заправляют автомобили и паромобили, известные вам.

Воцарилось напряжённое молчание. Не буду ни ругаться, ни приказывать. Пусть сами сообразят, что де-

лать. Охота посмотрела на подруг. Те без слов кивнули ей.

— Нести обратно? — с тяжёлым вздохом спросила саму себя виновница авантюры. — Значит, нести.

Пошли вдвоём обратно к озеру.

— Буду ждать тебя здесь через полчаса, — сказал я Охоте, выводя её из камня к дороге в Гешвиг.

Мар просто обомлел, когда вся троица явилась на кухню к ужину в пижамах, и плюхнул порцию своего варева мимо подставленной Антогорой плошки.

— Ну и ну! — только и нашёлся он что сказать, мотая головой. Хотя и давно привык ко всяким чудесам и чудачествам в этом доме.

— А что, Мар, разве плохо? — поинтересовалась Ферида.

— Нет, не то, чтобы плохо, а очень даже хорошо вам идёт. Только я вот такого ещё не видывал и вряд ли где увижу.

А ведь и в самом деле. Девочки в разноцветных пижамах выглядят настолько нежно и по-домашнему, что и всё вокруг словно преображается вместе с ними в гармоничный уют и покой. Антогора опять словно дремлет на своей кушетке, а на самом деле наблюдает за мной из-под приспущенных век. Шахматистки препираются по поводу того, кому играть белыми. И в голову кому-то не может прийти мысль о том, какая пружина смерти сжата здесь, и мгновенно развернётся, когда придёт известие об освобождении Октавиана.

Антогора словно прочла мои мысли.

— Не беспокойся, Сергей. Мы сами всё сделаем как надо. Ты когда уйдёшь?

— Завтра утром и, может быть, надолго.

— Мы будем скучать.

— Я тоже…

*

ГЛАВА 3

Железный остров

ГЛАВА 3: Железный остров

— Капитан вчера прибыл и ходит мрачный, как туча, — сообщил мне Александр, едва мы встретились утром у Стеллы в подвале.

Сегодня у Учителя дневные занятия и он заглянул в нашу контору перед ними.

— Молчит наш мореход с таким видом, что опасаюсь даже спрашивать о причинах.

— У них в пароходстве плохие дела. Наверное, уже и его коснулось.

В нашу каморку заглядывает Стелла.

— Мальчики, левый флигель освободили. Сегодня строители будут подъёмный кран во дворе ставить. Стало быть, начинаем погром.

— Ну и с Богом! — откликнулись мы и Стелла исчезла.

— Да, — Стелла опять приоткрыла дверь, — чуть не забыла. Сергей, тебя в начале недели искал Ахмед.

— Спасибо. Я его уже видел, — и Стелла опять исчезла.

— Ты его там, что ли видел? Здесь его не было. Только сегодня появился.

— Там.

— И как Зубейда? Когда ты её мне покажешь?

— Как-нибудь при случае. Я же не могу пригласить тебя в мир Ахмеда. Это только он может сделать. Заслужи его благоволение и увидишь Зубейду.

— А если навязаться? Попрошу его показать мне настоящий восточный базар.

— Вот-вот, предлог неплохой. Ему трудно будет отказать. Там — на базаре Зубейду и увидишь.

— На базаре?

— Именно. Она в мануфактурной лавке Ахмеда покупательниц консультирует, на что тем лучше деньги по-

тратить. А около лавки можешь сделать и ставку на Зубейду в тотализаторе на восточный манер.

— Чего-чего?

— Ай, ладно, попадёшь на базар и сам всё увидишь. Тебе в школу-то не пора?

— Бегу, бегу, — и Учитель испарился.

М-м да-а, похоже, что с Капитаном беда. Надо его как-то поддержать. Снимаю трубку.

— Да, это я. Нет, не занят. Прямо сейчас? Иду.

Капитан и в самом деле не весел. Наливает нам по рюмочке коньяка и пододвигает мне лимончик на блюдечке.

— Всё-таки разваливается наше пароходство и что на его руинах будет — никто не знает. Хотя вру. Кто-то наверняка что-то знает. У меня такое впечатление, что делается всё намеренно, но кто там за кулисами не видно. Постараются разогнать всех, кто только по закону может претендовать на пай в пароходстве, а у остальных скупят паи за бесценок. Вот тогда феникс и начнёт возрождаться из пепла. А сейчас моё судно пока что ставят на прикол, на неопределённый срок.

— Первоначальное накопление капитала без воровства и мошенничества редко бывает. Не хотите вмешаться и вставить перо аферистам, Капитан?

— Как это?

— Не увольняйтесь ни под каким видом и сами принимайтесь скупать паи-ваучеры через подставных лиц. Разумеется, по цене выше, чем у конкурентов. Только, думаю, уже поздновато рассчитывать на пятьдесят один процент. Жульничество, похоже, началось уже давно. Но весомую долю оттяпать — шансы ещё есть. Дело пока что при отсутствии акций не очень сложное. Ибо распылить имущество выпуском дутых бумаг невозможно. Сейчас сколько работников — столько и пайщиков. Не более того. Так упрощённо я себе всё это представляю.

Юридически, конечно, дело сложнее.

— Не по душе мне вся эта возня. Хотя, пожалуй, ты и прав. Почему бы не попортить кровь некоторым сволочам. Денег-то у меня на это хватит.

— Вот и хорошо, а подставных мы найдём. Кто широко занимается манипуляциями с золотом, не может не иметь сети доверенных агентов, которые без мыла в любую дырку влезут.

— Имеешь в виду деятеля из комиссионки?

— Его самого. Вы им золото, а они вам скупленные права на пароходство. У нашего юриста нужно узнать, как обставить формальную сторону цепи сделок от скупщиков до вас.

— Заманчиво. Сам-то будешь участвовать?

— А я-то тут, каким боком? Это должно быть чисто вашим детищем, Капитан.

— Ишь ты, бессребреник, какой нашёлся! Мамино воспитание. Впрочем, и я такой же. Во всяком случае, надеюсь на это. Не за деньги, а токмо справедливости ради. Хотя врём мы с тобой сами себе, друг мой любезный, Сергей. Не так уж мы с тобой бескорыстны. Добро, которое мы пытаемся творить, лежит на деньгах слишком просто, случайно добытых. Потому мы с ними легко и расстаёмся. Такая уж у нас форма гордыни.

— Не буду спорить, Капитан. Даже скажу, что, скорее всего, вы правы. Но мы, хотя бы, пытаемся обратить свою добычу кому-то во благо, а не во вред. И это нам самим приятно. Это большее, что мы с вами сами можем сделать в любом из наших миров. Так что?

— Звони своему маклаку из комиссионки!

Набираю номер.

— Аркадий Семёнович? Здравствуйте. Да-да, он самый. Есть предмет для разговора. Нет, Петра Петровича пока звать не надо. А вот я приду не один. Хорошо. Договорились. Через полчаса там же.

Мы с Капитаном пришли в кафе раньше времени, и пришлось подождать минут десять. Любитель золотишка пришёл минута в минуту. Познакомил его с Капитаном.

— Ну, как прошла та партия, Аркадий Семёнович?

— Превосходно. Хотите предложить ещё такую же?

— Что-то вроде этого. Но вот только сейчас нам в обмен нужны не деньги, а кое-что из специфической недвижимости. Сами видите, что вокруг начинается. Приватизация, акционирование, паи, ваучеры, имущественные права. Нам нужно заполучить как можно больше прав на одно интересующее нас предприятие. Вот я и подумал о вас. Вам с вашими связями, наверное, легче было бы организовать скупку правоустанавливающих бумаг. У нас нет нужных для этого агентов.

Наш собеседник задумался.

— Конечно, приобретение частной собственности дело заманчивое и, можно сказать, богоугодное, — начал он, — но очень хлопотное. Кое-какой опыт по этой части в моём кругу имеется. Так что посодействовать можно, но тут отношения во всей процедуре придётся оформлять юридически. Стало быть, легально.

— Разумеется, легально. Но хотя и легально, то это не значит открыто для всех. Вот мой спутник как раз то лицо, к кому должны стекаться все права. Как бы извилисто они не кочевали бы из рук в руки. Думаю, неплохо было бы организовать встречу наших юристов, чтобы всё обсудить в деталях. А что касается хлопотности всей этой затеи, то, я думаю, удвоение вам компенсации против той, что была…

— Вот-вот, — несколько поспешно отреагировал Аркадий Петрович, — такой процент вполне покроет все хлопоты.

— Замечательно. Тогда вам с Капитаном, извините, с Виктором Николаевичем нужно будет обсудить встречу с участием юристов и куда доставить первые сто кило-

грамм цветных металлов.

— Вы ещё не сказали, на что мы будем нацеливаться?

— Цель — Пароходство.

— Ого! Достойная цель.

— С одной стороны, вроде бы да, но с другой… Мы несколько запоздали с этим. Вероятнее всего, внутри Пароходства скупка прав уже идёт. Нужно навёрстывать и начинать буквально завтра, если не сегодня. Объявления о выгодных предложениях должны появиться в проходных Пароходства, как можно скорее. Денег не жалеть и наши предложения всё время должны быть выгоднее прочих, как минимум, на десять процентов. Вероятно, нужно будет подумать и о защите агентов. Их активность может кому-то не понравится.

— Разумеется, но это уже по моей части.

Мы просидели ещё минут пятнадцать, прихлёбывая неплохой кофе. Обсудили некоторые детали и разошлись вполне довольные друг другом.

— Знаешь, всё-таки непостижимую вещь создал Швейцер, — сказал задумчиво Капитан, когда мы шли домой. — До недавних пор я думал, что выходить в свой мир фантазий можно только туда, где оказался в первый раз или рядом с этим местом. А на самом деле нет никаких препятствий оказаться в любой точке, где уже перед этим побывал. Прямо из дома я могу оказаться в своём банке на необитаемом острове и не нужно плыть к нему из Порт-Альберта.

— А я на это свойство как-то сразу наткнулся. Когда, купив домик в Верне, подумал о нём и оказался в его гостиной, а не в чистом поле, как первый раз. Как я понял, вы завтра с Аркадием Семёновичем утрясёте основные юридические и финансовые вопросы. Дальше уже ваше участие в ближайшее время не потребуется.

— Да, пожалуй, и что из этого?

— Думаю, вот не развеяться ли нам поисками железного острова.

— Чёрт, в самом деле, я с этими сюрпризами от пароходства совсем забыл, что нас ждёт такое великолепное приключение.

— Ага, и в такой великолепной компании, как Жанна! Простая душа, которую вы постарались втянуть в нашу авантюру.

Капитан с подозрением покосился на меня. Не издеваюсь ли я над ним и его слабостью к этому синеглазому сокровищу из вернского кабака. Но уличить меня в подвохе не удалось. Физиономию он узрел честную и открытую. Глубоко вздохнул и спросил:

— Что, здорово заметно?

— Не здорово, а для постороннего, вообще, ваша невинная страсть невидима, но мы же с вами не посторонние люди уже довольно давно. Тем более что и Жанна мне не чужой человек. Но об этом лучше даже и не задумываться, чтобы умом не рехнуться.

— С чего бы это?

— Неужели сами не догадываетесь? Мы все, включая даже Анну Петровну, влюбляемся в порождение собственных же фантазий или фантазий друг друга. Причём совсем не платонически. Хотя с другой стороны, мне, например, ничего другого и не желается. Есть от чего голове пойти кругом.

— Интересно было бы взглянуть на объект твоих желаний, ради которого ты на Жанну перестал покушаться.

— Вот, пожалуйста, ещё один страждущий зрелища женской красоты и совершенства. Учитель меня всё время донимает этим вопросом. Вы уж сговоритесь как-нибудь вместе склонить Ахмеда пустить вас в свой мир. Не водить же вас на смотрины поодиночке.

— Ахмеда? С ним-то всё просто. Фруктовые тортики с ним творят чудеса. Он сам-то здесь?

— Здесь.

— Тогда зайдём в гастроном, захватим Александра и нагрянем к Ахмеду. Совершенно случайно, разумеется, и без всяких задних мыслей. Нужно же договориться с ним о подвозе золота к Аркадию Семёновичу.

— Ну и мудрецы же вы с Александром. Вы придумали предлог, чтобы завязать разговор с Ахмедом, а у Александра наготове идея, как вынудить старика пустить вас в свой древний Багдад. Я в этом жульничестве участвовать не буду. Сами втирайтесь к нему в доверие.

Александр оказался уже дома и обрадовался такому представительному единомышленнику, как Капитан. Первую линию препятствий — проникновение в жилище Ахмеда заговорщики слёту преодолели при помощи пары тортиков.

— Ахмед, — начал Капитан, садясь за стол, — нам бы завтра опять попользоваться ржавой жилконторской телегой.

— Опять для той же цели?

— Точно.

Ахмед глубоко задумался.

— Есть какие-то трудности с этой телегой? — забеспокоился Капитан.

— С телегой-то — нет. Просто я сопоставляю пустяковость вопроса с наличием передо мной двух больших фруктовых тортиков и предвижу какой-то подвох в странном несоответствии одного с другим.

— Ты нас в чём-то подозреваешь?

— Не подозреваю, а просто уверен, что Александр молча мнётся не просто так. Что-то вам от меня нужно кроме ржавой телеги.

— Я так и думал, Капитан, что Ахмед вашу с Александром затею расколет в один момент. Нашли, кого за нос водить! Саша, раскрывайте уж ваши краплёные карты.

— Знаешь, Ахмед, мы много слышали и читали о чудесах восточного базара. Но, сам понимаешь, слышать и видеть совсем не одно и то же. Не согласился бы ты показать его нам в натуре. Интересно ведь.

— Базар?

— Ага.

— Восточный?

— Именно.

— С Капитаном?

— Так точно.

— Жулики вы и больше никто! Старого Ахмеда облапошить хотите. Уж от вас-то, Капитан, никак не ожидал такого неуклюжего предлога проникнуть в мой мир. Вы же поплавали везде и на Востоке были не раз. Эти базары исходили вдоль и поперёк. Нет, тортики-то я съем, конечно, а на свой базар вас не поведу. Впредь врать старику не будете.

— Ахмед, — подал я голос, — они просто стыдятся признаться, что им очень хочется поглазеть на Зубейду.

— Да ну? Это совсем другое дело. Такому если возразишь, то Аллах покарает за грех. А то базар, базар! Нашли, за что зацепиться. Своди их, Сергей. Покажи своё чудо. Я с вами не потащусь. Только во что бы их одеть?

— Да пусть так и идут. Мы же только на часок до базара и обратно. Капитан свой китель с галстуком здесь бросит. Всё равно там в нём жарко будет. Сойдут за только прибывших иностранцев. Александр, ты пиджачишко-то свой тоже здесь оставь — упаришься в нём. Башмаки прямо сейчас снимите.

*

Голос имама, читающего дневную молитву, гулко разносится под сводами мечети.

— Красота-то какая, — шепчет Александр, озираясь вокруг. — А нас тут не разорвут на части, как иноверцев,

осквернивших своим присутствием религиозную святыню?

— Не беспокойся. Ахмед позаботился о том, чтобы религия в его мире была бы более терпимой, чем в нашем общем.

— Значит, можно без опаски осмотреться, — заключил Капитан. — Я тоже ни разу не видел мечеть изнутри.

— Можно. Только свою обувь не держите на виду. Спрячьте за спину. Нормальные люди оставляют её у входа в мечеть. Что поделаешь, если вы ненормальные и я вместе с вами.

Впрочем, на нас никто и внимания не обращает. "Аллах акбар" важнее каких-то чудаков слоняющихся по мечети с вытаращенными от восторга и удивления глазами. В доме Аллаха и должно быть удивительно.

— Ух ты! — воскликнул Александр, когда мы, выйдя из мечети, окунулись в уличную жару. — Ну и парилка! А это что за изящное строение.

— Дворец Гарун-аль-Рашида.

— Того самого?

— Того самого.

— Небось, ты и с ним знаком? Как он?

— Знаком. Да, так себе. Прохиндей ещё тот, но ужиться с ним можно.

— А кто ещё здесь есть? — поинтересовался Капитан.

— Синдбад, Аладдин, Шехерезада, Багдадский вор, Али-баба.

— Надо же, какая чудесная у нашего Ахмеда тут компания. Интересно, наверное.

— Ещё бы! Но ладно, двинемся-ка на базар.

Через базарную толпу бесполезно проталкиваться. Через неё можно только проскользнуть, а для этого опыт нужен. Поэтому я иду впереди и тяну за собой Александра, а тот Капитана. Вот и фарфоровая лавка Ахме-

да.

— Здравствуй, Мустафа.

— Салам, Сержи-сахеб.

— Не покажешь моим друзьям последние товары?

— Посуду или фигурки?

— Фигурки.

Очарование китайского фарфора охватывает любого, взявшего его в руки. Долго, затаив дыхание, рассматриваем разные предметы, под всё понимающим взглядом Мустафы. Капитану понравилась старательно вылепленная и изящно раскрашенная китайская джонка. Парус настолько тонок, что звенит как колокольчик, если чуть щёлкнуть его ногтём. Просто удивительно, что статуэтку довезли из такой дали, не разбив по пути. А Александр никак не может выпустить из рук очаровательную китаянку с лотосом и зонтиком.

— Мустафа, вот эти две статуэтки отложи. Мы их заберём на обратном пути. Сколько обе стоят?

— Полтора динара.

Али и Махмуд тоже на своём месте среди сокровищ ювелирной лавки. Мы полюбовались и на изделия восточных златокузнецов.

— Александр, а почему бы тебе не выбрать что-нибудь для Клитии?

— Нимфы не носят украшений.

— Носить не обязательно. Даже просто знак внимания на память, думаю, будет ей приятен.

— Верно, а я как-то и не подумал. Как вы считаете, а что бы ей больше всего понравилось?

— Мне кажется, что для нимфы больше подошло бы серебро, — предположил Капитан.

— Согласен, — добавил я, — с зелёными или голубыми камнями. Скорее, с голубыми. Клития ведь нимфа ручья. Али, есть у тебя что-нибудь из невыставленного серебра с голубыми камнями?

— Есть кое-что от того же мастера из Дамаска, — и Али вытащил на свет ажурное серебряное ожерелье, сплошь усыпанное бирюзой.

— Опля! — воскликнул Капитан, — такая вещь достойна и царицы.

У Александра разгорелись глаза.

— Берём! Ахмед нас не убьёт?

— Нас нет, а тебя не знаю. Вещь-то в твоих руках будет. Али, нам бы ещё что-нибудь лёгкое, но уже из золота для девушки с большими синими глазами. У неё вроде бы послезавтра день рождения.

— У твоей Зубейды синие глаза? — слегка удивился Капитан. Вероятно, вспомнив глаза цвета моря у Жанны.

— Да, и ещё какие! Но я имел ввиду не Зубейду.

— Понятно, — и Капитан под недоумевающим взглядом Александра принялся рассматривать то, что выложил перед нами Али.

— Вот! — ткнул Капитан пальцем в красивые серьги с сапфирами и колечко, усыпанное ими же.

— Али, сколько всё?

— Восемь динаров ожерелье и пять серьги с кольцом. Всего тринадцать динаров.

— Замечательно. Отложи. Мы заберём немного позже.

Группа игроков у торговой резиденции Ахмеда забеспокоилась, засуетилась, увидев меня. Но, уловив мой успокаивающий жест рукой, вернулась к своему занятию.

— Что это за люди? Твои знакомые? — заинтересовался Александр.

— Да нет, — это местный тотализатор, о котором я тебе упоминал. Здесь делают ставки на Зубейду. Испугались, что я сейчас её уведу.

— Ставки на Зубейду? — второй раз за пять минут удивился Капитан.

— На неё. Женщин-торговцев на Востоке почти нет. На здешнем базаре только Зубейда. Эти бездельники, которых вы видите, спорят на то, сколько денег Зубейда уговорит ту или иную покупательницу оставить в лавке Ахмеда. Занятные пари. Меня иногда так и подмывает поучаствовать.

Али-Баба удивлённо взглянул на меня, когда мы вошли в лавку. Я ведь всего лишь два дня как ушёл отсюда и вот вдруг опять здесь. Зубейда беседует с какой-то местной дамой в дальнем конце лавки. Обернулась на шум и помахала мне издали ручкой.

— Снимайте вот здесь башмаки и проходите, — приглашаю я спутников во внутренние комнаты. — Располагайтесь.

— Неплохо с работой устроился Ахмед, — оценил Капитан, оглядывая роскошь багдадского офиса хозяина лавки. — Его питерская квартирка не в пример аскетичнее.

— Салам алейкум, уважаемые, — поприветствовал почти вслед за нами вошедший Али-Баба.

— Познакомься, Али-Баба. Это наши с Ахмедом друзья — Вик и Александр.

— Друзья Ахмеда — мои друзья. Сейчас Зубейда освободится и принесёт угощение. Ты надолго, Серж?

— Нет, мы чуть-чуть посидим и уйдём. Денег мне дай, пожалуйста.

— Сколько?

— Динаров двадцать.

Али-Баба вышел.

— Вот видите, Капитан, как всё просто в этом мире, — заметил Александр. — Зашёл в чью-то лавку, спросил денег и тебе их чуть ли не бегом доста…

Договорить у этого юмориста не хватило духу — вошла Зубейда с подносом. Александр так и застыл с полуоткрытым ртом. Капитан тоже замер и напрягся, как

при неожиданности. Зубейда поставила поднос и скользнула ко мне. Лобик, носик, губки, шейка, ушко…

— Познакомься, Зубейда. Это мои друзья Вик и Александр.

— Твои друзья — мои друзья, Сержи-сахеб, — прозвучал серебряный колокольчик голоса Зубейды.

— Налей им вина, радость моя. А то твоё появление, как обычно почему-то вызывает жажду у людей, увидевших тебя впервые. Садись с нами. Мы только на минутку — дела.

— На минутку? Какая жалость!

— Знаешь, Серж, — произнёс вернувшийся Али-Баба, ссыпая монеты мне в ладонь, — сегодня утром приходила принцесса Будур — просила денег. А ведь прошло всего три дня, как Аладдин уехал из дома.

— И ты что?

— Как и договаривались — не дал. Предложил работать в лавке. Хмыкнула презрительно и унеслась куда-то.

— К отцу, наверное, полетела. Куда ей ещё деваться-то.

— Смешная она какая-то, — отозвалась Зубейда, — но красивая. Легко можно понять Аладдина. Вы уже уходите?

— Пора.

Ушко, шейка, губки, носик, лобик Зубейды и мы выходим на базарную площадь.

— Э-э…, — начал, было, Александр.

— Лучше помолчи, — оборвал его Капитан, — а то ляпнешь что-нибудь невпопад. Редчайшая прелесть, не приукрашенная косметикой. Стоило такое увидеть. Нет слов. Как тебе повезло, Сергей!

— Я это и хотел сказать, — обиженно откликнулся Александр. Восхитительная и, в самом деле, редкая красота. — А принцесса Будур тоже та самая, что в сказ-

ке про лампу?

— Тоже. Знаете что, судя по солнцу, до закрытия базара время ещё есть. Хотите взглянуть на дворец халифа?

— Ещё бы! — в один голос подтвердили оба.

— Тогда пошли.

Во дворец нас так просто не пропустили, но начальник стражи по моему требованию послал за Шехерезадой. Та пришла и провела нас в чертоги Гарун-аль-Рашида.

— Познакомься с моими друзьями — Вик и Александр.

— Твои друзья — мои друзья. Вы по делу?

— Нет. Просто хотим посмотреть дворец. Покажешь?

Наверное, с час бродили по сказочным хоромам, любуясь мастерством строителей, художников, резчиков по камню и дереву, садоводов.

— Серж, Будур сегодня была здесь. Устроила отцу истерику, но тот был непреклонен. Не дал ей и медной монеты. Выяснил, сколько муж, уезжая, оставил ей на хозяйство и не дал дочери ничего. Убежала в слезах. Я наблюдала издалека. Похоже, Будур в таком положении, что стала бы клянчить денег и у меня.

— Она с утра уже побывала у Али-Бабы и тоже ничего не получила. Присматривайте за ней. Мало ли что от отчаяния ей в голову взбредёт.

— Но руки-то она на себя точно не наложит. Слишком себя любит. А остальное — пустяки.

— А что это Сержи-сахеб делает в моём доме и в какой-то странно одетой компании? — раздался знакомый голос у нас за спиной. — И при этом без моего ведома и согласия.

— Здравствуйте, Гарун. Это мои друзья. Попросили показать дворец халифа. Не хотелось вас беспокоить таким пустяком.

— Посмотреть? Что ж, смотрите, смотрите. Тебе Сержи-сахеб многое можно, чего другим нельзя, — и халиф Багдада степенно удалился.

Мы распрощались с Шехерезадой и вернулись на базар. Забрали украшения у Али. Забрали тщательно упакованные статуэтки у Мустафы. Расплатились за всё.

— Сейчас я вам покажу настоящую восточную сокровищницу, — и повёл спутников к старьёвщикам.

— Это отсюда моя несравненная астролябия? — поинтересовался Капитан, — созерцая груды всякого хлама.

— Отсюда.

Учитель обнаружил здесь кучу каких-то ветхих книг и закопался в них чуть ли не с головой, а мы с Капитаном прошлись вдоль рядов. Позеленевшие от времени чеканные кувшины, детали упряжи, обломки инструментов, почерневшие металлические фигурки.

— А это что за штука? — поинтересовался Капитан, вертя в руках уже знакомую мне вещь.

— Прототип подзорной трубы. Только вот одно стекло выбито. Я такое дело у Синдбада видел.

— Возьмём? Ничего, что без одного стекла.

Старьёвщик отдал древний оптический прибор за один таньга. Больше ничего интересного не высмотрели. Зато Александр, похоже, с добычей. Прижимает к груди огромный, потрёпанный, рукописный фолиант с железными застёжками.

— Восточное подобие нашего "Домостроя", — восторженно прохрипел наш учитель литературы. — Картинки потрясающие!

Памятник восточной мудрости обошёлся нам в два таньга. Пора домой. Да и базар уже почти весь рассеялся. Прячемся за палатки и уходим из Багдада.

Ахмед сидит за столом и ложкой старательно выскребает дочиста донышко первой коробки из-под торта.

Вторая ещё не тронута.

— Вы, я вижу, с добычей. Показывайте, что там набрали. Э-э, да я посмотрю, вы всё самое ценное из моих лавок утянули. Так и в трубу вылететь недолго. Дороговатенько мне обошлись ваши тортики. Что-что? Кто-кто жмот? Ахмед жмот? Вот, дожил на старости лет до такой благодарности! Насладились хоть созерцанием совершенства или только грабежом меня и занимались? То-то же!

Капитан натянул свой китель. Александр напялил пиджак и мы выкатились за дверь.

*

Наблюдаю из окна своей комнатушки как Ахмед с Капитаном грузят на ржавую телегу коробки и коробочки с драгоценным содержимым. Вот Капитан быстро вышел из двора, а немного погодя двинулся вслед за ним со своим транспортом и Ахмед. Интересно, выйдет у нас что-нибудь толковое с Пароходством или нет? Очень уж зол наш мореход на окопавшуюся там компанию, а мы, по сути, о ней ничего и не знаем. Всё делаем наугад. Ладно, поживём — увидим. Подъёмный кран во дворе уже стоит. Строители суетливо шастают туда-сюда и что-то орут друг на друга. Из разломанного окна третьего этажа левого флигеля вылетает старый пружинный матрас и грохается во двор, подняв тучу пыли. Очистка фронта работ, стало быть.

Тревожно мне что-то на душе из-за нашей затеи с Пароходством. Надо бы что-то предпринять, но что? Посоветоваться с Григорием Павловичем? Всё-таки бывший жилец нашего дома и бывший следователь прокуратуры. Да и его сын Пашка мой товарищ по школе и двору. Он на пару лет младше меня. Вернулся из армии в тельняшке десантника. Григорий Павлович со товарищи вроде бы организовал что-то вроде частного сыскного агентства или бюро и сына туда втянул. Пашка жало-

вался, что законы о частном сыске какие-то странные и непонятные. Так вроде и зарегистрировались формально под одним флагом, а в натуре, не формально делают что-то вроде и не совсем допустимое законами. Ну и времечко! Позвоню-ка Пашке.

— Да, Паша, ты? Ага. Как это давно не виделись? Когда вы съезжали, а с того времени и двух месяцев не прошло. По сравнению с каждым днём, конечно… А я разве против? Запросто, но сегодня мне нужны вы оба с отцом. Как бы спокойненько побеседовать по делам, касающимся сыска? Передашь трубку? Передавай. Да, здравствуйте, Григорий Павлович. Ну, да. Очень даже подходит прямо сейчас. А где? Понял — иду.

Заглянул в нашу финансовую кладовку и положил в карман пару стодолларовых пачек.

*

Надо же, как удачно. Их контора-то, оказывается, на соседней улице. Чистенькая квартирка из трёх или четырёх комнат в бельэтаже, превращённая в аккуратненький офис. Ничего вызывающего. За одной из дверей слышен чей-то деловой разговор по телефону. Слышен в коридоре, потому что по проводам, видимо, слышимость ни к чёрту. Приходится кричать. Пашка тащит меня в кабинет отца. Григорий Павлович мужчина лет пятидесяти с начинающими седеть короткими волосами. Крепкий, коренастый, с проницательными глазами. На столе по следовательской привычке ничего лишнего.

— Здравствуй, здравствуй, Серёжа! Ну, как вы там без нас? Ничего? Мы тоже ничего. Квартирку вы нам сосватали при расселении знатную. Никак не нарадуемся. В гости-то зашёл бы. И мы с женой всегда к вашей семье хорошо относились, и Пашка тебе как-никак давний приятель. Что ж ты так нас сразу и забыл-то?

— Скажете тоже, Григорий Павлович, — забыл, — обиженно фыркнул я. — Как это я могу забыть! Просто

мои жилищные дела ещё не решены и хлопот выше головы. Вот стихнет суета и начнутся визиты — приглашения.

— Ладно, ладно, это я так, для порядка пеняю. Мы всё понимаем. Так что у тебя за дело такое к нам? Не противозаконное?

— Пока нет, а дальше неведомо как сложится. Сами видите, что творится. Весь криминал вылез из подполья и растёт, как на дрожжах. Аферы, мошенничества цветут полным цветом. Не хотелось бы оказаться их жертвой. Вот это и цель моего визита.

— Понятно, в общем, и абстрактном. Давай подробнее и сначала.

— Сначала, так сначала. Вы ведь все прекрасно знаете Капитана…

— Ещё бы! Фигура очень уважаемая и достойная!

— Так вот, в его пароходстве уже довольно давно творятся какие-то странные дела. Такое впечатление, что либо руководство само, либо управляемое чьей-то рукой извне старается привести предприятие к разорению. Возможная цель — это чтобы народ разбежался и не стал претендовать на права внутри него. А разорение нужно, чтобы получить дело за бесценок. Для всего этого идёт и скупка паёв у работников пароходства.

— Не очень удивительно. Такое сейчас идёт повсеместно.

— Так-то оно так, но Капитану ситуация не нравится, и мы решили вмешаться в это дело. Если повезёт, то не позволим разорить пароходство и выкинуть людей на улицу. Сами понимаете, что заниматься критикой руководителей и раскрыванием глаз коллективу бесполезно. Всё утонет в болтовне, а под шумок как раз вся афера и совершится.

— И что же вы решили?

— Мы не только решили, но и почти начали. Будем

скупать права на пароходство у всех, кто захочет их уступить. Возможно, удастся получить пакет хоть какого-то влияния на события. Опять-таки, если повезёт. Если не повезёт, то деньги будут выброшены на ветер. Нас с мелочью просто выдавят оттуда.

— Понятно, но затея-то ваша дороговатая будет.

— Дороговатая, но у Капитана есть в зарубежных портах несколько весьма доходных предприятий. Да и наш, известный вам "Электрон", далеко не беден. Деньги есть. А вот чего нет, так это информации о том и тех, что и кто нам противостоит. Меня беспокоит наша почти полная слепота в деле, в которое мы, считай, уже ввязались. Уже организовалось своего рода партнёрство по скупке прав и внесены на это деньги. Думаю, там-то будет всё благополучно до тех пор, пока прохиндеи из пароходства не почуют неладное.

— Да-а, затеяли вы, конечно, великое и скандальное дело на свою голову. Если ввяжетесь, то выбраться из него без шишек-банок и намятых боков вряд ли удастся. Публика будет вам противостоять беспринципная и не стесняющаяся в средствах. Так ведь ты пришёл не просто поговорить. Какие-то мыслишки шевелятся?

— Шевелятся. Нам нужна фирма по информационному и организационному обеспечению тылов. Вот я и подумал, почему бы нам с вами не заключить долгосрочный договор на соответствующие услуги. А поскольку мы друг друга давно знаем, то и неофициальное, выходящее за рамки договора для наших отношений трудности не представит. Правда, Григорий Павлович, я не имею ни малейшего понятия, насколько далеко вы согласились бы уходить в неофициальные отношения и согласились бы вообще.

— Эх, Сергей, Сергей, — тяжело вздохнул мой собеседник, — в нашем положении львиная доля работы не очень-то легальна и не соответствует нынешнему зако-

ну. Приходится обставлять её так, чтобы связать такие дела с нами было бы затруднительно. Балансируем, как говорится, часто на грани. Но есть и пределы того, на что мы могли бы пойти. А так твоё предложение нам было бы интересно.

— Понимаю. Подкуп — финансирование развязывания языков не может быть оформлено официально. О таком мы можем устно договориться? Наличные — не вопрос.

— Вот это как раз запросто. Но не всегда деньги развязывают языки, а на какие-нибудь провокации или насилие мы не пойдём.

Григорий Павлович, подумал и добавил:

— Разве что, если нас вынудят принять, гм, какие-нибудь силовые действия при угрозе нам или клиенту, — мой собеседник покосился на сына. — Рэкет, бандитизм стали настолько распространены, что часто и в бизнесе не гнушаются бандитскими приёмами.

— Этого вполне достаточно. Некоторые, бывает, не понимают, что можно делать и чего нельзя. Если на нас натравят какую-нибудь банду, то нам не следует втягиваться в разборки с ней. Проще и эффективнее взяться сразу за непосредственный источник угрозы и объяснить ему прямо по морде, что его методы неэтичны и имеют адекватную обратную сторону ответного беззакония. Господи, во что же мы все скатились, если обсуждаем такое, как повседневные дела!

Тут я вспомнил Синдбада с его красноречием и рассмеялся. Отец и сын удивлённо взглянули на меня.

— Не обращайте внимания. Это я вспомнил одного своего хорошего знакомого с Востока. У него большой дар убеждения при помощи кулака. Он это называет своим особым даром красноречия.

— Отец и сын тоже рассмеялись.

— Тебе, Сергей, совсем незачем знать наши органи-

зационные секреты, но определённо могу сказать, что у нас есть выходы на людей с особым даром красноречия и это не уголовники. Так что, если нам не потребуется выходить за рамки, скажем так, внеправовой самозащиты, то вполне можем договориться обо всём. Мы возьмёмся за ваше Пароходство прямо завтра. Формальные отчёты будут идти в ваш "Электрон", а не формальные устно только тебе или Капитану.

Мы мигом состряпали текст договора. Я выложил им две пачки зелёных на нелегальную деятельность, и мы с Пашкой отправились в нашу контору. Стелла оказалась на месте. Прочла и подписала договор, отдала бухгалтеру распоряжение перечислить аванс и вручила экземпляр документа Пашке. Выслушала мои объяснения.

— Надеюсь, вы с Капитаном понимаете, во что ввязываетесь с этим Пароходством. Ставите "Электрон" буфером между собой и ими. Если что, то шишки в первую очередь посыпятся на меня. Хотя, впрочем, я сама поступила бы также — ужас как не переношу всяких аферистов. А Капитан не заслуживает того, чтобы его вышвырнули с работы, как лишний хлам. Будем надеяться, Павел, — Стелла обернулась к Пашке, — что ваше агентство либо как-то защитит нас в пиковой ситуации, либо хотя бы предупредит во́время.

Мы с Пашкой вышли во двор и некоторое время постояли, созерцая окружающий разгром. Ахмед прошёл в свою каморку, приветливо кивнув Пашке.

— Да, широко вы развернулись, — с восхищением произнёс мой приятель, — качественно. Есть чему позавидовать.

— Слушай, а у вас люди с особым даром красноречия — это не твои сослуживцы по армии?

— Не трудно догадаться. Правда?

— Не трудно, но если это честные ребята, то силовая работа по вызволению кого-то из беды у них не постоян-

на. Это же не рэкет. Чем живут-то?

— Кто чем по мелочам. Сам видишь — безработица, а после армии квалификация — ноль. Потому как, до армии её ещё и не было.

— Я поговорю со Стеллой. Ей понадобятся работники при расширении. И для склада, и для перевозок, и для конторы, а, может быть, и охраны. Она с удовольствием берёт и молодёжь на обучение. Так что, если у кого-то из твоих ребят есть склонность даже к конторской работе, то могут попробовать себя в "Электроне". Золотых гор у нас не обещают, но жить можно. Однако учти, Стелла суровый в деле человек и не будет брать на работу бесполезных людей просто по знакомству.

— Спасибо, — пожимая мне на прощание руку, произнёс Пашка. — Такая поддержка нас здорово выручит.

Только Пашка ушёл, как сверху, из раскрытого окна донёсся голос Капитана:

— Стой там и не шевелись! Я сейчас спущусь.

— Вроде бы всё утрясли с твоим Аркадием Семёновичем, — сообщил Капитан, войдя во двор. — Нам здесь пока делать нечего. Вот предупрежу Стеллу, что сообщения для меня будут приходить к ней и можем отправляться в Верн.

— Прямо сейчас? Я думал, хотя бы завтра с утра.

— А что нас держит? Придём как раз к ужину.

— Нет, я не против. Раз уж так сложилось, что невинные шашни с Жанной перешли уже в стадию острой нетерпухи по созерцанию её неземной красоты. Так уж и быть, скроем вашу страсть за жаждой насладиться вкусом бесподобной вернской ветчины.

*

Ветчина, само собой, как всегда на высоте. Жанна же просто в нетерпении, когда же мы, наконец, начнём разговор о морском приключении. И так поднесёт яства с видимым ожиданием какой-то новости. И этак присядет к

нам, ёрзая на стуле от неутолённого любопытства. Уж скоро просто дырки просверлит своими синими глазищами у нас на лицах. Вик помалкивает, понимая, что заводилой в моём мире должен быть только его создатель. А я специально томлю Жанну и злю Вика, чтобы дать понять, кто тут главный.

— Конечно, я только "за", чтобы Жанна составила нам компанию в поисках железного острова… — начал я издалека.

— Колин не против, если я поплыву с вами, — не утерпела Жанна сообщить нам о своей готовности к экспедиции. — Его даже уговаривать не пришлось. С вами он меня отпустит куда угодно.

— Замечательно. Но тут есть кое-какие препятствия. Нам ещё нужно найти подходящее свободное судно. Как я понимаю, именно сейчас после сбора урожая и до осенних штормов самое оживлённое судоходство. Не занятых кораблей почти нет, а нам не всякое судно ещё и подойдёт.

Вторая проблема посерьёзнее — морские поверья. Считается, что женщина на корабле приносит несчастье. Отказать Жанне в присутствии на корабле никто не посмеет, но вокруг неё возникнет такая атмосфера неприязни, что будет испорчено всё приключение.

Жанна растерянно водит глазами с Вика на меня и обратно, а Вик усиленно пыхтит трубкой.

— Не нужно сгущать краски, — произнёс старый морской волк. — Поверье действительно есть, но не все его принимают всерьёз.

— Согласен — не все. Но при недостатке свободных судов наткнуться ещё и на команду лишённую такого предрассудка…

— Что поделаешь. Будем пытать везение. Может, капитан порта нам чем-нибудь посодействует? Пойдём, нагрянем к нему.

— Куда это мы пойдём, на ночь глядя? Только нас и ждут в порту в такое время. Утречком сходим. Жанна, вечерние танцы под граммофон будут?

— Теперь у нас танцы каждый день. Видите, сколько женщин с кавалерами приходит к вечеру. Через полчаса Колин заведёт музыку.

— Вот и ладненько. Вы тут развлекайтесь, а я домой пойду. Ведите себя прилично. Друг к другу сильно не прижимайтесь. А то люди Бог знает, что подумают.

Какая это благодать — скамеечка в моём дворике со звёздным покрывалом над ней! А не соврал ли я Луизе, что звёзд мы видим ночью больше двух тысяч? Посчитать что ли? Однако сбился на втором десятке и не услышал, как Вик вернулся с танцулек.

*

Капитан порта — синьор Бугер встретил нас радушно, как и в прошлый раз.

— Капитан Вик, синьор Серж, как я рад! Всё-таки решили поискать железный остров? Похвально, похвально и всем полезно. Чем могу помочь?

— Нам нужно зафрахтовать судно и разжиться подробными картами архипелага Малагра и вод вокруг него, — озадачил его Вик.

— Картами я вас снабжу, какими угодно, но вот со свободным судном будут трудности. Нет их почти. Выбирать не из чего. Можем пройтись по причалам и посмотреть.

Портовая жизнь кипит. Скрип снастей, плеск волн, дуновение ветерка, запах моря и просмолённых бортов, крики чаек. Изощрённая ругань боцманов, матросов и грузчиков навевает мечтательное, романтическое настроение. Жанне будет в новинку? Ругань в таверне сильно отличается от ругани в порту. В кабаке терминология выражений более личная и целенаправленная. Свинья, козёл, сволочь, гад и так далее. В характеристи-

ках личностей явно преобладают представители животного мира. В порту же эмоциональная речь более общая, образная и возвышенная. Я бы даже сказал — изысканная. С проклятиями не к человеку, а к Всевышнему, чёрту и разным святым. Божественная музыка словесных оборотов. Жанне должно понравиться.

А вот и Альф Санчес тут, как тут. Старшина цеха грузчиков всегда в непрерывных заботах, но на нас своего времени не жалеет.

— Зафрахтовать судно? Сейчас? Есть несколько посудин, но не очень завидных. Вот "Ласточка", — указывает он на свежеокрашенное судёнышко. — Только что из ремонта.

— Нет, слишком маленькое, — отклоняет Вик этот вариант.

— А это "Святая Елена". Принадлежит капитану судна и по его странной прихоти ходит только между Верном и Коруной. Из-за такой разборчивости иногда остаётся без груза.

— Нет, тоже не подойдёт. Посмотрите, какой корпус! Даже на самой мелкой волне будет сильная качка.

— "Розалинду" вы, конечно, брать не будете. Она возит уголь и её уже не отмыть. Вот и всё, что есть свободного. Разве только в других портах поискать. В Альгамаре судов больше, но до неё два дня пути морем.

— Если я не ошибаюсь, — орлиным оком приметил Вик, — то вон там, на рейде стоит знакомая нам "Эмилия" капитана Берга. Почему не под погрузкой? У причалов-то место есть.

— "Эмилия" слишком рано пришла, — заметил синьор Бугер. — Груз для неё ещё не доставлен в порт. У "Эмилии" долгосрочный фрахт на весь год. Вот она и вынуждена ждать именно своего груза.

— И долго она будет ждать?

— Не меньше недели. Надо же! Как это мне самому в

голову-то сразу не пришло, — сокрушается капитан порта. — Ведь и в самом деле, можно ненадолго взять "Эмилию". Если капитан Берг не будет против. Лучше судна не найти даже не только в нашем порту. Альф, возьми людей и гоните сюда мою шлюпку. Навестим капитана Берга.

Капитан Берг встретил нас у трапа. Не без интереса, конечно, к причине такого представительного визита. Уговаривать его даже и не пришлось.

— Капитан Вик, синьор Серж, вы опять в благородных заботах. Я просто не посмею отказать в помощи. На какое время вам нужно судно? Недели две? Мне тут на рейде стоять ещё не меньше недели. Да и ваше дело по поиску железного острова достойно никак не меньшей жертвы дополнительного времени. От претензий судовладельцев я уж как-нибудь отговорюсь.

— А и отговариваться не нужно, — вставил я. — Мы оплатим двухнедельный фрахт, и ваши хозяева будут довольны.

— Тогда, вообще, всё великолепно складывается. В вашем обществе и время пролетит незаметно.

Я тихонько пнул Вика ногой, чтобы тот не ляпнул чего-нибудь невпопад.

— Общество, капитан, будет немного больше. Приходите вечером в "Морского дракона". Мы вас познакомим с третьим пассажиром. У него сегодня день рождения и он весь в хлопотах. Там же мы обсудим и сам рейс "Эмилии". Отплываем завтра утром.

— Ты чего пинаешься, — поинтересовался у меня Вик на обратном пути.

— Чтобы у вас с уст преждевременно не сорвалось слово, которое может помешать благоприятному путешествию.

— Какое ещё слово?

— "Женщина".

Заглянули к капитану порта, запаслись нужными картами и, распрощавшись с Бугером, дотащили ворох свёрнутых в рулоны бумаг до дома. Развернули на столике во дворе карту с пометками, полученную у Бугера в прошлый раз и Вик принялся считать ветра, мили, градусы и скорости течений. Я на время притих и задремал. Меня разбудила служанка из "Морского дракона", принёсшая по поручению Жанны корзинку с едой на обед. Надо же, а я как-то и не обратил раньше внимания, что все служанки "Дракона" теперь ходят в синих брюках, как и Жанна.

Служанка ушла, а Вик всё что-то корпит над картой. Наконец, отбрасывает карандаш и с довольным видом растапливает огонь в своей трубке. Встаёт в полный рост и, заложив руки за голову потягивается так и этак.

— Всё, как говорят сухопутные крысы, — можно ехать!

— А я, как сухопутная крыса пойму, куда и как?

— Конечно. Иди сюда. Вот смотри. Я сопоставил несколько групп точек встреч с железным островом в разное время. Получается, что период обращения железного острова вокруг архипелага Малагра, грубо говоря, два месяца — течения медленные. Причём каждый полный оборот по положению железного острова очень хорошо совпадает с предыдущим или последующим. Разница невелика. Плюс или минус миль пятьдесят.

— Получается, что нам, чтобы обнаружить остров придётся проутюжить всего сто миль его возможного пути. А взяться ему больше и неоткуда, кроме погибшей сто лет назад Атабанги.

— Вроде того. Надо на всякий случай добавить туда и сюда миль по пятьдесят, чтобы остров гарантированно попал в длину зоны, которую нам придётся обследовать.

— Понятно. Но ведь и это совсем немного. А что с шириной зоны?

— С шириной тоже более или менее благополучно. Раз течения медленные, то и завихрений в них почти нет. Все точки на карте находятся в полосе около тридцати миль, но мы расширим её до сорока. Таким образом, нам нужно обследовать участок моря сорок на двести миль. Место этого участка через два дня будет вот здесь.

— Почему через два дня?

— Нам же нужно время, чтобы добраться до течений, а железный остров-то не будет ждать нас неподвижно. Нам ещё очень повезло, что зона поиска будет именно в этом месте. Сейчас ветра здесь дуют вдоль течения. Поэтому мы одинаково легко будем пересекать зону поиска поперёк туда-сюда при боковом ветре. "Эмилии" для каждого галса* потребуется четыре часа. Это шесть галсов в сутки. Мы будем сновать туда-сюда по одним и тем же координатам, а течение протекать под нами. На то, чтобы под нами прошла вся зона поиска понадобиться одиннадцать дней. Зато ничего не пропустим. Обзор моря с мачт шире, чем путь течения под кораблём за каждый час. И ещё нас спасает полнолуние. Обзор ночью тоже хороший. Но вот если ночью набегут облака, то нам придётся не сладко. Но осенние шторма ещё не скоро. Может быть, и пронесёт

— Отлично! Вы, Вик, вполне заработали перекусить и я за своё терпение тоже. До праздничного ужина ещё далеко.

Жанна ещё вчера пригласила нас на скромное, вечернее дружеское застолье в "Морском драконе" по случаю её дня рождения. Мы с Виком появились там пораньше, чтобы прежде поговорить с капитаном Бергом. Но Берг опередил нас и пристроился с несколькими матросами "Эмилии" в середине зала. Мирно попивают чудесное винцо Колина и любуются соблазнительными формами, шастающих туда-сюда подавальщиц в брю-

ках. Мы переманили Берга за наш стол, и Вик расстелил перед ним карту с пометками.

— Вот, капитан, куда мы двинемся, а что будем делать и почему я сейчас расскажу.

Берг опытный и толковый моряк. Ему не пришлось всё разжёвывать и повторять дважды. Понял сразу, хотя и слушал вполуха. Сосредоточиться мешала крутившаяся тут Жанна, прелести которой Берг и ласкал короткими взглядами сверху донизу и снизу доверху. Вик улучил момент, когда Берг всё же углубился в карту, и шепнул мне:

— Ты был прав, пнув меня днём, чтобы я молчал. Внешность Жанны лучшее средство против предрассудков. Уверен, что Берг сдастся.

Берг поднял голову от карты.

— Да, мне всё понятно. Ваши расчёты убедительны, капитан Вик. Если всё получится так и сделать, то обнаружить железный остров шансы высокие. Но вы обещали представить мне вашего третьего спутника.

— Спутницу, — накатил я пробный шар.

— Это женщина!?

— В некоторой степени.

— О, Боже! А как всё хорошо началось, — запричитал Берг. — Капитан Вик, вы же прекрасно знаете, что такое женщина на корабле, и что это значит для команды. Одно дело перевозка пассажирок из порта в порт. Дело обычное и неизбежное. Но брать женщину в плавание, исход которого зависит от удачи — это значит, что удачи нам будет не видать.

— Согласен с вами, Берг. Такое поверье существует среди моряков. Но я сам не могу отказать этой особе, отправиться с нами. Язык не повернётся. Она мой друг. Может быть, вы ей скажете. Вам, как чужому человеку легче это сделать.

— Пожалуйста. Это я вмиг. Своя шкура ближе любой

женщины. Где она?

— Вон у буфета с хозяином разговаривает.

— Это Жанна?

— Именно так — Жанна.

На какое-то время Берг потерял дар речи и только часто моргает глазами. Наконец, словно очнулся и пробормотал:

— Я тоже не могу. Я, как и все столько лет её знаю, — и вдруг приободрился, словно от пришедшей на ум счастливой мысли. — Но какое всё это имеет к ней отношение? Она же не женщина!

— А кто же? — изумился Вик.

— Девушка!

Мы с Виком мигом поняли простую идею Берга.

— Конечно, конечно, девушка, а как же иначе! У Жанны строгое воспитание и она никогда не позволит себе ничего такого до свадьбы. А раз она девушка, то и ждать от неё беды не приходится. Не зря же в легендах мир спасают девственницы.

— Вот-вот, — облегчённо подтвердил Берг, — увидите, что Жанна принесёт нам удачу!

Берг распрощался с нами и ушёл к своей команде.

— Нет, ты только посмотри, как он лихо выкрутился из тупиковой ситуации, — восхитился Вик. — Не зря он капитан. Мне бы такой фокус и в голову не пришёл.

— Значит, достойный кандидат для головоломного приключения, — подвёл я итог.

Тем временем Жанна с другими подавальщицами начала накрывать праздничный стол. Подбежал Колин, отнял у Жанны поднос и прогнал её переодеться. Вернулась она в шикарном голубом платье с кружевами. Вик малость обомлел поначалу от восторга, но быстро пришёл в себя и вручил Жанне от нас серьги с колечком. Пришёл Жозеф с огромным букетом цветов от себя и подарком от их величеств — изумительным серебряным

гребнем и извинением от Виолетты, что они с Казимиром не могут быть. На маленькой лошадке с добрыми и умными глазами приехали Арзон и Везер с бесподобной статуэткой, изображающей их самих. Прикатил на своей коляске Герц с красивой, инкрустированной шкатулкой, в которой что-то бренчит и перекатывается. Не открывали. Крис же притащил огромную, сладкую дыню. Такую большую, что всю даже и не съели.

В общем, праздник удался. Разошлись за полночь. Вик проводил Жанну и теперь мне со двора слышно через раскрытое окно, как он там — в спальне ворочается и кряхтит, стараясь заснуть. Сам я наверняка намного опередил его, отправившись без всяких мучений, в царство Морфея*.

*

Хотя Жанна предусмотрительно и отправилась к своему первому в жизни приключению в брюках, и смогла бы вскарабкаться по верёвочному трапу сама, тем не менее, с борта "Эмилии" спустили люльку, чтобы поднять её на борт. Я же, как обычно, полез вверх с грацией мешка с картошкой. По обожанию, светящемуся при взглядах матросов на Жанну, можно предположить, что Берг уже провёл среди команды разъяснительную работу. Наша спутница теперь не меньше, чем талисман экспедиции, от которого только и зависит благополучный исход всего предприятия. Других пассажиров на корабле нет, и каждому из нас отвели отдельную каюту. "Эмилия" для своего времени довольно комфортабельное грузопассажирское судно. Тщательная отделка просторных кают, свободная от помех палуба, довольно светлое, пропитанное лаком дерево конструкций, почти идеальная чистота создают благоприятное впечатление ухоженного дома у рачительного хозяина.

Снялись с якоря под свежим ветром, и в ещё не жарких лучах утреннего солнца тронулись навстречу неиз-

вестности. Нос "Эмилии" с журчанием и плеском легко рассекает воду. Оба капитана заняты каким-то важным разговором о курсах и ветрах, а мы с Жанной стоим у самого бушприта и любуемся голубой волнистой гладью впереди. Ветер треплет длинные волосы девушки и играет концами матросского платка, который Жанна повязала себе на шею. Нос судна слегка покачивается вверх-вниз, баюкая вестибулярный аппарат, как на качелях. От чего поначалу голова слегка кружится, но через некоторое время это проходит.

— Как здорово! — восторгается Жанна. — Я ещё никогда не плавала на больших кораблях.

— Здорово, — подтвердил я с энтузиазмом, умалчивая о скуке, которая неизбежно наступит через пару дней однообразного плавания.

К полудню третьего дня без всяких приключений мы вышли к точке, с которой и начнётся наше челночное движение поперёк течения, по неизменному курсу.

— Ну, с Богом! К повороту! — отдал команду Берг, поколдовав в последний раз с Виком над картой по поводу сноса судна течением.

"Эмилия", слегка накренившись, совершила изменение курса градусов на тридцать-сорок, и заметно утратив полный ветер, тем не менее, весьма резво побежала по морю в первом из множества ожидающихся судно галсов.

— Смотрите-ка, как ваша красотка лихо бежит под боковым ветром! — восхищённо промолвил Вик в адрес стоящего рядом Берга. — Я делал расчёты, исходя из скорости в девять-десять узлов, а тут все двенадцать будет. Этак нам придётся делать на один галс в сутки больше.

— Или увеличить немного длину каждого пробега. Лучше сбросить парусов, чтобы не нарушать расчёты, — решил Берг, и прокричал: — Свернуть грот и грот-

марсель нижний!

"Эмилия" чуть замедлила бег, и началось унылое барражирование моря, шесть раз в сутки оживляемое лишь беготнёй матросов для смены курса на обратный. Жанна уже не стояла на носу с восторженным и мечтательным видом, а либо бродила по палубе, мешая матросам и рассматривая гладь моря в разные стороны, либо топталась с Виком и Бергом на мостике. Улучила момент и попыталась влезть на мачту по вантам. Докарабкалась почти до второй реи, но тут Берг заметил диверсию, закричал и затопал ногами. Отважной естествоиспытательнице пришлось с виноватым видом слезть обратно, так и не добравшись до наблюдателей на верхушке мачты.

Берг — человек почему-то до сих пор неженатый, как и Вик. С самого начала не сводит с Жанны восторженных глаз. Но через пару дней как-то сам понял, что место уже занято. Глаз всё равно не сводит, но уже слегка завистливых. Всё как обычно там, где гуляет женское очарование.

— Жанна, а почему бы тебе не стать помощницей кока на камбузе? — поинтересовался я. — И скуку развеешь, и Вику с Бергом спокойнее будет.

— А ведь верно, — поддержал меня Вик. — И нас порадуешь своими кулинарными рецептами.

Жанна без возражений и печали отправилась на помощь коку. Только чуть ли не каждый раз выскакивала на палубу, как только там начиналась беготня при смене курса.

Впрочем, не всё было так уж и однообразно. В море плавает множество всяких предметов. Дохлый, разбухший до невообразимости кит поднял всех на ноги среди ночи. Издали, и в самом деле, тело кита словно маленький, голый островок, какой мы и ищем. А во тьме даже лунной ночи издали не отличишь шкуру от железа.

Сбросили паруса. Правда, до туши мы так на шлюпках и не доплыли. На полпути нас встретила страшная вонь! Сразу всё стало ясно. Не может же даже очень старое железо издавать такой отвратный запах. Вернувшись срочно на "Эмилию", быстро развернули паруса и поскорее удалились от гигантского гниющего трупа.

Раз задержались, приняв за железный остров, большой обломок борта какого-то тоже большого судна. Этот объект обнаружили наблюдатели с мачты вовсе не потому, что он выступает над поверхностью моря. Их ввело в заблуждение гладкое пятно среди морской зыби. Что за судно погибло и когда — осталось неизвестным.

— Уже пятый день пошёл, как мы начали утюжить место поиска, — вздохнул Вик, — и пока ничего. Хорошо, что погода нас ещё не подводит.

Два пассажира, одна пассажирка и капитан корабля сидят в салоне за обедом и наслаждаются стряпнёй Жанны и корабельного кока.

— Да, — подтвердил Берг, — больше трети работы уже позади. Шансы наткнуться на железный остров повышаются.

— Пока да, — согласился Вик, — но как только перевалим за половину — станут понижаться. Мы ведь только предполагаем, что железный остров находится в месте, которое мы обследуем. А вдруг ошибка и его тут нет? Вот если бы он точно был здесь, то шансы бы росли до самой встречи с ним. И не исключено, что мы его уже прозевали. Чего только в море не бывает.

— Ну, и что, если его и не встретим? — подала голос Жанна. — Всё равно будет интересно.

— Морские поиски всегда интересны. Только вот разочарование после них может оказаться унылым до безобразия, — посетовал я.

— Устроим праздник просто возвращения в "Морском драконе", — засмеялась Жанна.

— Давайте устроим праздник при любом исходе, — согласился Берг. — Немного веселья в любом случае не помешает. Но мне вот, капитан Вик, любопытна одна вещь. Всё собираюсь и не решаюсь спросить.

— Слушаю, капитан Берг.

— Пауль.

— Слушаю, Пауль.

— Помните то совещание в королевском дворце?

— Конечно.

— Моё судно тогда почти месяц простояло в Верне. Потом прикатил синьор Герц и объявил, что "Эмилия" свободна. Казначейство оплатило простой более чем щедро. Война на море не состоялась. Скажите, как вам удалось её предотвратить? Если это не государственная тайна, конечно.

— Да нет, нас с Сержем не предупреждали, чтобы мы помалкивали. Но и то, что нам пришлось предпринять в подробностях тоже не для всех ушей. Даже королевских. Вы же слышали, Пауль, на совещании, что мы были намерены обнаружить злодеев не со стороны местных морей, а оттуда, откуда пираты приходят. Это далеко и без некоторого волшебства туда, бывает, трудно попасть.

— Это-то я слышал и понимаю.

— Нам всё же удалось найти пиратов, уничтожить их и закрыть проход из опасных вод в ваши моря. Не вдвоём, конечно. В этом участвовало много людей, и там, далеко было много пальбы, но мы одержали верх. Вот, в общем-то, и всё. А уж как нам с Сержем удалось найти стоянку злодеев, то это уж наш секрет. Пусть он секретом и останется.

— Понятно. Беда предотвращена, а кем так и осталось неизвестным. А ведь среди моряков начали ходить легенды по этому поводу. Ведь никто и не знает, как пропажи судов начались и почему вдруг прекратились. А

ведь они были и очень всех беспокоили. Правительства объявили о безопасности морей и больше ничего.

Разговор прервал решительный стук в дверь салона.

— Капитан, прямо по курсу полузатопленное судно! — доложил вахтенный.

Мы поспешили наверх. В самом деле, какое-то довольно большое судно с рваными парусами виднеется милях в трёх впереди. Помощник капитана уже распорядился сбавить паруса, и мы осторожно приближаемся к безжизненной посудине. Кабельтовых в двух, сбросив все паруса, "Эмилия" замирает и начинает дрейфовать по ветру и течению вместе с обломками когда-то вполне внушительного торгового судна. Вниз идёт шлюпка и Жанна вслед за гребцами сама, как заправский матрос соскальзывает в неё по канату впереди нас с Виком. Берг же уже там и помогает ей сохранить равновесие в раскачивающейся лодке.

Проходим от носа вдоль борта полузатопленный, сильно осевший на корму корабль. Бушприт украшен шикарной женщиной, вырезанной из дерева. В бортах, и в высокой кормовой надстройке дыры от ядер. Повреждения не такие уж давние. Изломы древесины слегка потемнели, но не почернели.

— Почему-то не утонуло после нападения пиратов, — недоумевает Вик. — Если мне память не изменяет, то после них обычно не находили ничего.

Шлюпка огибает развалины с кормы. Почти у самой воды буквы названия судна: "Весёлая Роза".

— "Роза" пропала где-то с год или чуть больше назад, — говорит Берг. — Она из Альгамары. Обычно перевозила масло. Трюм приспособлен под глиняные сосуды и стеклянные бутыли. Поднимемся на борт?

Наверху стало понятно, почему "Весёлая Роза" не утонула. Обуглена часть палубы и люк кормового трюма. Но огонь как-то дальше не пошёл. Вероятно, пираты за-

палили масло внутри судна и уплыли, не став дожидаться погружения судна. А вода через пробитый борт затопила трюм, не дав огню разгореться внутри. Вытекшее же наверх горящее масло захлестнули волны через осевшую палубу.

Несколько скелетов в обветшавшей от солёной воды и солнца матросской одежде, так и лежат на палубе в разных местах, пугая жмущуюся к Вику Жанну. В доступных внутренних помещениях скелетов нет. Носовой трюм пуст, а в капитанской каюте всё разбито и разломано. Судового журнала нет. Карт тоже.

— Вик, а из пиратов точно никто не спасся? — тихо спросил Берг.

— Никто.

— Это вы хорошо сделали, что никто, — помолчал и, вздохнув, добавил: — Нужно бы затопить судно.

Матросы нашли где-то несколько топоров и прорубили днище в носовом трюме. Оба капитана стояли во весь рост в шлюпке, пока корабль уходил в воду. Сначала "Весёлая Роза", медленно опуская нос с шикарной деревянной женщиной, встала ровно. Так почти ровно и погрузилась в пучину. Верхушки мачт несколько задержались на поверхности среди клокочущих пузырей выдавливаемого водой воздуха. Но и они скоро скрылись под водой.

— Ну, ну, ты что? Не надо так, — утешает Вик всплакнувшую Жанну. — Они теперь упокоились, как и подобает морякам.

Берг занёс в судовой журнал место встречи с "Весёлой Розой", а "Эмилия" расправила паруса и двинулась дальше в свой скучный и однообразный путь.

*

— У меня такое ощущение, что "Весёлая Роза" кружила вокруг архипелага Малагра, как кружит где-то и невидимый нам железный остров, — с досадой произнёс

Вик за ужином где-то дня через два. — Только кружила недавно и на неё ещё никто не наткнулся. Это подтверждает догадку о течениях, но ничего не подсказывает о местонахождении железного острова. Где его только черти носят! Шансы найти уже пошли на убыль. Пауль, не могли мы его пропустить?

— Даже и мысли такой не допускаю. Команда на "Эмилии" отличная, а наблюдателей всегда не меньше шести день и ночь. Не могут все сразу проглядеть.

Однако и дюжина глаз, бывает, не безгрешна. В чём нам и пришлось вскоре убедиться. Лунная ночь на море — это такое явление и зрелище, которое никого не оставит равнодушным. Особенно меня — любителя созерцать звёзды. Поэтому я подолгу задерживаюсь на мостике возле рулевого после захода солнца. Сюда для важных пассажиров вынесены кресла для удобства их времяпрепровождения. Непорядок, конечно, но с попустительства капитана судна допустимый. Он сам и распорядился вытащить сюда эти предметы мебели.

Краснота неба на горизонте постепенно растворяется, открывая синий-синий, почти чёрный купол с россыпями звёзд. Луна медленно всплывает вверх, делая видимыми гребешки волн и контуры корабля. Прямо по курсу на воде расстилается широкая, слепящая глаза серебряная дорожка лунного света, упирающаяся прямо в горизонт и "Эмилия" как бы скользит именно по этому волшебному серебру, а не воде. Мягкий плеск волн и шорох разрезаемой воды лишь лёгким шелестом сопровождают феерию лунного света. Тихие звуки убаюкивают и шепчут на ухо: "Спи, спи, спи…". Ты чувствуешь себя младенцем в слегка покачивающейся люльке, уже готовым заснуть и только правила приличия заставляют встать в полудрёме и чуть ли не наощупь двинуться к своей койке в каюте. Раздеваюсь, вытягиваюсь в полный рост на матрасе, поворачиваюсь лицом к переборке и

теряю связь с окружающим миром.

Терять-то теряю, но, однако, вроде и не совсем. Совершенно как наяву слышу где-то впереди короткий треск, как от удара разогнавшегося киношного танка, наскочившего на толстую сосну. Инерция бросает меня вперёд, сплющивая нос о корабельную переборку. Где-то внизу рождается ужасающий скрип и скрежет, отдающийся вибрацией всего корпуса корабля. Моя каюта начинает заваливаться на бок. Словно "Эмилия" быстро тонет кормой вниз. Скрип и скрежет стихают.

В ужасе вскакиваю с койки и чуть не падаю. Пол в темноте каюты и в самом деле стоит криво. Мы тонем? Уже не сплю, но ещё не успеваю испугаться, как скрип и скрежет возникают вновь и пол каюты принимает горизонтальное положение. На палубе крики и топот множества ног. Выскакиваю из каюты в одних трусах и сталкиваюсь с Виком и Жанной, тоже вывалившихся из своих кают. В коридорчике едва можно разглядеть друг друга. Сейчас уже не в романтически серебряном, а в смертельно мертвенном свете луны. Искоса заглядывающей в распахнутую дверь на палубу.

— Спокойно, спокойно, без паники, — успокаивающе произносит Вик. — Раз корабль качается, то, значит, ещё не тонем. Жанна, накинь на себя что-нибудь.

Выскакиваем наружу. Вся команда столпилась на носу и что-то с бурными проклятиями рассматривает внизу — в воде. Судно же ведёт себя как-то странно. Под действием ветра оно начинает поворачиваться прямо на месте, словно упёрлось во что-то носом. Вот оно уже развернулось на 180 градусов, паруса надулись в обратную сторону и прилипли к реям и мачтам. "Эмилия" поплыла кормой вперёд.

— Спустить паруса! — послышались команды Берга. — Лечь в дрейф! Осмотреть корабль!

Матросы бросились к мачтам и трюмам, а мы к носу

корабля. Берг там.

— Хорошо ещё, что наблюдатели не свалились с мачт, когда мы напоролись на то, что искали, — произнёс он, когда мы подбежали. — Врезались с разбега, и нас спасла лишь новая по сравнению с другими судами конструкция "Эмилии". Её нос сильно скошен, наклонён. Мы просто налезли на пологое препятствие. А когда инерция исчерпалась, то судно само сползло с него обратно на воду.

Где-то уже в кабельтове или полутора от носа судна едва различим какой-то отлогий, не отбрасывающий тени бугор, почти невидимый в лунном свете. Только лёгкая водная зыбь вокруг него и выдаёт присутствие какого-то большого плавающего предмета.

— В трюмах сухо, — докладывает боцман.

— Тогда ждём рассвета. Команде отдыхать! — распоряжается Берг.

— Как же наблюдатели его просмотрели? — удивляется Вик.

— Не мудрено. Мы шли прямо на него по слепящей глаза лунной дорожке. Неподвижный, не отбрасывающий тени предмет на ней трудно увидеть.

Несмотря на команду отдыхать, с палубы никто не уходит. Все с нетерпением ждут рассвета. Как же! Наткнулись на то, что так долго искали. Очень хочется взглянуть. Хотя может оказаться, что снаружи-то глядеть и не на что.

— Может, всё-таки вздремнём часок-другой, — предлагает Вик. — Спешить теперь некуда. Зверь не убежит. Вон сколько глаз за ним присматривают. А вот днём нам свежие головы понадобятся.

С таким здравым аргументом нельзя не согласиться. Даже Берг уходит в свою каюту, оставив ночь на попечение помощника. Берг же нас всех и поднял на ноги через несколько часов. Солнце уже поднялось над горизонтом.

На палубе почти никого нет. Видимо, команда уже насмотрелась на железное чудо. Да ведь и смотреть, в самом деле, почти не на что. Кабельтовых в двух от "Эмилии" плавает серо-рыжая сферическая штука на четыре пятых скрытая под водой. Словно гигантская якорная мина без рогов-взрывателей всплыла на поверхность. В подзорную трубу, да, и без неё тоже видны частые ряды заклёпок на стыках листов. В одном месте почти у самой воды из железного шара торчит несколько исковерканных труб. То ли обломаны, то ли оборваны огромной силой. На самом верху сферы какой-то выступ. Словно на этом месте находится люк, ведущий внутрь.

— И в самом деле, если бы не сферическая форма, то эту штуку вполне можно было бы принять за "Наутилус", — шепчу я на ухо Вику. — Высаживаемся?

— На голодный-то желудок?

Быстро и молча завтракаем. Жанна поглядывает на нас с беспокойством.

— Я с вами? — спрашивает она с надеждой.

— Конечно, как же мы без тебя-то, талисман, ты, наш синеглазый, — откликаюсь я.

Несколько мощных гребков четырёх матросов и шлюпка тыкается носом в железный остров. Цепляем верёвку за торчащие трубы и подтягиваем к ним шлюпку. Теперь просто шаг через борт и ты на суше. Жанна вылетает из шлюпки с грацией молодой серны. Вик вываливается тяжело и внушительно. Поверхность сухая, шершавая и подошвы не скользят, несмотря на кривизну поверхности. Осматриваю трубы. Довольно толстые и с неровными краями. Сплющились кое-где от гигантской силы, разорвавшей их. Берг стучит под собой подкованным каблуком. Шар отвечает гулом обширной пустоты внутри. По звуку, похоже, что обшивка не такая уж и толстая. Тогда внутри должен быть солидный каркас, придающий жёсткость конструкции.

Подхожу к краю и смотрю в воду. Поверхность шара, сплошь покрытая шевелящимися водорослями, через несколько метров от кромки воды круто уходит вниз. Оборачиваюсь и оцениваю размер надводной части. Метров десять в поперечнике. Похоже, что весь шар метров двадцать пять-тридцать в диаметре. Титаническая конструкция! В Верне такую сделать бы не смогли.

На удивление мало ржавчины, хотя кое-где серо-коричневатая краска отслоилась лохмотьями, и некоторая часть поверхности покрыта рыжими пятнами. Сходимся на вершине и разглядываем невысокое выступающее кольцо диаметром сантиметров семьдесят. На кольце фланец с плоской крышкой, держащейся на двух десятках проржавевших болтов с четырёхгранными гайками.

— Что-то не похоже на часто используемый вход внутрь, — пробормотал Вик.

— Да, — соглашаюсь я, — скорее всего, технологический люк, для редкого использования. Что будем делать?

— Как что? — встрепенулся Берг. — Вход или не вход, а внутрь заглянуть нужно. Пошлём матросов за инструментом.

Буквально через четверть часа шлюпка доставила зубило и большой молоток. Матросы с грохотом стали срубать болты. Металл здесь проржавел чуть ли не насквозь, и болты слетают от нескольких сильных ударов. "Эмилию" подрулили поближе и вся команда, собравшись у борта, с расстояния в четверть кабельтова наблюдает за нашими манипуляциями. Все напряглись в ожидании увидеть внутри что-то необычное.

Удар по предпоследнему болту. Громкий треск, гулкий хлопок и крышка сама откидывается под сильным давлением изнутри, чудом не сорвавшись с последних двух болтов. В широко раскрывшуюся щель со свистом

вырвался спёртый и вонючий от многолетнего заточения воздух. Шар дрогнул у нас под ногами.

— Быстро сваливаем! — не своим голосом заорал Вик. — Эта жестянка сейчас пойдёт ко дну! Не утащила бы и нас с собой.

В мгновение ока все оказались в шлюпке, бросив впопыхах на произвол судьбы зубило и молоток. Оттолкнулись от шара и наблюдаем, как он погружается в глубину. Минута и на поверхности его уже нет. Смутная тень скользит вниз, растворяясь во тьме вод. Только бурлящие пузыри ещё долго будоражат поверхность. Но вскоре и они пропали.

— Что это было, — спросила Жанна, когда мы вернулись на "Эмилию" и засели в салоне.

— Этот железный остров, как заткнутая пробкой бутылка с отбитым дном, плавающая в море. А мы по простоте душевной пробку выдернули, — ясно и доходчиво объяснил ей Вик.

— Похоже, наша миссия закончилась, — произнёс Берг, заполняя последними новостями судовой журнал. — Железный остров нашли. Помеху судоходству устранили. Можно возвращаться в Верн.

Мы с Виком, переглянувшись, промолчали.

— Что-то не так? — удивился Берг.

— Не совсем, — отвечаю я. — У нас ещё с неделю фрахта "Эмилии" для поисков. А также есть предчувствие, что если понадобится, то мы выторгуем у вас, Пауль, ещё недельку.

— И зачем это вам?

— Зачем? Мы хотим понять, откуда взялся железный шар и для чего он был предназначен. Сами ведь видели, что штука такая, какую ни в Верне, ни в Альгамаре сделать не могли. Тем более, сто лет назад.

— Всё это, конечно, интересно, но, как и что вы сможете узнать о столь давних событиях? Я согласен с ва-

ми, что шар, может быть, происхождением из Атабанги. По свидетельствам очевидцев того времени там могло быть много удивительных вещей. Но Атабанги больше нет. Экспедиции туда снаряжались и не находили на островах ничего, кроме почти в пыль раздробленных и оплавленных руин на главном острове и немногочисленных головёшек на островах вокруг. Огненный ветер смёл всё начисто — и людей, и постройки. Там до сих пор почти ничего не растёт. Однако, несмотря на всё это, я не против вместе с "Эмилией" составить вам компанию. Вдруг и в самом деле ещё что-нибудь найдём.

— Замечательно. Тогда обсудим, что и где мы могли бы поискать. Вик, выкладывайте карты архипелага! Сначала то, что нам известно, а уж потом догадки о вытекающем из этого. А известно нам совсем почти ничего. Знаем, что дело было сто лет назад во время извержения вулкана. Это, скорее всего. После него и появился в море железный остров. Правда, утверждать, что появился именно вследствие извержения, мы не можем — это противно логике. Но раньше этого острова не наблюдали, а никаких крупных катаклизмов, кроме извержения не было. Так что вероятность появления железного острова от вулканического толчка очень велика.

— Да, если исключить намеренный спуск этой штуки на воду людьми до катастрофы, — заметил Вик.

— Маловероятно. Штука не похожа на конструкцию для плавания в воде. Во всяком случае, мне в голову не приходит никакое её морское применение. Да и не герметична она. Пробита где-то очень здорово. Видели, как она быстро затонула? Последствия извержения?

Дальше. Как железяка оказалась в глубокой воде? Землетрясение само по себе не может далеко передвигать предметы. А плавающие-то и подавно. Шарообразная форма подсказывает, что наша штука могла бы скатиться в море от толчка. Но инерция должна быть со-

лидной, чтобы не только скатиться с суши, но и доплыть до большой глубины, не застряв на мели. Ведь её осадка, похоже, больше шестидесяти футов. Чтобы набрать хорошую инерцию железному шару нужно было бы довольно высокое местоположение. Гигантская волна? Но такие волны больше забрасывают предметы далеко на сушу, а не стягивает с неё.

— Итого?

— А "итого" у нас простое. Место, с которого мог бы скатиться шар должно быть примерно следующим. Холмистым или гористым рядом с берегом. Скорее, каменистым. Повреждения же где-то получены. Приличная глубина должна быть сразу рядом с берегом. И тут же рядом должно быть течение, которое понесло бы шар вокруг архипелага. Вот таково нужное нам место. Судя по карте, вряд ли таких точек будет много.

И оба капитана, переговариваясь между собой, погрузились в изучение карт. Жанна ушла к себе, а я погрузился в дрёму. Часа через три меня растолкал Вик.

— Вставай, сонная тетеря! Тут все работают, а ты только и пригоден, что высказывать счастливые мысли.

— Сколько нашли? — спросил я, протирая глаза.

— Три места нам бы подошли. Правда, это только на первый взгляд. Сведения на картах неполные. Смотри карту. Внутренняя область архипелага никак не подходит. Хотя и много есть откуда скатиться, но везде мелкая вода. Шар так и застрял бы у берега. По наружной линии архипелага всего пять мест, где циркулирующее течение приближается к берегу. Самое бы подходящее место — это остров Ван. Он стоит прямо в крае течения, омывается им с двух сторон и глубина у берега вроде подходящая. Есть две возвышенности рядом. Немаленькие, но берег очень далеко от них — миля, если не больше. Ничто до берега не докатится.

Остров Танга пологий и в наши требования не вхо-

дит. А вот Гонса, Лига и Малагра следует осмотреть — рельеф и прибрежье подходящие. Сначала пройдём мимо Вана. Хотя бы взглянем на него. Всё равно по пути. Потом Лига и Гонса. Малагра, давшая имя всему архипелагу, последняя. Она по другую сторону архипелага и до неё дальше всего. А вообще-то архипелаг довольно замысловатой формы, как восьмёрка и Ван от Малагры по прямой совсем недалеко — в самом узком месте этой восьмёрки. Наверное, даже в зоне прямой видимости. Но между ними густо лежат мелкие островки и мели, которые лучше обойти кругом. Вот такая общая картина.

— И только ради этого меня и разбудили? А почему тогда стоим? Уж давно бы двинулись, не нарушая моего безмятежного сна. Эх, работнички!

Заполоскались разворачиваемые паруса и "Эмилия", подгоняемая почти попутным ветром, двинулась навстречу очередной неизвестности. Мимо Вана по левому борту прошли на исходе дня. Довольно широкая, но низкая гора метров триста высотой, словно со срезанной почти под самый корень вершиной в милеполутора от берега. Явно потухший вулкан. В подзорную трубу не видно подходящего места, куда бы тут мог прилепиться тридцатиметровый железный шар. Но зато за Ваном, далеко на горизонте видны контуры Малагры. Но отсюда к ней не подобраться. Почему Берг говорил, что на архипелаге ничего не растёт? Здесь полно зелени. Или он имел ввиду не весь архипелаг, а только наиболее пострадавшие острова?

Лига оказался симпатичным, зелёным островком с конусом небольшого вулкана в центре. По краю идёт великолепный песчаный пляж. Высадились и пошли по пляжу вдоль воды.

— Совсем не похоже, чтобы тут что-то могло скатиться в море, — высказал сомнение Берг.

— Пожалуй, — поддержал его Вик.

И в самом деле. Мощные, старые вязы и дубы, сквозь которые не продерётся никакой, даже самый железный и тридцатиметровый шар. Деревья стоят часто, но не густо. Так что мы, немного погодя, углубились в этот лес и пошли вдоль склона вулкана. Обошли его кругом часа за четыре и не обнаружили на склоне места, откуда мог бы свалиться железный остров. Жаль, а Лига островок и в самом деле приятный. Я бы с удовольствием тут покопался и отдохнул. Второе предпочтительнее. Люди здесь когда-то жили. Дважды мы наткнулись на бывшие поселения. От деревянных домов осталась только труха. Копаться не стали.

Гонса в отличие от Лиги весьма и весьма неприветлив. Не хотелось бы оказаться тут ночью. Куда ни кинь взглядом — везде не меньше, чем на две мили от берега всё сплошь утыкано торчащими камнями. Нет, конечно, на картах есть предупреждение об опасности ближних к острову вод. Но чтобы эта опасность была похожа на каменную кухонную тёрку титанических размеров, то это и во сне представить было бы трудно. Обошли по дуге природное безобразие насколько возможно. Ничто не продерётся через такой частокол. Так что на берег высаживаться никому и в голову не пришло. Заметили на камнях обломки двух застарелых крушений.

— Зловещее место, — произнёс Берг. — Уберёмся-ка лучше отсюда подобру-поздорову. Самому мне сюда не доводилось забредать, но наслышан об этой ловушке хорошо. Моряки называют её "Пасть дракона". И, как я вижу, ещё какого дракона! Многие суда здесь пропали. Даже притом, что эта "пасть" далеко от морских путей.

От Гонсы нам пришлось обогнуть западную часть архипелага и с трудом двинуться обратно к востоку мимо больших, поросших лесами островов при очень скверном ветре, дующем нам чуть ли не навстречу. Потеряли два дня, но ветер немного выправился. Да и мы повер-

нули немного севернее, к узости восьмёрки архипелага и под парусами стало идти намного легче, но не так уж намного быстрее.

Непонятное дело. Чем ближе к Малагре, тем страннее выглядят встречающиеся по пути острова. Собственно, не сами острова, а растительность на них. С приближением к Малагре деревья становятся всё ниже, реже и кривее. А ранним утром уже совсем на подходе попался островок под названием Кора совсем безлесный со стороны, обращённой к Малагре. Зато по другую сторону его — за горой, деревьев хоть отбавляй. Что-то не очень похоже на последствия давнего вулканического извержения.

— Не находите, что всё это нам уже где-то встречалось, Вик? — передаю я ему подзорную трубу.

— Пожалуй, очень смахивает на кое-какие картинки по гражданской обороне. Ещё этой напасти нам только и не хватало!

— А что за картинки? — мигом поинтересовалась стоящая рядом Жанна.

— Вот уж не приведи, Господь! Лучше и не спрашивай. Такое здесь встретить мы не ожидали. Постой-постой, а на острове-то вроде люди есть!

— Да ну? — и я отобрал у Вика подзорную трубу.

А ведь, в самом деле! На берегу лесистой части острова, совсем неподалёку от зелёной пустыни, стоит несколько неказистых, деревянных строений, похожих на жилые домики. На берегу вроде бы вверх днищем лежит лодка. Вик поспешил к стоящему у рулевого колеса Бергу. Вмиг матросы побежали к мачтам, рулевой завертел штурвал и "Эмилия", замедляясь, начала приближаться к острову. Правда, поздно начали манёвр и проскочили немного нужное место. Так что зацепились якорем за дно лишь напротив безлесного берега.

Всё население — десятка два взрослых и трое или

четверо ребятишек высыпало встречать нашу шлюпку. Смотрят на нас настороженно и недоверчиво. Но присутствие Жанны вроде бы как-то слегка разрядило напряжение. Хотя островитянки и смотрят на неё с удивлением. Поприветствовали друг друга. На вопросы отвечают без враждебности, хотя и без готовности. Только два события обходятся стороной. Откуда они все и как сюда попали? Старшиной у них заросший бородой мужчина лет пятидесяти по имени Дик.

— И давно вы здесь, Дик? — поинтересовался Вик.

— Лет двадцать уже.

— Долго. А на материк обратно не хочется?

— А чего мы там не видели? Здесь мы никому не мешаем и нам никто не мешает.

— Не покажете ваше хозяйство?

— Да, какое у нас хозяйство! Пара загонов для овец и свиней, которых мы привезли с собой, да огород на голых землях. Куры, правда, уже здесь были, когда мы поселились, но одичавшие. Однако, как и везде эти птицы глупые — легко приручаются.

Тут и я решил приобщиться к беседе:

— Дик, а не покажете ваш огород?

— Отчего же не показать. Смотрите сколько хотите. Нам туда.

Идти недалеко. Метров через триста обычные деревья и кусты тёплого, как бы европейского климатического пояса, сменились ими же, но как-то гротескно искривлёнными и карликовыми. Потом эти живые уродцы сменились засохшими и, наконец мы вышли на открытую землю. Трава есть, но не выше трёх-четырёх сантиметров. Огород довольно обширный, но уже почти пустой. Всё уже снято и осталась лишь капуста. Обыкновенная по виду капуста. Да и валяющаяся повсюду ботва от разных овощей самая обычная.

— А урожай у вас хорошо сохраняется?

— Вот это нас самих удивляет. Все плоды, как плоды, а весной их словно только что сняли — не сохнут и не гниют. Земля, наверное, такая.

— Наверное, земля хорошая, — согласился я. — А лечитесь чем, если кто-нибудь заболеет? Не секрет?

— Не секрет. У нас никто не болеет. Когда мы здесь высадились, то мне было пятьдесят пять. С тех пор у меня даже насморка не было. — Помолчал и добавил: — Как у всех. Нас было двенадцать, а сейчас вдвое больше. Живём-таки. А вы надолго сюда? Мы корабли иногда видим, но редко и издалека. За двадцать лет никто остров не посещал. Вы — первые.

Дик, словно удивляясь чему-то, повертел головой и замолк. Чувствуется в нём какое-то беспокойство.

— Дик, если вас беспокоит нарушение уединённости вашего поселения, то мы расстраивать его не собираемся. Сейчас уйдём, и живите, как и раньше, — здешний старшина облегчённо вздохнул. — Но, сами понимаете, на свободные земли со временем всё равно ещё кто-то кроме вас придёт.

— А что поделаешь, придёт, так придёт. Не запретишь же.

Вернулись к посёлку. Жанна о чём-то оживлённо болтает с группкой женщин.

— Жанна, нам пора!

Уже в шлюпке Берг спрашивает нас с Виком:

— Ну, что скажете?

— А что тут говорить? — отвечает Вик. — Очень странное извержение было тут сто лет назад. Я таких не встречал. Но чего только на свете не бывает! А если вас, Пауль, интересует моё мнение о здешних поселенцах, то они, скорее всего, беглые откуда-то, но, думаю, не из Верна. Пусть себе живут. Докладывать о них никому не будем и встречу с ними в судовой журнал, пожалуйста, не записывайте. Жанна, а ты о чём болтала с местными

островитянками?

— О моде, — засмеялась синеглазая красавица. — Спрашивали, все ли женщины ходят теперь в такой одежде, как я.

Прибыв на "Эмилию" мы с Виком уединились в моей каюте, чтобы обсосать увиденное. Очень уж странное явление мы обнаружили на архипелаге Малагра.

— Ну, и что думаешь? — опередил меня вопросом Вик.

— Что думаю? Думаю, что грохнуло тут здóрово сто лет назад. Взрыв был похлеще атомного, но не атомный. Хотя не так. Вернее будет сказать иначе — непохожий на атомный взрыв, известный нам.

— Возможно. И что нам говорит, что взрыв не атомный?

— Довольно многое. На архипелаге погибли все люди и животные, кроме кур. Даже там, где излучения вроде бы и не должно быть. Или куры попали сюда с разбившегося корабля? Тогда люди с него где? Куры спаслись, а люди нет? Маловероятно. Потом отсутствие гигантских мутаций. Растения ведут себя совсем иначе. Незначительно тронутые излучением становятся уродливыми карликами, но живут и размножаются. Задетые посильнее тоже становятся уродцами, но через какое-то время массово гибнут. Хотя, вроде, и не должны бы уже. Земля в местах попадания прямого излучения странная. Видно, что на ней давно само ничего не растёт, кроме крошечной травы. Однако посаженное искусственно приживается нормально, и даёт обычный по виду, но совсем непортящийся урожай. А ведь плоды, снятые после атомного взрыва, почти моментально начинают гнить. Но самое удивительное и противоречивое, что излучение, принёсшее когда-то смерть всему живому, привело сейчас к тому, что люди здесь даже не болеют. Дику далеко за семьдесят, а выглядит на пятьдесят. Живут дольше?

— Да, пожалуй, много странного наблюдается. Приближаемся к эпицентру что ли? Учитывая виденное, и прошедшее время опасности, похоже, уже нет никакой. Не будем никому ничего объяснять.

Да, и в самом деле, Малагра оказалась эпицентром взрыва. От столицы государства Атабанга не осталось ничего, кроме огромной россыпи мелких камешков, тянущейся по берегу на пару миль в ширину. Останки города раскинулись у подножья низкого и широкого вулкана. Впрочем, все виденные нами на архипелаге вулканы низкие и широкие. Городские дома были сложены из мягкого, пористого камня. Вот они и не превратились в груды гранитных камней и кирпичей, как известные нам древние города. Здесь взрыв раздробил здания в лучшем случае в камешки величиной с ноготь. Деревянные части домов мгновенно сгорели и мы идём по хрустящей под ногами, но уже слежавшейся россыпи желтоватого цвета. Там, под ней, наверное, кости тысяч людей, но куда ни кинь взгляд, открывается лишь почти идеально ровная, словно засыпанная мелким щебнем пустошь площадью пять-шесть квадратных миль.

— Мощное извержение, — подавленно говорит Берг, — но почему-то ни потоков лавы, ни пепла не видно.

— Разные бывают извержения, — с видом знатока пытается провести Берга Вик. — Могут быть, и газовые извержения. Они разрушают, сжигают и отравляют всё вокруг, а следов после себя не оставляют.

— Может, и газовые, — с сомнением в голосе соглашается Берг. — Иначе вроде и не объяснить увиденное.

— Как страшно тут! — признаётся Жанна. — Такая зловещая тишина и скрип под ногами, что просто жуть берёт.

Миновав россыпь, начинаем подниматься по пологому склону. На полпути к верху склон вулкана становится сильно круче, и начинается оплавленная земля. Верхний

край жерла срезан словно ножом и тоже оплавлен. Стоим на довольно ровной кольцевой площадке шириной метров семьдесят и диаметром больше мили. Хоть бег наперегонки устраивай. Сам кратер словно глубокая, глазурованная и обожжённая глиняная миска. Похоже, что как раз тут-то и бабахнуло, разметав организаторов взрыва на атомы, а заодно и целый народ. Дышится легко и свободно. Не то, что у берега. Интересно, дозу чего, и какую сейчас принимаем? Но никакого страха не ощущаю. Настроение такое словно мы приняли какой-то растормаживающий, веселящий допинг. Должна бы быть усталость после крутого подъёма, но её нет.

— Какая красота вокруг! — восхищается Жанна.

— И не говори, — поддакивает Вик.

Окружающая лазурь моря и в самом деле хороша! Видно необычно далеко и ясно. Вон и "Эмилия" внизу. Шлюпка оторвалась от берега и пошла к ней. А на берегу крошечные фигурки оставшихся матросов. Острова и островки здесь и там — почти кругом. Чайки с оглушительными криками носятся прямо рядом с нами, и золотое солнце греет в темя, но полдень уже прошёл.

— Что ж, пойдём, посмотрим, что отсюда видно, — двинулся я по кольцу жерла кратера. Остальные потянулись за мной.

В пределах острова любоваться не на что — всё начисто выжжено век назад. Разве что рельеф рассматривать хорошо, а рельеф интересный. Малагра похожа на громадный бумеранг, изгиб которого в середине очень узок. Именно здесь и стоит вулкан, у подножия которого была местная столица Атабанга. Вулкан почти посредине перешейка и железный остров вполне мог бы скатиться с него, но мы не увидели подходящего для него места. Да и он, скорее, расплавился бы при взрыве, чем укатился.

В другую сторону ему катиться некуда — чуть ли не

сплошные отмели. Влево и вправо тянутся расширяющиеся раздолья острова. Тянутся далеко — почти до горизонта. Хотя справа от естественной части острова, похоже, бывшие его жители оттяпали солидный кусок. Между внешним и внутренним морем архипелага неподалёку от столицы прорезан довольно широкий канал. Прямой, как стрела и поэтому вряд ли природный. В подзорную трубу видно, что он и сейчас достаточно глубок для крупных судов. Около канала желтоватый полукруг ещё одного рассыпавшегося немаленького города. Отдаю трубу Вику и тыкаю пальцем в сторону канала.

— Недурно задумано, — говорит он, водя трубой туда-сюда. — Эти самоубийцы сделали рядом со столицей морской канал из внешнего моря во внутреннее. Получилась прекрасная стоянка судов. Из внешнего моря волнам недоступная, а во внутреннем море большим волнам мешают образоваться мелководье и надводные отмели. Смотри-ка ты! Вот и следы погибшей цивилизации!

— Где, где? — заволновались все.

— Внутри — слева и справа от канала. Видите там, через воду словно тени видны. Самое удобное место для порта и верфей. Всё, что было в момент взрыва на воде — ушло на дно, а что было на суше — сгорело. Целый флот на дне. А вон и то место, откуда мы пришли. На, забери трубу! Нет, смотри немного левее. Теперь видишь? Это Ван, но только другим боком к нам.

— Интересно, интересно, — рассматриваю я остров видный, как на ладони. — Подзорная труба у вас, Пауль, просто великолепная. А это что? Взгляните, пожалуйста.

Берг принимает у меня трубу и принимается изучать обратную сторону Вана.

— Да, пожалуй, с картой не сходится — врёт карта. Гора вовсе не на середине острова, а начинается с этой стороны прямо от берега и ещё какая-то возвышенность

у неё на склоне и, похоже, какая-то дымка над ней. Да и склон словно жёлоб. Если бы железный шар стоял на боковой возвышенности, то при толчке землетрясения вполне мог и скатиться вниз. Ничего не мешает. Очень интересно. Нам придётся возвращаться туда.

— Надо посмотреть отсюда воды, — заметил Вик. — Может, есть среди мелей проход на ту сторону. А то придётся идти к Вану два дня вокруг архипелага, а он отсюда рукой подать.

— Нет, вокруг мы, конечно, не пойдём, — возразил Берг. — Сделаем лучше, если с "Эмилией" будет не пройти на ту сторону. Оставим её здесь и до Вана дойдём на шлюпках.

— Точно, Пауль! — воскликнул Вик. — Как я об этом не подумал?

И эта пара начала внимательно рассматривать кашу отмелей и островков между Малагрой и Ваном. Вернее, воду между ними, пытаясь найти в ней более тёмные места. Что свидетельствовало бы о большей глубине.

*

Ранним утром "Эмилия" вошла в канал. Впереди шла шлюпка с промерявшими глубину матросами. Прошли во внутреннее море, не царапнув днищем. Дальше было уже сложнее. Слева и справа от выхода из канала всё дно усыпано обломками судов. Не напороться бы! Спустили ещё одну шлюпку. Я в ней. Вода спокойная и прозрачная. Дно хорошо видно. Под нами контуры бортов множества затонувших и почти полностью засыпанных песком кораблей. Какие-то бесформенные груды с торчащими из них, обросшими водорослями палками и брёвнами. Большие якоря, от которых наружу торчат только проушины с обрывками цепей.

— Что-нибудь видно? — с борта "Эмилии" кричит Вик.

— Видно и даже очень хорошо!

А вот здесь, наверное, была верфь. Из песка к берегу

тянутся пары направляющих, по которым спускались на воду суда. А это что? Металлическое судно? Видна верхняя палуба с тонкими поручнями, характерными для стальных судов, а прямо подо мной круглая дыра в ней. Хотя, вроде, не совсем дыра, а обломок дымовой трубы. Теперь понятно, о каких дымящих кораблях у агрессоров из Атабанги упоминала Жанна, в связи с историей Верна. Пароходы! Наверное, ещё только появились и почти сразу погибли. Развитая технически страна получается. Только вот чья-то неуёмная воинственность её подвела и погубила. А ведь какие гении там пропали! Докопаться, хотя бы и до простейшей ядерной физики в то время, когда и паровых машин-то в этом мире не было. Поразительно! Только вот что за материалы оказались у них в руках? Не уран с плутонием, вестимо. Что-то такое, чего мы не знаем.

Однако пора и к делу. На "Эмилии" поставлен только один парус — грот. Две шлюпки плывут впереди судна. Матросы просматривают и промеряют дно. А Вик и Берг по памяти вчерашних наблюдений покрикивают с носа судна, куда идти шлюпкам. И "Эмилия", как привязанная следует за ними. Пару раз влезли туда, где "Эмилии" не пройти. Парус спускали, шлюпками корабль оттаскивали назад, и шли другим путём. Часов шесть или семь добирались до чистой воды. Добрались! Обед!

После обеда ступили на берег Вана. Знакомая картина. Ковёр из низкорослой травы и больше никаких растений. Перед нами вогнутый пологий склон, поднимающийся вверх словно лоток гигантской бобслейной трассы. На высоте метров ста от подножия горы то, что с Малагры нам виделось, как возвышенность. Я уже догадываюсь, что это — боковой кратер. Частое явление в вулканологии. Бывает и несколько дочерних кратеров, прилепившихся к материнскому вулкану.

— Э-э, да вулкан-то не потухший, — воскликнул Вик.

— Смотрите-ка, какое марево над боковым кратером! Там внутри, наверное, горячо. Пойдём скорее посмотрим! Ужас как люблю глазеть на такие вещи!

И мы стали карабкаться наверх. Честно говоря, какое там карабкаться! Просто шли по отлогому склону. Вот и боковой кратер. Взбираемся и на него. В далёкой глубине провала жерла ярко-красная точка свечения раскалённой лавы. Нестерпимый жар снизу, но ничего ядовитого, затрудняющего дыхание мы не ощущаем. Диаметр кратера в аккурат такой, чтобы тридцатиметровый железный остров сел в него как пробка. Край жерла, обращённый к материнскому телу, выщерблен. Что тут произошло догадаться не трудно. Взрывная волна, долетевшая досюда сорвала многотонный шар с места, грохнула его о тело главного вулкана и он по склону стремительно понёсся к морю. Высота достаточная, чтобы сильно разогнать такую махину. Вот эти соображения я и выложил саутникам.

— Очень даже согласен, — заявил Вик. — Мне то же самое пришло в голову. Зачем-то шар подогревался, а с какой целью это делалось, будет понятно, если найдём, куда вели от него трубы. Какая-то отопительная система? Для чего? Вокруг ничего нет. Или всё снесено могучим ураганом?

— Может и снесено, — соглашается Берг. — Но ведь и обломков не видно.

Сопровождающие нас матросы помалкивают, вопросительно поглядывая друг на друга и на нас.

— А может, трубы шли туда, — ткнула пальчиком Жанна в ближайшее место стены большого вулкана. — Там какая-то ямка виднеется.

— Подогревать вулкан? — подивился такой мысли Берг.

Однако полезли к ямке. Что-то здесь было когда-то раскопано, но потом обвалилось и заросло ёжиком трав-

ки. Матросы порылись в земле и тут же наткнулись на коричневую труху начисто сгнивших от ржавчины труб.

— Понятно, — пробурчал себе под нос Вик, — что-то есть внутри этой горы. Поищем вход. Нужно лезть на самый верх.

Что делать, полезли наверх. В кратере оказалось озеро пресной воды вместо входа в гору. Кроме как от дождей ему неоткуда взяться. Пологий спуск к нему есть только с одной стороны. На нанесённой за века почве кусты и небольшие деревья. Давненько в большом кратере не было извержений. Спускаемся внутрь его. Вода чистая и прозрачная. Видно как под её поверхностью медленно и небрежно ходят большие рыбины.

— Откуда на горе может быть рыба? — удивляется Жанна. — Никогда не слыхивала о таком чуде.

— Это не чудо, — терпеливо объясняет ей Вик. — Перелётные птицы: утки, гуси, цапли на своих лапках переносят икру рыб на очень далёкие расстояния. Принесли и сюда.

Вода тёплая и на вкус без затхлости. Недалеко от берега высоко из воды торчит позеленевшая от времени труба диаметром сантиметров двенадцать-пятнадцать. Труба изогнута петлёй и её конец, как и начало, находятся под водой.

— Водозабор, — констатировал я. — Значит, внутри горы и действительно что-то есть. Вопрос только в том тайный вход или открытый. Становится всё интереснее.

Жанна аж запрыгала на месте.

— Хорошо бы тайный. Тайны — это такая прелесть! Ужас как люблю всякие секреты и таинственности.

Вик засмеялся:

— Конечно, тебе интересно. Какие уж могут быть тайны в таверне при таких длинных языках твоих подружек по работе.

Однако вход в гору оказался совсем не тайным. Что-

бы обнаружить его пришлось лишь обойти гору кругом по подножию. Узкоколейная железная дорога для вагонеток лежит между горой и берегом. Рельсы сгнили начисто и превратились в две коричневые полосы, проходящие по каменным шпалам. Бывшая тележка, брошенная на полпути к морю или на полпути к горе, лежит горкой ржавчины между бывшими рельсами.

Окованные железными полосами ворота в гору тоже сгнили и рухнули. Их даже с пути убирать не надо. Железо превратилось в пыль, а дерево в лёгкую, рассыпающуюся при прикосновении труху. Тоннель внутрь горы высокий и широкий. Примерно три с половиной на три с половиной метра в высоту и ширину. Своды и стены обтёсаны. Здесь рельсы уже частично целы, хотя и глубоко изъедены ржавчиной. Ещё одна вагонетка, покосившись, стоит в начале тоннеля. С места не стронуть — оси приржавели к колёсам, а колёса, наверное, приржавели к рельсам. Возле вагонетки первый скелет в истлевшей одежде. Жанна боязливо посторонилась, проходя мимо него.

Батюшки, а это ведь провода вдоль тоннеля висят! Батюшки-светы, а ведь это электрические лампочки под потолком болтаются! Куда ж это мы попали?

— А это что такое может быть, — спрашивает Берг указывая как раз на большую, круглую лампочку накаливания из толстого стекла. — Похоже, должно быть что-то для освещения, но я такой странной лампы ещё никогда не видал. Ни фитиля, ни куда масло заливать не видно.

— Это лампы, работающие на волшебной силе, Пауль. — начал популярно излагать свои познания в электротехнике Вик. — Эта сила подходит к лампам внутри вон тех длинных, медных проволок. Там где-то должна быть машина, которая накапливает волшебную силу. И нужно лишь знать заклинание, чтобы её включить — лампы зажгутся все сразу. Нам с Сержем как-то прихо-

дилось видеть такие машины. Ничего мудрёного в них нет.

Метрах в десяти-двенадцати от входа направо ответвляется проход. Здесь и остановились, ибо дальше вперёд, и направо царит сплошная темнота. Сегодня мы больше ничего не увидим. Не хочется, но придётся возвращаться на "Эмилию" и вооружаться фонарями и факелами.

*

Следующим утром оснащённая фонарями, факелами и, на всякий случай, топорами и ломиками группа, была готова двинуться во тьму тоннеля. Куда пойдём? Прямо или направо. Направо сворачивают осветительные провода и от входа в тоннель, и из глубины тоннеля. Может, там источник питания ламп и нам повезёт его оживить? Двинулись направо. Идти пришлось недалеко — упёрлись в стену. Налево и направо ответвления. Глянули налево. Очень даже немаленькое помещение сплошь забито поленницами серых от времени дров. Тачка для их перевозки. Колёса тачки страшно скрипят, но крутятся. Вернулись обратно, и пошли направо.

Батюшки-светы, диво-то какое для человека технического склада ума! Сколько всяких труб и трубочек, колёс и колёсиков, кранов и краников, шестерёнок, цилиндров, осей, валов и что-то скрывающих кожухов! А вот и большая печь. Топка приоткрыта. Паровая машина! Зал, наверное, метров двадцать в длину и там — дальше ещё какая-то машина со всякими, пока что непонятными агрегатами, узлами. Пыли умеренно, но на подвижных частях машины она вместе со смазкой превратилась в затвердевшую грязь.

— Может, попробуем запустить? А? Ты как, Сергей? — с надеждой в голосе, тихо спрашивает Вик. — Я поучаствую. Когда-то давно — ещё курсантом несколько месяцев проходил практику на паровом судне. Разбе-

рёмся!

— Давайте попробуем, — соглашаюсь я. — Повреждений не видно. Ржавчины, окиси тоже. Сухо, замаслено и это очень хорошо. Но с подвижных частей всю грязь нужно снимать и заменять новой смазкой. Иначе ничего с места не сдвинется.

Но вот как раз смазки-то и нет. В углу стоят какие-то ёмкости, подходящие под смазку. И даже пара маслёнок узнаваемого вида валяется на полу, но всё пустое. Лишь какие-то хлопья внутри — содержимое сгнило. Видно масло было животное, а не минеральное.

— А как же заклинание для волшебной силы? — поинтересовался Берг.

— Заклинание нам с Сержем известно, — успокоил его Вик. — Оно в том, что мы знаем, как нам поступить, чтобы вот эти путаные штуки вдруг ожили и пустили волшебную силу к лампам. Что делаем, Серж?

— Капитан, — обратился я к Бергу, — нам нужны щётки, много тряпок и весь животный жир, который только найдётся на "Эмилии". Оставить себе лишь немного для приготовления пищи. Да и людей бы нам побольше.

Не прошло и часа, как всё нужное было доставлено. Почти вся команда "Эмилии" расставлена по работам и началась генеральная уборка. Вик разделся до пояса, и занялся самым грязным делом — очисткой топки от слежавшейся золы и проверкой исправности дымохода. А я обхожу матросов и подсказываю, на что обратить внимание. Жанна и Берг тоже при деле и сосредоточенно соскабливают грязь с деталей паровой машины.

Несколько человек трудятся над той машиной, которая в глубине зала. Не сразу смог понять, что это за штука и как работает. Две огромные, толстые и длинные, цилиндрические вроде бы катушки. Из них тянутся провода к мраморному распределительному щиту с рубильниками. Стало быть, по идее эта машина должна бы

оказаться генератором тока. Но почему без вращающегося ротора внутри катушек? Этот как бы генератор соединяется с паровой машиной премудрой системой рычагов-шатунов. Судя по всему, во время работы эти шатуны должны что-то возвратно-поступательно двигать внутри катушек навстречу друг другу — в противофазе. Если это генератор, то внутри катушек не может ничего быть кроме магнитов. Но какая странная затея линейно ползающих магнитов вместо вращающегося ротора с магнитами. Сложна и непрактична. Она не может дать равномерного тока. Однако и это уже успех. Хотя вижу, что провода проходят через какой-то большой — выше человеческого роста ящик непонятного назначения. Стабилизатор тока и напряжения?

Напротив распределительного щита останки двух человек, лежащих среди деревянных обломков того, что раньше было креслами или стульями. Вряд ли излучение могло бы пробиться через толщу горы. Наверное, люди, ничего не подозревая, гуляли после взрыва снаружи и потом через какое-то время внезапно или медленно умирали, так и не поняв от чего.

Возвращаюсь к паровой машине. В свете фонарей и факелов Вик страшен от грязи, как чёрт. Жанна и Берг тоже не краше. Да и я, наверное, лазая всюду, приличный вид потерял. Долго смеёмся глядя друг на друга. К веселью присоединяются и матросы.

— Вроде бы всё в порядке, — говорит Вик. — Можно разогревать котёл. Пауль, распорядитесь, пожалуйста, подвезти дрова. Серж, вот, смотри. С подачей воды всё в порядке. Краны, конечно, сильно прихватило, но разработаются.

Вик с заметным усилием провернул заскрипевший кран. Где-то внутри что-то зажурчало и забулькало.

— Гляди на эту стеклянную трубку. Видишь, вода поднимается. Котёл наполовину уже был заполнен. По-

везло, что тут всё из меди. Железо бы сгнило за сто лет. Можно загружать дрова и разжигать огонь.

Через пять минут пламя весело охватило дрова и загудело в топке.

— Хорошая тяга, — похвалил Вик. — Гореть будет жарко.

— Замечательно. Пока котёл разогревается, займёмся смазкой.

Я ещё раз прошёлся и осмотрел части машины. Надо попробовать стронуть её механизм вручную.

— Пауль, нужно попытаться провернуть вот это колесо против часовой стрелки, — сказал я, указывая на огромный маховик. — Или хотя бы раскачать его туда-сюда.

Несколько матросов бросились толкать и пихать это колесо. Раздался ужасающий скрип и маховик провернулся на пол оборота, потянув за собой в движение и другие части машины. Хорошо, что я ещё сообразил перед этим разъединить муфту сцепления паровой машины с генератором. Иначе ничего с места не сдвинулось бы.

— Здорово! Начинаем аккуратно смазывать трущиеся места. Чуть-чуть. Подмажем, когда машина заработает. Можно посидеть и отдохнуть, пока она разогревается.

Вся команда собралась у котла и, затаив дыхание, наблюдает, как Вик время от времени раскрывает топку и подбрасывает поленья в бушующее пламя. Пар потихоньку пошёл. В трубке указателя давления пара началось шевеление — шарик пополз вверх. Вик дёрнул какой-то рычаг, где-то раздалось шипение, и шарик упал вниз.

— Сброс пара прекрасно работает, — констатировал машинист-кочегар и обнадёжил: — Не взорвёмся.

Через полчасика можно было запускать машину. Я расставил людей в нужных местах, объяснил задачу и

предупредил об опасности работающей машины. Трахнуть или замотать зазевавшегося она очень просто может. Вик перевёл направо рычаг подачи пара в цилиндр. Раздался ужасный скрип и скрежет трущихся деталей. Механизм хрустнул и медленно пошёл, приостанавливаясь и дёргаясь от напряжения.

— Не зевать! — заорал я диким голосом, стараясь перекрыть зубодробительный скрип. — Мазать, что сказано!

И замершие было в ошеломлении люди, начали быстро и суетливо промазывать жиром работающие штоки, оси и валы. Страшный скрип почти разом стих, а через полминуты уже слышалось лишь ровное пыхтение пара и ритмичное, но далеко не тихое постукивание механизма на холостом ходу. Все столпились напротив машины и с изумлением, заворожённо взирают на это ожившее диво.

— Поразительно! — промолвил Берг. — Никогда такого не видывал. И что дальше?

— Дальше? Дальше нужно запустить вторую часть машины. Мазальщики, за мной! Вот к этим круглым штукам ближе, чем на пять шагов не подходить!

Кто его знает, какой силы электрическое поле возникнет вокруг катушек. Хотя ограждение создатели не поставили. Стало быть, экранировано хорошо. Но бережёного Бог бережёт. Все рубильники на мраморном щите я разъединил и пошёл к муфте сцепления. Рывок рычага, лязг соединения и опять душераздирающий скрип и скрежет. Правда, тут смазчики не растерялись. Быстро наступила рабочая стабилизация и ритмичность движения механизма. Раз-два, раз-два, туда-сюда, туда-сюда маются рычаги и штоки. Внутри катушек шума не слышно. Хорошо.

Подхожу к щиту. Перекрестился в мыслях и замкнул большой рубильник. Ничего не произошло. Странно. Ис-

кра при замыкании есть. Отключаю и снова включаю ток. Опять ничего. Наверное, рубильник не для генераторной, где мы находимся. Одновременно врубаю оба малых рубильника. Лампы под потолком мгновенно вспыхивают ярким и ровным, желтоватым светом. Видимо, в колбах ламп какой-то газ. Вся наша компания очарованно вздыхает. Виден каждый уголок зала и в мелочах каждая деталь работающих машин.

Вик, похоже, сильно устал. Оглядывается вокруг себя, не находит ничего пригодного и садится прямо на пол, оперевшись спиной на стену. Жанна и Берг присоединяются к нему, а матросы разбрелись по залу. Собирают фонари, гасят факелы и заворожённо созерцают гипнотизирующее движение машинных механизмов.

— Команде мыться и обедать! — распоряжается Берг.

— Нужно оставить кого-то присматривать за огнём, — озаботился Вик.

Добровольцами сказались все матросы. Отобрали двоих. Вик их проинструктировал, и мы толпой вышли из тоннеля, с любопытством оглянувшись в его уже освещённую глубину. Ничего не увидели — там дальше поворот. Прямо на берегу ополоснулись и, погрузившись в шлюпки, отправились трапезничать на "Эмилию".

— Интересно, что мы там поразительного ещё увидим? — сам у себя спросил Берг, сидя в салоне за столом. — А ваше заклинание и в самом деле сработало. Откуда оно вам известно.

— Много путешествуем по свету и много видим, — скромно признался Вик. — Я думаю, Пауль, нам теперь вряд ли потребуется много помощников. Но пусть идут все желающие. Оставьте на судне только вахту из числа тех, кто в пещере уже побывал.

— Справедливо. Пусть все идут.

— Только несколько фонарей всё же с собой возьми-

те. Вдруг случайность какая, — проявил я предусмотрительность.

После обеда опять высадились на остров. Не очень высоко на склоне вулкана из густых кустов выбиваются клубы дыма. Работает наш пещерный паровоз без колёс! Отдали продовольственный паёк дежурным кочегарам, остававшимся здесь, и двинулись дальше. За поворотом тоннеля открылся огромный, ярко освещённый машинный зал. Словно попали на фабрику из фильма Чарли Чаплина "Новые времена". Или из чешского фильма "Тайна острова Бэк-Кап".

Как-то неправдоподобно, гротескно, по-жюльверновски выглядит то, что там находится. Совсем не то, что сейчас в промышленности — строгость линий. В этом зале прямо-таки буйство железных форм. Токарные станки со станинами на львиных лапах. Огромный пресс в ажуре плавно изогнутой основы высотой с двухэтажный дом. Приводные колёса с орнаментом кривых линий в середине. Витая каллиграфия литых табличек с какими-то надписями. Большое разнообразие всяких лапок — звериных и птичьих, на которые опираются тяжеленные станки. У нас такая мода в технике была в девятнадцатом веке — в начале индустриализации.

— Ух ты! — воскликнул лишь Вик. Остальные поражённо молчат, разглядывая открывшийся им железный лес.

Интересно, а что и как приводило в движение всю эту фантасмагорию из чугуна и стали? Не видно никаких трансмиссий вдоль рядов машин, а электрических моторов не может быть. Ещё не тот уровень техники. Трансмиссия — это тоже признак машинной цивилизации, но до изобретения электродвигателя. Вдоль заводских цехов и мастерских эпохи начала индустриализации тянулись длинные валы, вращаемые паровыми машинами. А от этих валов к станкам тянулись приводные ремни.

Здесь ничего такого не видно. Но если подойти ближе, то загадка разрешается просто. У каждого станка вместо электродвигателя — паровой цилиндр. То есть лишь небольшая часть паровой машины — цилиндр и рычаг пуска и остановки.

— А ведь недурно было придумано. А, Сергей? — восхитился Вик. — Как они ловко использовали вулкан!

— Да, оригинальная и рациональная идея. Железный остров, который мы утопили, сидел здесь на вулкане, нагревал воду, накапливал пар и тем играл роль единого парового котла для большого множества паровых цилиндров. Остроумно. Смотри-ка ты, паровая магистраль спрятана под пол. И теплоизоляция какая-то туда в канал набита, — сказал я, приоткрыв люк в полу. — У нас в своё время до такого не додумались.

Влага в воздухе и время всё-таки делают своё дело. Опознать форму и назначение деталей, рассыпанных у станков, не удаётся из-за толстой ржавчины. Станки-то были промаслены и прекрасно сохранились. Хоть сейчас ставь их под пар. А вот продукция… Странно, но никаких скелетов в машинном зале нет. В разных местах его виднеются проходы ещё куда-то дальше. Но меня привлекает будочка, прилепившаяся к стене. Стёкла в будке разбиты. Видно встряска при взрыве была ещё та!

— Вот на этой машине можно прорезать в любом металле щели, углубления и борозды. А вот на этой можно делать всяко-разные круглые дырки, — вещает Вик.

Он уже освоился с ролью гида для команды. Повёл всех извилистым путём по громадному залу, объясняя насколько возможно понятнее, что предстаёт перед глазами нашей компании. Пусть объясняет. Я показываю ему пальцем в сторону будки и отчаливаю от всех в том направлении.

Будка, видимо, принадлежала мастеру или инженеру, надзиравшему за работами. Стол ещё сохранился, но на

стул я даже не стал и пытаться присесть. Пылища неимоверная. На столе развёрнуты и придавлены по краям грузиками чертежи. Бумага хрустит и потрескивает при прикосновении. Осторожно сметаю пыль тряпочкой, какими предусмотрительно набиты карманы. Интересно, что чернила в темноте совершенно не выцвели. Передо мной чертёж кормовой части либо гигантской торпеды, либо маленькой подводной лодки. Скорее, второе. Обозначен диаметр корпуса в месте обреза — пять футов. Это полтора метра. Для торпеды великовато. Есть гребной винт, но чем эта штука приводится в движение неизвестно. Может, все подробности в нижних чертежах? Или в тех, что на полках у стены? Трогать их не рискую. Качество бумаги в Атабанге было плохим в те времена. Потрогал уголок рулона — рассыпается.

— Я сказал всем, чтобы сами ходили и смотрели, что им интересно, — заглядывают в будку Вик с Жанной. — Только руками бы ничего не трогали. А у тебя тут что?

— Чертежи с подводной лодкой.

— Да ну? Тогда и она сама должна быть где-то неподалёку.

— Может быть, и есть. Мы же ещё не всё осмотрели. Весь этот подземный завод внутри вулкана не исчерпывается этим залом. Вон сколько дырок в стенах и везде свет. Пойдём, побродим.

Выходим из будки. Обходим стороной огромный камень, свалившийся со сводов пещеры, и разнёсший вдребезги один из станков. Только сейчас я заметил, как высоки своды. Лампы освещения висят не на них, а на длинных и тонких столбах. Некоторые разбиты или просто не горят, но таких немного. Сворачиваем в ближайший боковой тоннель. Рельсы для вагонеток сюда не идут. Хотя транспортные пути узкоколейки опутывают и главный зал, и убегают в другие боковые тоннели. Здесь стены не обтёсаны. Входим в прекрасно освещённый,

просторный каземат с довольно низким — метра четыре потолком. По стенам полки, забитые рулонами чертежей. Два ряда больших столов, где-то повреждённых упавшими камнями. Если бы не пыль и камни, то можно было бы подумать, что сейчас в конструкторском отделе обеденный перерыв. Однако пыли не так уж много. Нет того движения воздуха, как в главном зале.

— Неплохо тут головастый народ устроился, — прокомментировал увиденное Вик.

— А кто тут был? — поинтересовалась Жанна.

— Здесь работали люди, которые придумывают всякие интересные, хорошие, а иногда и не очень хорошие вещи, — ответил я. — Придумывают, рисуют их на бумаге, а на тех машинах, которые в большом зале другие люди делают эти вещи по рисункам.

Идём по проходу между столами, пытаясь разглядеть лежащие на них чертежи. Пыль мешает. Смахиваю её с одного из столов. На большом листе бумаги неоконченная схема, похоже, какого-то небольшого корабля или большого катера. Обозначенная длина тридцать шесть футов. Наверху надпись: "Модель 4" и больше ничего. Ни парусов, ни дымовой трубы! В центре пустотелый шар и дальше к корме внутреннее пространство ещё не начерчено. Что за штука?

— Интересно? — спрашивает Вик.

— Ещё бы! Только непонятно.

— Хи-хи-хи, — пропищала Жанна, — было бы понятно, то не было бы так интересно.

— Во, видишь, как умна наша красавица. Чем меньше понятного, тем больше увлекательного. Здорово сказано! Впрочем, иногда и много страшного от непонятного. Так что лучше было бы непонятное понять. Пойдём понимать дальше.

Выходя из зала, я дёрнул рубильник на стене тоннеля и свет позади нас погас. Вышли в большой зал и наткну-

лись на группу матросов во главе с Бергом.

— Мы вас повсюду ищем, Вик. Вон за тем тоннелем странная вещь. Может, догадаетесь, что там такое. А вы откуда?

— Там, где мы сейчас были только всякие бумаги, которые не стоит трогать. Иначе рассыплются. Мы уже и свет погасили. Давайте лучше посмотрим на вашу находку.

Красивая, зараза! Ух, как хороша, хотя и вся ржавая! Стремительная форма как у иглы и страшная хищность, как у акулы. Я и не мог предполагать такого совершенства формы, видя на чертеже только её хвост. Подводная лодка начала технической революции. Поразительная штука! Неудивительно, что моряки, увидевшие её, были озадачены. Нет слов. Нет никаких стилевых вывертов, как у станков в главном зале. Гладкое железное веретено с единственным наклонным выступом спереди с тремя иллюминаторами. Длина метров двадцать. Это больше шестидесяти футов при диаметре пять футов, указанных в чертеже. Такое соотношение лучше, чем у современных подлодок нашего мира.

— Пожалуй, по ходовым качествам похлеще всего виденного мной будет, — прокомментировал зрелище Вик. — Только вот что её в движение приводит?

Лежит красавица на двух низких тележках узкоколейки. Хоть сейчас почисти, покрась и вывози к морю. Вертикальные рули, горизонтальный кормовой руль, пропеллер винта — всё на месте. Хватаю за винт и пытаюсь его провернуть. Вертится! Одновременно внутри корпуса что-то постукивает. Обхожу эту штуку кругом. В корме и носовой части корпуса по четыре открытых сверху, внутренних кармана с поворотными клапанами внизу. Управляются клапаны изнутри. Понятно. Бункеры для балласта. На носу двухметровый, гранёный, остроугольный таран. Тоже как заточенная игла и похоже, что его можно

убирать внутрь лодки, когда дно атакуемого судна будет пробито. Так что лодка в проломе никогда не застрянет.

— Так что это вы нам скажете? — нетерпеливо пытает нас Берг.

— Это подводная лодка, друзья, — чистосердечно признаётся Вик.

— Какая-какая? Подводная? Вы шутите, Вик. Таких не бывает!

— В большом зале вы уже видели то, чего нигде больше не бывает.

— Вы меня смутили, Вик. В самом деле, подводная? Как это?

— Видите, какая она закрытая со всех сторон. Можно влезть внутрь, запереться и затопить её. А вот этот винт будет толкать её под водой.

— Какой ужас! Она же не будет видна!

— Для того и подводная. Видите, какой таран на носу, чтобы пробивать днища кораблей. Опасным соседом для всех была Атабанга. Вам повезло, что такие штуки не вышли в море.

— Да, вы правы — повезло. Интересно и мне, чем она двигалась. Парусов-то нет.

— Это и Сержу тоже интересно. Вон он уже нацелился на люк наверху лодки. Ищет с чего бы забраться к нему. Лесенка-то ветхая.

Поблизости нашлось несколько каких-то железных ящиков. Составили из них ступеньки. Круглый люк в середине корпуса с запорами изнутри неожиданно легко откинулся. Герметизирующая прокладка ещё не поставлена. Иначе прикипел бы к корпусу. Внутри тьма.

— Зажгите, пожалуйста, фонарь и дайте мне, — жалобно проскулил я.

Пожалели-таки и подали фонарь. Влез в горловину и увидел двигатель. Раз, два, три, четыре… пятнадцать мест для велосипедистов поставлены посредине вдоль

корпуса лодки. Пятнадцать пар педалей для рук и ног посажены на одну общую цепь. И ещё одно место впереди перед иллюминаторами для рулевого. Пролез на корму. Ничего особенного. Умножающий обороты винта редуктор, рулевые тяги. Как всё просто. Потому винт снаружи легко и провернулся. Изнутри пойдёт труднее. Вик и Берг свесили головы в люк и рассматривают внутренности судна. Сажусь прямо под ними в креслице и пытаюсь руками и ногами вертеть педали. С большим трудом удалось двинуть педали с места. Идут-таки, но усилие одному нужно приложить — адское. Полтора десятка же человек будут вертеть всё это дело играючи. Не в воде, конечно и недолго. Воздуха хватит часа на два — не больше. Хотя ёмкости со сжатым воздухом сделать не сложно.

— Ну, и дела! — только и проговорили торчащие в люке головы, и исчезли смотреть, вертится ли винт.

Выбираюсь наружу.

— Вертелся?

— Вертелся. Если её загрузить балластом до боевого подводного состояния, то её вес будет тонн пятнадцать-двадцать, — прикидывает Вик. — Разогнать её будет трудновато, но пятнадцать человек всё же немалая сила. Пятнадцатитонное копьё, бабахнутое в днище даже на небольшой скорости — это смертельный подарок.

— Святая правда, — подтвердил Берг. — Слава Богу, что Атабанги не стало. Просто жуть берёт, как подумаешь, чего они могли наделать в наших морях.

С сожалением покинули эту пещеру. Впереди осмотр и других. Берг с матросами двинулись направо, а наша маленькая компания налево. На этот раз тоннель оказался хотя и просторным, но длинным, и с плавными поворотами. Куда он нас приведёт? Привёл в очередную сборочную мастерскую. Здесь же опять на двух тележках узкоколейки стоит, наскоро сляпанный, утюг из же-

лезных листов длиной метров десять. Сразу чувствуется, что не в нём дело. Палубы нет совсем. Винтов, гребных колёс, парусов тоже нема и в помине. Почти всё центральное пространство внутри корпуса занимает тщательно сделанный большой шар из двух половин, стянутых болтами, и толстой трубы, идущей от шара и выступающей на полметра за корму.

В отличие от корпуса шар не ржавый. Какое-то покрытие вроде синеватой краски лишь в редких местах слегка отслоилось. Назначение этой штуки не вызывает сомнений, стоит лишь зайти сзади и заглянуть в трубу. Она изнутри выложена каменными кольцами, чтобы не расплавилась. Сразу вспомнился "ГИРД" Сергея Королёва — "Группа исследования реактивного движения". Только тогда в СССР озаботились полётом реактивных устройств, а здесь, похоже, плаванием на реактивной тяге. Интересно. В морском деле имеет смысл этим заниматься, если топлива требуется не слишком много для долгого выделения газов в большом объёме. Что они жгли? Понятно, что не нефть и дрова. В шаре небольшой, прочно запирающийся лючок вверху и рядом длинная, толстостенная трубка с краном. Лючок можно открыть. Через него видно, что трубка опускается почти до дна шара. Внутри копоть и остатки чего-то сгоревшего. Примитивно, но всё именно с такого всегда и начинается. На стене позади двигателя обширная копоть. Стало быть, запускали и прямо здесь. Никого не уморили при этом? Воздуха бы не хватило. По воде такая посудина побежала бы довольно резво. Но далеко ли?

— Недурная цивилизация по-дурному угрохала себя, — с грустью поделился я мыслями.

— А что это? — заинтересовалась Жанна, чуть ли не засунув голову в сопло морской ракеты.

— Пороховой чайник, — сострил Вик. — В шар засыпают порох, поджигают, а вот отсюда вылетает огонь и

толкает лодку вперёд.

Может он и прав. В шаре нет отверстий для забора воздуха. Стало быть, использовалось что-то взрывающееся, либо воспламеняющееся без кислорода или выделяющее его.

В соседней пещере большая слесарная мастерская. Листы меди и железа с неровными краями, прутки и профиль. Множество разных ручных инструментов и станочков для обработки металла. Несколько потемневших деревянных бочек с железными приспособлениями и ручками для вращения чего-то внутри стоят в ряд. Неужто стиральные машины? Стало быть, завод выпускал и мирную продукцию. Хотя бы это похвально.

Группа Берга опять напала на что-то интересное. Вон матрос от них к нам бежит.

— Что, опять неизвестная штука?

— Она самая и наш капитан говорит, что теперь уж совершенно непонятная.

Ладно, спешим к Бергу. В самом деле, штука есть и даже не одна, а целых три — мал, мала меньше. Самая большая штука скатилась с предназначенной для неё подставки и валяется у выхода из тоннеля. Интересно, как эти круглые бомбы собирались доставлять к противнику? Они же тяжеленные и летать не умеют. На реактивном катере без команды и с заклиненным рулём? Далеко ли его можно нацелить по прямой? А взорвать на расстоянии? Камикадзе?

То, что это бомбы можно понять, заглянув внутрь. Простейший механизм для ядерной бомбы. Не заряженной, правда. Наверное, заряжали не здесь, а на Малагре. Ну, и дозаряжались-таки. Хотя всё-таки интересно, чем же заряжали, раз не ураном? Интересная загадка кроется во всём этом. Чтобы построить такое работающее устройство нужно иметь хоть какое-то представление о делении атомов вещества. Как, например, узнать о

нём без приборов, фиксирующих излучение? Электротехника-то на примитивном уровне и приборам взяться неоткуда. Куча вопросов и с неизвестным веществом. Что и как в пригодном для применения виде попало местным "алхимикам" в руки и вместе с ними испарилось при взрыве? Как это объяснить Бергу и его людям, столпившимся вокруг нас? Не будем ничего объяснять!

— Да, непонятные штуки. И нам с капитаном Виком не встречалось ничего подобного. А вы Пауль сами, что думаете по этому поводу?

— Ничего в голову не приходит. Котёл — не котёл. Поплавок — не поплавок. Зачем эти сложные, путаные штучки внутри? Двигаются и сходятся к центру. В них что-то должно быть? Может, что-то очень хрупкое? Вот и ёмкость для этого такая странная, чтобы не повредить то, что внутри. А, как думаете?

— Возможно и такое. Может, загадка со временем и раскроется. А не пора ли нам возвращаться на "Эмилию"? Вроде бы всё осмотрели.

На обратном пути свернули в генераторную. Вик спустил пар, а я отключил рубильники на щите. Выходили при свете фонарей. И правильно. Снаружи уже ночь. Поздний ужин на борту "Эмилии" и сон без задних ног. Завтра утром снимемся с якоря и двинем домой в Верн.

*

Обойти вниманием капитана порта было бы некрасиво. Он ведь такое деятельное участие принимал в подготовке экспедиции и заслужил сведения из первых рук. Так что первым делом по прибытии в Верн заглянули к нему.

— Как это прекрасно, что вы избавили моря от помехи судоходству, — восторгается синьор Бугер. — Моряки будут вам бесконечно благодарны. — А где же капитан Берг? А, приводит в порядок судно после похода. Понятно. Так что же это было?

— Наследство от погибшей при извержении страны Атабанги. Часть огромной железной машины. Эта штука была пустотелая как бочка. Вот и плавала. Мы проделали в ней дырку, и железка утонула.

— Славно, славно и достойно небольшого праздника за счёт порта. Капитан Вик, как вы смотрите на то, чтобы немного повеселиться сегодня вечером в вашем "Приюте моряка"?

Капитан Вик посмотрел на такое предложение весьма благосклонно. На том мы вышли от капитана порта и направились вверх по Королевской улице. На полпути Жанна оставила нас и свернула к "Морскому дракону", ведя за собой матроса с тачкой, нагруженной нашим походным барахлом.

Сегодня нам необыкновенно повезло. Дверь во дворец открыла сама королева Виолетта.

— Ой, Серж, капитан Вик, мы так ждали вашего возвращения, — как простая девочка затараторила Виолетта. — Входите, входите, я сейчас всех созову, а Жозеф вон уже выходит из своего дома. Какая жалость, что я сегодня лишена возможности подслушать восторги капитана Вика моим портретом.

— Ваше величество, — нашёлся тот, — зато ничто не мешает мне повосторгаться непосредственно моделью для этого портрета.

— Спасибо, спасибо, капитан. Ваши слова, как мёд на душу. Проходите в гостиную. Мария, Мария! Да где же, ты, Мария!? Ага, вот ты. Позови синьора Герца и короля в гостиную. Серж и капитан Вик вернулись из плавания.

Рассказ Вика об экспедиции занял часа два. Все заворожённо слушали повествование о железном шаре, погибших городах, мёртвых островах, необыкновенных долгожителях и небывалой фабрике в горе.

— Надо же, какие интересные вещи происходят в мире, — высказался Казимир, когда Вик закончил. — С од-

ной стороны, беда, что погиб целый народ и страна. А с другой, вроде и хорошо, что погиб. Иначе могли погибнуть мы. Бог распорядился за нас. С ним не поспоришь.

— Насчёт Бога — это правильно замечено, но и самим тоже что-то надо решать. Место-то давно освободилось и при этом место интересное и полезное, — заметил я.

— Вы, Серж, имеете в виду, что следовало бы на островах Малагры поставить флаг Верна? — уточнил Герц.

— Именно.

— Это и в самом деле интересно, — оживилась Виолетта, — но что скажут наши соседи? А, Жозеф?

— Трудно предположить что-нибудь определённое, — откликнулся королевский волшебник и по совместительству министр иностранных дел. — Даже спустя сто лет все сторонятся этого архипелага, как прокажённого. Воспоминания слишком неприятные остались в истории. Атабанги нет, но отвращение ко всему, что с ней связано в душах осталось. Пожалуй, это единственное обстоятельство, ограждающее архипелаг от притязаний на него прибрежных стран — неприязнь к прóклятому прошлому. Да и считается, что там ничего полезного не уцелело, и не было. Так что к колонизации островов никто не стремится. Да и собственной земли всем вроде бы хватает. Мы можем хоть сейчас заявить права на архипелаг, как на свободные от чьего-либо влияния и притязаний земли. Уведомим соседей, что теперь это территория Верна и никто не посмеет возразить. Земли были открыты сто лет для присоединения к кому угодно. Стало быть, они никому и не нужны.

— Так-то оно так, — возразил Герц, — но до тех пор, пока мы острова не объявим своими. Тогда они вдруг станут интересными всем.

— Да, такой парадокс имеет место быть, — подтвер-

дил Казимир. — Вещь никому не нужна до тех пор, пока кто-нибудь её не подберёт. И тут уже она вдруг становится нужна всем.

— Можно и поделиться с соседями, — влез и я в разговор. — Занять архипелаг и уведомить об этом прибрежные государства. И тут же внести предложение, что Верн не против поделиться землями с прибрежными государствами, если у тех будет желание расширить свою территорию некоторыми островами архипелага Малагра. Но Верн по праву первенства и без всяких обсуждений берёт под себя любую избранную им часть архипелага. А избрать нужно центральную часть.

— Правильно, — согласился Жозеф, — против права первенства никто не посмеет возразить. Так что возьмём самый выгодный кусок. И нам также отойдёт то, от чего кто-нибудь откажется. По тому же праву первенства делить земли между приморскими странами будем мы же. Хотите — берите, а не хотите — не берите. Верну больше достанется.

Поговорили ещё о том, о сём, пообедали с их Величествами и мы с Виком покинули дворец. В "Морском драконе" необычное оживление. Жанна делится впечатлениями о путешествии и желающих послушать довольно много. Повара и подавальщицы составили столы, расселись, и сосредоточенно внимают её живому рассказу. Клиенты бросили свои тарелки и тоже столпились вокруг рассказчицы. Нашего прихода никто даже не заметил. Мы с Виком тихо отступили назад за дверь.

— Что будем делать?

— У меня забота есть, — ответил Вик. — Пойду в свой кабак готовить вечеринку, как договорились с капитаном порта. Не забудь вовремя прийти и Жанну захвати.

— Забуду. У меня тоже забота есть. Вечером и в ближайшие два-три дня я занят. Сегодня настанет ночь

на первое октября и мне нужно быть у лесного народа. Сговаривались ещё в прошлом году. Так что веселитесь без меня, а я пойду домой, вздремну маленько, и вечером уеду в лес.

*

Галльского чудовища на заборе у дороги сегодня не оказалось. Видимо рано ко сну отходит. Так что я проехал мимо этого места совершенно спокойно, без душевной травмы. Вечереет. До места доберусь уже в сумерках. Лошадки Колина резво бегут по разъезженной дороге. В голове приятная свежесть после хорошего сна. Ужасы Атабанги остались где-то далеко-далеко. Впереди волшебная ночь в волшебной компании.

К придорожному камню и в самом деле подъехал, когда луна уже поднялась. Как я буду в этой тьме пробираться через лес? Хотя на камне кто-то сидит. Везер! Выпрягли лошадей и пустили их пастись без привязи.

— Никуда не уйдут, — успокоил меня эльф. — А ты вовремя. У некоторых гостей не хватает терпения дождаться полуночи. Идём!

— А уже все собрались?

— Почти. На праздник октября никого не ждут. Когда пришёл, тогда и пришёл. За полчаса до тебя какой-то богатырь пришёл пешком по дороге. Похоже, издалека — устал очень. Спросил только куда идти дальше.

Везер ухватил меня за рукав и повёл за собой через лесную тьму. Главное — повыше поднимать ноги, чтобы не споткнуться. Идти-то недалеко. Шагов через двести сквозь стволы деревьев стал мелькать огонёк костра и скоро мы вышли на поляну собраний. Костёр просто огромный, но для него выбрали место подальше от деревьев. И всё равно пламя только-только на безопасном расстоянии от ветвей вековых дубов.

Арзон с другими гномами что-то жарят на вертелах над маленькими костерками. Столы с закусками и посу-

дой расставлены у Священного дерева. Тут, как и в прошлый раз хозяйничает Баба-Яга, а дриада Нельга вроде бы старается ей помочь, но вредная старуха только ругает за что-то зелёненькую девушку. Странное дело. Ведь Нельга — нимфа леса, а выглядит совсем иначе, чем нимфы из мира Александра. Те совсем, как люди, а у меня Нельга — полупризрак. Да, вон и римские нимфы появляются из лесного мрака, а за ними гурьбой и Габор со своей мохнатой компанией.

— Здравствуй, Клития! Привет, Габор. Все пришли? Рад вас видеть.

— И тебе аве, Сергей. Приятно тебя здесь встретить, — откликнулись фавны.

— А Александр будет? — поинтересовалась Клития.

— Нет, он сюда не ходит. Хозяева праздника его не знают.

— Жаль. А вот в будущем году праздник октября у нас! Ему будет не отвертеться от нашей компании.

— Думаю, он будет только рад. Извини, Клития, пойду, поздороваюсь с другими.

Фея Роза о чём-то беседует с Царевной-Лебедью. Приветливо кивнула мне издали, а Маня помахала рукой. Наш уважаемый джинн опять крутится у винной бочки, а в компании с ним…

— Здравствуй, Спиридон.

— По здорову и ты будь, свет Сергей. Держи, — сунул он мне стакан.

— Благодарствую. Я вижу, ты запылён и вроде бы устал. От моря шёл что ли?

— От него. Окаянный путь — далеко очень, а лошадь под водой не провести. Вот и топал чуть не полдня.

— Как братья? Город на Буяне построили?

— Построили, — тяжело вздохнул старый богатырь. — Да вот с народишком скудновато.

— С бабами что ли?

— С ними, окаянными. Не хотят переселяться к нам. Уж и Марья их у себя в царстве уговаривает. И мы бы уж как хорошо приветили бы. Молодцы-то мы, как на подбор! — выпятив мощную грудь, опять вздохнул Спиридон — князь Буянский.

— Тяжёлый случай, — посочувствовал я. — Расскажи-ка, что построили-то.

— Как что? Избы само-собой, бани, княжеский терем, амбары и конюшни, торговые ряды соорудили и всё тыном обнесли. Порядочный город получился. Пристань при нём, конечно — всё как у людей.

— И не едут в город бабы?

— Не едут, — третий раз вздохнул печально бородач, и одним махом опустошил свой стакан.

— И не поедут, — уверенно заявил я.

— Почему это? — загремел мощным басом бывший морской дядька.

— Вы церкву не построили. Златоглавую и с колокольным звоном.

— Не успели ещё. Да и попа нет.

— Главное — постройте церкву, а уж поп сам прибежит. Попы они уж такой народ — шустрый, как клопы. А без церквы никаких баб вам не видать. Какая, уважающая себя девица или баба поедет жить туда, где нет ни церквы, ни попа? Никакая! Ни обвенчаться негде, ни дитя окрестить.

— Ух ты! А мы-то об этом и не подумали. Ну и голова же у тебя, Сергей! Давай выпьем за тебя.

Выпили втроём за меня, за девок и баб, за церкву с попом, за Спиридона и джинна. Я почувствовал, что, если хочу остаться в ясном уме, то пора уже покинуть эту компанию. Тем более что этой паре скучно не будет. Вон и прошлогодний огромный, рыжий, говорящий кот нарисовался и, ухмыляясь, приближается к бочке, доставая из сумки на боку свой собственный серебряный стакан-

чик.

Отошёл от них и размышляю о некоторых странностях там, где русским духом пахнет. Спиридон тащился пешком от самого Верна. Правда, сегодня без меча, шелома и кольчуги он выглядит почти мирно, и идти легче, но всё равно тяжеловато. А вот его сестрица — Маша, видимо, нашла менее обременительный путь, но брата с собой не берёт. Наверное, всё же ходит через подземный зал, но откуда? Может быть, через Петербург восемнадцатого века Анны Петровны? А Баба-Яга как сюда попала? Тоже через цокольный камень Медного всадника? Сказочным персонам войти в центр такого города, хотя бы и ночью? Делают отворот от чужих глаз? А Спиридон этого не умеет?

— Много всех в этом году собралось, — довольно улыбаясь, сообщила фея Роза, расставшись с Маней. — Даже Белый единорог выбрался сюда впервые. Обычно он побаивается вон тех гоблинов. Эти безобразники всё время охотятся за Белым единорогом. Хотят, чтобы гоблинов из несуразных уродцев он сделал статными красавцами.

— А он может?

— Может, но не хочет. Надо за гоблинами присматривать. А вон ту компанию я сама впервые вижу.

— Зато я их знаю, фея Роза. Это лесная нечисть — леший, водяной и кикимора болотная. Пришли, наверное, с Бабой-Ягой. Безобидные и полезные существа, если им не досаждать, но люди их почему-то побаиваются.

— Ладно, слетаю, скажу им что-нибудь приветливое, раз они впервые на празднике.

Граммофона пока что не видно. Зато несколько эльфов уже приготовили свои виолы, скрипки, флейты и трубы. Зазвучала чарующая и волнующая волшебная музыка. Маня поплыла в танце с каким-то средневеко-

вым колдуном. А фавны и нимфы закружились хороводом, вовлекая в круг тех, кто окажется поблизости. Фея Роза взмахнула своей волшебной палочкой, и в небе рассыпался радужный фейерверк медленно гаснущих огней. Праздник октября начался.

Я отошёл назад и уселся на траву, опершись спиной на Священное дерево. Даже только наблюдать за всем этим сам по себе большой праздник. Дивный спектакль! Компания у бочки, кивая головами, внимает каким-то сказкам рыжего кота. Баба-Яга утихомирилась и, сидя за столом, что-то смешно пережёвывает беззубым ртом. Хрупкая, зелёненькая Нельга совершенно безбоязненно кружится в каком-то непонятном танце с огромным ифритом из восточных сказок. Гномы обставились огромными кружками с пивом и с удовольствием поглощают зажаренные ими на костре колбаски. Леший, почуяв запах жареного мяса, с опаской приблизился к их компании, но был гостеприимно принят и снабжён прутиком, с нанизанным на него жареным цыплёнком.

Вся немалая поляна заполнена таким количеством разных сказочных существ, что подробно описать всех ночи не хватит. Просто сижу и любуюсь этой небывалой картиной, словно из зрительного зала. А волшебная ночь ещё только началась…

*

ГЛАВА 4

ПИРАТСКИЙ БЛЕФ

ГЛАВА 4: Пиратский блеф

— Жанна согласилась выйти за меня замуж, — огорошил меня Капитан, так или иначе, вроде бы вполне ожидаемой новостью.

— Ну, и дела! Охмурили всё-таки невинное существо! — воскликнул я. — С другой стороны, не только вам счастье. Наконец-то вы, Капитан, освободите мою спальную колыбельку, и мне не придётся ночевать среди зимы во дворе под открытым небом.

— Тебе бы лишь потрепаться, — благодушно улыбаясь, ответствовал Капитан. — Дом покупать надо, а как насчёт свадьбы, то я в полной растерянности. Шума не хотелось бы.

— Пусть Жанна сама решает, что делать. Она же в своём мире. И дом пусть тоже сама выберет. На неё и купчую сделаем. В любом случае пора бы. Её замужняя сестра вроде бы на сносях и им уже следует разъехаться из родительского дома.

— Да, пожалуй.

— Меня вот удивляет, как это вы, Капитан, решились на такой шаг. Жанна — чудесная девушка, но наше место в их мире такое противоречивое. С гражданским житием для нас там сплошные неудобства и двусмысленности. Хотя, с другой стороны, в волшебном мире к всяким странностям относятся привычно и терпимо. Не знаю, тут я не советчик. Вы свой опрометчивый, ребяческий шаг сделали — сдались в плен чуть ли не малолетке. Польстились на синие глаза и стройные ноги. Назад хода нет. Теперь очередь Жанны действовать.

— Ты говорил, что у Ахмеда в его мире огромная семья. Стало быть, не так страшен чёрт, как ты его малюешь.

— Согласен, аргумент сильный. Но в мире Ахмеда женщины по традициям и воспитанию чуть ли не рабы-

ни. Даже Зубейда не исключение. Избавиться от сознания полной зависимости от меня ей было очень трудно, но она постаралась с нашей с Ахмедом помощью. Да и первая жена Ахмеда не простой человек. Доверие к мужу пересилило странности, связанные с ним. Жанна же свободный во всём человек. Может быть, и промолчит поначалу, но сунуть нос в наши таинственности захочет непременно. Впрочем, пусть суёт. Чему быть — того не миновать. Будете разбираться с ней по мере возникновения проблем.

Мы с Капитаном сидим в кафе напротив комиссионки. Аркадий Семёнович только что ушёл, оставив Капитану ворох бумаг и заверения, что пока всё проходит тихо. Теперь вот сидим и ждём вестей от наших детективов.

С Капитаном толком не разговаривали, наверное с неделю. Я три дня провёл вместе с лесным народом. Даже отсыпался днём в селении Везера. Когда возвратился в Верн, то Капитана там уже не застал. Да и в Питере со всей этой строительной суетой и прочим беспокойством виделись с ним урывками, не располагающими к личностным откровениям. Только сегодня, сойдясь в кафе, заговорили об интимном, как бы семейном, как близкие родственники и друзья.

Заболтавшись, даже не заметили, как в кафе вошёл Григорий Павлович.

— Мир честной компании! — поприветствовал нас бывший следователь прокуратуры. — Отдельный поклон нашему Капитану. Давно ждёте? Я вроде бы не опоздал. Нет, мне только кофе. Пирожок? Пирожок, пожалуй, можно. С чем это? С капустой? Славненько.

Григорий Павлович скинул плащик на спинку стула, уселся и куснул пирожок.

— М-м, недурно, совсем недурно. Видимо, это заведение вполне приличное. Сколько мы с вами не виделись, Капитан? С середины лета вроде бы. Да-да, имен-

но с середины. А по вашему делу есть кое-какие новости, но пока не очень богатые — работаем. Первый формальный отчёт я отослал в "Электрон".

— Нас больше интересует ваши собственные наблюдения и мнение, которые к официальным не отнести, Григорий Павлович, — вставил Капитан.

— Тогда если парой слов, то — типичное прохиндейство. Такое сейчас везде творится и ваше Пароходство не исключение. Политика одна — кто утянет себе кусок пожирнее. Ваш генеральный директор Харчевский пытается играть первую скрипку, но у него это не очень-то получается по двум причинам. Первая — это то, что своих денег у него нет. Подпольные же воротилы, к которым он, похоже, обратился имеют свои виды на ситуацию и, если Харчевский своевременно денег не вернёт, то лапу на предприятие наложит вовсе не он.

Тут вмешивается вторая причина — группа других управленцев в Пароходстве. У них те же интересы в дележе пирога и они в компании с Харчевским, но к скупке прав до некоторого времени отношения не имели, но и не хотят, чтобы Пароходство проскользнуло у них мимо носа. Харчевскому одному не довести Пароходство до ручки, чтобы купить его подешёвке. Вот эта компания его соратников по афере и мутит там воду.

— Я догадываюсь, о ком вы говорите. А ведь какие примерные руководители и партийцы были ещё не так давно!

— Верно, Капитан. Самое смешное, что они перестарались. Развал предприятия принял такие масштабы, что исчез единственный источник средств, которыми Харчевский мог бы рассчитаться с кредиторами. Последствия вы понимаете. Вся эта камарилья бросилась искать деньги по знакомым и друзьям. Причём единство действий распалось. Каждый скупает паи для себя, пытаясь отхватить себе хоть какой-то кусочек прав вла-

дельца. Сколько и кому достанется — совершенно непонятно.

Однако по нашим прикидкам в концентрированном виде имущественные права на Пароходство ещё далеки до половины. Примерно шестьдесят пять процентов прав ещё на руках у рядовых работников, но это ненадолго. Начинается массовый уход людей. А это значит, что права они будут просто сбрасывать кому угодно почти даром. Никто не верит в ценность владения какими-то бумагами Пароходства.

То, что появился какой-то новый скупщик паёв всё же заметно. Но значения этому в управлении ещё не придают. Заняты грызнёй между собой. Правда, вот кредиторы Харчевского, похоже, пристально следят за ситуацией. Кто-то начал расспрашивать о ваших скупщиках. Кто и откуда непонятно, но не из Пароходства. В этой стороне пока что для нас темно, но работаем. Вот и всё на сегодня. Не густо, но уж что есть.

— То есть чего ожидать пока неясно, — подвёл я итог.

— Именно так, но есть подсознательное ощущение, что неясность долго не продлится. Так, вскользь промелькнуло одно известное мне имя. Памятное мне ещё по старым, советским делам. Если этот тип кредитует Харчевского, то внимание и беспокойство нам будет обеспечено. Я попробую наладить надзор над ним, но по нынешним временам на это надежды мало. Очень осторожный и скользкий держатель больших денег. Принципами не обременён. На этом я кончаю, и позвольте откланяться.

Григорий Павлович поднялся, натянул плащ и, пожав нам с Капитаном руки, выскользнул из кафе.

— А? — поинтересовался у меня Капитан.

— Да-а, — протянул я.

— Остаётся только ждать.

— Ждать, так ждать. Только вот ждать в этой промозглой погоде Питера не очень приятно. У вас, Капитан, никаких дел в более тёплых краях нет?

— Вообще-то есть. На Альберта должен прибыть новый губернатор. С какими планами из Уайт-холла и распоряжениями от короля — неизвестно. Не попасть бы моему промыслу в какие-нибудь неприятности. Пойдёшь со мной?

*

На Альберта и в самом деле жара и солнце. Сидим на террасе дома Анабель в компании с Грегом и попиваем молодое вино из виноградничка Анабель. Виноградничек оказался плодовитый и Питер с Максом уже покатили подаренную нам бочку вина к дому сэра Виктора.

— "Морской ветер" я уже давно увёл обратно на остров от греха подальше, — сообщил Грег между глотками. — А нового губернатора я ещё не видел. Говорят, что вникает в дела предшественника.

— И кого же прислали? — поинтересовался сэр Виктор.

— Сэра Генри Монтгомери. Говорят, что человек себе на уме. Никогда не знаешь, что он может преподнести. Хотя и не чужд чувства справедливости. Посмотрим, что за птица. Вы, Вик, весьма удачно прибыли. Анабель заботит, что как раз на завтра назначен приём в доме губернатора для знакомства его с местной публикой.

— Вот-вот, именно на завтра, — подтвердила Анабель, стоящая за стулом мужа, обхватив своего благоверного руками за шею. — Мы с Грегом приглашение получили.

— Да-да, мне тоже пришло, — подтвердил сэр Виктор. — И не на одного, а и на непоименованных сопровождающих лиц.

— Вам-то, Вик, понятно, почему пришло. Вы столп местной торговли. А вот нам непонятно. Ведь нас с Ана-

бель официально здесь вроде бы, как и нет. Особенно меня. Однако приглашение пришло капитану Грегори Виккерсу с супругой. Непонятно и странно всё это. А когда странно, то жди неприятностей.

— Интересно, что с сэром Генри Монтгомери я хорошо знакома, но здесь его ещё не встречала. Что делать? — с беспокойством поинтересовалась Анабель.

— Ничего, — подсказал я. — Наверное, уже пора вам, Анабель, заявить о том, что вы живы, как дочь лорда Чарльстона. До бесконечности этого скрывать невозможно, и смысла нет. Пусть через нового губернатора это как раз и дойдёт до Лондона и Ямайки.

— Пожалуй, и в самом деле вам, Анабель, можно было бы воскреснуть, — согласился сэр Виктор, поднимаясь со стула. — Но это уж на ваше рассуждение. А нам с Сержем пора и делами заняться.

В таверне "Рак" ставшие уже привычными покой и благость. Разумеется, в той степени, в которой это возможно в беспокойных пиратских краях. Марианна порхает по залу с подносом. Клавесин в углу что-то тихо наигрывает. Звон посуды и тихий гул переговаривающихся голосов обедающих посетителей. Люк, поприветствовав сэра Виктора и меня, выбрался из-за стойки, и похромал впереди нас в свою конторку.

— Вот, восемьсот девяносто фунтов, — грохнул он на стол мешок. — Это старое. Как две недели назад прибыл новый губернатор, так все сделки с золотом и серебром прекратились. Никто ничего не несёт. Испанец и голландец толкутся здесь безрезультатно, но ничего ни сделать, ни понять не могут. Нет товара и всё тут. Вы уже видели, что наш порт почти пуст. Из серьёзных судов только фрегаты "Быстрый" и "Стремительный". Пригнал их сюда с Карамбы известный вам помощник покойного Хаксли — Билл Стетсон. Так и стоят без команд.

Новый губернатор осмотрел фрегаты и сразу после

этого все пиратские суда из порта испарились. Оставили нескольких наблюдателей за событиями, которые с утра до ночи сидят в таверне и куда-то уплыли. В Румпеле и Тринидаде та же картина. Пиратские суда почти все ушли неведомо куда. Правда, это только кажется, что неведомо. Кому нужно найдёт их.

— И что это за такое поспешное и повальное бегство? — поинтересовался сэр Виктор. — Что их напугало. Ведь вся эта братия далеко не трусы.

— Судя по разговорам, то напугали опустевшие фрегаты. Команды пропали неизвестно куда и также неизвестно, кто в том виноват. Подозревают друг друга в какой-то причастности к этому, но ни на кого конкретного не грешат. Опасаются, что из метрополии пришлют эскадру разбираться с пропажей моряков королевского флота. Может, разберутся, а может, и нет. Виноватых всегда найдут. Масштаб беды-то немалый, а тут под рукой столько виновных во всяком-разном, что только выбирай.

— Понятно. Испугались, что адмиралтейство начнёт крушить всех подряд. Вроде бы кроме пиратов виновных поблизости и не может быть. А с другой стороны, лордов адмиралтейства никогда не смущало и отсутствие вины. Нужно продемонстрировать свою активность перед короной и карательная кампания тут очень даже привычный инструмент. Но никакой эскадры-то ведь нет.

— Но если появится, то бежать будет уже поздно. Так что, сэр Виктор, слухов никаких и товаров тоже — всё замерло в ожидании, что предпримет новый губернатор. Мне донесли, что те из пиратов, которые хранили свои деньги у доверенных лиц и даже у английских финансистов, забрали свои вклады. Думаю, закапывают свои сокровища по мелким, необитаемым островкам. А их вре́менные стоянки я знаю. Они из числа тех, по которым не так давно прошёлся "Морской ветер".

— Занятная ситуация. Ничего, может быть, завтра что-нибудь прояснится. Приготовься, Люк, пойдёшь со мной на приём к новому губернатору. А сейчас мы, пожалуй, до темноты успеем пробежаться в Румпель и Тринидад.

Успели пробежаться. Ветерок свежий, а Питер с Максом умелые матросы. Роб из "Альбатроса" быстро отчитался по делам. Оставшееся от прошлого раза серебро забрал голландец. Так что тяжёлый мешок с добычей я едва допёр до яхты. В остальном всё так же, как на Альберте — внезапное затишье.

— Что-то замышляют наши поставщики, — сообщил нам Роб. — Не знаю что, но некоторые крупные уходили с какими-то намёками и недомолвками, понятными только им самим. Так что не о чем и думать, но какая-то затея у них есть.

В "Барракуде" нам интересных новостей тоже не отломилось. С добычей не хуже чем у Роба на Румпеле. Ларри получил всё за оставшееся олово. В таверне пустынно и вышибалы дремлют в углу.

— Да, Роб прав, — подтвердил Ларри. — Что-то наши клиенты затевают, но язык держат за зубами.

На Альберта вернулись уже в сумерках. Питер и Макс помогли донести мешки с деньгами до дома и, бросив их в кабинете, ушли к себе.

— Да-а, странная и небывалая картина получается, — посетовал сэр Виктор. — Сговорились о чём-то те, кто почти никогда ни на что, кроме грабежа сговориться не может. И при этом в таком непроницаемом молчании, которое никогда не было свойственно этой банде. Кто-нибудь да пробалтывался, а тут у нас вдруг налицо полная неизвестность. Как-то не связывается их исчезновение со сговором. Может быть, исчезновение всех произошло от непонятности ситуации, а шушуканье сговора некоторых совсем по другому поводу? Просто совпало

так.

— Ну, уж эту публику вам лучше знать, сэр Виктор.

*

Губернаторы рано не встают и поэтому на приём мы прибыли к трём часам пополудни. Роб облачился в камзол с кружевным воротником и манжетами. Чувствуется, что ему не по себе в таком одеянии. Марианне, наверное, стоило немалых сил уговорить Роба не напяливать для визита в изысканное общество свою повседневную одежду. Меня тоже соответственно приодели. По части всяких тряпок и даже мужских Марианна непревзойдённый талант.

Грег и Анабель уже там. О чём-то оживлённо беседуют с мужчиной лет сорока в парадном камзоле с орденами. Похоже, что это и есть сэр Генри Монтгомери. Ну, что ж, внешне вроде бы вполне достойный сэр — джентльмен, судя по его вежливой улыбке, когда он обращается к Анабель. Рядом с ними трётся Билл Стетсон. Понятно, от кого почерпнуты сведения для приглашения Грегори. Видимо этот молодой, борзый чиновник и при этом губернаторе будет главным помощником. Может быть, и не худший выбор. Поскольку он уже знает, куда можно соваться, а куда не следует.

Вот увидел нас и что-то шепнул на ухо губернатору. Тот извинился перед собеседниками, оторвался от них, и поспешил к нам, как радушный хозяин. Хаксли так не поступил бы.

— Рад, рад, сэр Виктор, что на наше счастье вы оказались на архипелаге. Мой помощник говорит, что это довольно редкое явление. Вместе с тем, он охарактеризовал вас, как самого крупного и влиятельного торговца губернаторства. Какая удача, что у Англии есть такие люди. Это я от чистого сердца. А это кто с вами? Ага, ваш помощник и управляющий. Также очень рад.

Однако нам с Люком руки не подал, как сэру Виктору.

Видимо демократичность нового губернатора всё же ограничивается правилами аристократического этикета.

— Поразительно, сэр Виктор, что при ваших кратких визитах на архипелаг, дела у вас, тем не менее, процветают. Тут есть какой-нибудь секрет?

— Никакого секрета, сэр Генри. Просто способные управляющие и помощники, на жалование которым я не скуплюсь.

— Да-да, ловкие и верные помощники нужны в каждом деле. Вы извините меня, но нужно встречать гостей. Хотелось бы побеседовать с вами, сэр Виктор, в более спокойной и дружелюбной обстановке. Вы не против? Вот и отлично, — и сэр Генри поспешил к дверям, в которых показались очередные приглашённые, а мы присоединились к Грегори и Анабель.

— Сэр Генри чем-нибудь объяснил ваше приглашение на приём? — сразу же спросил их сэр Виктор.

— Он был так поражён, увидев меня, — ответила Анабель, — что некоторое время тряс руку Грегу и не мог остановиться. А когда пришёл в себя, то сказал, что никак не ожидал, что под фамилией Виккерс встретит меня. Тем более что в Лондоне было много разговоров о моём исчезновении и несостоявшейся свадьбе. Сообщил, что список приглашённых гостей составлял помощник и тут же задал ему вопрос на этот счёт. Билл отговорился, что и подозревать не мог о таком романе со счастливым концом. Врёт, наверное, судя по его глазам.

— Определённо врёт, — немедленно отреагировал я. — Он от меня знал, что Анабель в девичестве Чарльстон. Надо было ему это сказать, а то он что-то слишком пристально начал интересоваться Анабель и её мужем ещё при Хаксли. Я его предупредил, что он может свернуть себе шею на этом секрете. Вот он и молчал. Но уж больно шустрый человечек этот Билл Стетсон. Сразу сообразил, как выставить Анабель на всеобщее обозре-

ние с помощью нового губернатора. И он как бы ни при чём. Молчал ведь. А сведения о вашей супружеской паре можно и в церкви получить. Ведь венчание, как я понимаю, хоть и было скрытным, но не тайным.

— Не доставил бы он нам всем хлопот своим любопытством, — посетовал Грег.

— Люк, приставь кого-нибудь приглядывать за ним, — распорядился сэр Виктор. — Похоже, что он будет в доверии у нового губернатора. Вон он как быстро и ловко после смерти Хаксли распорядился о доставке королевских фрегатов из бухты Карамбы.

— Приставлю, — ответил Люк. — Смотрите, вроде что-то готовится.

И в самом деле. Гости вроде бы все уже пришли. Стетсон просмотрел свои пометки в списке гостей и кивнул в ответ на вопросительный взгляд сэра Генри. Тот вышел на середину большой гостиной губернаторского дома и поднял руку. Говор голосов стих.

— Уважаемые дамы и господа! Меня очень порадовали полученные от вас поздравления, полученные в связи с моим вступлением в должность. Желаю вам от души повеселиться на небольшом бале по этому же случаю. Но чтобы публично развеять всякие слухи и опасения сообщаю следующее. Несмотря на некоторые досадные события на архипелаге в последние месяцы, Его Величество и премьер министр придерживаются мнения, что политика Британии на архипелаге Альберта должна оставаться неизменной. Музыка, гимн!

Все с приличным молчанием, стоя, прослушали "Боже, храни короля" и оживлённо загомонили, лишь только смолкли последние ноты. Оркестр завёл какую-то нудную танцевальную мелодию. А к нам подошёл Стетсон и пригласил сэра Виктора с помощниками в малую гостиную.

— Мой помощник и секретарь охарактеризовал вас,

сэр Виктор, как уважаемого на архипелаге человека, к словам которого прислушиваются. И не только это, должен сказать, — начал новый губернатор, когда мы расселись за большим овальным столом.

— А что ещё?

— О всём происходящем здесь вы знаете много больше других.

— Ваш секретарь преувеличивает мою осведомлённость. Например, я не знаю ответа на вопрос, который вас, сэр Генри, больше всего занимает сейчас.

— Ну-ка, ну-ка, что это, по-вашему мнению, меня больше всего сейчас интересует? Неужели угадаете?

— Это не трудно, раз вы объявили о сохранении политики Лондона относительно архипелага Альберта. А политика эта опирается на довольно своеобразную статью дохода казны, о которой стараются не распространяться. Вас должно интересовать, куда делось всё то, что эту статью пополняет. Порты-то опустели.

— Вы правы, сэр Виктор, именно это меня и заботит. А с учётом ваших интересов должно заботить и вас. Мы не знаем, почему порты внезапно опустели, но догадываемся, что причиной тому может быть неосведомлённость о неизменности политики Лондона на архипелаге.

— Скорее всего.

— Вот видите, мы с вами и думаем одинаково. Почему бы нам не объединить усилия, чтобы всё вернуть на круги своя?

— Статус у нас разный и у меня очень неустойчивый. Это не располагает к альянсам. Особенно с Лондоном, политика которого в любой момент может измениться. Лучше всё пусть остаётся как есть. Вы в любой момент можете обратиться ко мне за советом и помощью без всяких альянсов. Чем смогу — помогу.

— Вот это мне и важно было знать. Вы собираетесь предпринять что-нибудь для возврата судов в порты?

— Зачем? Вы для этого уже всё сделали — объявили о неизменности политики Лондона.

— Но я объявил здесь.

— Как раз это очень быстро дойдёт куда надо.

— Значит, просто ждём?

— Ждём.

Похоже, что это было всё, чего добивался сэр Генри на сегодняшний день. Сэры поболтали ещё немного о всяких пустяках и распрощались. Проходя через большую гостиную, мы полюбовались на то, как кружатся в танце Грег и Анабель. Махнули им рукой, и вышли из резиденции губернатора.

— Может быть, стоило…, — только и заикнулся Люк.

— Не стоило, — оборвал его сэр Виктор. — Ты не хуже меня знаешь, что это за публика. Наше дело хоть и сомнительное, но держится на честности выполнения обязательств. Лондонские же дела лежат только на лжи и предательстве. Так что никаких альянсов у нас с ними быть не может. Как ты думаешь, далеко все наши подопечные смылись?

— Вряд ли далеко и ушли просто на всякий случай. Реальной угрозы-то не было. Думаю, новость до них уже сегодня донесут. Стало быть, завтра появятся первые разведчики.

— А сэр Монтгомери, похоже, не так прост, как хочет казаться. К чему этот приватный разговор, если он не рассчитывал, что именно мы понесём его новость дальше. Расскажи её, Люк, тем, кто у тебя в таверне целыми днями сидит в ожидании новостей.

Дело уже к вечеру и в таверне Люка довольно оживлённо. В той части зала — справа, где стоит клавесин, почти все столы заняты и порхают подавальщицы. В левой части лишь четверо вполне прилично одетых пиратов за одним из столов что-то лениво жуют и столь же лениво бросают кости, мрачно поглядывая на отдыхаю-

щую местную публику. Мы с сэром Виктором присели за стол, а Люк подошёл к скучающей четвёрке и что-то сказал. Те мигом оживились, что-то переспросили и, оставив ужин недоеденным, вдруг ринулись к дверям.

— Надо же, как их — бедняжек неизвестность извела, — посочувствовал сэр Виктор.

*

— Кривая Борода и Коротышка Француз просят аудиенции, — просунув голову в дверь конторы Люка, сообщила Марианна.

— Проведи их сюда, — распорядился сэр Виктор.

На следующий после губернаторского приёма день мы сидели у Люка и занимались делами. Я скучал и дремал на сундуке в углу, а сэр Виктор обсуждал с Люком планы улучшения сервиса в "Альбатросе" по примеру "Рака".

— Наш "Альбатрос" уже давно сарай сараем, — оценил состояние таверны Люк. — Никто из местных в него не пойдёт. Нужен большой ремонт, а для этого придётся его закрыть.

— Зачем закрывать? — возразил сэр Виктор. — У нас же там новый склад. Снесём старый, который примыкает к "Альбатросу" и на его месте построим заведение с названием "Новый Альбатрос".

— А старый куда денем?

— Тоже после снесём, расчистим место, сделаем террасу и поставим столы под открытым небом.

— Этак там лучше, чем в моём "Раке" станет, — ревниво посетовал Люк.

На этом вторжение Марианны и прервало разговор о текущих заботах.

— Что это они тут делают? — удивился Люк. — Малышка Француз обычно не вылезает с Румпеля, а Кривая Борода с Тринидада и вдруг оба припёрлись сюда. Да ещё и, похоже, не просто так и вместе. Странная

штука.

В коридоре послышались шаги, и Марианна распахнула перед входящими дверь. Малышка Француз, действительно, небольшого роста, чисто выбритый и совершенно не похожий на пирата, а Кривая Борода, в самом деле, с глубоким шрамом на левой щеке, придающим ему довольно зловещий вид. Одеты неброско и аккуратно. На плечах укороченные камзолы довольно популярные у пиратов. Держатся с достоинством. Сабли на месте, а пистолетов не видно. Люк предложил им табуретки и оба устроились у стола напротив сэра Виктора.

— Мы к вам по делу, сэр, — начал Малышка Француз. — Это правда, что новый губернатор не будет обвинять наше братство в беде с королевскими фрегатами?

— Вот-вот, — поддакнул Кривая Борода, — это всех интересует и нас послали разузнать, что тут к чему.

— Что у губернатора в голове мне неведомо. Но вчера он объявил о неизменности отношения Лондона к обычной ситуации на архипелаге. Как это понимать и мне самому неясно. Ибо историю с пропажей команд фрегатов нельзя назвать обычной. Следствие начато, но, мне кажется, что вряд ли оно может привести к вашему братству.

Кривая Борода удивлённо уставился на сэра Виктора.

— Почему ты так думаешь, Вик?

— Фрегаты вам не по зубам, Фрэнк, — говорит сэр Виктор, повернувшись к Кривой Бороде. — Да и не взято с них ничего. Так что ваша братия тут не замешана, но если потребуется на кого-то свалить вину, то, сами понимаете, причастных среди кого угодно найдут. Мне же думается, что Английское казначейство всё же не позволит свалить вину на вас, чтобы не потерять немалый источник дохода. Да и Испанию вы сильно треплите на радость английскому Адмиралтейству. Так что можете возвращаться на свои стоянки, а там уж всё в руках Бо-

жьих.

На лицах пиратов заметное облегчение, но уходить вроде не собираются. Стук в дверь. Заглядывает Анабель.

— Люк, я пришла. Здравствуйте, сэр Виктор.

— Хорошо. Отпусти Сюзанну, а то она сегодня с раннего утра.

— Поняла, — и Анабель исчезает.

— Что-нибудь ещё? — интересуется сэр Виктор у парочки бородатого с бритым.

— Нам нужен порох, — отвечает Кривая Борода, — На Румпеле и Тринидаде его ещё неделю назад весь выбрали и нам не досталось.

— Да вы что! — вскинулся Люк, — На складах там всегда трёхмесячный запас был. Вы что, курить его начали что ли?

— Не знаем, Люк, что есть на складах сэра Виктора, но пороха там сейчас нет, — ответил Малышка Француз.

— У меня есть. И много вам надо?

— Нам хотя бы бочонков по сорок каждому.

— По сорок? — поразился Люк. — Вы что, на войну собрались? Даже у меня столько нет. Пятнадцать-двадцать наскребу, но не больше.

— Нет, нам нужно восемьдесят, а взяли бы и сто.

— С ума сошли! Откуда у нас может быть столько? Обычно берёте пять. Редко десять за месяц и вдруг сто подавай. Где их взять. С военно-морского склада упереть что ли? За это петля полагается без всякого суда.

— Не знаем, где их можно взять, но нам надо, — твёрдо проговорил Кривая Борода, — глядя на сэра Виктора. — Даже по двойной цене.

— Ладно, ладно, обещать не буду, но попробую достать, — согласился сэр Виктор. — Забирайте пока то, что есть и отправляйтесь к себе. Не мозольте в Порт-Альберте никому глаза. Столько пороха чужим всё равно

отгружать здесь не будут. Вам подвезут.

Пираты вышли.

— Что-то готовится? — поинтересовался я.

— Похоже на то. Люк, вот что. Отпусти им весь порох, что есть и отправь кого-нибудь за Робом и Ларри. Чтобы к вечеру были здесь. Нужно их расспросить. Да и порох обратным ходом заберут, если его удастся добыть. Серж, сходи домой к Виккерсам и скажи Грегу, чтобы ближе к ночи заглянул ко мне домой. А то он собирался в ночь уйти на наш остров. Я же навещу губернатора. Посмотрим, сохранилась у них политика на архипелаге или нет.

*

Визит сэра Виктора к губернатору увенчался успехом. Вернулся с распоряжением морскому оружейному складу отпустить сто бочонков пороха при предъявлении оплаченной квитанции на сто гиней от казначея губернаторства. Мрачный. Роб и Ларри уже здесь.

— Какой настырный этот сэр Генри! Хочет всех своими агентами сделать что ли? Хлебнём мы ещё от него. Не скажу, что больших неприятностей, но вот разного беспокойства будет достаточно. Не дурак и поэтому отбиться от него будет не так-то просто.

— А что там было? — поинтересовался Ларри.

— Попытался всучить порох, как свидетельство сотрудничества.

— И?

— Я ему сказал, что если официально объявлено о сохранении существующего порядка на архипелаге, то этот порядок нужно и поддерживать, а не представлять как одолжение кому-то. Так что сто гиней не деньги за свободу от всяких сомнительных обязательств. А так новый губернатор был готов отдать мне порох бесплатно. Люк, возьми эти бумаги и пусть твои люди получат товар прямо сейчас. Двадцать бочонков тебе на склад и

по сорок пусть погрузят в лодки Роба и Ларри.

Люк вышел и когда минут через десять вернулся, сэр Виктор спросил, обращаясь к Робу и Ларри:

— Что же это вы при нашей последней встрече и слова не сказали, что наши подопечные по-крупному порох скупают?

— Вот это да! — воскликнул Ларри. — С каких это пор продажа лишних пяти-десяти бочонков стала крупной сделкой? На крупные сделки мы пороха никогда и не держали на складе. Берут-то обычно по мелочи. Бочонка по три-четыре. Пополняются-то в основном с того, что снимают с торговцев. У тех-то ведь пушки тоже есть. У меня за последние две недели всего двое взяли порох. Прохвост взял десять бочонков, да Синий Джек взял четырнадцать бочонков. На этом наши запасы кончились. Да, взяли больше, чем обычно, но не настолько, чтобы считать чем-то уж сильно странным.

— У меня то же самое, — добавил Роб. — Верёвочный Гарри взял девять бочонков, да Рыжий Сэм забрал последние одиннадцать. Не на чем подозревать что-то выходящее за рамки. Вот и не говорили.

— Ладно, ладно, пусть так. Тогда быстренько вспоминайте, о чём эти четверо в последнее время болтали и что за разговоры были вокруг них.

Ларри и Роб усиленно задвигали мозгами. На что ушло минут пять-шесть всеобщего молчания.

— Да ничего особенного тоже не говорили, — очнулся от размышлений Роб. — Разве что то, что неплохо бы сходить за добычей подальше. Например, в Бразилию. Здесь уж что-то густо соперников стало. Или плывущего товара меньше.

— Точно! — подтвердил Ларри. — Про Бразилию разговоры были. Туда ещё никто не ходил, а караваны богатые из тех мест в Европу идут. Что ещё? Синий Джек любит сказки про сокровища. Последнее время даже у

меня выспрашивал про Френсиса Дрейка и его небывалые богатства, добытые грабежом по обе стороны американского континента.

— Да, Малышку Француза славили, как великого ходока на материк и радовались, что и он вроде не прочь сходить в Бразилию, — ещё припомнил Роб. — Так ведь подобная болтовня слышится постоянно и кончается ничем. Не хотят они слезать с привычных путей. Завтра и про Аргентину заговорят.

Роб немного подумал и с недоумением сообщил:

— Малышка, действительно, ходил на материк, но ближайший. Бразилия гораздо дальше его походов. Порох берёт на большое дело, а провиант же заказал в обычном количестве.

— Думаешь, Бразилия — пиратский блеф?

— Кто его знает. По запасам пороха вроде и в самом деле далеко собираются. Не войну же поблизости затевают. С другой стороны, по пути в Бразилию есть, где провизией запастись. Но наша публика не может с гарантией рассчитывать на снабжение в пути. Их никто в порты не пустит, а сами рыбу ловить они не очень любят.

— Хорошо, — объявил сэр Виктор, — достаточно для размышления. Оставайтесь здесь в "Раке". Отправитесь пораньше утром. Порох сдадите по две гинеи за бочонок. Никто Кривую Бороду за язык не тянул. Со снабжением остальным — задержите насколько возможно. Но только так, чтобы ничего подозревать не начали. Попробуйте насколько возможно отсрочить выход их эскадры в море. Давайте расходиться. Люк, ты с нами.

Грегори уже ждал нас дома у сэра Виктора, беззаботно болтая с Максом и Питером и, попивая утреннее вино.

— Добрый вечер, Грег. Давно нас ждёте?

— Не очень. Что случилось, Вик?

— Наши подопечные, похоже, в большое плавание собрались, а я уже давно с вами в поход не ходил. Серж же, вообще, всего один раз был с нами.

— И куда они собрались на этот раз?

— Не знаем. Вот сейчас и начнём вместе соображать. Серж, подбей всё в кучу. У тебя это здорово получается.

— В кучу так в кучу. Вырисовывается эскадра из шести судов по двадцати пушек с борта. Это если у других то же самое, что у Малышки Француза и Кривой Бороды, которые вчера заходили в Порт-Альберт.

— У других почти то же самое, — подтвердил сэр Виктор.

— По разговорам якобы собираются в Бразилию. Но это так, в виде словесного намерения. Хотя и закупили необычно большое количество пороха. Что говорит о дальнем и долгом походе. Однако дальность не подтверждается закупкой соответственного количества провизии. Она обычная. То есть рассчитанная не более чем на двух-трёх недельное отсутствие.

Сэр Виктор кивнул в подтверждение такого срока.

— Кроме говорильни про Бразилию и противоречивости закупок есть ещё всякая-разная болтовня. О том, что на привычных путях излишняя пиратская толкучка. А вот из Бразилии идут богатые и никем не пощипанные караваны. Есть также интерес к истории грабежей вокруг Америки в лице сэра Френсиса Дрейка.

— Ещё что-нибудь можно вытянуть из всего этого?

— Можно. Разговоры и порох говорят в пользу Бразилии. Провиант и Френсис Дрейк, которого тоже можно отнести к разговорам, говорят против Бразилии.

— А Дрейк-то тут причём? — спросил Люк.

— При том, что Дрейк никогда не был в Бразилии. Зачем, собираясь в Бразилию, интересоваться Дрейком? Там были другие, кем не то, что можно, но и нужно было бы поинтересоваться.

— Это всё? — подал голос Грегори.

— Почти. Если отбросить Бразилию, как пиратский блеф, по выражению сэра Виктора, то они собрались в довольно примечательное место. Вот его примерные признаки. Трудное и опасное. Раз потребовалась очень сильная, многочисленная эскадра. Ожидается долгий и упорный бой. Раз потребовалось столько пороха. Не очень далеко. Раз потребность в провизии обычная. Возможно, это место как-то связано с именем Френсиса Дрейка. Если найдёте поблизости точку, в которой это всё сойдётся, то туда они и направляются с наибольшей вероятностью.

Сэр Виктор поднялся с места.

— Схожу, принесу карту.

— Можно и не приносить, — тихо произнёс Грег, — Это Картахена. В ней сходится всё. И дальность, и порох, и Дрейк.

Сэр Виктор как встал, так на минуту и замер в раздумье.

— Точно! Картахена! Дрейк унёс оттуда десять миллионов испанских песо. В трёх днях пути от нас.

— А песо — это много? — полюбопытствовал я.

— Много. Большая серебряная монета, которую сейчас называют пиастром. Десять миллионов песо составят почти миллион золотых фунтов. Сумасшедшие деньги! Неужели они решились рискнуть на такое. А, Грег? Миллион, может быть, и не миллион, но и сейчас в Картахене скапливаются огромные сокровища для отправки в Европу.

— А что вы думаете, Вик, почему бы и не рискнуть. Подготовились они, судя по всему, солидно и продуманно. Да и капитаны не из последних. Правда, Картахена сейчас сильно защищена. Один только форт Сан-Фелипе чего стоит! Зубы обломать можно. Но ведь и шесть больших судов тоже не шутка. Вряд ли они попрут

напролом. Придумают какую-нибудь хитрость. А нам-то что делать? Предлагаете вмешаться?

— Можно бы. Только вот на какой стадии? В походе с шестью судами и "Морскому ветру" справиться слишком сложно. Риск большой. Слишком многое зависит от ветра. Окажется не наш или попадём в штиль и всё пропало.

— Мы в любом случае выиграем, если окажемся у них поперёк курса, а свернуть им будет некуда. Как раз время посмотреть карты. Найдётся ли такое место?

Сэр Виктор приволок карты, и они с Грегом зашуршали бумагой.

— Между нами и Новой Гранадой, где лежит Картахена такого места нет, — констатировал Грегори. — Разве что "Морской ветер" поставить прямо в бухте Картахены. Тогда никто в бухту не войдёт, не отведав наших пушек напоследок жизни.

— Испанцы никогда не впустят в бухту Картахены неизвестный военный корабль, — буркнул Люк.

— А ведь и в самом деле, — огорчился сэр Виктор, — не впустят "Морской ветер".

Хотя тут же снова оживился:

— Нас может выручить Венесуэла. Хотя там и хозяйничают испанцы, но Венесуэла не является землями испанской короны. И взятки там хорошо берут, и статус страны признан Англией и Испанией. Собирайтесь, Грег. К утру будете на нашем острове, а через два дня в Венесуэле. У Венесуэлы нет своего военного флота. В любом крупном порту можно за взятку зарегистрировать "Морской ветер", как военное судно по контракту. Войдём в бухту Картахены под Венесуэльским флагом. Сейчас я денег отсыплю. Не мелочитесь, — и сэр Виктор забренчал монетами, пересыпая их из шкатулки в мешок.

— Хорошая идея с Венесуэлой. Скажите Максу, что-

бы готовили вашу яхту. А я пойду, предупрежу Анабель. Думаю, если всё пройдёт гладко, то через четыре дня "Морской ветер" будет стоять в бухте на Альберта по ту сторону хребта. Главное, чтобы наши подопечные за это время не двинулись с места.

*

За четыре дня вплоть до прибытия "Морского ветра" из Венесуэлы не произошло ничего особо примечательного. Я сходил домой, полюбовался разгромом во дворе, пообщался со Стеллой и Александром, передал Зубейде через Ахмеда привет и, как порядочный гражданин вечерок поскучал перед телевизором. Капитан же, наверное, три дня просидел в Вернских кабаках. Что поделаешь, если уж судьба такая. В одном кабаке любовь, а в другом дело. Однако и себя, и друзей не забыл. Притащил из "Морского дракона" целый окорок, который мы и захватили с собой в Порт-Альберт для домашнего удовольствия.

Сейчас сидим в конторке Люка и со смехом слушаем рассказ Грегори о визите в Венесуэлу.

— Понимаете, там — в Маракаибо подписать государственный контракт с иностранным судном на охрану торговых путей могут два лица — начальник порта и начальник городской стражи — алькальд. Как они оба одновременно пронюхали, что нам нужна не работа с её оплатой, а просто за деньги бумага о ней, я до сих пор удивляюсь. Они так рьяно принялись сбивать друг другу цену за контракт, что я почти все деньги, Вик, привёз обратно. И при этом оформил два контракта, чтобы не портить отношений с властью. Так что нам на корабль доставили и два венесуэльских флага. Все довольны. А что тут у вас?

— Сейчас Люк расскажет.

— Пока всё спокойно. С поставкой провианта Роб и Ларри тянули дня два и заказчики почему-то не возму-

щались. Потом стало ясно почему. Позавчера они заказали ещё солонины, муки и сушёного картофеля. Я уж подумал, что лопнули наши догадки про Картахену и поход будет и в самом деле к берегам Бразилии. Но внезапное оживление среди пиратов развеяло опасения. Все шестеро объявили о наборе в команды на один рейс. Забрали всех праздно шатающихся, и к ним даже перебежало много матросов с других судов.

— Сколько их теперь всего?

— От тысячи до тысячи ста.

— У них есть шансы на успех. У Дрейка людей было почти вдвое меньше.

— Стало быть, выход в море состоится вот-вот, — заключил Грегори. — Они не стали бы добирать команды заблаговременно, чтобы не кормить лишние рты. Люк?

— Только начнут готовиться к выходу, нам пришлют гонцов и с Компаса, и с Пинты.

— Тогда ждём, — решил сэр Виктор. — Нужно будет кого-то из гонцов сразу послать обратно — следить за выходом из бухты Румпеля. Чтобы определиться с курсом, на который лягут пираты.

Долго ждать не пришлось. Через день, только мы с сэром Виктором собрались идти завтракать в "Рак", у ворот дома загремел колокольчик.

— Люк велел передать, что пора, — сообщил нам мальчонка из таверны.

Макс и Питер понеслись готовить яхту, а мы с сэром Виктором поспешили к дому Анабель и мимоходом стукнули в ворота. Грег догнал нас на спуске к морю. Обогнули восточную часть острова Альберта и меньше, чем через полчаса вошли в скальную бухту. Красавец "Морской ветер" тоже проснулся. Только мы показались у входа в бухту, как на борту началась беготня подготовки к отплытию. Питер и Макс высадили нас на корабль, мгновенно развернулись и через пару минут исчезли из

вида за поворотом берега.

Парусное судно — не механическое. Разводить пары не надо. Через пять минут мы уже двигались за ушедшей вперёд яхтой и, вылетев из бухты, снова увидели яхту в полумиле впереди. Таким порядком, отпустив яхту на милю вперёд, и пошли дальше. Вот прошли восточный мыс острова Альберта. Вот издалека взглянули на бухту Порт-Альберта, остающуюся за кормой. В подзорную трубу показалось, что я вижу Люка, стоящего на пороге таверны, и глядящего нам вслед.

Остров Альберта почти растворился позади, а Компас вырос справа. Яхта немного вильнул к нему и прошла почти вплотную мимо лёгкой лодки со спущенным парусом. Видно как Макс на лету что-то спросил у сидящих в лодке. Яхта пошла налево и установила нам курс на юго-запад. Грег отпустил яхту ещё дальше вперёд — к самому горизонту. Часа через два с яхты просигналили, что цель впереди. Сбросили парусов и сбавили скорость.

— Наши подопечные демонстрируют бразильское намерение. Интересно, как долго?

Оказалось, что довольно долго. Уже в сумерках к исходу дня яхта вдруг резко повернула на северо-запад и через некоторое время, сбросив ход, начала приближаться. Ветер стал дуть уже не в левый, а в правый борт. Посмотрев на карту, Грегори сказал:

— Прямо в Картахену. Видимо пираты убедились, что за ними никто не следит. Можно обгонять.

Яхту обошли правым бортом почти в полной темноте. Виден только контур паруса и машущие напутственно руками тени Макса и Питера. Месяц ещё настолько узок, что почти ничего не освещает. Все паруса ставили уже в полной темноте. Грегори нанёс курс на карту и дал команду рулевому взять левее на четыре румба. Поймав полный ветер, корабль резко рванулся вперёд. Но не на

долго. Через полчаса Грегори вернул его на прежний курс. Где-то в полной темноте мы к утру уже значительно обгоним пиратскую эскадру, а в Картахену придём раньше них больше, чем на полсуток.

— Интересно, как они будут прорываться в бухту Картахены? — за обедом задумчиво вопросил в пустоту сэр Виктор. — Головой у них, наверное, Кривая Борода. Он мастер всяких хитростей.

— Наверное, попытаются как-то связать форт Сан-Фелипе. Мимо него им без потерь не пройти, Вик, — ответил из пустоты Грегори. — Даже если навалятся разом все вместе. Урок Дрейка научил испанцев предусмотрительности, и они с тех пор сильно укрепили форт. Говорят, что пушки теперь там дальнобойные. Говорят и, что перекрывают почти всю или даже всю ширину горловины бухты. Привирают об этом или нет — неизвестно. Наши подопечные об этом, конечно, знают. Какая-то стратегическая и тактическая хитрость им очень нужна. Думаю, она у них есть. Иначе и мысли не было бы сунуться в Картахену.

И снова воцарилась тишина, нарушаемая только стуком ложек и бульканьем наливаемого в стаканы утреннего вина.

К полудню третьего дня показались континентальные берега. Зелёный рай, окаймлённый полосой почти белого песка. Чуть дальше по нашему курсу равнина сменилась холмистым ландшафтом, а при подходе к Картахене появились береговые каменные гряды. Горловина бухты очень широка. Как-то сомнительно, что её всю можно перекрыть пушечным выстрелом с форта. Но форт Кастильо-Сан-Фелипе-де-Барахас на каменной гряде правого берега — это что-то. Огромная пирамида без вершины со скошенными стенами из тёсаных камней. Между зубцами хищно торчат стволы орудий. Несколько в сторону моря и десятка три, если не четыре в

сторону горловины входа в бухту. Над фортом испанский флаг. Мощная цитадель!

— Мне думается, — произнёс Грегори, разглядывая стены форта в бинокль, — подготовка нападения не могла обойтись без предварительного осмотра пиратами всего этого. Однако они сюда идут. Значит, план у них есть и план, как они считают неплохой.

— Согласен, — ответил сэр Виктор. — План, несомненно, есть. Посмотрим, насколько хорош.

С форта Сан-Фелипе холостым бухнула пушка — сигнал лечь в дрейф. "Морской ветер" мигом сбросил паруса. От берега оторвалась большая шлюпка и резво побежала к нам. Сбросили трап.

— Предупреждать будем? — спросил сэр Виктор.

— Неспортивно как-то. Так ответили бы древние греки. Да и испанцев я недолюбливаю, — покривился Грегори.

— Ладно, промолчим, — улыбнулся сэр Виктор, — а то изведут вопросами, почему судно, предназначенное для защиты от пиратов, встретив их, не тронуло злодеев.

На борт вскарабкались несколько вооружённых испанцев в замысловатых шлемах. Настороженно уставились на нас и выстроенную команду.

— Алонсо де Гонзаго — капитан портовой стражи, — представился один из них. — Вы должны знать, господа, что в порт Картахены вход неизвестным военным судам запрещён. Я не могу вас пропустить.

— Капитан Грегори Виккерс, — представился Грег. — Почему неизвестным? Флаг на мачте.

— Я вижу флаг, но также знаю, что у Венесуэлы нет военного флота.

— Хотите посмотреть судовые документы? Где вам удобнее это сделать? В капитанской каюте или вынести их на мостик?

— Лучше на мостике.

Грегори ушёл за бумагами, а мы с начальником стражи поднялись по трапу на мостик.

— Я смотрю порядок и дисциплина на корабле образцовые, — обращаясь к сэру Виктору, одобрительно произнёс Алонсо де Гонзаго. — Вы помощник капитана?

— Нет, я владелец судна.

Капитан стражи малость опешил.

— Частное военное судно? Занимаетесь каперством*?

— Нет, охраной торговых караванов.

Капитан стражи заметно успокоился и потеплел.

— Завидное судно.

— Полностью с вами согласен, синьор Алонсо.

На мостик понялся Грегори с бумагами подмышкой.

— Прошу вас, капитан Алонсо.

Тот полистал судовой журнал, список команды.

— Я вижу у вас в команде много испанцев и португальцев. Хотя судно и приписано к английскому порту.

— В большинстве — это спасённые в море. Решили остаться.

— Всё это не объясняет флаг Венесуэлы.

— Ах, капитан Алонсо, вот этот документ объясняет.

Начальник стражи долго читал свиток контракта с оттиснутыми и висячими печатями. Сложно добраться до сути витиевато написанного текста. Наконец, добрался, осторожно свернул свиток и вернул Грегори.

— Теперь всё понятно. Нет препятствий, чтобы вам войти в порт. Последние вопросы для внесения записи в мой журнал. Цель прибытия?

— Пополнение запасов.

— На какой срок?

— День-два.

— Тогда всё. Добро пожаловать в Картахену. Обычно мы не приветствуем англичан. Хотя войны между Англи-

ей и Испанией сейчас нет, политика терпимости Лондона к пиратам доставляет нам много хлопот. Вы какие-то не такие, странные англичане и притом ещё и под флагом Венесуэлы.

Капитан Алонсо покачал головой и стал спускаться с борта.

— Грег, и чем вам мог не понравиться капитан Алонсо? Вполне доброжелательный и обходительный испанец? Молчите? Ну-ну.

Гавань Картахены заставлена вдоль берега большими и малыми судами. Дальше от берега посвободнее и "Морской ветер" нашёл себе место между двух больших торговых судов став носом к выходу из бухты. Вся бухта как на ладони, а горловина входа просматривается полностью. Равно как и форт Сан-Фелипе. Виден и выход в Карибское море, и его голубая гладь. Хорошая позиция для наблюдения и внезапного нападения.

— Четвёртый час дня. Думаю, сегодня набега не будет, — уверенно заявил Грег. — До темноты пираты и подойти не успеют, а ночью не полезут. Видите под фортом у берега лодки, груженные всяким хламом? Это как раз на случай ночного боя. Лодки вытаскивают в горло и поджигают. Противник как на ладони, а форт не виден в темноте. Серьёзная оборона. Так что мы свободно можем высадиться на берег и погулять часок-другой до сумерек.

Мы так и сделали. Приятный городок. Сэр Виктор говорит, что словно уголок Валенсии. Чистенькие дома и улочки. Приветливые мужчины, пугливые женщины и церкви, церкви, церкви. И цветы, цветы, цветы в палисадничках, двориках, на балконах и окнах. Посидели в кабачке. Не том, который для матросов, а в том, который для местных жителей. Никто к нам не приставал и мы тоже никому покоя не нарушили. Выпили местного вина и вернулись на корабль вместе с матросами.

— Грег, — опять поддел нашего капитана сэр Виктор, — чем вам могли не понравиться местные испанцы? Вполне доброжелательный и тихий народ. Молчите? Ну-ну.

Ночь прошла спокойно. Тишину нарушали лишь отбиваемые на судах склянки. Зато позавтракать нам спокойно не пришлось. В дверь капитанской каюты просунулась голова боцмана Спири.

— Идут!

Побросав ложки-вилки, выскочили на палубу и вскарабкались на мостик. В самом деле, идут колонной прямо в горло. Только не шесть судов, а три. Где ещё три? Ветер благоприятный. Не попутный для быстрого прорыва, а боковой со стороны форта, очень удобный для манёвров под обстрелом.

Грохнули пушки форта, обращённые в сторону моря. Не попали. Пираты ещё не вошли в горловину. Не отвечают форту и правильно делают. Впереди против них орудия, направленные в сторону горловины бухты. Но что это? От каждого из пиратских судов отделяется по две шлюпки набитые людьми. Сидящие в них, гребут назад в море. Однако не совсем в море. Огибают гряду у входа в горло бухты и скрываются за ней прежде, чем в их сторону в форте успели нацелить пушки.

— Десант в тыл форта пошёл, — проговорил сэр Виктор. — Хорошенький сюрприз его защитникам.

Между тем, идущее впереди судно достигло линии стрельбы основных пушек форта, нацеленных в горло бухты. Залп правым бортом и сразу же судно покатилось влево. В форте опоздали. Их залп пришёлся уже в пустоту, подняв столбы воды. Второе судно оказалось у места выстрела прежде, чем в форте перезарядили пушки. Залп! и поворот влево. От камней стены брызнули осколки.

Между тем первое судно уже завершило полный раз-

ворот в обратную сторону, и теперь уже его левый борт окутался дымом. Видно, как ядра ударяются о стену или влетают на орудийную площадку. Третьему судну повезло меньше, чем первым двум. Залп с форта, если и не накрыл его, но, во всяком случае, немного достал. В парусах появились дыры. Но в корпусе видимых повреждений нет. И это судно свернуло влево сразу после своего залпа.

— Смотрите, Грег, что эти стервецы вытворяют! — восхищённо воскликнул сэр Виктор. — Ну и ну! Где такое видано? Я, конечно, понимаю, что удачный ветер и всё такое, но как здорово использована ситуация ветра от форта.

— Да, для парусного флота ситуация уникальная. Никогда и не мечтал увидеть такое. Наверное, они для нападения специально выбирали такое время, когда ветра устойчиво дуют именно так.

Зрелище и в самом деле просто небывалое. Каждое судно подходит к форту под боковым ветром, дующем в правый борт. Делает залп и резко поворачивает влево, схватив полный ветер, и на этом полном ветре совершает разворот в обратную сторону. Идёт назад уже под боковым ветром с левого борта и делает залп левым бортом. Дальше происходит просто невообразимое дело. Выйдя из сектора обстрела форта, судно мгновенно сбрасывает главные паруса и, положив руль на левый борт, начинает разворот против ветра по инерции. Иногда инерции хватает, чтобы развернуться на сто восемьдесят градусов и судно, опять расправив паруса и поймав боковой ветер справа, идёт на новую циркуляцию мимо форта.

Но иногда инерции не хватает для полного разворота. Встречный ветер останавливает судно. Паруса прилипают к реям, мачтам и судно пятится назад. Тогда руль перекладывается на правый борт и корабль, пятясь,

принимает положение, в котором уже можно подхватить боковой ветер. Образовалась непрерывная карусель, в которой три судна снуют взад-вперёд, как челноки и ведут пальбу по форту с обоих бортов. Такое надо видеть!

Со стороны форта, обращённой в сторону берега, слышится частая ружейная пальба. Защитникам форта приходится туго, но и пиратам не сладко. Пушки форта быстро пристрелялись к карусели и наносят пиратским посудинам заметный урон. Кроме того, на помощь форту подоспел из порта небольшой корвет на десять пушек с борта. Он занял позицию у внутренней оконечности форта и встречает стрельбой каждое пиратское судно, совершающее разворот. В момент разворота пиратам никуда не попасть. Да и не в этом дело. Пушки-то в этот момент пусты. Вот корвет и осыпает их мелкими ядрами совершенно безответно.

— Пиратский десант, похоже, сильно осложняет дело в форте, — и сэр Виктор указал своей подзорной трубой на два отряда стражи, бегущие к форту по берегу.

— Похоже, и жители покидают город, — откликнулся Грегори.

И в самом деле, на дороге, ведущей из города к горам много людей, повозок, навьюченных лошадей и ослов. Мы так засмотрелись на битву у входа в бухту, что не замечаем происходящего рядом. Вся команда "Морского ветра" столпилась на баке и наблюдает за боем. Кое-кто вскарабкался и на ванты. Купеческие корабли прочищают свои пушки, а у нашего борта с причалившей шлюпки кто-то требует сбросить трап. Сбрасывают. На мостик взбегает всё тот же капитан портовой стражи Алонсо.

— Видите, какая беда, господа, нас постигла? — обратился он к Грегори.

— Как не видеть, — отвечает Грегори.

— Очень удачно, что именно сегодня ваше судно за-

шло в Картахену. Городской алькальд просит о помощи. Какие ваши условия?

— Никаких. Положение не из лёгких, но форт отбивается вполне успешно. Пиратов не пропустят. Но если вдруг и возникнет угроза прорыва в бухту, то мы немедленно вмешаемся на вашей стороне и без всяких условий.

Капитан Алонсо на мгновение замер.

— Понятно. Нам достаточно вашего слова, капитан, — и испанец поспешил к борту.

А у форта продолжается круговерть.

— Сэр Виктор, — спрашиваю я, — а кто из пиратов там крутится?

Сэр Виктор опять берётся за подзорную трубу.

— Малышку Француза я распознал сразу, как только они вошли в горло. Он был впереди. Сейчас других опознать будет труднее. Испанские пушки кое-что изменили в их облике. Но ещё всё-таки можно. Вот это Синий Джек, а обратно сейчас идёт Верёвочный Гарри. Э-э, похоже, в сражении близок переломный момент.

Когда-то же он должен наступить этот переломный момент. Схватка идёт уже третий час. Огонь форта сильно ослаб. И пушек меньше участвует в стрельбе, и оставшиеся стреляют реже. Внизу — на воде почти та же картина. Развороты замедлились и парусами управляют с задержкой. Разломы бортов, а паруса все в дырах. Кое-где висят порванные снасти, но кружение и ослабленная стрельба продолжается. Однако уже понятно, что пушки форта берут верх. Если пиратам не будет подмоги, то их дело швах.

— Я всё понял! — воскликнул Грег. — Засада! Три судна у них в засаде. Три этих должны измотать противника и вынудить его расстрелять все боеприпасы, а потом вступят свежие силы, от которых уже спастись нечем.

— Похоже, что так, — согласился сэр Виктор. — Смотрите!

С судна Малышки Француза высоко в небо взвилась китайская ракета и расцвела в выси огромным, радужным цветком.

— Сейчас появятся свежие силы.

Свежие силы появились с задержкой минут на двадцать. Они спокойно и внушительно вывернули из-за южного мыса входа в бухту, и кильватерным строем вошли в горло между каруселью пиратских судов и противоположным от форта берегом.

— Чёрт, вот это манёвр! — воскликнул Грегори. — Испанцам крышка. В такой ситуации город им не спасти. Форт сильно ослаб, а дальнобойности пушек может оказаться недостаточно, чтобы дотянуться до свежих сил противника. Вон они как жмутся к самому противоположному берегу. Видимо заранее промерили глубины. Да, в общем-то, дело и не в этом. Форт не может убрать огонь с карусели. Как только он это сделает, то карусель остановится и пираты поведут огонь с неподвижных судов, что резко повысит точность и кучность стрельбы. Форт падёт.

— Стало быть, — оживился сэр Виктор, — подошла и наша очередь. Первым идёт Кривая Борода. За ним Прохвост и замыкает Рыжий Сэм.

— Согласен. Подошла и наша очередь, — эхом ответил Грегори. — Поднять якорь! Поднять фок и фок-марсель-нижний! Поднять грот и грот-марсель-нижний!

"Морской ветер", медленно разгоняясь, двинулся с места. В отличие от пиратов нам ветер очень невыгодный, медленный, но к месту столкновения с приближающейся колонной должны успеть. Руль переложили слегка направо и корабль двинулся быстрее. Чуть не задели стоящего справа купца. Плавная дуга и мы выходим поперёк курса приближающейся как ни в чём ни бы-

вало колонны из трёх пиратских судов. Они ещё далеко даже для нас. Наверняка увидели неожиданного противника впереди, но хода не снижают. Неужели красный цвет бортов "Морского ветра" никому, ничего там не говорит? Впрочем, может и не говорить. Кто же ожидает таинственного, смертоносного одиночку в забитой кораблями испанской торговой гавани, где судов с красными бортами не один и не два.

Паруса сброшены и "Морской ветер" замер неподвижно. В подзорную трубу видно, как у Кривой Бороды готовят носовую пушку. Однако Грегори говорит, что будет манёвр, который называется "Цветочек". Это когда идущие впереди колонны два корабля, оказавшись на дистанции выстрела, резко расходятся в разные стороны. Противник перед ними оказывается поставленным под огонь с двух бортов. Однако для Кривой Бороды дистанция ещё далековата, а для Грегори в самый раз.

— Ядра, беглый огонь — пли!

Минутный рёв двадцати скорострельных орудий и мгновенно наступившая тишина. Впрочем, какая к чёрту тишина! Затихло только рядом с нами, а чуть дальше всё также грохочут орудия форта и пиратской карусели. Корабль Кривой Бороды словно наткнулся на что-то. Обшивки корпуса на правой скуле носа словно и не было. В огромную пробоину, сметая переборки, хлынула волна усиленная встречным движением судна. Нос зарылся в воду и врезался в дно. Мачты под нажимом парусов заскрипели так, что донеслось и до нас. Корабль сел на днище. А тут, оказывается, совсем неглубоко.

Прохвост успел среагировать. Вывернул руль в сторону форта, чтобы не врезаться в идущего впереди и показался из-за корпуса судна Кривой Бороды.

— Ядра, беглый огонь — пли!

Нам видна только носовая половина корпуса посудины Прохвоста. Некоторые ядра второго залпа достались

стоящему спереди Кривой Бороде. Но и того, что попало в Прохвоста хватило с лихвой. Килевая балка в носовой части треснула и разошлась. Фок-мачта рухнула, обрывая снасти, вперёд и довершила разрушение. Также, как и первый корабль, посудина Прохвоста зарылась носом в воду и села на дно. Что-то похожее на это мне пришлось наблюдать не так уж давно около острова Шарлотты.

Видно как Рыжий Сэм, пытаясь развернуться, встал против ветра. Его понесло кормой вперёд на мели. Однако он вовремя успел спустить паруса, потом шлюпки и развернул нос корабля к выходу из бухты. Спущенные Кривой Бородой и Прохвостом лодки ринулись к нему и были подобраны. После чего Рыжий Сэм пошёл на выход на всех парусах.

— Вот вроде и всё, — философски промолвил сэр Виктор. — Перед фортом, похоже, тоже заканчивается.

Да, заканчивается. Синий Джек всё-таки получил перед разворотом удачный залп пушек форта в борт. Сидит на дне боком к нам. Вторая палуба под водой и не видно, где пролом. Корветик сорвался с места и бросился на абордаж. Стало быть, пленные будут и работа местным палачам тоже.

Малышка Француз и Верёвочный Гарри, узрев масштабы разгрома вокруг, быстро развернулись и под рваными парусами выскочили из горла в море. Но не ушли.

— Ждут, что хотя бы кто-то из десанта вернётся, — догадался Грег. — Поднять паруса!

И мы двинулись к выходу из бухты. Француз и Гарри, увидев это, мигом натянули остатки парусов и поспешили к горизонту. Гнаться за ними не стали, а развернулись и поплыли к своему месту в бухте между купцами. Проходя мимо посудины Кривой Бороды поняли, что там кто-то ещё есть. Несколько пиратов пытаются забить дыры в повреждённой шлюпке. На нас и внимания не

обратили.

— А? — окликнул Грег сэра Виктора.

— Плевать. Успеют уйти, то их счастье. А если не успеют…

Наш прерванный завтрак автоматически перешёл в продолжившийся обед.

— Что сделают с теми, кого захватят испанцы? — поинтересовался я.

— Что-что, повесят, конечно же, — просветил меня сэр Виктор, кусая булочку. — Раньше четвертовали, а теперь вот перешли к более цивилизованным способам лишения жизни.

Вот, пожалуйста, и обед нам закончить не дали. В третий раз за день появился капитан Алонсо. Нарисовался в дверях каюты и с очень торжественным видом объявил:

— От имени его величества короля Испании и всех жителей Картахены приношу вам глубокую благодарность за неоценимую помощь в защите города. Начальник порта и алькальд хотели бы с вами встретиться, чтобы самим выразить свою признательность. Все просто поражены, как вы разделались со злодеями.

— Поблагодарите, дон Алонсо, алькальда и начальника порта за их внимание к нам, но мы не любители торжественных приёмов. Мы останемся на судне готовиться к отплытию. Нужно ещё пополнить припасы.

— Насчёт припасов, пороха и прочего можете не беспокоиться. Наши склады будут открыты для вас, и платить ни за что не нужно.

— Вот за это мы вам благодарны, — ответствовал сэр Виктор. — Что-нибудь ещё, дон Алонсо?

— Да. Тогда я передам вам то, что хотел предложить алькальд при встрече. Он предложил бы вам поступить на службу испанской короне. Как вам такое предложение?

— Но мы уже наняты на службу, и своего слова нарушить не можем.

— Почему-то я и ожидал такого ответа. Не знаю, почему. Тогда мне остаётся только откланяться. Посмотреть ваши чудесные пушки вы, конечно же, не разрешите.

— Не разрешим.

— Понимаю.

Мы проводили капитана Алонсо до трапа и стоим, смотрим, как его шлюпка пробирается между стоящими судами.

— Вот, Грег, какая блестящая возможность появилась у вас, чтобы выразить свою неприязнь к испанцам, — засмеялся сэр Виктор. — Нанесите их складам как можно больший ущерб.

— И нанесу! Моя совесть и не пикнет. Спири!

— Да, сэр!

— Возьмите две шлюпки и хорошенько пограбьте испанские склады. Сегодня в них для нас всё даром.

— Понял сэр. Уж мы постараемся!

И Спири в самом деле постарался. Наверное, старался часа два или три. Поскольку шлюпки подошли от берега набитые всякой всячиной доверху, едва не черпая воду. Спири упёр у испанцев кроме богатой и свежей провизии, пороха, вина ещё и несколько бухт канатов, отличный плотницкий инструмент для ремонта судов. В общем, много всякой всячины и даже шикарный серебряный канделябр для капитанской каюты.

— Суда не будет. Всех, кого испанцы захватили, повесят на главной площади через час, — сообщил он.

— И многих захватили?

— Человек тридцать. Поговаривают, что было бы больше. Но те, кто уцелел из десанта, увидев, что их бросили, ушли в горы. За ними послали погоню. Вряд ли они далеко уйдут. Собаки у здешней стражи — просто

страшенные.

К вечеру мы снялись с якоря и двинулись домой. Форт Кастильо-Сан-Фелипе-де-Барахас проводил "Морской ветер" двадцатью выстрелами салюта. Или двадцатью одним? Не считал. Стоя на мостике, капитан Грегори выпятил грудь от гордости. Что выглядело совсем не смешно, а внушительно и вполне уместно. Похоже, что он и не ожидал такой дани уважения от презренных испанцев. Иначе обрядился бы во что-нибудь парадное.

*

Макс и Питер с яхтой ждали нас на острове. По заблаговременному распоряжению сэра Виктора, прихватили с собой и мешки с последней добычей от кабаков. Так что, оставив "Морской ветер" мы с сэром Виктором начали продираться сквозь кусты и скалы к его тайнику.

— Похоже, рука Господня не оскудевает к старательным, — заметил я, обозревая пещерные сокровища. — Несмотря на наши довольно крупные издержки, не видно, чтобы ваши ценные запасы, сэр, не то, чтобы подходили к концу, а и, вообще, сколько-нибудь зримо уменьшились.

— Год на редкость урожайный, — вздохнул владелец кладовочки.

— Нелёгкое бремя досталось вам, сэр Виктор, судя по вашему вздоху.

— Ещё бы. Мы подрезали доходы от моих чуть ли не самых активных поставщиков.

— Экономический кризис в вашем промысле не наступит?

— Не-а, до кризиса ещё далеко. Хвала Лондону и его политике на архипелаге! Ладно, пойдём.

В "Раке" уже прослышали о разгроме при Картахене, но подробностей ещё нет. Пираты доплелись до Румпеля и Тринидада только сегодня. На сутки позже нас. Пришлось рассказывать Люку всё с начала и до конца.

Он просто извертелся на стуле при этом от переживаний и зависти.

— Эх, жаль, меня там не было! Хоть одним глазком взглянуть бы на это. Надо трахнуть чего-нибудь по случаю победы!

Анабель принесла вина, и мы трахнули по бокалу за Бразильский поход. А наша аристократка поинтересовалась, не собирается ли её муж заглянуть домой.

— Собирается, собирается, — обнадёжил её сэр Виктор. — Завтра или послезавтра непременно будет.

Отплыли с сэром Виктором на Компас. В "Альбатросе" чуть ли не траур. Все пираты в унынии и прострации сопереживания. Хотя некоторые в оживлении от мысли, как здорово получилось, что они в Бразильском походе не участвовали. Кто-то, наверняка и злорадствует. Мол, как это так можно заблудиться, чтобы вместо Бразилии напороться на Картахену. Видно судоводители такие. Но это от зависти. Идея-то была богатая. У всякого свой интерес и отношение. Вот равнодушных нет. Густой гул голосов, обсуждающих новость, а пьяных против обыкновения нет.

Открыв дверь в конторку Роба, услышали обрывок фразы:

— …и все верёвки на мачтах ни к чёрту не годные.

Всё понятно. У Роба сидит Верёвочный Гарри.

— Здравствуйте, сэр Виктор.

— Здравствуй Гарри. Давненько тебя не встречал. С чем пожаловал? Ты же вроде уходил надолго в Бразилию и, вдруг, на тебе!

— Просит помощи в ремонте судна, — опередил пирата Роб.

— Отстал от своих? Так штормов вроде и не было. Где это тебя так потрепало, что ремонт требуется.

— Это их испанцы потрепали в Картахене.

— Понятно. Бразилия была для прикрытия. Так?

Верёвочный Гарри угрюмо кивнул.

— А Кривая Борода и Малышка Француз тогда где?

— Малышка здесь, а Кривая Борода остался там. И Синий Джек тоже. Не повезло.

— Сочувствую. О Картахену многие поломали зубы. Что делать, — поможем. Роб, отпусти ему всё, что потребуется. За Гарри не пропадёт.

— Интересно было бы посмотреть своими глазами, что там произошло, — мечтательно произнёс Роб, когда за Гарри закрылась дверь. — От них самих мы правду вряд ли услышим.

— Не сразу и от многих разное услышим. Вот картина и выстроится.

— А почему Гарри зовут Верёвочным? — поинтересовался я.

— Он попал к пиратам маленьким мальчишкой и снасти звал верёвками, как верёвки дома. За что ему и влетало по первое число. А он за побои от упрямства и злости тянул своё — верёвки и всё тут! Так и осталось навсегда. Роб, ты все разговоры про Картахену запоминай. Нам тоже интересно, что там было. Мы, собственно, на минутку к тебе и заглянули, чтобы об этом предупредить.

— А если и другие потребуют помощи? — спросил Роб.

— Сам знаешь, отказать мы не можем. Иначе всех поставщиков растеряем. Не страшно, если месяц окажется убыточным.

На Пинту мы не пошли. Вернулись домой. Вечерок спокойный, ветерок на террасе приятный, утреннее вино прохладное. Чем не рай?

— Да-а, Карибский рай, — словно угадав мои мысли протянул сэр Виктор. — Только не отдохнёшь в этом раю. Сплошное беспокойство.

— Вы же сами его таким задумали.

— Задумал. Значит, для меня беспокойство — это как раз и отдых.

— А Жанна? Ведь вам в Верне будет долго не усидеть.

— Жанна…, — вздохнул сэр Виктор. — Пожалуй, не усидеть. Но она ведь это понимает.

— Понимает. Конечно, понимает.

— Придётся как-то выкручиваться. Послушай-ка, Серж. Я заметил, что с Анной Петровной вы почему-то уже на "ты". Такого и мне не позволено.

— Есть грех. Родство душ, понимаете ли. Оно правил этикета не приемлет.

— Не находишь, что у нас всех пятерых какое-то такое родство душ.

— Намёк понял, Вик.

— Ну, что, возвращаемся в Питер?

*

Как нарисовались в Питере, Капитан сразу принялся звонить Аркадию Семёновичу в комиссионку. Выслушал короткий отчёт и замурлыкал себе что-то под нос. Видимо новости услышал благоприятные. Позвонил Григорию Павловичу и договорился о встрече у них в агентстве. Я же спустился во двор. Пыль, грохот, крики строителей. В общем — полный бедлам. На лавочке у стены сидит Ахмед и безучастно смотрит на этот кавардак. Присоединяюсь к нему.

— Вот и мести бесполезно, — сетует он. — С утра вымел дорожку к нашей конторе и уже всё заляпали грязью. Клиенты пугаются проходить к Стелле.

— Придётся потерпеть ещё недельку-другую. Быстро дело идёт. Вот уже в верхних этажах отделку начинают. Хотя, что это я несу! Ведь сразу начнется одновременный ремонт и левого флигеля, и главного здания. Так что неделькаами нам не отделаться.

— Я вчера лазал наверх. Крышу шикарную сделали.

А на чердаке, Стелла говорит, будет детский рай.

— Не только детский. И для взрослых будет спортзал.

— Только вот я не пойму одну вещь. Контора нашего "Электрона" будет в правом флигеле. В него можно попасть только через двор. Посторонний народ так и будет здесь топтаться? Ведь двор-то мы будем благоустраивать только для себя. Не хотелось бы здесь чужих.

— А разве Александр тебе ничего о планах не рассказывал? Нет? А сам ты спросить не догадался, конечно. Если его трудно увидеть, то зашёл бы к Стелле. Она в курсе всего. Я и не подозревал о твоей неосведомлённости. А дело простое. Александр уже выкупил в соседнем доме две квартиры первого этажа. Одна примыкает к твоей каморке и выходит на улицу. Вместо этой квартиры будет вход с улицы в "Электрон". Двери флигеля в наш двор заложим. Так что никаких чужих здесь не будет.

— А вторая квартира для чего?

— Вторая в самом конце соседнего двора и примыкает к нашему флигелю. А в том дворе выходит к площадке для мусора. Через неё будем выносить мусор и из нашего дома, и из "Электрона". Так что к нам во двор мусоровозы заезжать не будут.

— Неглупо затеяно. Чего делаешь-то?

— Ничего.

— И я скоро совсем ничего делать не буду. Дом-то мы выкупили, а договора с жилконторой на обслуживание не заключили. Обслуживать пока нечего при такой перестройке. Они не обязаны тут дворника держать. Увольнять меня собираются. Может, по тортику вдарим?

— Ничего, ремонт кончится, и ты сам себя наймёшь. Бляху тебе шикарную сделаем с номером дома и усыпанную мелкими брильянтами. Фартук опять же чистого шёлка, картуз с кокардой на голову, серебряный свисток

и всегда новая метла с золочёной рукояткой. Только вот бороду бы тебе поокладистей и строгость во взгляде. Будет классический новорусский дворник. Заваривай чай, а я в магазин сбегаю.

Сбегал. Когда Ахмед впускал меня в каморку, сзади раздался голос Александра.

— Ага, неужели вы способны всё это сожрать вдвоём? Не лопните?

— Хочешь приобщиться?

— Ещё бы!

— Заползай!

Чайник исходит паром. Чудодейственный напиток заварен. Тортик нарезан. Обстановка располагает для приличной беседы.

— А вокруг нашего дома уже который день вертится какой-то непонятный и подозрительный перец, — огорошил нас Александр.

Ахмед даже поперхнулся.

— Что значит "непонятный" и в чём подозрительный? Я что-то не замечал никого такого.

— Не буквально вокруг дома, а фигурально. Что-то вынюхивает. То, что "Электрон" занимается расселением, знают все. Сначала этот тип попал на Стеллу и пытался узнать нельзя ли приобрести в доме квартиру повместительней. На его визитке только имя и фамилия. Больше ничего. Потом добрался и до меня с предложением перекупить весь дом.

— За сколько?

— За полтора миллиона. Я его вежливо послал. На пару дней он исчез, а вчера опять появился и спрашивал меня. Не застал и полдня толкался в конторе, ожидая. Не дождался. Я даже опасаюсь туда сейчас идти. Вдруг опять ждёт.

— И в самом деле, странная история. Обосноваться здесь многие желали бы. Заходили такие не раз по ва-

шим же со Стеллой словам, но узнав, что всё занято, больше не появлялись. А этому в голову взбрело само место выкупить. Не нравится мне это и особенно упорство, с каким он своего добивается. Вон выкупал бы двадцать восьмой дом. Он не хуже нашего и ещё не расселённый. Втрое дешевле обошлось бы. И гнать его в три шеи нельзя. Неизвестно, что за люди и ресурсы за этим стоят. Взять и бросить на прихоть полтора миллиона долларов не каждый может.

— Вот чайку попьём, и вы с Ахмедом пойдёте со мной. Если этот деятель тут, то посмотрите и послушаете. Вряд ли он стал бы меня искать, не имея какого-нибудь нового предложения.

— Ладно, уговорил.

Не спеша допили чай. Подождали пока Ахмед дочиста выскребет картонку и спустились в "Электрон".

— Вон он в приёмной сидит, — шепнул Александр.

Человек, как человек в строгом сером костюме лет сорока. Чуть выше среднего роста с непримечательными чертами лица. В руках слегка потрёпанный портфель крокодиловой кожи.

— Я вас жду, Александр, — сообщил он, вставая. — Вчера не застал, а разговор хочу продолжить.

Интересно. По-русски говорит чисто, но немного медленно, словно старательно подбирает слова. Иностранец?

— Познакомьтесь, это мои коллеги и сособственники дома Ахмед и Сергей.

— Сособственники? — озадаченно повторил сорокалетний перец. — И дворник?

— И дворник.

— Очень приятно познакомиться — Станислав, — всё ещё озадаченно и с ударением на "и" своего имени пожимает нам руки странный посетитель.

— Проходите, Станислав, — распахивая дверь к се-

бе, приглашает Александр. — Располагайтесь. Правда, не знаю, о чём нам с вами говорить. Я вот донёс до Ахмеда и Сергея ваше предложение. Реакция та же, что и моя. Но вот у Сергея к вам вроде бы есть некоторые вопросы.

— Какие?

— Хотя бы странность вашего намерения, — вступил я в разговор. — Рядом есть дома не хуже и обошлись бы вам много дешевле, но вы хотите именно этот. Не странно ли? А есть и вторая странность. Между вашими предложениями вы куда-то исчезаете на пару дней. Для обдумывания или получения от кого-то указаний?

Чувствуется, что ни на тот, ни на другой вопрос визитёру отвечать не хочется. Не ожидал такого оборота. Повисает минутное молчание.

— Вы предлагаете сделку, — вновь заговорил я. — Допустим, что мотивы вашего предложения — ваше или чьё-то ещё дело и можете о них умолчать. Но вот, что собою представляет ваша сторона в сделке, нам знать необходимо. Без этого не может быть не только каких-то переговоров, но и, вообще, каких-то разговоров при таких оглашённых суммах.

— Наверное, вы в чём-то и правы, Сергей. Но я могу донести до вас только новое предложение. Остальное — это вопрос конфиденциальности, которой я связан. Вернее, связана фирма, служащим которой я являюсь.

— Если и название вашей фирмы тайна, и нет никакого подтверждения вашей принадлежности к этой фирме, то воздержитесь от оглашения вашего нового предложения. Мы в тайны мадридского двора играть не намерены.

Видно, что визитёр колеблется. Неприятно, когда тебя прижимают к стенке. Однако решается. Деваться-то на данный момент некуда. Наше требование и резонное, и законное.

— Я служу в юридической конторе "Бюргер", которая находится в Кёльне. Вот моя служебная визитка. А новое предложение нашего клиента пять миллионов долларов за этот дом. И ремонт на время переговоров нужно приостановить, как не имеющий смысла. Наш клиент будет всё здесь делать по своему вкусу.

Станислав пробегает глазами по нашим лицам и не находит удивления или интереса. Это его заметно обескураживает.

— Предмета для переговоров пока нет, — отвечает Александр. — Поскольку нет согласия всех собственников приступать к каким-либо переговорам. Вам ведь говорили, что дом не продаётся. И это на сегодняшний день единственный предмет, имеющий вес. Я доведу ваше предложение до всех, но на это потребуется не меньше недели. Не все собственники сейчас в городе. Если получится раньше, то мы вам сообщим. А ремонт пока что продолжится. Вы где остановились?

— Отель "Астория" номер 306. Вот телефон коммутатора.

Говорить вроде больше и не о чем. Станислав попрощался и вышел.

— Ты правильно сообразил, что нужно оттянуть время. Дай-ка визитку, Саша, — попросил я и взялся за телефонную трубку. — Григорий Павлович? Да-да, я. Ничего не жалуются пока. По делу. Нет, не порт. Нужно выяснить, что за странная птица вьётся тут вокруг нашего дома. Записывайте. Станислав Кляйн. Адвокат юридической конторы "Бюргер" из Кёльна. Остановился в "Астории" номер триста шесть. Да, кто-что с кем-чем и зачем. Нет, это будет совсем другой договор. Потом сделаем, а начать нужно прямо сейчас.

Я положил трубку и сразу снял снова.

— Подожди, Саша, ещё один звонок. Анна Петровна, здравствуй. Да, спасибо. Я зайду через минутку? К со-

жалению. Нет. Новости не очень приятные. Надо поговорить. Да, кладу трубку. Саша, визитку я заберу.

— Ну, ты даёшь! С каких это пор ты в родственных отношениях с Анной Петровной, чтобы так с ней говорить?

— С недавних. Об этом как-нибудь потом. Ладно? Похоже, около нас что-то непонятное и в самом деле назревает. Потом, потом! — и я вылетел из нашей конторы.

Анна Петровна в домашнем халате занималась какой-то стряпнёй и провела меня на кухню, чтобы не выпускать из вида кипящие кастрюльки.

— Что случилось, Серёжа. Ты меня просто напугал.

— Да какая-то немецкая юридическая контора из Кёльна вдруг ни с того, ни с сего заинтересовалась нашим Домом. И при этом очень настойчиво. Вот визитка.

Анна Петровна осторожно, двумя пальчиками взяла картонку.

— Стандартная, немецкая корпоративная визитка. Что ты хочешь? Я эту фирму не знаю, и не слышала о ней никогда.

— Это понятно, но, может быть, твои коллеги, знакомые, родственники в Германии согласились бы навести справки? Интересно есть ли такая контора на самом деле, чем занимается официально и что о ней можно услышать? Какие-нибудь отзывы, слухи. Что за дела у неё в России и всё такое прочее?

— Можно попросить. Слава Богу, связь с Европой теперь не проблема. Посмотри за моими кастрюльками, а я позвоню в Берлин.

Кастрюльки ведут себя нагло и подло. Так и норовят что-то выплеснуть на плиту. А чуть подвернёшь огонёк, то перестают кипеть. Хорошо, что Анна Петровна отсутствовала недолго.

— Завтра постараются что-нибудь разузнать и скинут мне на факс в издательство. Ну, и позвонят, конечно. Что тебя так сильно обеспокоило?

— Несоразмерное предложение. Сначала предлагали нам за уступку Дома полтора миллиона и после отказа два дня назад, сегодня предложили пять.

— Пять? Это, действительно, очень странно и тревожно. Впятеро больше действительной стоимости Дома. Пожалуй, мы вовремя успели его выкупить, а кто-то, напротив, прошляпил. Только вот кто и зачем?

— Я попросил Григория Павловича последить за этим Кляйном. Вот получим какие-нибудь сведения от него и от тебя, и нужно будет собраться, обсудить, что это за напасть нам угрожает. Пока не поймём, что происходит, не уходи, пожалуйста, никуда.

— Разумеется.

К Капитану я завалился без звонка сразу после Анны Петровны. Это его малость удивило.

— Случилось чего?

— Да, как сказать. Назревает. Кто-то упорно пытается купить наш Дом любой ценой. Вот заглянул попросить тебя не уходить никуда, пока мы не разберёмся в ситуации.

— Понятно, а поподробнее можешь?

— Поподробнее будет завтра или послезавтра, когда Анна Петровна и Григорий Павлович информации нам подсоберут.

После Капитана спустился опять в "Электрон". Александр и Ахмед сидят и ждут меня.

— До завтра-послезавтра ничего не делаем и уповаем на то, что пронесёт мимо. Надо же, какая напасть на нас свалилась вдруг.

— Меня беспокоит, что этот деятель потребовал остановить ремонт, — подал голос Ахмед.

— И что из этого? — небрежно взмахнул рукой Алек-

сандр. — Может, неизвестный покупатель и в самом деле намерен всё по-своему переделать.

— Может, и ничего, а, может, Ахмед и не зря беспокоится. Вдруг кто-то опасается, что ремонт вскроет то, что желалось бы скрыть от чужих глаз.

Александр просто ахнул.

— Кто-то пронюхал про машину? Тогда понятен и агент-адвокат с миллионами.

— Вот именно. От того, кто за этим стоит, зависит, начнётся ли охота лично за каждым из нас или нет. Дом же мы ведь никому добровольно не отдадим, ни за какие миллионы.

— Ну и каша заваривается.

— Саша, заново просмотри с адвокатом все документы по расселению. Вдруг кому-то придёт в голову мысль опорочить сделки и таким образом внедриться в собственники Дома. Если кому-то хочется получить доступ к машине, то ему не обязательно владеть всем Домом. Достаточно на законных основаниях просто оказаться внутри его. Намерений относительно машины мы не знаем и поэтому никого допускать к ней нельзя. Также нельзя исключать и возможности попыток испортить машину от злости, если кому-то не удастся воспользоваться её свойствами. А я ещё раз позвоню Григорию Павловичу и попрошу наладить охрану от проникновения посторонних в главное здание, включая подвал.

*

Через день мы всем составом сидели за столом у Анны Петровны в столовой, которая заменяет ей и кабинет. В уголке вполне гармонично притулился секретер.

— Какие вести из неметчины, — спросил Капитан.

— Не очень обнадёживающие и очень беспокоящие, — ответила Анна Петровна, перелистывая какие-то бумаги. — Вчера вечером звонили мои берлинские друзья, а перед этим — днём они же передали по факсу вот эти

копии некоторых газетных материалов, которые могут нас заинтересовать.

Юридическая контора "Бюргер", оказывается, довольно известная и далеко за пределами Кёльна фирма. Занимается и адвокатурой, и нотариатом, как в Германии, так и за её границами. Известность ей придают чуть ли не регулярные скандалы, в которые фирма оказывается замешанной. Вот тут газетные вырезки, иллюстрирующие её путь за много лет, включая довоенные. Вот громкий скандал о подлоге завещания судостроительного магната Ганса Фриша. Это ещё при Гитлере. А вот дело о спекуляции военным имуществом сразу после войны. Ближе к нам ещё какая-то панама с недвижимостью во Франкфурте. Как я понимаю, скандалов было много, но фирме каждый раз удавалось свалить всё на клиента и выйти сухой из воды.

— Ничего себе законники! — не удержался Александр.

— Уж такие есть, — продолжила Анна Петровна. — В общем, мои друзья утверждают, что если затеять какую-либо аферу даже с двадцатипроцентной вероятностью успеха, то вам прямой путь за поддержкой в "Бюргер". Но фирма заберёт себе половину полученного. Как это уживается с совершенно законными делами "Бюргера", то этому сами немцы удивляются. Во всяком случае, фирма процветает. После развала СССР "Бюргер" мгновенно продвинулся на Восток с мутной водичкой реституции.

— Водичкой чего? — не понял Капитан.

— Реституции — возврата отчуждённой когда-то собственности бывшим владельцам. И почти сразу вляпался в крупный скандал в Эстонии. В Таллинне всплыли фальшивые бумаги о липовых наследниках рода, претендующих на права владения несколькими домами в центре города. Кто проталкивал этих наследников вам

понятно.

— Мне вот непонятно, на что может рассчитывать этот "Бюргер" в нашем случае, — заметил Ахмед. — В России вроде как нет закона о реституции. Чёрт, чёрт! Неужели…

— Вот именно, Ахмед. Закона нет, а бывших собственников и их наследников может быть сколько угодно. Куда они обратятся в первую очередь со своими призрачными надеждами? Конечно же, в фирму, которая специализируется на таких делах. Обратятся хотя бы просто ради консультации и начнут уже с помощью этой фирмы продвигать свои интересы, может быть, совсем и не наследственным путём.

— А мы-то год назад недоумевали, что не обнаруживается притязаний на машину Швейцера, — вздохнул Капитан. — Вот они.

— Да, если это именно они, — возразил Александр. — Хотя и, в самом деле, пытаться заплатить за Дом цену, которой он не стоит, будут лишь в одном случае. Если дело не в самом Доме, а в том, что находится в Доме. А осведомлённость о небывалой ценности в особняке может вытекать только из бумаг Швейцера. Потому мы их в Гешвиге и не нашли. Они в Кёльне или ещё где-то в Германии и кто-то их прочёл. Но вот наследники ли прочли? Дрянная ситуация! Сплошные вопросы и никаких ответов.

— Может быть, ответы попытаться поискать не в правах и методах достижения цели, а в том, зачем кому-то машина Швейцера нужна настолько, что он готов выложить за доступ к ней несметные суммы? — предложил я.

— Резонная постановка вопроса, — отметил Капитан. — И первым ответом напрашивается обогащение. Пять миллионов затрат предполагают, как минимум, их возмещение.

— Но корысть в чистом виде машина ведь не пропус-

кает. Сребролюбец не станет избранным.

— А если Швейцер в своих бумагах об этом умолчал?

— Тогда нам будет худо. Корыстный тип никогда не поверит, что препятствие к богатству в нём самом и может натворить, такое, что страшно и подумать. Зачем ещё может потребоваться машина?

— Спрятаться, — высказал я предположение.

— Да, спрятаться от кого и чего угодно можно легко и при этом с великим комфортом, — согласился Капитан. Тогда ищущий убежища очень богат. Чьи-то прятки за свой счёт фирма "Бюргер" поддерживать не станет. Да и сейчас в ход идут, пожалуй, вовсе не её деньги. Тайну машины Швейцера "Бюргеру" никто раскрывать не станет. А без этого фирма своих денег не выложит. Что ещё может быть?

— Вроде больше и ничего на ум не приходит, — высказался Ахмед. — Только если доступ к машине ищет чудак вроде нас и ради мечты готов выложить такие деньжищи. Правда, в нашем мире мечтатели и романтики такими деньжищами не обладают. И мы опять возвращаемся к корыстной личности. Вот если деньги достались по случайному наследству, то гармония в личности ещё может сохраниться.

— Давайте подобьём итог нашей болтовне, — предложила Анна Петровна. — Наш противник богат в любом случае. Мотивом может быть корысть, страх перед преследованием или чудачество. Что ещё, Сергей?

— Непонятно наследник он или случайный человек. Если он наследник и без порочных намерений, наклонностей мы вроде бы и не вправе препятствовать его доступу к мечте. Если же нет, то мы никогда не подпустим порочного типа к машине. Но тогда нужно понимать, что может начаться тотальная война на истребление. И не значит, что победителями окажемся мы. Неизвестно, что за напасть сейчас к нам нагрянула. Но крайняя мера всё

равно останется за нами. Откроем в подземном зале дверь в наш родной мир не через Дом, а питерскую часть машины выведем из строя. Никакого нового мира никому уже будет не создать, но уже существующие останутся в натуре и будут доступны.

Наступило гробовое молчание.

— Ну? — через минуту бросил вопрос Капитан.

Все повернулись к Анне Петровне.

— Я считаю, — без колебаний сказала она, — что мечту нужно защищать.

Шумный всеобщий вздох облегчения и решимости.

— Всё, если что, то в средствах не стесняемся, — подвёл черту Капитан.

— Серёжа, — напомнила Анна Петровна, — а ты так и не сказал, обнаружил что-нибудь Григорий Павлович или нет.

— Обнаружил, но ничего интересного для нас тут нет. Этот Кляйн не очень активен, если судить по встречам и перемещениям, а его телефонные разговоры, понятное дело, недоступны. Бродит по городу, как все иностранцы. Местных связей не замечено. Встречается в гостинице с соотечественниками и всё. Фрау Маргарет Борн с дочерью Урсулой сняли номер, как и Кляйн на третьем этаже, герр Макс Грюнбаум с четвёртого этажа, герр Фридрих Штольц тоже с третьего. Вот и весь круг его контактов. Иногда встречаются за столом в ресторане. Правда, Грюнбаум в ресторан не ходит и столуется у себя в номере люкс. Горничная говорит, что иногда все, включая даму, по вечерам собираются у Штольца перекинуться в картишки. Вот и всё, что удалось добыть Григорию Павловичу.

— Грюнбаум, Грюнбаум, — пробормотала про себя Анна Петровна. Не очень распространённая в Германии фамилия. Да и очень редкой тоже не назовёшь. Где-то она мне уже встречалась и не так уж давно, но точно не

в издательстве.

Анна Петровна встала, подошла к секретеру и зашуршала бумагами. Что-то нашла, вернулась за стол и начала внимательно разглядывать большой лист с какой-то схемой.

— Это когда я в прошлом году занималась жизнью и деятельностью Генриха Швейцера, то мне прислали родословное древо Швейцеров вплоть до сегодняшнего дня. Вот, пожалуйста, — ткнула она пальцем в схему. Грюнбаум — это фамилия по мужу сестры отца братьев Швейцеров. Довольно близкое родство. Не то, что у меня. Вот мой квадратик на самых задворках древа. А вот и сегодняшние потомки по ветви Грюнбаумов — Гертруда и Максимилиан. В просторечии — Макс. Максу сейчас тридцать восемь лет. А Грюнбауму из "Астории" сколько, Сергей?

— Сейчас узнаем, — пообещал я, хватаясь за телефонную трубку. — Григорий Павлович? Ага. Вам тоже. Скажите, пожалуйста, сколько лет может быть Грюнбауму из "Астории"? Хорошо, жду. А? Понятно. Наблюдение? Пожалуй, стоит. Да. Всего доброго. Ну, что, друзья, Грюнбауму из "Астории" лет тридцать пять-сорок. Наследник? Оказывается, что приехал в Питер не один. С ним двое то ли слуг, то ли охранников.

— Попробую-ка и я чего-нибудь узнать о нём у составителя этой схемы, — и Анна Петровна принялась вертеть телефонный диск.

Разговор был довольно долгим и непонятным. Хотя вру. "Гутен таг" я вполне понял.

— Стало быть, так, — выложила нам Анна Петровна, бросив трубку, — мой собеседник с Максом лично не встречался, но кое-какие сведения у него есть. Макс довольно тёмная личность, как и его покойный отец, от которого он унаследовал свой бизнес. Бизнес мелкий, но доходы от него странно большие. Если судить по той

роскоши, в которой Макс живёт и той собственности, которой обладает. Несколько лет назад Макс отсидел в тюрьме два года из пяти. За какую-то аферу с недвижимостью и налогами. Его дом в пригороде Кёльна похож на крепость, и сам он ни шагу не делает без охраны. Вроде бы Макс кого-то боится или не желает, чтобы его беспокоили. Но почему он тогда так общителен здесь? Вот вроде и всё. Да, не женат и детей нет. Что будем делать? Похоже, что встречи, столкновения с Максом нам рано или поздно не избежать.

— Нужно посмотреть на него, поговорить и оценить опасность, — предложил Капитан.

— Пожалуй, так и сделаем. Отсидеться у себя нам не удастся. Саша, где телефон "Астории", который нам оставил Кляйн. Ага!

Коммутатор "Астории" откликнулся мгновенно.

— Будьте любезны господина Кляйна из номера триста шесть. Станислав? Здравствуйте. Сергей с Сергиевской улицы. Да. Мы уведомили всех собственников нашего особняка о вашем предложении и готовы встретиться для беседы с вашим клиентом. Что? Где-где? Очень далеко? Вы не ошибаетесь? Буквально вчера он был очень даже близко. Можете проверить. Поднимитесь этажом выше и уведомьте господина Грюнбаума, что мы готовы его выслушать. Эй, куда вы делись, Станислав. Я уж грешным делом подумал, что вам стало плохо. Нет, это вам незачем знать и разговаривать с вашим клиентом мы будем лишь при вашем отсутствии и никак иначе. Запишите номер. Ждём звонка в течение получаса.

— Ну, что?

— Да куда ему деваться! Побежит к клиенту, как миленький.

Анна Петровна расставила чашки и принесла чайник.

— Знакомый аромат у этого напитка, — произнёс Ка-

питан, склоняясь над своей чашкой. — Я даже догадываюсь, кто поставщик.

— Как уж тут не догадаться, — смеётся хозяйка. — Больше неоткуда взяться такому безалкогольному чуду. Ахмед, где ты его берёшь?

— Как где? На базаре, вестимо. Немного у одного торговца, немного у другого, щепотку у третьего. Потом смешиваю, и получается это. Любой может так сделать.

— Точно любой?

— Конечно. Нужно лишь знать, где нужный базар находится.

Нашу нервную болтовню прервало бренчание телефона. На пятой трели я снял трубку.

— Да. Да, Станислав, только так, но время и место на ваш выбор. Пожалуйста. Во сколько? Подходит. Нет, не все. Нас будет только трое — я и собственники, которых вы ещё не видели. Можете встретить, но потом вы уйдёте.

Я положил трубку.

— Где?

— В ресторане "Астории" в семь.

— До семи ещё больше часа.

— Не так уж и много. Меня вот занимает один вопрос, который мне как-то так и не довелось самому проверить. То, что Дом как-то выделяет избранных, которым открывает доступ, не подлежит сомнению. Публика в Доме была разная и, если бы отбора не было бы, то между нами не прекращались бы конфликты вместо дружбы.

— И что?

— Ничего. О том, что Дом не пропускает корысти, я услышал от Александра и принял на веру. Саш, откуда тебе это известно?

— На собственном опыте. Как-то в самом начале я потащил с собой зачем-то кучу золотых вещей. Зачем и сам не понимаю. Может, подумал, что путешествия в

другой мир могут прекратиться? Во всяком случае, с этим грузом перебраться сюда я никак не мог. Хоть ты лопни! Отпустил мешок и мигом оказался в Питере. Попробовал снова и опять та же проблема. Так и убедился. Почему машина теперь нас пропускает с любыми сокровищами — ума не приложу.

— Мудрая машина. Наверное, как-то различает эмоции на уровне мозговой деятельности. Где-то в машине заложен эталон намерений. Какие намерения, мотивы допускать, а какие — нет. Не перестаю ей удивляться. Ладно, Анна Петровна, Капитан, двинулись в "Асторию"!

Швейцар распахнул перед нами дверь и мигом подлетел метр.

— Мы гости господина Грюнбаума.

— Прошу, прошу, вас ждут. Сюда, пожалуйста. Карта вин, меню на столе.

Кляйн и Грюнбаум встали при нашем приближении. Обменялись именами. Наш хозяин даме руку не целовал. Видно человека новой формации? Или он нас презирает? Впрочем, плевать. Грюнбаум с беспокойством обозрел мощную стать Капитана и его расшитый шевронами китель. Непроизвольно бросил взгляд на соседний стол, за которым, безучастно уткнув нос в тарелки, сидели два здоровяка лет около тридцати. Кляйн взглянул на клиента, поймал его кивок и, откланявшись, ушёл.

Грюнбауму и в самом деле за тридцать, но сорока никогда не дашь. Лицо обычное, но без выражения и поэтому по мимике никогда не поймёшь, что у него на уме. Глаза внимательные и даже очень, но чувствуется, что их владелец не даёт им воли, как зеркалу души. Вроде бы внешне безобидный тип, если бы не чувствовалась наигранность этой безобидности.

— Битте, — произнёс наш хозяин, показывая ладонью на стулья, и сопровождая жест ещё несколькими словами.

— Говорит, что ему очень приятно познакомиться, — перевела Анна Петровна.

— Ответь ему тем же и попроси говорить сразу по делу без застольного этикета. Через переводчика и так не просто общаться. Незачем ещё и усложнять.

— Он согласен и спрашивает, почему мы отклонили его такое выгодное предложение. На эти деньги каждый из нас может купить себе по такому дому и ещё на небедную обстановку останется. Что мы хотим?

— Мы хотим, чтобы нас оставили в покое. О чём недвусмысленно дали не раз понять. Но вот, что хочет он на самом деле? Версия о внезапно вспыхнувшей любви именно к этому особняку выглядит неубедительно и смешно. Особенно при его деловой и прочей репутации.

Наш собеседник посерьёзнел.

— Он говорит, что другой причины не будет. Верим мы в неё или нет. Он готов добавить ещё два миллиона и это его последнее слово.

— Последнее, так последнее. Ответ будет тот же. Но мы не отказываемся от переговоров совсем. У нас есть встречное предложение. Для того мы в интересах герра Максимилиана и потребовали отсутствия Кляйна. Герр Грюнбаум вряд ли захочет обсуждать наше предложение в присутствии посторонних.

— Спрашивает, что за предложение?

— Мы заплатим ему пятьсот тысяч долларов за бумаги Генриха Швейцера и он навеки забудет и об их существовании, и о нашем Доме. Ему эти бумаги всё равно совершенно бесполезны.

Сказать, что господину Грюнбауму не понравилось наше предложение — это ничего не сказать. Его деловая серьёзность в глазах и мимике на миг изменилась настолько, что я пожалел об отсутствии на всякий случай рядом с нами чуда несказáнного. Надо же, сколько злобы и безжалостности может быть выражено без вся-

кой речи. Капитан напрягся, а Анна Петровна непроизвольно замерла чуть ли не на полуслове. Однако это длилось лишь мгновение. Взглянув искоса на Капитана, Макс мгновенно опять преобразился в делового и внимательного немецкого бизнесмена. Конечно же, он понял, что его непроизвольная метаморфоза не ускользнула от нашего внимания. Дальше спектакль разыгрывать бесполезно.

— Значит, вы знаете о тайне нашего давно умершего родственника?

— Знаем. Но о смерти слышим впервые. Слышали только об исчезновении. А вам что-то известно о смерти Генриха Швейцера? Где он похоронен и когда?

Похоже, что такая постановка вопроса несколько озадачила Макса.

— Вы правы. Мне тоже известно только об исчезновении, а смерть его — это догадка, обоснованная временем. И вы пользуетесь его тайной?

— Пользуемся.

— Я тоже хочу пользоваться, как наследник. А вы ведь не наследники.

— Вы правы, Макс, не наследники. Мы просто присвоили его наследие — странную машину. И ни расставаться с ней, ни публично признавать её существования не намерены.

— Даже так?

— Даже так. Но мы не отрицаем вашего морального права наследника пользоваться машиной, но это решать не нам. Хотя, сами понимаете, никаких юридических прав у вас тут нет и не будет. Машина не открыта, как наследство. А если вы попытаетесь заявить на неё наследственные права, то не увидите её, вообще, никогда. С проходимцами от власти вам тягаться не под силу. А их машина очень заинтересует.

— И вам тоже с ними не поспорить.

— Да, и нам тоже.

— Что вы имели в виду, говоря, что вопрос пользования машиной решать не вам?

— А вы не знаете об ограничениях, которые Генрих Швейцер наложил на пользование машиной?

— Какие ещё ограничения? В бумагах ничего нет, ни про какие ограничения. Вы что-то выдумываете!

— Можете полагать, что угодно, но машина сама выбирает с кем работать. Если она вас не выберет, то вы зря сюда приехали. А доступ к ней мы вам можем предоставить, для выяснения понравитесь ли вы ей.

— Понравлюсь ли я машине? Что за бред!

— Как же вы упрямы, Макс. А листая бумаги Швейцера, вы почему-то не подумали, что это бред. С логикой у вас всё в порядке? Можете оставаться здесь, а нам пора домой.

— Нет, мы с вами, — и кивнул парням за соседним столом.

Мы подъехали к Дому на двух такси.

— Анна Петровна, скажи Максу, что его ребята остаются снаружи.

Покривился, но возражать не стал. В барской парадной нас встретил Пашка и ещё какой-то парень. Оба в камуфляже.

— Вас проводить, — поинтересовалась охрана, увидев постороннего.

— Нет, не надо. Он обычно безобидный. Приглядите, когда он уходить будет.

Поднялись наверх и вошли в нашу даже незапертую и почти пустую коммуналку. Да и от кого запирать? В Доме никого, кроме нашей компании нет. Вошли в мамины апартаменты.

— Вот здесь, Макс, можете пообщаться с машиной.

— А где она?

— Везде вокруг нас и работает. Вы знаете, на что она

должна среагировать?

— Знаю, но мне нужна уверенность, что она работает.

— Капитан, не сочтите, пожалуйста, за обиду…

Капитан повернулся к нам спиной, превратился в серый силуэт и исчез. Макс шумно выдохнул. Хотел вроде что-то сказать, но не успел. Возник серый силуэт, и Капитан опять оказался рядом с нами.

— Как видите, машина работает. Мы выйдем, чтобы не мешать.

Вышли на лестничную площадку и молча смотрим в окно на улицу. Капитан запалил свою трубку. Не прошло и четверти часа, как Макс Грюнбаум вылетел из квартиры злой, как чёрт и начал что-то цедить сквозь зубы Анне Петровне. Потом слетел вниз по лестнице, и только дверь на улицу хлопнула.

— Что это с ним сделалось? Похоже, здорово разозлился.

— Разозлился, — подтвердила Анна Петровна. — Ещё как разозлился. Заявил, что мы его обманываем и ещё об этом пожалеем.

— Понятно. Нужно ожидать какой-то подлости. В таком настроении нам от него бумаг Швейцера не видать. Очень плохо будет, если они пойдут по рукам. От паломников отбоя не станет.

*

На следующий день мы опять собрались у Анны Петровны, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

— Надо же, в какой оборот попали, — ужаснулся Александр. — Злобный псих с уголовным прошлым и, скорее всего, и настоящим тоже. Такой капитал у него из-под носа утянули, как он думает. И думает, что утянули мы? А? Да ещё вдобавок он считает машину Швейцера своей безусловной собственностью. Ты прав был, Сергей, когда сказал, что может начаться и тотальная

война на уничтожение. А война потребует денег. У нас же в кладовке ассигнаций осталось чуть больше миллиона. Правда, ремонт уже почти весь проплачен, но, как говорится, при таких ставках лучше иметь под рукой резерв повнушительнее. Что думаете на этот счёт?

— Надо натаскать побольше, — согласился Ахмед.

— Натаскаем, — кивнул Капитан и повернулся к Анне Петровне.

— Согласна. Деньги на всякий случай не помешают. Но, мне кажется, что тут дело может оказаться и не в погоне Макса Грюнбаума за новым источником капитала. Когда он выскочил на лестничную площадку и обратился ко мне, то в его глазах было не столько бешенство, сколько паника и страх.

— Если так, — вступил я в разговор, — то его здорово кто-то подпирает. Раз он не смог скрыть страха, утратив возможность исчезнуть, на которую, возможно, очень надеялся. И этот кто-то покруче Макса будет, если от него и на Земле не скрыться. Что это за змеиное гнездо, в которое мы влипли?

Наши гадания прервал телефонный звонок. Анна Петровна сняла трубку.

— Алло. Здравствуйте, Стелла. Здесь. Да, передам, — и повесила трубку. — Серёжа, позвони Григорию Павловичу. Он просил срочно. На, возьми трубку.

— Здравствуйте, Григорий Павлович. Искали? Да, а что случилось? Да ну?! О, Господи! Этого ещё не хватало. Когда? Говорите им всё как есть, а мы уж как-нибудь отбрехаемся. Нет, здесь всё чисто. Валите на нас, как на клиента. Спасибо за предупреждение.

— Что там ещё стряслось? — последовал чуть ли не хоровой вопрос, как только я положил телефонную трубку.

— Теперь мы с этим бешеным Максом оказались замешанными в убийство.

— Ух ты! И кого это он ухлопал в состоянии нервного срыва? — подскочил на стуле Александр.

— Не он ухлопал, а его ухлопали сегодня утром прямо в его апартаментах и вместе с одним из охранников. Второй был у себя в номере и потому остался жив.

— Стало быть, нас в первую очередь начнут трясти после охранника и Станислава, — заметил Капитан.

— Вот это точно, — согласился Александр. — Слава Богу, что у нас дело чистое. Сговариваться не нужно. Переговоры о купле-продаже Дома и больше ничего.

— Но всё равно интересно, кто это его, за что и не связано ли это как раз с Домом. Вдруг есть ещё претенденты на наследство. Скверно, что бумаги Швейцера гуляют неизвестно где, — обеспокоилась Анна Петровна, и опять ухватилась за трубку затрезвонившего не вовремя телефона.

— Алло. Опять вы, Стелла? Да все здесь. Понятно. Пусть поднимаются, — и уже нам: — Вот, пожалуйста, милиция уже тут, как тут. События развиваются чуть ли не быстрее, чем мы о них узнаём.

Анна Петровна вышла открыть дверь и вернулась в сопровождении двух визитёров в штатском.

— Старший оперуполномоченный — майор Кошкин, — представился он.

— Оперуполномоченный — старший лейтенант Сергеева, — представилась она.

Мы тоже обозначились, вежливо привставая из-за стола. Капитан поднёс вошедшим стулья, а мы потеснились, уступая представителям власти место за столом.

— Очень удачно, что мы со старшим лейтенантом застали вас всех вместе. Хотим задать несколько вопросов. Но вряд ли имеет смысл спрашивать у всех одно и то же, — начал майор, раскрывая свою папку.

— Вот Сергей — наш представитель собственников. Он наиболее осведомлённое среди нас лицо по всем

вопросам. Мы добавим, если он что-то упустит, — выставила меня отдуваться за всех Анна Петровна.

— Очень хорошо. Это не допрос, а, как бы вам сказать, предварительный опрос. Нам с коллегой важно охватить картину дела, которое привело к вам. Если понадобятся детальные показания каждого, то их оформим после. Вам известен Максимилиан Грюнбаум из Кёльна?

— Ещё бы!

— Давно?

— Со вчерашнего дня.

— Его адвокат утверждает, что несколько раньше.

— С адвокатом несколько раньше, а о существовании Грюнбаума мы узнали только вчера. Вчера и встретились.

— Это деловое знакомство или какое-то другое?

— Деловое.

— Характер дела?

— Грюнбаум предложил нам продать ему этот дом.

— И вы согласились?

— Нет, отказались.

— Странно. Его охранник говорит, что хозяин приезжал вчера сюда вместе с вами осмотреть дом. Какой в этом смысл при вашем отказе?

— Очень простой — любезность.

— Любезность? Человеку, которого вы не знаете?

— Именно. Его мы не знаем, но о нём кое-что узнали.

— Что именно?

— Он потомок бывшего, дореволюционного владельца этого дома. Мы не могли ему отказать в осмотре хотя бы из вежливости.

— Я вижу, вас не удивляют мои вопросы.

— Нас удивило бы, если бы их не было.

— Почему?

— Нас уведомили о происшествии в "Астории".

— Кто уведомил?

— Детективное агентство, которое мы наняли собрать сведения о Грюнбауме. Вероятно, кто-то из агентов был сегодня в отеле.

— Адрес и телефон этого агентства.

— Пожалуйста, Захарьевская шесть, а телефон вот.

— Спасибо. И удалось агентству что-нибудь узнать?

— Как сказать. Компрометирующего ничего, но и следили-то не за Грюнбаумом, а за Кляйном, который не желал назвать своего нанимателя. Вот через это и вышли на Грюнбаума.

— Станислав Кляйн говорит, что переговоры с вами начал вести он. Что вас не устроило настолько, что вы организовали за ним слежку?

— Несусветные суммы, которые он называл и отказ комментировать намерения покупателя.

— Несусветные?

— Именно.

— А поточнее нельзя?

— В несколько раз выше, чем особняк стоит на самом деле.

— Так этому следовало бы радоваться.

— Нам как раз радости от этого никакой. Мы все давно прижились здесь. Фирма, которой мы владеем тоже здесь. Место удобное. Нужды в деньгах мы не испытываем. Зачем нам всё это разрушать? А с другой стороны, подозрительна настойчивость Грюнбаума. Рядом есть дома не хуже и во много раз дешевле. Да, если ещё сюда добавить репутацию этого типа, то отказ от как бы выгодной сделки, вообще, был предопределён.

— Репутацию? Вы же говорите, что агентство никакого компромата не нашло.

— Агентство-то да, но вот Анна Петровна тоже является потомком бывшего владельца особняка. Правда, более дальним, но у неё есть и родственники в Германии, и друзья. Навели справки и узнали, что Грюнбаум

сидел в тюрьме за мошенничество, связанное с недвижимостью. Состояние у него тёмного происхождения, а представляет его фирма, настолько погрязшая в разных аферах, что в Германии многие остерегаются иметь с ней дело.

— Понятно. Грюнбаум потомок. Анна Петровна потомок и тут нет столкновения наследственных интересов?

— Откуда им быть, если особняк наследством не является и никогда таковым не будет?

— Да-а, а как вы думаете, — обратился майор к Анне Петровне, — не может ли быть столкновение наследственных интересов причиной смерти Грюнбаума? Ведь он был богатым человеком.

— Там вряд ли возможно столкновение по такой причине, — слегка подумав, ответила она. — Макс Грюнбаум одинок и бездетен. Если нет завещания, то единственным наследником будет его сестра Гертруда. Однако у меня было чисто интуитивное чувство, что Макс чего-то или кого-то опасается. Но это так, на уровне необъяснимых эмоций. Да, и эти его охранники…

— Тёмное дело. Ну, что ж, благодарим за информацию. Пойдём в ваше детективное агентство. Может там кто-нибудь, что-нибудь видел или слышал.

Следователи ушли, подсунув перед этим мне на подпись протокол как бы опроса на бланке допроса. Двумя или тремя часами позже я заглянул в агентство к Григорию Павловичу. Поинтересовался, о чём у них допытывалась следовательская пара, побывавшая у нас.

— Понятное дело, что видели и слышали наши агенты, — рассказывает Григорий Павлович. — Слышать они почти ничего не слышали, а вот убийц, похоже, видели. Наши люди заняли номер слегка наискосок напротив двери Грюнбаума. Входящих-выходящих видно, как на ладони. Видели, как вечером от вас вернулся Грюнбаум вместе с одним из охранников, а не прошло и часа в но-

мер постучали двое вполне прилично одетых мужчин среднего возраста. Похоже, что их ждали. Охранник что-то спросил по-немецки и впустил их. Вышли они минут через сорок и спокойно пошли к выходу. Лица не очень запоминающиеся, но фоторобот составить можно.

Один из наших ребят последовал за ними, а другой остался в отеле. Интересная пара села в такси и поехала на Северо-Запад. Там высадилась у железной дороги, где скопление гаражей, продажи запчастей и всяких автосервисов. Вошли в довольно внушительный, кирпичный автосервис. Выделяющийся среди сарайной мелочёвки, и работающий круглые сутки. Не прошло и десяти минут, как они выехали оттуда на синем "Форде" с водителем и поехали обратно через весь город.

Высадились в Пулково. Водитель развернулся и уехал, а эти двое благополучно погрузились в самолёт и отправились в Стокгольм. Номер "Форда" был записан. Наш человек позвонил мне, и я распорядился вернуться ему к автосервису и сидеть там подальше, и наблюдать пока не сменят. Я только сейчас пробил номер машины. Оказывается, что такой номер ещё не выдавали. Вот и спрашивается, какая может быть связь между всеми вами, вашим домом, Грюнбаумом, его зарубежными убийцами, задрипанной автомастерской на окраине города и фальшивыми номерами?

— Совсем как в крутом детективе. Просто не верится, что это происходит именно с нами.

— И не такое ещё бывает, — обнадёжил меня Пашкин отец. — Хочешь послушать, что происходило дальше?

— Ещё бы!

— Так вот, утром горничная вошла в номер Грюнбаума и начался шум. Оба застрелены в упор. Говорят, что в номере всё наспех перерыто, но, по словам Кляйна и второго охранника не похоже, чтобы что-то пропало. Я

велел наблюдателю вернуться в агентство и ждать, когда к нам пожалует милиция. Понятно, что вы скрывать наше участие во всём этом не можете, и от вас следователь придёт прямо к нам. Вот и пришли двое. Наш парень всё им рассказал. Майор попытался взять его в оборот обвинением в том, что тот ушёл с места преступления и не донёс об убийстве. Но я быстро поставил его на место. Агент не был в номере Грюнбаума. Так что и речи быть не может о каком-то присутствии. А об убийстве знает с чужих слов. Так что и доносить не о чем. Я же рассказал операм о том, что мне передал следивший за убийцами. И напомнил на всякий случай, что агент не мог знать, что это убийцы. Недолюбливает нас милиция, хотя и не за что.

Дальше началась комедия, как в дурном боевике. Парень докладывает, что машина с фальшивыми номерами так в автосервис, похоже, и не вернулась. Ворота открывались несколько раз. Клиенты въезжали и выезжали, а синего "Форда" внутри не видно. Зато подкатили три фургона с ОМОНом и начался штурм. Повязали всех, кто там был. Однако кто-то всё же успел куда-то позвонить. Только омоновцы собрались грузить пойманных в фургоны, как подкатил шикарный "Мерседес". Из него вывалился какой-то перец в очках. С типичными повадками крупного адвоката.

Перед воротами начался ор на тему о правовом беспределе. Наш наблюдатель вылез из машины и подобрался поближе. Оказалось, что основанием для приезда ОМОНа было то, что в автосервисе была замечена машина с фальшивыми номерами, на которой уехали подозреваемые в убийстве. На это был дан совершенно резонный ответ. Да, вчера вечером был здесь синий "Форд" с названными присутствующим здесь следователем номерами. Менял масло и ещё всякие мелочи. Пришли пассажиры и машина уехала. А вот почему нет

никаких записей об этом, то вечером начальство отсутствует и ребята, похоже, решили скалымить. Специалисты хорошие и на это командование сервиса смотрит сквозь пальцы. Если "ребята" не наглеют, конечно.

Все замолкли, понимая, что причина для налёта ОМОНа развеялась, как дым. Милиция постояла, помялась, расковала задержанных, и убралась не солоно хлебавши. Оставили только кому-то повестки вызова на допрос по поводу внешности вчерашних клиентов. Вот такая ситуация на данный момент. Есть ещё смысл за чем-то или кем-то наблюдать.

— Чёрт его знает, Григорий Павлович. Со смертью Грюнбаума нас вроде бы никто больше не должен беспокоить. Но мы не знаем, не коснётся ли нас свистопляска, которая разгорелась вокруг него. Кончилась ли она на этом убийстве?

— Да, вопросик занятный. Враз так и не ответишь.

Загудел один из телефонов на столе. Хозяин кабинета снял трубку.

— Да? А, это ты Фёдор. Что?! Давай подробнее. Так, так и это всё? Нет? Ага. Это все границы переходит. Выписался? Ну, и ладно. Возвращайся в контору.

Осторожно и задумчиво повесил трубку.

— Вот и ответик на твой вопросик подоспел. Ни черта и ничего ещё не кончилось. Наш человек пошёл выписываться из "Астории", забрать свои и товарища вещи из номера. А там вся милиция, работавшая в номере Грюнбаума, на ушах стоит. Кому-то снова потребовался Кляйн, которого допрашивали три или четыре часа назад. Послали за ним. А он в своём номере ниже этажом лежит заколотый ножом в сердце, а перед этим зверски избит. И никто ничего не слышал. Правда, "Астория — гостиница старая. Строилась на совесть и двери толстого дуба. Так что ори — не ори, а в коридоре что-то услышишь лишь, если будешь подслушивать.

— Вот это и в хороших, и в хреновых детективах иногда случается. Милиции или полиции полно. В любой момент могут востребовать свидетеля, а его хлоп — и нету. Что-то у меня нехорошее предчувствие, что какой-то подарок нас ещё ждёт. Пока что там какие-то чисто немецкие разборки. А потом? Григорий Павлович, а вы могли бы добыть опись вещей, которые обнаружены в номере Грюнбаума и принадлежат ему.

— Попробую. Их там куча, наверное. Тебе-то зачем?

— Хочу проверить одну догадку, о которой пока ещё рано говорить.

Григорий Павлович попробовал и добыл список вещей Грюнбаума уже к вечеру. Только удосужился я его получить и просмотреть лишь на следующий день, сидя с Александром в конторе у Стеллы.

— Нет, ты только посмотри, сколько всякого барахла гости из Германии таскают с собой. На шестнадцати страницах едва поместилось. Примечательные вещички попадаются. Серебряный чайничек с сеточкой, например. Без него в вояже просто никак. Или вот флакон таблеток, которые принимают при пищевом отравлении. Ну, это ещё понятно. Особенно в России. Ладно, что тут ещё? Книги, рубашки, костюмов четыре штуки, письменный набор, чемоданов тоже четыре. Так, так, так, а это всякие гигиенические притирания, две бритвы, две зубные щётки…

— Что ты там хочешь найти? Дневник с записями намерений и планов?

— Нет, на такое счастье я и не надеюсь. Да и недоступен он для нас был бы. Его бы в вещественные доказательства забрали бы.

— И что.

— Вещественные доказательства родственникам выдадут лишь после следствия и суда, а это может затянуться на годы. А просто вещи наследникам отдают сра-

зу. Вот! Это наше. Три папки с ветхими документами технического содержания, написанных от руки на немецком языке. Нашлись бумаги Щвейцера!

— Ну-ка покажи. В самом деле. И как нам их теперь оттуда выцарапать?

— Нужно не прозевать появления наследников и попытать выкупить их. Но это потом, а вот сейчас их наличие уже даёт нам очень многое.

— Что именно?

— В номере Грюнбаума было всё перевёрнуто. Что-то искали. А раз не взяли бумаги Швейцера, то, значит, искали не их. А это в свою очередь означает, что убийц не интересовали ни машина, ни наш Дом. Нас теперь никто беспокоить не будет.

— Ты прав и это здорово. Надо всем рассказать.

— Надо. Словно гора с плеч. Обзвони всех и порадуй. Нужно опять собраться и обсудить, как бы нам заполучить бумаги. А я, пожалуй, домой пойду.

Вышел во двор. Постоял, посмотрел на строительную суету. Выкатился на улицу и свернул к нашей барской парадной. У самых дверей меня кто-то окликнул. Какой-то мужчина с картой города в руках. Похоже, что приезжий в затруднении относительно того, как куда попасть. Делаю шаг ему навстречу и одновременно осознаю, что кто-то появился за спиной. Обернуться не успеваю. Чувствую боль укола под правой лопаткой. Краем глаза фиксирую синий "Форд" напротив парадной, Ахмеда, выходящего из-под арки на улицу, и всё плывёт перед глазами, скрываясь в туманной пелене. Я отключаюсь.

*

Сознание возвращается медленно. Глаза закрыты, и открывать их не хочется. Кровь шумно бухает в голове, словно стучась в стенки черепа. Во всём теле тяжесть и слабость, словно при небывалом похмелье. Такое ощущение, будто тебя чем-то спеленали по рукам и ногам. С

трудом разлепляю глаза. И в самом деле, спеленали. Ноги и руки примотаны к металлическому стулу скотчем. Шевелю губами — рот свободен. Пытаюсь сдвинуть стул. Ничего не выходит. Привинчен к полу или к стене, к которой прижат. Медленно осматриваюсь.

Влево и вправо длинная комната шириной метра четыре с окном во всю длину напротив меня, поднятыми жалюзи и дверью наружу. Пара конторских столов, стулья. В одном конце шкаф, а в другом стеллаж. Свободно и я прикован как раз посредине этой свободы. За окном вид с высоты второго этажа. Перила лестницы, а впереди стена с большими, поднимающимися вверх воротами. Рядом с воротами дверь. Колонны, поддерживающие крышу и подъёмник для автомобилей около одной из них. Нижний край окна ограничивает обзор площадки внизу наполовину. Если бы я мог встать, то видел бы её всю.

Внизу зелёная иномарка, вокруг которой идёт какая-то суета. Вернее, заканчивается. Водитель садится на своё место, а человек в спецовке подходит к пульту на стене и нажимает кнопку. Ворота ползут вверх, машина выезжает, ворота ползут вниз. Всё в полной тишине, как в немом кино. Время, оказывается, тоже проползло. В ворота было видно, что на улице начинаются сумерки. Значит, моя отключка продолжалась несколько часов. Похоже, что это какой-то гараж, а окна в конторе наверху зачем-то двойные. Может, как раз для звукоизоляции. Внизу авто клиентов обслуживают, а наверху в это время с другими "клиентами" разборки идут. Подвала тут, наверное, нет. Раз "клиента" приходится волочь наверх.

Вспоминаю рассказ Григория Павловича про автосервис на Северо-Западе. Приплюсовываю синий "Форд". Пожалуй, это место и есть. Ворота опять поползли вверх. Въехала серая иномарка. Вроде бы "Опель". Поехал налево и скрылся в закрытой для обо-

зрения зоне. Минуту спустя, по лестнице бесшумно поднялись двое, вошли в контору и мир обрёл звуки. Один из них довольно высок, аккуратно одет, с выражением властности на лице. Видимо, старший чин в бандитской иерархии и оттого сдержанный. Это он подошёл ко мне около нашего Дома. Второй — живчик среднего роста, коротко стриженый с приблатнёнными манерами, которые пытается сдерживать.

— Очухался? — слышу от него.

— Очухался.

— Очень хорошо. Мы тебе задаём вопросы, а ты честно отвечаешь. А то я мастер добиваться правды, если мне врут. Будет больно. Понял?

— Понял. Это ты добивался правды от Станислава Кляйна? — видно, как старший встрепенулся, услышав это имя. Стриженый же от удивления замер на мгновение и рассмеялся.

— Вон даже как. Ты, оказывается, уже и об этом знаешь. Тем лучше. А фокус-то, какой под носом у ментов! — прямо-таки засветился самодовольством гангстер российско-немецкого розлива.

Старший что-то проговорил по-немецки. Стриженый на том же наречии бойко ответил, согласно кивнув головой. Оба взяли стулья и уселись напротив меня.

— Вот что, друг ситный, — продолжил стриженый, — скажи-ка нам, где то, что вам на днях привёз Макс Грюнбаум?

— А ты для начала объясни, что это ваш Макс и почему должен был нам что-то привезти, если мы все впервые увидели его два дня назад на переговорах в "Астории" о покупке нашего дома?

Стриженый без запинки перевёл, сказанное мной, старшему. Тот что-то озабоченно произнёс в ответ.

— Слушай, не заливай! Мы должны поверить, что Макс позарился на вашу развалину?

— Это уж ваше дело верить или нет, а ничего другого вы не услышите. Да и мне почему-то кажется, что вы это всё уже слышали от Кляйна, раз добивались от него правды. А почему бы вашему Максу и не захотеть купить родовой российский особняк, до революции принадлежавший его предку?

Стриженый повернулся к старшему, и между ними завязался какой-то длинный и непонятный для меня разговор. А у меня по спине побежал холод. Что-то слишком быстро допрос идёт к концу. А я слишком много увидел. Такие свидетели им явно ни к чему, судя по предшествовавшим событиям. Даже захваченные по ошибке.

В окно видно, как рабочий открывает ворота. Въезжает довольно свежего вида голубенькая "Волга" и останавливается, чуть отъехав от ворот. Ворота опускаются. Другой рабочий подходит к водительской дверце и что-то спрашивает через опущенное стекло. Похоже, у меня начались зрительные галлюцинации на почве нервного напряжения. Мне мерещится Ферида в водительском кресле. Дверца распахивается и из машины выбирается именно Ферида. Ой, девочки, вы, мои родненькие, как вы вовремя! А Александр-то какой молодец! Как быстро сообразил, что нужно делать. И машину где-то успели достать, и план разработать. Полдела уже сделано. Наши внутри без шума и пыли. С заднего сидения выбираются Антогора и Охота. Как и Ферида в брючных костюмах.

— И за сколько Макс хотел купить ваш дом, — прерывает мои наблюдения стриженый.

— Поначалу предлагал пять, а потом решил купить и за семь миллионов зелёных. Мы уж готовы были согласиться, но получился облом.

— Семь лимонов, — присвистнул стриженый и его обмен мнениями со старшим продолжился.

Антогора осматривается вокруг, поднимает глаза к окнам конторы. Оттуда ей, наверное, видно лишь мою

макушку головы с глазами, да плечи гангстеров по обе стороны от неё. Она пятится к воротам и привстаёт на цыпочки, а я как можно выше тяну шею. Вроде бы увидела то, что надо. Рабочий подходит к ней, оборачивается в мою сторону, смотрит туда же, куда и она, и что-то начинает выговаривать девушке. Короткий удар, здоровенный мужик отлетает метра на четыре и грохается на пол бездвижным. Тот, который подошёл к Фериде уже валяется около колонны с разбитой головой. Похоже, что обслуги в этом автосервисе немало. Мне их не видно, но девочки дружно бросаются вперёд и уходят из поля зрения. Только откуда-то оттуда вываливается в обзор молодой парень в костюме, при галстуке и тоже падает на пол. Местный начальник?

Старший заметил мои телодвижения и интерес к происходящему за окном. Обернулся, вскочил на ноги и что-то выкрикнул. Стриженый тоже вскочил и оба уставились вниз.

— Когда девочки войдут, то постарайтесь не делать резких движений, а то вам плохо придётся, — сказал я им в спину.

— Пусть сначала войдут, — с угрозой произнёс стриженый и, выудив откуда-то из недр пиджака пистолет с глушителем, шагнул к двери.

Молнией, промелькнув мимо окна, Антогора оказывается у двери. Стриженый не успел поднять руку даже до половины. Двойное стекло двери звучно треснуло двойной дыркой. Стриженый дёрнул головой, и рухнул на пол. С красным пятном посреди лба. Старший замер под дулом пистолета Антогоры, видным через стекло. Она оценила присутствие опасности, и пистолет исчез в кармане пиджачка. Амазонка вошла и старший с ошарашенным видом попятился перед ней. Девушка бросила взгляд в мою сторону и опять обернулась к старшему с выражением укоризны на лице. Короткий удар кулаком

куда-то между лбом и носом представителя европейского преступного мира. Он на полу, а в дверях нарисовалась Охота.

Антогора закатала штанину, достала свой подколенный нож и теперь разрезает мои путы.

— Что за верёвки такие! Какие-то клейкие, — бормочет она, отдирая скотч.

Помогает мне подняться со стула и начинает, что-то успокоительно приговаривая, ощупывать мои руки и ноги. Убедившись, что всё цело выпрямляется, и я обнимаю её за шею.

— Ой, девочки, как я вас всех люблю!

— Всё хорошо, всё хорошо, Сергей, — успокаивающе шепчет мне на ухо амазонка.

— Моя доля где? — ревниво спрашивает Охота, и получает законно заработанный поцелуй.

— А Ферида, где застряла?

— Загоняет тех, кто остался на ногах в кладовку.

— Давайте всё, что в карманах этих двоих на стол.

Так, паспорта есть, но нам не нужны. Даже не прикасаюсь к ним. Немецкие водительские права возьму на память ради имён и фото. Фридрих Штольц и Михаэль Захаров. Бумажники, ручки, носовые платки, большой складной нож с фиксатором лезвия. Носовым платком протираю от отпечатков стул, на котором сидел. Девочки с удивлением наблюдают за моими манипуляциями, но молчат. Штольц всё ещё в беспамятстве. Беру со стола бутылку минералки и выливаю ему на голову. Смотри-ка ты, открыл глаза и обалдело уставился на нас. Протираю и отбрасываю бутылку.

— Встань, — говорю ему.

Никакой реакции.

— Ауфштеен! — рявкнула Антогора.

Шатаясь, поднялся. И тут я, что есть силы, врезал ему по зубам. Аж самому больно стало. Бедный Фридрих

опять рухнул на пол.

— Легче стало?

— Ещё бы!

— Охота, закончи! — последовала команда Антогоры.

Охота наклонилась над лежащим, и опять прозвучал тот омерзительный треск шейных позвонков, который я уже как-то раз слышал в Париже на улице Волне. Я непроизвольно поёжился, и мы вышли из конторы.

Ферида как раз подпирала какой-то трубой дверь под лестницей. Бросилась мне на шею, и получила свою долю заслуженной благодарности.

— Девочки, вы выезжайте, а я закрою ворота и выйду через дверь.

На улице я сел сзади — рядом с Антогорой и Охотой. И только сейчас понял, что машина всё время простояла в гараже с включённым мотором. В замке зажигания ключа нет. Краденая что ли? Но не девочками же.

— Как и куда поедем?

— Мне не разрешили ездить по городу. Нам нужно на ту сторону. Там ждут.

Движение оживлённое, но Ферида улучает момент, и мы перескакиваем Суздальский проспект. Сворачиваем на местный подъезд, а затем во двор и останавливаемся. Ферида переползает на пассажирское сидение, а её место занимает распахнувший дверь Пашка.

— Ну, как, порядок? — оборачивается он ко мне.

— Вроде бы.

— Вот и хорошо. Но вот я поражён донельзя. Подглядывал внутрь через боковое окно. Мы бы с ребятами так никогда бы не смогли. Понятно, почему Александр отказался от нашей команды и правильно сделал. Нам так ювелирно не сработать. Ладно, поехали домой. Отец и Александр вон в той машине — впереди.

— А эту вы у кого-то спёрли?

— Ага, в соседнем от нас дворе на Захарьевской. Не

беспокойся. Мы знаем, чья это машина. Хозяева в Италии отдыхают. Так что у них алиби непрошибаемое, если вдруг милиция беспокоить начнёт.

У Анны Петровны сегодня вечером многолюдно. Едва все за столом поместились. Девочки объедаются мороженным, запивая его шампанским, и млеют от восторгов и похвал. Мы за компанию тоже поднимаем бокалы. Потом на столе появился чайник и пирожные. Пашка глазеет на Фериду. Нет, на Охоту. А, может, на Антогору? Трудный выбор. Григорий Павлович сидит как на гвоздях. Всё пытается выведать, откуда Александр вызвал на подмогу это чудо. Тот отбивается, как может.

— Григорий Павлович, — выручает Александра Анна Петровна, — перестаньте терзать человека своими видениями. Вам только показалось, что вы зрели каких-то девушек.

Пашкин отец понял намёк и отцепился от Александра.

— Кошмарная история, — посетовала Анна Петровна. — Может быть, хоть сейчас она прервётся. Сергей, как тебе повезло, что в тот момент, когда тебя запихивали в машину, Ахмед выглянул со двора.

— Я как увидел эту картину, то чуть сердце в пятки не ушло, — признался наш дворник. — Побежал к Александру. Тот звонить к Григорию. Понял ситуацию и говорит: "Нас спасёт только чудо несказа́нное". Куда-то исчез и вернулся вот с этими красавицами. Оказалось, что не только они сами чудо, но могут и творить чудеса.

Амазонки начали позёвывать и Анна Петровна объявила конец вечеринки.

— Девочкам рано вставать. Вы уж извините, за полночь перевалило.

Пашка с отцом засобирались и ушли.

— Антогора, разбирайте места. В гостиной два больших дивана и у меня в спальне большая кушетка. Идите

за мной. Я вам дам подушки, бельё и одеяла.

Минут через десять в гостиной и спальне затихло, и Анна Петровна вернулась к нам в столовую.

— Сергей прав. Это самое настоящее чудо несказа́нное. Жаль, что это не мои дочери. Саша, я утром их сама домой провожу. Капитан, а как ваше впечатление?

— Э-э…

— Ему нельзя никем впечатляться. Капитан скоро женится, — выдал я его тайну. — Его невеста никак по внешности не хуже — отвечаю за свои слова. Так что не пытайте Капитана. Он сейчас не объективен в вопросах женской красоты.

— Вот как? Капитан, поздравляем, поздравляем от души. Но мы хотели обсудить ещё и вопрос с бумагами Швейцера. Удобный случай, хотя и поздновато. Кто-нибудь ещё чаю хочет или перекусить?

Перекусить захотели все. Одними пирожными сыт не будешь. Заодно и поговорили.

— Ситуацию, думаю, вы все сами понимаете. Всё упирается в то, есть или нет завещание Макса. Если нет, то наследником автоматически становится его сестра Гертруда. А если есть завещание, то мы не знаем в пользу кого. Я и с Гертрудой-то незнакома. Трудно будет вести переговоры с незнакомыми людьми относительно вещи, которую объяснить нельзя.

— Не думаю, что бумаги Швейцера могут быть упомянуты в завещании, как оговорённое особо имущество, — заметил Капитан.

— И что?

— Никто о них не знает и никто не хватится исчезновения, как любого мелкого, личного имущества.

— Выкрасть что ли? Да, вы с ума сошли, Капитан! — воскликнула Анна Петровна.

— Зачем выкрасть? Выпросить или выкупить. Есть или нет завещание, а за телом и вещами приедет сестра

Макса, как единственная близкая родственница, а не какие-то другие наследники по завещанию. Надо её заманить к нам. Повод для этого у вас, Анна Петровна есть. Вы тоже родственное Генриху Швейцеру лицо. Живёте в его Доме. Да и Макс приезжал поговорить о его покупке. Пригласите Гертруду взглянуть на дом предка, поболтать. Тут мы её и попробуем обработать.

— А ведь точно! Так проще всего будет. Утром позвоню в Берлин и попрошу, чтобы меня связали с Гертрудой.

— Вот и хорошо. Теперь нам можно и спать идти.

Когда уходили, я задержался и заглянул в гостиную. Спит чудо несказáнное. Ферида, как обычно посапывает во сне. Что-то с носоглоткой? Может быть, как-то показать её хорошему ларингологу или Анну Петровну об этом попросить?

— Анна, — тихо прикрыв дверь, обратился я к хозяйке, — меня беспокоит Ферида. Во сне у неё дыхание не нормальное. Показать бы её лору. У тебя нет на примете хорошего специалиста?

— У меня нет, а вот у нас в издательстве есть одна дама, которую хлебом не корми, а дай полечиться. У неё все крупные светила медицины в городе на учёте. Позвоню ей утром. Тогда я Антогору и Охоту отведу, а Фериду оставлю здесь.

На том и разошлись.

*

Что за безобразие! Это бесовское изобретение — телефон покоя не даёт. Спал бы себе и спал. Ого, двенадцатый час! Надо же.

— Сергей, Антогору и Охоту я отвела. Всем объяснила, что Фериду нужно показать лекарю. Она осталась, но наотрез отказывается идти к лекарю без тебя. Я уже и даме в редакцию позвонила, и с лором-профессором договорилась на час дня. Давай, шевелись!

— А ехать далеко?

— На Большой Сампсониевский проспект.

— Тогда я буду через полчаса.

Помылся, побрился и пару приличных бутербродиков с колбаской залил чайком.

Ферида смотрит на меня с виноватым видом.

— Я про лекарей слышала, но никогда не видела. Они полезные?

— Очень.

— Почему вы с Анной думаете, что я больная?

— У тебя носик плохо дышит. Бежать долго, наверное трудно?

— Немного.

— Вот и поправим твой нос, чтобы был здоров как у всех.

— Ты со мной будешь?

— Конечно, куда я от тебя денусь. Анна, ты готова?

— Идём, идём.

Частная клиника. Белизна и голубизна кафеля. Тишина и малолюдье. Кабинет профессора. Ещё тише и стерильнее. Чуть ли не хирургическое, а, может быть, и хирургическое кресло, какие-то неведомые приборы, бестеневая лампа. Правда, непонятно для чего бестеневая лампа лору. С её помощью ни в рот, ни в нос не заглянешь. Для внушительности антуража? Спросить что ли? Не буду. Обидится профессор. Ферида тиха, как мышка. Вцепилась мне в руку и не отпускает. Только шепчет мне:

— Какой страшный у вас лекарь.

И в самом деле, профессор в огромных очках и с маской на лице выглядит каким-то пришельцем. Услышал шёпот Фериды и расхохотался:

— Лекарь, говоришь? Ну, лекарь, так лекарь. Забирайся в кресло, как тебя, Ферида, да?

Анна отвела лекаря-профессора в сторонку и что-то

тихо растолковывает.

— Да? Что поделаешь, бывает и такое. Пусть оденет халат и маску.

Надел я и то, и другое. Уселся рядом с Феридой и она опять ухватила меня за руку. Осмотр прошёл благополучно. Побоялись, конечно, всяких неведомых штук, которые лезут в нос, но ничего, — пережили стойко. Вздохнули облегчённо и уставились в очки лекаря.

— Ничего серьёзного и страшного, — сказали очки. — Обычные полипчики. Не застарелые. Так что легко удалятся без следа. Или полечить промываниями травами, но это долго и без гарантии.

— Ферида, — пытаюсь перевести это на понятный амазонке язык, — у тебя глубоко в носу вредные нарывчики, которые мешают дышать. Сейчас они ещё слабые и их можно убрать оттуда. Это быстро и не больно. Прямо сейчас. А можно промывать нос отваром трав, но это нужно делать каждый день несколько раз и очень долго. Может быть, несколько месяцев. Что ты выберешь?

— Быстро и сейчас. Только ты не уходи.

Операция с небольшой анестезией прошла скоро и тихо. Только у меня рука онемела от мощной хватки Фериды. Посидели с полчасика с тампонами в носу и послушали рекомендации лекаря.

— Два дня не сморкаться. Если бы делали промывания, то обошлись бы одним днём. Но как я понимаю, ничего такого вы делать не будете. Так, нос не трогать, не мять дня три-четыре. Кровь сворачивается хорошо. Так что заживёт быстро. Неделю ничего очень горячего не пить и не есть. Лучше всё похолоднее.

— Мороженое? — быстро сообразила Ферида с надеждой и настоянием в голосе.

— Вот-вот, мороженое очень хорошо, но в меру. Будешь злоупотреблять, то застудишь горло и нос так, что лечиться придётся долго. Так что мороженое по одной

порции после еды и не больше. Поняла?

Тампоны удалили, и мы вздохнули с облегчением. Все вздохнули, включая и Анну Петровну. Нос немножко хлюпает, но ничего, если глубоко им не вздыхать, то жить можно. Немного распух, но лекарь говорит, что уже завтра станет нормальным. И не так уж всё дорого обошлось.

— Ферида, пока что эту неделю поживёшь у меня, — объявила Анна Петровна, когда мы вернулись домой. Я за тобой присмотрю. Чтобы ты режим лечения не нарушала. Только вот чем тебя занять?

— Они все три умеют хорошо готовить, убирать. Мифы любят читать. Я могу сказки принести. На улицу лучше тебе, Ферида, не ходить. Разве что до магазина и обратно. Присматривать за тобой никто не будет, но помни, что говорил лекарь. Не больше трёх мороженых в день и не все сразу. Договорились? Да, вот ещё что. Гимнастику выходи делать на лестничную площадку. А то ты всё тут переколотишь. Очень не напрягайся хотя бы два дня, а то кровь носом может пойти. Вот вроде и всё.

— Я поняла.

И в самом деле, хлопот с Феридой не оказалось. Зато чистоту и блеск она навела не только у Анны Петровны, но и у меня, Александра, Капитана и даже добралась до Ахмеда. Ахмед показал ей машину. Говорит, что долго сидела там в темноте и глазела, как мерцают и переливаются волшебные огоньки. Режим не нарушала. Но интересное дело стало наблюдаться после её визитов в одиночку в гастроном. Это мы уже потом заметили, когда она вернулась в Рим.

Есть там скандальная тётка в колбасном отделе. Такая неуёмная, что просто страсть! Ни споры, ни жалобы её не берут. Всегда найдёт, на что рявкнуть. А с другой стороны, продавец ловкий и честный. Тут уж не отни-

мешь. Раз колбасный отдел, то Ферида никак не могла мимо неё пройти. Так эта тётка вдруг словно преобразилась. Ни хая, ни грубого слова не услышишь. И никто не знает, что такое вдруг с ней произошло. Только одна девочка из кондитерского отдела сказала Анне Петровне, что видела как-то раз Фериду, о чём-то тихо беседующей в уголке гастронома с Горластой Галкой. Нам наша красавица ничего не сказала.

Гертруда приехала через два дня после нашего ночного совещания. Остановилась в "Европейской" и сразу к Анне Петровне. Так они договорились по телефону. Анна провела её по дому и рассказала, что мы хотим всё восстановить почти в первозданном виде. Приятная женщина заметно старше брата. Конечно же, Эрмитаж, Русский музей и осенний Летний сад. Спрашивала о Петергофе, но он уже закрыт на зиму. Хлопоты по перевозке тела. Когда она уехала, то мы опять собрались в столовой. Ферида расставляет чашки, тащит чайники, и присаживается рядом со мной. А посреди стола три толстенные папки, потемневшие от времени.

— Гертруда без возражений и условий согласилась оставить эти бумаги в Доме, который принадлежал владельцу бумаг. Тем более что его здесь помнят и попробуют в них разобраться. Мы поехали на склад, где готовились к отправке вещи Макса, и я привезла папки сюда.

— Три папки, три папки, — продекламировал я, пододвигая одну из них к себе. — Боюсь, что три папки документов для такой грандиозной системы — это очень мало для того, чтобы понять все нюансы её работы. Скорее это будут памятки к тому, что варилось в голове у Генриха Швейцера.

— Так кто стал наследником Макса? — поинтересовался Капитан.

— Завещания нет, сказала Гертруда. Так что наследник она. Правда, она сама далеко не бедный человек и

колеблется, принимать наследство брата или нет. Ей прекрасно известно о тёмном происхождении его состояния. По причине его сомнительных дел они и отдалились друг от друга. Я её предостерегла, что в состоянии её брата могут оказаться и средства, приведшие к его смерти. Думаю, она поняла, о чём речь и примет к сведению.

— Ну, приняла к сведению и дальше что? Угроза может ожидать за каждым углом.

— Только в том случае, пока она владелица чужих денег. Она может оставить, скажем, себе дом, а банковские вклады отписать казне. Кто ищет какие-то деньги пусть их в казне и ищет. Гертруда сама сообразит, что делать. Весьма неглупая женщина. Сергей, ну, что там у тебя?

— Бумаги довольно сильно пострадали. Видите, какие — жёлтые и хрупкие. Даже перегибать нельзя. Наверное, не раз отсыревали, а потом высыхали. Надо бы с них сначала копии снять и с копиями работать. Но работа титаническая по переводу и осмыслению. Нам сейчас не по зубам. Да и необходимости особой нет. В любом случае, разберёмся мы с бумагами или нет, к машине, пока она работает, мы и прикасаться не будем. Главное, что они, наконец, у нас, и мы в любой момент можем к ним обратиться.

— А что это за бумаги? — толкает меня локтём в бок Ферида. — Очень важные?

— Это бумаги о том, как устроена машина, которую ты видела у Ахмеда.

— Тогда важные. Ведь и машина тоже важная. Я так думаю.

— Правильно думаешь. Ахмед, знаешь что. Положика папки в стол-конторку, который стоит у машины. Пусть там и лежат до поры, до времени. А мы с тобой, Ферида, завтра утром двинем в Рим. Провожу тебя к подругам.

ГЛАВА 5

ОХОТА ЗА ОКТАВИАНОМ

ГЛАВА 5: Охота за Октавианом

Мы с Феридой чуть не опоздали. Антогора и Охота ели утреннюю кашку, но их лошади были уже осёдланы. Часом позже мы увидели бы лишь садящуюся вдали пыль от копыт их коней.

— Вчера был вестник от Панкратия. Сразу же уехал обратно. Октавиана оправдали, а мы не знаем, как это до вас донести. Быстро уж что-то в Сенате всё решили. Ты как, Ферида?

— Всё хорошо, Антогора.

— Тогда доедаем кашку и седлайся. Сергей?

— Я с вами.

— Мар, лошадь Сергея — твоя обязанность.

Антогора и Охота чем-то сильно озабочены.

— Если Октавиан до нашего приезда выйдет за стены Рима, то нам будет очень трудно его найти, — ответила мне на незаданный вопрос Охота. — Хотя Панкратий и постарается проследить за каждым его шагом. Но и Панкратий не всесилен, а Октавиан хитёр, как Бог плутовства и воровства*. Наверняка, догадывается, что за ним охота начнётся. Ой, как интересно сложилось! Охота начинает охоту. Ха!

Расстояние до Рима покрыли за полтора дня. Так и скакали чуть ли не как сумасшедшие. Насколько позволяла моя лошадка. Кони же девочек пробежали бы до Рима и за день, если бы не обуза в моём лице. Спокойно въехали в Аппиевы ворота. Знакомый центурион всё также при них и среди стражников всё больше примелькавшиеся физиономии. Встретили нас приветливо.

— Аве! Надолго в Рим.

— Не знаем ещё, наверное, не на долго.

— На днях бои в Колизее. Участвуете, как в прошлом году?

— Вряд ли — дела.

— Жаль. Желаем удачи в делах!

Когда отъехали от ворот, спрашиваю Антогору:

— А не хотела бы порезвиться на арене?

— Не против бы. Они такие смешные — эти гладиаторы, — и что-то вспомнив, добавила: — Когда не дерутся между собой до крови и смерти.

— А наш Мар смешной гладиатор? Я ведь помню, как тогда, перед стычкой с Квинтом Клодием вы узнали, что он беглый гладиатор и просили его показать приёмы. И это у смешного-то.

— Понимаешь, Сергей, научиться чему-то можно и у смешных. Гладиаторы много умеют того, что и нам не стыдно бы у них взять. Если добавить к этому нашу силу и быстроту, то будет совсем уже не смешно. А так, они всегда нам проиграют с любыми, даже самыми выигрышными приёмами боя. А Мар, наверное, редкий гладиатор, если Квинт Клодий оценивал его в сто золотых, — и засмеялась. — Всё равно ты за него переплатил. Хотя, наверное, не зря. Мар не только хороший работник, но и хороший нам товарищ.

За таким светским разговором подъехали к дому Александра и поднялись в гостиную. Панкратий, узрев нас, пришёл в ужас.

— О, Боги, что же вы и подумать-то забыли, являясь прямо в Рим совершенно открыто?

— А что случилось?

— Не случилось, а вот теперь случится.

— Что ты так разволновался. Говори толком.

— Неужели было трудно догадаться, что как только Октавиану донесут, что в городе появились амазонки, так он мигом исчезнет. Все старания Марка и Ливия пропали. Нужно бежать к ним и поднимать их людей, чтобы обложить дом Цицерона.

— А Цицерон-то тут причём?

— Как же, ведь Октавиан живёт у него. Могли бы вы

остановиться где-нибудь перед Римом незаметно. Прислали бы весть. Я бы вас ввёл в город тайно. А теперь…

Суетясь и причитая, Панкратий вылетел за дверь. Мы с Антогорой переглянулись.

— Да, прав Панкратий. Мы сами себе гору сложностей приготовили. Успеет ли он что-то сделать?

Через окно слышно, как Панкратий во дворе своим зычным голосом разоряется среди слуг, рассылая их в разные концы Рима. Затем внизу затихло, и управляющий испарился.

— Слушайте, девочки, а кто же нас кормить будет? В доме ни души не осталось.

— Пойдём к Василию. Теперь уж что скрываться. Заодно и последние новости узнаем.

Не успели и двинуться с места, как внизу послышался стук в дверь. Ферида привела знакомого человека. Надо же, Флав Оргий — шоумен из Колизея. Как быстро слухи разносятся по Риму. Приветствия, вежливые слова и пожелания в делах. Антогора взяла разговор в свои руки.

— Нет, Флав, мы ничего определённого сказать не можем. Всё зависит от того, как наши дела будут складываться. Когда первые бои? Послезавтра? Тогда время у тебя ещё есть. Загляни завтра к вечеру. У нас ведь Марк всем этим занимается, а мы его ещё даже и не видели. Да, а условия?

— По пять золотых каждой и выбор оружия. У противников тоже выбор оружия.

— Неплохо. Мы согласимся, если дела позволят.

Флав Оргий ушёл.

У Василия в заведении оживлённо, как всегда. Кто-то жуёт, но большинство сидят группами по четыре-пять человек над уже пустыми или полупустыми тарелками, блюдами и что-то энергично обсуждают. При нашем появлении насторожились. Послышались доброжелатель-

ные приветствия и с интересом уставились на амазонок. Словно ждут, будто прямо сейчас произойдёт что-то необычное. Ничего не произошло и все успокоились. Правда, заинтересованные взгляды в нашу сторону время от времени бросают.

— Кого я вижу в своей харчевне! — восклицает Василий, подкатив своё бочкообразное тело к нам. — Антогора, Ферида, Охота — мои самые любимые едоки. Здравствуй и Сергей. Целого барашка, конечно, и вина с мёдом?

— Нет, целого, пожалуй, не надо. Сейчас нам и ноги хватит. А вина давай. Да и сам присядь поговорить с нами.

— Отчего же и не присесть к такой компании, — распорядившись принести требуемое, согласился трактирщик. — С вами и посидеть приятно. Порадуете нас на арене?

— Да что, вы все сговорились что ли! — закипятилась Охота. — На арене, на арене! Как только в город въехали, так все нас на каждом шагу только в Колизей и хотят выпихнуть. Дела у нас! Понятно?

Василий заговорщицки склонился к нам.

— Догадываюсь я, какие у вас в Риме дела. Но, может быть, одно другому не помешает.

— Помешает, — отрезала Антогора. — Не помешает, если ты наше дело за нас и сделаешь. Раз ты о нём всё знаешь.

— Эх, Антогора, разве это может что-нибудь за вас сделать, — с сокрушением проводя руками по своим толстым бокам, проговорил Василий. — А так бы я с радостью. Эй, а вот и ваша баранья нога и вино. Ставьте, ставьте сюда. Вот. Наслаждайтесь.

— Для полноты наслаждения, Василий, ты бы рассказал бы нам, чем сегодня Рим живёт.

— Ожиданием живёт. Сенат должен избрать нового

императора. Говорят, что все больше склоняются в пользу Тиберия. Хотя тут и склоняться-то вроде больше и не к кому.

— Понятно, а ещё что-нибудь?

— Всем известно, что сотворили с вашим племенем Антоний и Октавиан. Теперь народ ждёт, чем всё кончится.

— По-твоему ещё не кончилось?

— А зачем вы здесь?

За столом воцарилось молчание. Василий повертелся так и этак, чувствуя, что вроде бы ляпнул что-то не то. Крякнул с досады и тяжело поднялся.

— Пойду я, пожалуй. Крикните, если что.

— Вот, видали? — поставив стакан на стол, скривилась Ферида. — Все знают, зачем мы в Риме. Что будем делать?

— Ждать, что удастся сотворить Панкратию, — ответила Антогора. — Не пойдём же мы на приступ дома Цицерона. Октавиан понимает, кто его может укрыть и не выдаст — его учитель. Вот в своём доме и не расположился.

Обратно шли, внимательно присматриваясь к толпе. Лица у всех заинтересованные, кивают, встретившись взглядом, но настороженно. Ждут каких-то событий. Ну, и пусть ждут. Вот попали-то мы! Что ни делай — за тобой тысяча глаз смотрит. Охота ловко поймала за ухо какого-то слишком обнахалившегося уличного воришку. Который к нам опрометчиво или из бравады перед приятелями посмел приблизиться. Бить не стала. Только шлёпнула его пониже спины так, что он пролетел вперёд шагов десять под смех толпы. Панкратий оказался уже дома и половина слуг тоже.

— Не знаю, успели мы или нет, но, кажется, успели. У дома Цицерона всё время держатся два наших человека. Но только у обеих дверей. С вашим шумным приез-

дом — это просто ерунда. Можно уйти через любое окно или стену сада. Марка и Ливия уже не было дома. Так что пришлось их управляющим растолковывать, что к чему и, что хозяев некогда ждать. Сделали то же, что и в прошлый раз. Расставили тех же людей у тех же ворот. Так что наши люди обложили дом Цицерона так, что мышь не проскочит. А люди Марка и Ливия смотрят за всеми городскими воротами. Но, если Октавиан решит быстро или с силой вырваться из города, то помехи ему не будет. Стража не вмешается, а вы к нужному месту вовремя не поспеете. Он уже окажется за стенами. А там уж беги куда хочешь.

— Тогда нашим людям у дома Цицерона нужно быть внимательнее и быстрее. Чтобы успели нас предупредить за то время, пока Октавиан доберётся от дома Цицерона до любых ворот. А там уж он от нас не уйдёт, — прикинула ситуацию Антогора. — Ладно, ждём Марка и Ливия. Панкратий, ты бы сходил к Сенату. Поймай их там. Незачем им терять время, заходя к себе домой. Сразу бы к нам.

И Панкратий их поймал. Как вошли, так обряд лобзанья с амазонками. Что же это такое получается? В Риме такого порядка нет, чтобы при встрече целовать не родственных женщин. Гетеры и порнайи не в счёт. Чего это Марк и Ливий липнут к нашим амазонкам? Впрочем, такую форму проявления дружеских чувств принёс сюда я. Да и Александр тоже не стесняется. Да и девочкам приятно. Но что бы уж все подряд, пожалуй, слишком. Чёрт, что это я? Ревную что ли? Обалдел совсем.

— Панкратий по пути нам всё рассказал, — начал Ливий. — Но будем надеяться, что ничего ужасного ещё не произошло. Пути побега под надзором. Присядем и подумаем, как в такой ситуации может поступить Октавиан.

— Как трус, — сразу же ответила Антогора. — Подлецы — они всегда трусы. Сидеть у Цицерона Октавиан

не станет. То, что за домом присматривают — они оба, конечно, знают. А трусу всегда кажется, что вокруг него мало защиты. Он непременно постарается вырваться из ловушки, в которую попал. Но ему нужно время понять, что происходит, составить план, как вырваться, подготовиться. Только после этого он попытается уйти из Рима. Сколько времени ему на это потребуется? Как быстро он рванёт? Каким способом?

— Ну, со временем ему тянуть очень-то нельзя. Да и помощь у него немалая. Я думаю, что у нас на ожидание его действий не больше трёх-четырёх дней. Ему же или им нужно понять глубину препятствий для ухода и как их обойти, — высказался Марк.

— А не попытается ли Октавиан вырваться во время боёв в Колизее? — предположил Ливий.

— Вот и этот туда же! — возмутилась Ферида. — Вы что, совсем все очумели? С чего вы взяли, что мы непременно полезем в этот ваш Колизей? Октавиану имеет смысл уходить во время боёв только в том случае, если мы будем участвовать в этих боях. Тогда мы не сможем его преследовать. Вы этого хотите что ли?

— Что ты, что ты, — встрепенулся Марк. — Это Ливий просто помечтал. Траур ведь кончился, а вы здесь.

— Не валяй дурака, Марк, — бесцеремонно оборвала его Антогора. — Клоните-то вы оба к чему? Мы прибыли сюда за Октавианом и ради вашей прихоти и увеселения рисковать делом не будем. Что-нибудь противное этому, пока мы на службе у Александра нам может приказать только Александр. А если его нет, то только Сергей. А он этого делать никогда не будет.

Марк даже опешил от такой грубой и решительной отповеди. Похоже, что с господами сенаторами ещё никто не позволял себе так говорить. Повисло напряжённое молчание. В этом же унылом молчании сели и за ужин. Антогора немного поуспокоилась и попыталась

разрядить ситуацию.

— Ливий, Марк, вы уж извините меня за грубость. Я не хотела вас обидеть. Но вы и сами должны понимать, что…

— Да, ладно, чего уж там. Мы тоже хороши.

— Интересная ситуация у нас сложилась, — завёл я разговор издалека. — Как в город вошли, так на каждом шагу встречаются поклонники наших красавиц. Но исключительно поклонники, желающие увидеть их в гладиаторском бою. А я чувствую, что и девочки не прочь бы поразмяться. Да вот прибыли-то мы совсем не за этим и рисковать нам нельзя, чтобы не погубить дело.

— Да, ясно, ясно! Что снова повторять, — досадливо отговорился Марк.

— Правда, — продолжил я гнуть свою линию, — при некоторых условиях мы всё, что хотим, можем провернуть целиком и без всякого риска.

Антогора подняла голову от тарелки, и с интересом взглянула на меня.

— Ну-ну?

— Всё должно сложиться, как нам всем хотелось бы, если в доме Цицерона не узнают, что амазонки участвуют в боях.

Все замерли, пытаясь осмыслить идею.

— Поняла! — воскликнула Антогора. — Там никто ничего не узнает, если объявлено о нашем участии будет уже после начала боёв. А когда узнают, то бежать будет уже поздно.

— Именно. Не так, правда, просто. Нужно будет и в Колизей вам войти незаметно, и как только вас объявят, из Колизея никого не выпустить до окончания. Но, я думаю, здесь нам поможет Флав Оргий. Он очень заинтересован в этом. Марк, ты ведь с нашей стороны со всеми договариваешься. Флав уже к нам приходил. Мы пригласили его на всякий случай заглянуть к нам завтра ве-

чером. Не обнадёживали, но вдруг что-то сложится. Берите его и приходите все завтра днём. При тайных условиях у него будет много работы в подготовке боя амазонок.

*

Флав Оргий с Марком и Ливием пришли в середине дня. Весёлые и возбуждённые.

— Флав готов сделать всё, что только потребуется, чтобы увидеть амазонок на арене, — сообщил Марк. — В дни боёв он в Колизее самый главный. Ему подчиняются все. И гладиаторы, и слуги, и зрители. Мы ему объяснили по поводу скрытности. Он согласен.

— Замечательно, тогда сядем и обсудим, что именно и как нужно сделать.

А у нас перед этим только что закончился разговор об оружии для амазонок. Возникла неожиданная проблема.

— Я думаю, что сначала покажем бой на мечах между собой, — предложила Антогора.

— На наших? — спросила Охота.

— На наших.

— А где мы возьмём ещё один? Тебе же нужно два.

— Чёрт, об этом я и не подумала. В самом деле, в Риме мы наверняка ничего даже похожего не найдём. Панкратий, у тебя же в хозяйстве оружие есть. Там не завалялось длинного меча?

— Разные есть, но насчёт длины не уверен. Посмотрите сами.

Спустились в подвал и долго рылись среди всякого оружейного барахла. Ферида взяла какой-то короткий меч и трахнула им плашмя о колонну, поддерживающую свод. Рукоять отломилась.

— Ерунда какая-то, — посетовала Антогора, — где взять ещё один порядочный меч? Давайте тогда так, я возьму два коротких — гладиаторских, а вы будете со своими.

— Да ты что! Двойная разница.

— Ничего, как-нибудь отобьюсь. Опасность в другом. Расстояние между нами сократится, а вы будете размахивать длинными мечами. Можете задеть друг друга. Так что против обычного держитесь друг от друга подальше. Скажем, хотя бы на длину двух наших мечей. Мне за вами будет следить труднее, но не намного. Так что имейте это ввиду.

— Да, а где взять хорошие короткие мечи? — озаботилась Ферида. — Видела, что за хлам в подвале? С ним мы с Охотой тебя на арену не пустим. Это не бой будет, а страх и недоразумение.

Тут как раз гости к нам и подоспели.

— У нас проблема с оружием, — заявила Антогора. — Нужны два хороших гладиаторских меча, а в доме ничего порядочного нет.

— Вот уж чего, а мечей-то у нас достаточно, — Ответил Флав Оргий. Выберете в Колизее любые.

— Чтобы выбрать время надо, а в Колизее у нас этого времени не будет.

— Тогда я распоряжусь, чтобы завтра утром вам привезли мечи для выбора.

— Только пусть за ними отправятся слуги Александра. Незачем кому-то знать, куда их повезут.

— Что ещё?

— Три длинные дубинки и три больших, трезубых кинжала.

— Будет вместе с мечами.

— Тогда с оружием всё. Как мы войдём в Колизей?

— Через час после начала. Улицы будут пусты. Как войдёте, то все ворота сразу запрут и не выпустят никого, кроме вас до самого окончания боёв. Так что ваши бои будут в самой середине.

— А как с гладиаторами? Им же нужно будет знать, с кем встретятся. Оружие опять же выбрать, договориться

между собой о тактике. На это время нужно. А там много всякого народа болтается.

— Я об этом уже подумал, — ответил Флав. — Гладиаторов заведут в их помещения с утра и объявят о вас. Слуг, пищу, знахарей к ним на всякий случай тоже с утра. Затем запрут все наружные двери и решётки в гладиаторские помещения. Тоже до конца боёв. Никто не войдёт — не выйдет. Поставим стражу, чтобы снаружи к решёткам никто не подходил. Во всём Колизее знать о вашем участии в боях и свободно перемещаться буду только я.

— Очень хорошо. Мы будем довольны такой подготовкой.

— Мы подумали, — заговорил Марк, что неплохо бы объявить награду выстоявшим гладиаторам.

— Неплохо бы, — согласился Флав. — Какую? В прошлый раз обещанные десять золотых так никто и не получил.

— Давайте, как и нам пообещайте, — предложила Антогора. — Пять золотых, любому оставшемуся на ногах после одной десятой часа схватки.

— Что вы покажете?

— Схватку между собой, а потом выпускайте гладиаторов.

— Сколько выставить?

— Шестнадцать.

— Ого, против троих-то?

— Ничего, нормально.

Флав ушёл готовить свои дела и Марк с Ливием вместе с ним.

На следующий день с утра прикатила повозка с оружием. Девочки долго копались в ней во дворе. Дубинки и кинжалы сомнений не вызвали. А вот мечи проверяли долго и тщательно. Несколько сломали.

— Что за хлам они используют в боях! — поразилась

Охота.

— Это не мечи хлам, а рука у тебя, как кузнечный молот, — засмеялась Антогора. — И у Фериды тоже. Вот эти два мне, пожалуй, подойдут. Потяжелее обычных. Да, подойдут.

— Интересно, какой подарок тактики нам приготовят гладиаторы? — задумалась Ферида. — Девочки, обойдёмся ли дубинками?

— Хочешь или не хочешь, а обойтись придётся. Сама знаешь, что мы ради потехи крови не проливаем. Это уж они пусть стараются, как хотят. Нам до этого дела нет.

Полюбовались в окна, как народ, толкаясь, движется по улицам в сторону Колизея. Постепенно давка пошла на спад, превратилась в ручеёк. А ещё немного времени спустя суетливо побежали вслед за прошедшими толпами отдельные припозднившиеся. Улицы опустели почти подчистую, несмотря на базарный день. Только пара каких-то фигур бесцельно слоняется поодаль от дома Александра, поглядывая в проулок, в который выходят наши ворота.

— Панкратий, твои люди готовы? — крикнула во двор Антогора.

— Готовы.

— Выпускай!

В проулок вывалилось несколько человек и пошли в противоположную от Колизея сторону. Поравнялись с праздношатающимися на улице, внезапно набросились на них, и потащили с собой назад в проулок. Затянули их во двор. Панкратий подошёл, посмотрел на захваченную пару, что-то спросил. Ответа не дождался, пожал плечами и ткнул пальцем в сторону подвала.

— Вроде всё, — сказал я, — шпионы Октавиана нам не помешают. Антогора, ты первая? Садись.

Причесал девочек.

— Ну, что, пошли что ли? Панкратий, мы готовы!

— Мы тоже.

Бесполезно всё это. Как только вышли на улицу, так сразу стало ясно, что слугами не загородить амазонок от возможных взглядов со стороны. Они выше меня-то чуть ли не на полголовы, а уж над другими возвышаются просто бесстыдно. Нелепая будет процессия.

— Панкратий, ерунда получается. Мы, наоборот, привлекать внимание будем такой несуразной толпой.

— И что делать?

— Идите все вперёд, а мы с девочками отдельно. Всё ж не так в глаза бросаться будем.

— Ладно.

Рим словно вымер. Только редкие женщины попадаются по пути или смотрят в окна. Вываливаемся из улицы. Панкратий со своими спутниками уже входит в последние ещё открытые ворота Колизея. Мы за ними. Ворота захлопываются. Флав Оргий нас уже ждёт. Уводит девочек куда-то вниз, а я по старой памяти начал карабкаться по лестницам и топать по галереям к ложе Марка. За стенами буря голосов восторженной толпы. Добрался. Говорят, что население Рима около полумиллиона жителей. Колизей вмещает пятьдесят тысяч. Если отбросить женщин и детей, то здесь, наверное, каждый третий римлянин. Впечатляет.

— Ну, как? — первый же вопрос Марка.

— Порядок.

— Успокоил, — и распорядился стоящему позади слуге подать вина.

Уместно. В горле всё пересохло. Хоть и осень, но жарко и волнуюсь-таки. Причём вовсе не за дело, а за девочек. Даже как-то и не слежу, что происходит на арене. Какая-то групповая драка. Ещё не кончилась, а кого-то уже утаскивают с арены.

Спрашиваю: — Цицерон здесь?

— Здесь. Вон, видишь, ниже нас и правее в коричне-

вой тоге?

— Ага.

Представительный старикан. В прошлый раз я на него внимания не обратил. Всё больше смотрел, как Ульпиан толчется около Антония и Октавиана. Сегодня на императорском месте пусто. Вон Флав Оргий появился в судейской ложе. О чём-то толкует с судьями. Те согласно кивают головами.

Рёв труб, оповещающих об окончании боя. Главный судья поднимается. Шум трибун мгновенно стихает.

— Амазонки Охота, Антогора и Ферида, — громогласно провозглашает он. — Схватка между собой без судейства.

Какая удивительная акустика в Колизее! Крыши нет. Звуку отражаться не от чего, а отчётливо слышно каждое слово. Девочки выходят на арену. Императору кланяться не надо. Только трибунам. На девочках всё так же, как и в прошлый раз на Антогоре. Лишь повседневные, короткие кожаные юбки и жилеты. Вижу как Цицерон, став мрачнее тучи, нетерпеливым знаком подзывает слугу. Быстро говорит ему что-то и того словно ветром сдуло.

Заревели трубы, объявляя начало боя. Амфитеатр замер. Стальная свистопляска началась. Что-то такое я наблюдал, когда девочки махали саблями в фехтовальном клубе Гешвига. Но то, что происходит здесь и сейчас сильно отличается от прошлого. Огромные мечи несравнимы по размеру и весу с саблями. Казалось бы, всё должно замедлиться. Чёрта два! За широкими мечами, конечно можно следить глазами. Это не шпаги, которые в быстром движении превращаются в трепещущие веера. Но всё равно их мелькание неправдоподобно быстро.

Стремительное перемещение ног, рук и тел. Свист рассекаемого сталью воздуха. Грохот и звон металла. И

всё это в мёртвой тишине огромной, затаившей дыхание толпы. Охота и Ферида опять лупят по Антогоре, что есть силы, а той хоть бы что. Перехватывает и отбивает удары с такой лёгкостью, словно отмахивается от мух. Её противницам всё время приходится отскакивать назад, чтобы размахнуться длинным мечом. А Антогора, танцуя, делает шаг вперёд и преимущество длинного меча противника пропадает.

Краем глаза вижу, что вернулся слуга Цицерона — не выпустили. Что-то виновато говорит своему хозяину. Тот от досады ударяет кулаком о барьер ложи. Оборачивается к нам и смотрит в нашу сторону тяжёлым взглядом. Ливий в ответ пожимает плечами и разводит руками. Цицерон отворачивается.

Охота кубарем летит на песок. За ней следом Ферида. Невозможно заметить, что для этого сделала Антогора. Стоит и ждёт, когда обе поднимутся. А те, поднявшись коротким прыжком, без малейшего промедления летят навстречу Антогоре, выставив вперёд клинки. Двойной удар, звон, скрежет стали о сталь. Действительно, всё звучит так, словно кто-то непрерывно дубасит стальным прутом по звонкой наковальне. Гремящий гул наполняет и переполняет чашу амфитеатра и словно переливается через край в окружающий мир.

Что-то изменилось. Антогора отступает? Устала? Но такого ведь не бывает! Шаг назад, другой, третий. Вдруг она резко отскакивает, оторвавшись на мгновение от подруг, разворачивается и делает рывок к стене, окружающей арену. Охота и Ферида за ней, отставая всего на два-три шага. Антогора оглядывается назад, оценивая дистанцию до преследовательниц, прыгает ногами прямо на стену и, используя инерцию, прижавшую её к стене, делает два шага вверх. Подбежавшие девочки задрав голову смотрят на неё снизу, но мечом беглянку уже не достать. Антогора отталкивается от стены, как

заправский акробат и, совершая в воздухе сальто, летит назад над головами своих подруг. Пружинисто приземляется на ноги у них за спиной. Всё! Острия коротких мечей Антогоры упёрлись в спины Охоты и Фериды. Бой окончен.

Из-за восторженного рёва публики, почти не слышно звука труб, оповещающих о завершении схватки. Небольшой перерыв. Амазонки не спеша подходят к воротам на арену. Отдают Панкратию свои мечи и забирают кинжалы и дубинки. Отходят на противоположную сторону арены и ждут, о чём-то разговаривая между собой. Главный судья опять поднимается и гул голосов послушно стихает.

— Амазонки Охота, Антогора и Ферида против шестнадцати гладиаторов. Бой на выносливость и время по колоколу. Оставшийся на ногах после десятой части часа получает в награду пять золотых.

Это значит, что за шесть минут гладиатору нужно любым способом увернуться от дубинки амазонки. Кто это способен сделать, если вспомнить прошлогодний бой? Рёв труб. Гладиаторы выбегают на арену. Все с огромными почти в рост человека щитами и своими обычными короткими мечами. Удар колокола. Весь Колизей, как от землетрясения содрогается от дикого хохота.

Гладиаторы построились в круг, наглухо загородившись щитами. Только самые кончики мечей торчат наружу между ними. Амазонки, похоже, озадачены. Не выставленный меч не перехватить трезубым кинжалом. А дубинкой до шлема гладиатора не достать. При опасности гладиатор просто присядет и верх щита не позволит нанести удар по голове.

Так вот над чем захохотала публика! Гладиаторы вовсе не собираются нападать. Им — главное продержаться шесть минут и получить награду. Это вовсе не трусость, а расчёт. Сегодня они учли прошлую ошибку,

когда Антогора выбивала их в куче или с флангов. Сейчас никаких флангов и куч нет, с которых можно было бы подступиться. Амазонки разошлись и кружат вокруг стены щитов, пытаясь понять, как взломать такую глухую оборону. А время идёт.

Антогора стоит напротив Фериды, а между ними гладиаторский круг. Охота разбегается сбоку, мощный толчок ногой, девушка, как птица пролетает над щитами, и приземляется на корточки в центре круга гладиаторов. Мгновенно вскакивает, оборачивается вокруг себя, пытаясь увидеть, кто сейчас на неё бросится. Никто. Гладиаторам нельзя повернуться внутрь. Снаружи Антогора и Ферида только и ждут, что кто-то станет к ним спиной.

Великолепный групповой приём шестнадцати боевых фигур! Круг гладиаторов раскалывается надвое по восемь человек на линии между Антогорой и Феридой. Восьмёрки отбегают от Охоты, как ошпаренные и каждая мигом опять свёртывается в другой круг меньшего размера. Озадаченная Охота опять оказывается, что называется, в чистом поле между двумя кругами щитов. На трибунах восторг. А время идёт.

Теперь и прыгнуть внутрь строя щитов нельзя. Стоят плотно и непременно напорешься на выставленный вверх меч. Получается, что Антогоре достаётся восьмёрка противников, а Охоте и Фериде восьмёрка на двоих. Антогора обходит стоящие щиты спокойно, как на прогулке почти вплотную к ним. Никто оттуда даже и не пытается её кольнуть. Хотя нужно только лишь вытянуть из-за щита руку с мечом. Провоцирует. Ни фига! Никто не поддаётся. Только глаза гладиаторов над щитами настороженно следят за девушкой. А время идёт.

Антогора внезапно набрасывается на ближайший щит плечом и вбивает, стоящего за ним гладиатора внутрь их круга. Два глухих удара влево-вправо и в обороне возникает пролом шириной в три щита. Антогора едва

успевает отскочить назад от мгновенно повёрнутых в её сторону мечей. Но вот упавшие гладиаторы мешают стоящим. Лежащие тела не дают быстро замкнуть кольцо обороны.

Я не могу уследить сразу за всем и наблюдаю только за Антогорой. Что там делают Охота и Ферида мне не уловить. Они умудрились своих противников оттеснить в другой конец арены и что-то там с ними вытворяют.

Антогора же и не думает позволить теперь гладиаторскому строю замкнуться. Начался неподражаемый боевой танец Антогоры. Гладиаторы быстро смещаются в сторону, чтобы лежащие тела не мешали им перестроиться. Но теряют при этом ещё одного человека. Сомкнуться не удаётся. Теперь их осталось лишь четверо и, пытаясь, стать спиной к спине, они мешают движениям друг друга. Исход предрешён. Между щитами не замкнуть широкие щели и у гладиаторов теперь единственное спасение — действовать мечом. Что и пытается сделать один из них. Звон перехваченного клинка, рывок трезубым кинжалом, пинок в щит, удар дубинки и их уже трое. Прыжок амазонки вправо — туда, где нет торчащего меча. Удар дубинки за край щита по руке гладиатора, держащей щит и сразу же по шлему. Осталось двое. Но звон колокола, а за ним рёв труб останавливает схватку.

Похоже, Антогора нисколько не обескуражена таким исходом. Подумаешь, не хватило лишь нескольких мгновений и только-то. Охота и Ферида спокойно стоят и наблюдают за финалом. Неподвижные и шевелящиеся тела их противников валяются тут и там. На трибунах — буря.

Я бегу вниз и по пути сталкиваюсь с Флавом Оргием. Он тоже туда. Я как-то и не подумал, что меня-то в помещения гладиаторов не пустят. Да и в их лабиринте я потеряюсь. С Флавом же можно пройти всюду. Прихо-

дим к воротам на арену. Девочки уже здесь. Некоторые гладиаторы выходят с арены сами. Некоторых тащат на плечах.

— Бешеные бабы, — слышится досадливый голос одного из них.

Тут же и двое гладиаторов, выстоявших до звука колокола. Флав подзывает их и, развязав свой кошелёк, вручает каждому по пять золотых ауреусов. Амазонкам тоже.

— Вы не уходите пока, — предупреждает Флав. — Из лож могут ещё что-нибудь принести. Красиво было.

Девочки спокойны и довольны.

— Охота, а это что у тебя? — восклицает Антогора.

На животе красавицы узкая царапина набухающая кровью.

— Да так, задел тут один случайно.

— Случайно? Помнишь кто?

— Да, вон тот, — ткнула Охота пальцем в сидящего на лавке и привалившегося к стене молодого парня.

— Отдай ему свои пять золотых. Внимательнее нужно быть.

Охота обиженно шмыгнула носом, но возразить не посмела, признавая свою ошибку. Подошла к парню, что-то сказала, указав на свою царапину, и вложила монеты ему в руку. Вернулась к нам мрачная, но не надолго. Сверху, из патрицианских лож принесли поднос с подарками. Очень даже приличная россыпь монет и несколько золотых перстней с каменьями. Девочки сгребли всё с подноса.

— Ну, что, Флав, мы пойдём? Прикажи нас выпустить.

— Слава Богов с вами!

На улицах всё также тихо, а чаша Колизея у нас за спиной продолжает кипеть страстями людской массы. Панкратий со слугами остались досматривать бои.

— Никогда не поверю, Антогора, — говорю я, беря

амазонку за руку, — что в вашей схватке между собой, когда ты пролетала над головами Фериды и Охоты, они не успели бы повернуться и встретить тебя мечами.

— Успели бы, конечно, — смеётся она, — и не раз успели бы. Но так публике интереснее.

Вернувшись домой, отпёрли подвал и Ферида выпихнула шпионов Октавиана на улицу. Есть ещё не хочется. Антогора завалилась в кресло и блаженствует, сладостно потягиваясь в безделье, и, время от времени, бросая взгляд в мою сторону. Ферида с Охотой пытаются сообразить, как же лишний перстень из полученных в Колизее подарков разделить на троих. Никак не получается.

— Я нам с мамой в дом ковёр куплю, — заявила Охота. — Большой и красивый — с морем и кораблями. Я такой приметила, когда мы в мастерских были.

*

Следующее утро не принесло никаких событий. Никто не прибежал с вестями и никаких идей о том, что будет дальше — не появилось. Сидим дома и ждём неизвестно чего.

— Пойду, пройдусь, посмотрю, что делается в городе, — сообщил Панкратий, поднявшись к нам в гостиную.

— Я с тобой, — как козочка бодро выпрыгнула из своего кресла Антогора. — Сергей, идёшь?

— Само собой.

Сегодня на улицах многолюдно. Где-то проталкиваемся, а где-то нас просто несёт вместе со всеми. Панкратий, похоже, решил обойти наши посты, стерегущие городские ворота. Потому как мы оказались у Пренестинских ворот. Человек здесь. Свернули вдоль стены к Клавдиевым воротам, а потом к Латинским. Всё в порядке. У Аппиевых ворот знакомый нам Бруно сидит в тенёчке поодаль и от скуки стругает какую-то палку. В самом деле, от тоски сдохнешь при такой работе. Интересно, а что следящие делают ночью и как к ним отно-

сится стража? Я бы на месте стражи непременно шуганул бы таких наблюдателей. Правда, за что?

Панкратий и Антогора подходят к Бруно, а я вижу всё того же центуриона у самых ворот и двигаюсь к нему.

— Аве! Как служба?

— Аве, Сергей!

— Вот как, ты меня уже и по имени знаешь?

— Рим — город слухов. А это, как я понимаю, Антогора.

— Она самая.

— Слышал. Жаль мне вчера не довелось посмотреть. Говорят здорово было.

— Неплохо. А тебя-то как зовут.

— Аврелий.

— Вот ты, Аврелий, говоришь, что Рим — город слухов. Сам ты стоишь у главных ворот, где всем слухам самое место пролетать. Что про нас слышно?

Между тем, Антогора и Панкратий нарисовались у меня за спиной. Аврелий с интересом вблизи разглядывает амазонку, о которой, наверное, много разговоров уловил, но в драке так и не видел.

— Слышно, что нехорошо Антоний и Октавиан поступили с амазонками и теперь мести не избежать.

— Ну, такое мы везде слышим. А ещё что-нибудь?

— Говорят, что Октавиану бежать некуда, кроме Египта, а до Египта далеко. Одни думают, что он не выйдет даже из Рима. Другие спорят, доберётся ли или нет, он хотя бы до моря, но про Египет никто даже и не заикается.

— А ты, как думаешь?

— Нам думать не позволено. Служба такая. Сказано не вмешиваться — мы и не вмешиваемся.

— Хорошая служба! Ну, бывай, Аврелий. А то, что ты не видел амазонок в Колизее, то очень сочувствую.

Мы поворачиваемся уходить, но не успеваем ещё и

двинуться с места. Сзади слышится тихий голос Авре-лия:

— Сегодня утром ночная стража привезла в наши ка-зармы мёртвого человека от Соляных ворот. Стражник полез по нужде между домами и обнаружил тело. Кто это пока не признали.

Оборачиваюсь. Словно ничего и не было сказано. Молча киваю ему. Панкратий срывается с места и спе-шит обратно к Бруно. Что-то бросает ему на ходу, и мы все вместе чуть ли не несёмся в сторону Соляных ворот.

У Соляных ворот человека Марка и Ливия нет. Спе-шим в казармы городской стражи. Тут всё просто. Опо-знать покойника можно каждому. Две колотые раны. В грудь и в бок.

— Сибелиус, — признаёт Бруно.

— Иди домой и уведоми хозяина, — распоряжается Панкратий и говорит уже нам с Антогорой: — Соляные ворота ближе всех к дому Цицерона. Пошли!

У дома Цицерона не досчитались двух слуг Алек-сандра. Тех, которые должны были следить за задней стороной дома. Фасад и тыл дома выходят на парал-лельные улицы. Те слуги, которые сторожили с парад-ной стороны дома, ничего не могут знать о том, что тво-рится позади. Но что с самими-то людьми? В казарме стражи ведь их тел нет. А улица довольно оживлённая и трупы мигом обнаружили бы. Непонятно и когда они пропали. Команда им была дана бежать к нам только, если что-то начнёт происходить. Не происходит ничего два дня — их и нет два дня. Вот тут ошиблись мы с ор-ганизацией. Домой вернулись в полном душевном ни-чтожестве.

— Что случилось? — увидев наши унылые физионо-мии, мигом встрепенулись Охота и Ферида, бросив свои любимые шахматы.

— Октавиан ушёл.

— Как ушёл?!

— Вот так и ушёл! — в сердцах воскликнул я. — Убил, наверное, наших двоих следящих у дома Цицерона и одного у Соляных ворот. Проспали мы его. Но уйти ночью он не мог. Ночная стража никого не выпустила бы. Вчера днём, судя по поведению Цицерона в Колизее, Октавиан был ещё в Риме. Значит, ушёл вечером до закрытия ворот. Мы тут отдыхали, а его люди вышли из дома Цицерона, расчистили ножами дорогу от слежки и Октавиан спокойно выехал из города. Стража не вмешивалась. Даже если и видели, кто едет и то нам ничего не скажут. Здорово мы промахнулись. Не учли, что Октавиан может пойти и на убийства. Глупо, ох, как глупо получилось. Э-эх! Антогора, за тобой слово. В погоне ты главная.

— Если ушёл вчера вечером, то он опережает нас почти на день. Пока соберёмся вслед, то день и будет. Не знаем, куда он двинулся. Ближайшая дорога в Египет через Неаполь, Сицилию и там Большим морем. Но в Неаполь Октавиан не пойдёт. Слишком далеко по суше и легко его догнать. Да и путь слишком для всех понятный. Нет, туда он не пойдёт. Из Соляных ворот можно идти куда угодно. Я думаю, что он двинется как раз в обратную сторону.

Антогора полезла в шкаф и принялась там шуршать свитками.

— Вот, — развернула она на столе карту Италии.

Корявая донельзя карта. Ничего общего с современными картами. Или даже с картами Грегори. Всё искажено. Где-то растянуто, где-то сплющено и, вообще, Италию сапогом не назовёшь. Но города и моря есть. И то хлеб. Египет тоже есть, но почему-то почти наехавший на Сицилию, нарисованную чуть ли не в форме кучки навоза.

— Да, пожалуй, ему кроме как назад бежать и некуда.

Даже если бы он отправился в Неаполь, а мы не шли бы по пятам, то и тогда Октавиан далеко бы не ушёл. В сторону Неаполя его не пропустят, стоящие по пути войска, убитого им Антония. Идти в сторону Неаполя — самоубийство. К галлам он не пойдёт. Ничего хорошего любого римлянина там не ждёт. На Корсике пираты кого угодно продадут в рабство. Даже и бывшего императора. Тем более что и при Октавиане наверняка будет, чем поживиться.

Так что ему остаётся не так уж и много путей. К Адриатике и там уже вдоль Италии и через Большое море в Египет. И на Сицилию заходить не нужно. Через Грецию и Крит. Там у него есть сторонники. Да, если он двинулся на северное побережье и хочет поскорее отплыть, то он постарается поскорее добраться до Анконы. Это большой порт.

— Вряд ли он пойдёт в Анкону, — не согласился Панкратий.

— Почему?

— Это ближе всего от Рима. Просто напрашивается. Да и Анкона — это гавань рыбаков. Морские корабли редко туда заходят. Октавиану выгоднее большой торговый порт вроде Равенны. И от Рима дальше. Меньше подозрений, что он двинется туда.

— Да, пожалуй, ты прав. Где это она тут? Ага, вот Равенна. Быть бы уверенными, что он двинулся туда. Панкратий, сделай вот что. Бери денег, сколько хочешь, своих людей и пока мы собираемся, отправляйся к Соляным воротам. Вечер — не ночь и кроме стражников должны быть люди, видевшие выезжающего из Рима Октавиана. Опрашивай всех подряд. Денег не жалей на развязывание ртов, но найди таких. Кто знает, может и стражники купятся. Октавиан же не один был и не пешком. Нам нужно как-то отличить их от кого-нибудь другого. Иначе мы не будем знать, кого искать. Ждите нас там

— у ворот.

Сборы не заняли много времени. Деньги, оружие, запас пищи на случай, если в тавернах будет некогда останавливаться. Антогора опять порылась в шкафу с картами и извлекла оттуда поцарапанный полевой бинокль.

— Надо взять. Когда Александр мне показал эту штуку впервые, то я сильно испугалась колдовства. В Париже на башне почти такие же. А вот это я не знаю, что такое. Александр говорит, что в путешествии очень нужно. Как?

— Тоже возьмём с собой. Эта штука называется компас. Помогает не заблудиться в незнакомом месте.

Не прошло и двух часов, как мы уже разговаривали с Панкратием у Соляных ворот.

— Вчера незадолго до закрытия ворот из города выехали шесть вооружённых всадников с заметной поклажей. Наверное, они. В такое время — перед ночью на дорогу в дальний путь никто не выходит. До первой таверны в любую сторону до темноты не добраться. Антогора, берегите себя. Да пребудут с вами Боги! — пожелал нам Панкратий.

А ведь мы тоже слишком поздно выбрались на дорогу. Ну, часа три-четыре ещё проскачем до темноты, а наткнёмся ли после этого на какой-нибудь ночлег? И до сих пор не знаем верны ли наши догадки и правильно ли мы едем.

— Поблизости от Рима много сёл и поместий. Как раз вдоль дорог, — словно угадав мои мысли, заговорила Антогора. — Проезжих пускают к себе очень неохотно. Если, вообще, пускают. Потому так и важны придорожные постоялые дворы. Я, думаю, нам это может оказаться не очень полезным. Октавиан не станет привлекать к себе внимания, останавливаясь на постоялых дворах. Если он выехал из Рима перед самым закрытием ворот,

то вот в этой деревне ему было бы самое время остановиться. Но это уж что-то очень близко к Риму. Охота, видишь тех женщин? Спроси.

Охота свернула с дороги и подъехала к двум женщинам, о чём-то разговаривающим рядом с загоном для овец. Соскочила с коня.

— Никто у них вчера не останавливался, — сообщила она вернувшись. — Но вчера было пасмурно и луна не светила. Немного позже, чем сейчас было слышно в темноте, как по дороге проскакали несколько лошадей.

— Значит, они и ночью не останавливались. Спешили уйти подальше. Впрочем, лошадям всё равно отдых давать надо. Уже то хорошо, что и мы в эту сторону собрались, — обрадовалась Антогора.

На ночлег остановились в поле у дороги и не стали даже разжигать костра. Пожевали хлеба с мясом, запили вином и улеглись рядом друг с другом на походные подстилки. Наши кони неподалёку, но невидимые в темноте, пасясь, бряцают всякими железками упряжи.

— Сергей, а звёзды на небе можно сосчитать? — вдруг спрашивает Охота.

Вот, пожалуйста, и эта хочет всё знать про мои-то звёзды. Ишь, Луиза номер два нашлась.

— Можно. Когда мы домой вернёмся, то ты мне как-нибудь напомни — посчитаем.

Из темноты послышалось обеспокоенное фырканье наших лошадей, глухой звук удара и истошный человеческий вопль.

— Лежи-лежи, — не дала мне вскочить Антогора, удерживая за плечо.

— Много их тут вдоль дорог промышляет, — добавила Ферида.

— Кто промышляет?

— Конокрады.

Чувствую, как лежащая рядом со мной Антогора про-

сто сотрясается от беззвучного смеха. Наверное представила себе, что там произошло во тьме рядом с лошадьми.

*

Что-то уж больно всё просто получается. Даже обидно как-то. К середине дня уже дважды получили подтверждение, что впереди нас едет шестеро верхом. По времени мы если их и нагоняем, то пока ещё незначительно. Один раз сбились с дороги — развилка подвела. Пришлось возвращаться. К вечеру, проехав городишко Арретиум, остановились на постоялом дворе. С удовольствием заказали горячего. А я вдобавок насладился ещё и сидением на неподвижно стоящем стуле, а не в трясучем седле. Хозяин таверны — просто прелесть. Услужливый и отзывчивый, а также кладезь наблюдательности.

— Да-да, пронеслись вчера шестеро. Остановились лишь на полчаса попить-поесть. Кладь на каждой лошади порядочная и, похоже, подустали сильно. Расспросили о тавернах и сёлах впереди, и унеслись по генуэзской дороге.

— По генуэзской? Ты ничего не путаешь? Не по равеннской?

— Как я могу путать? Вот же перед вами две дороги. Левая в Геную, а правая в Равенну. Я же не пьяный, чтобы перепутать лево и право.

— Надо же какая незадача, — пробормотала Ферида, когда хозяин отошёл. — Почему в Геную? Не понимаю.

— Наверное, нет никакой незадачи, — разглядывая свою карту, сказала Антогора. — Это мы решили, что Октавиан двинется в Равенну. Он же сам о своих намерениях нам не сообщал. А Генуя ему подходит не хуже Равенны. Тоже порт, а к Египту можно добраться вдоль Либии.

Я заглянул в карту. Оказалось, что Либия — это Аф-

рика. Да, пожалуй, и этот путь тоже хорош для Октавиана. Так что мы рванули, что есть духу к Генуе. Наверняка мы движемся быстрее их. У них кладь должна хоть немного лошадей изнурять, а у меня её нет. Девочки всё взяли к себе. Их коням это нипочём. На ночь остановились на очередном постоялом дворе. Здесь тоже видели шестёрку всадников с поклажей.

Нужно спешить и Антогора подняла нас ещё затемно. Затемно и выехали. А генуэзская дорога днём довольно оживлённа. Но всё больше крестьянские повозки и погонщики с осликами. Быстрее, быстрее, быстрее, но и без остановки не обойтись. К полудню въехали в маленькое селение. Никто вчера шестерых всадников не видел. Странно. Может, объехали селение или проскользнули ночью? Как по инерции доскакали до следующей таверны. И здесь не останавливалась и не проезжала интересующая нас кавалькада. Что за чертовщина? Куда они могли пропасть?

Я никогда не видел Антогору такой взбешённой. Губы сжаты, лицо напряжено, а глаза просто сумасшедшие. Что-нибудь вместе с кем-нибудь разнесла бы в дребезги, попади оно под руку. Но это "оно" осталось далеко позади — у развилки дорог. Ни слова не говоря, махнула рукой и, круто развернувшись, сошла с дороги, поскакав мимо таверны на север, прямо через поля. Охота и Ферида за ней. А мне куда деваться? Не поеду же я в Геную один.

Через несколько часов дикой скачки по холмам и камням увидели впереди пару повозок, двигающихся перпендикулярно нам. Домики неподалёку. Равеннская дорога! Моя лошадка едва переставляет ноги, а уже начало смеркаться. Не стали искать пристанища, а сбросили сёдла на траву почти прямо у дороги.

— Знала же, с кем имеем дело! Должна была предвидеть, — ругает саму себя Антогора. — Ловко он нас

провёл и как просто. Столько времени потеряли!

— Понятно, — согласилась Охота. — Трактирщика подкупил, а по генуэзской дороге послал кого-то, чтобы преследователям врали. И мы на это попались. Теперь он, наверное, уже давно в море, а нам до Равенны завтра ещё полдня добираться.

Ферида пешком прошла до домиков. Зашла в один, в другой. Вернулась через четверть часа.

— Проезжали.

Все вздохнули с облегчением.

Равенна — оживлённое место. Широкая и продолговатая бухта, блистающая голубизной, усыпана стоящими лодками и кораблями. Галеры, триеры, триремы, децимремы и ещё что-то. Так вроде классифицировались античные суда. Кажется, военные. Сгрудились в одном месте. Как понимаю, римский военный флот на Адриатике.

А вон, похоже, и торговые — длинноватые с одним ярусом вёсел по борту, а многие и без них — короткие и пузатые только с рулевым веслом. У причалов и на якорях. Почти на всех судах только по одной мачте с одним большим парусом. Всего на нескольких есть ещё вторая небольшая мачта близко к носу. На военных судах корма в виде рыбьего хвоста, нос с глазами. Всё как в учебнике истории древнего мира.

Девочки стоят на возвышенном берегу, держа коней за поводья. Откровенно любуются открывшейся картиной бухты. Словно от рождения у них в крови тяга к морю, и восторг его стихией. Наверное, требует безграничной физической и духовной свободы каждая душа этого вольного племени? А где есть ещё такая свобода, как не в просторах моря? Не перестаю ими поражаться. Казалось бы, что до этого моря им, всю жизнь живущим на суше. Рыбу в море не ловят. В плаванья не ходят. И вот, на тебе! Наверное, их только одно и сдерживает. Что

корабли строить не умеют. Вон Охота и та мечтает о ковре с морем и кораблями для дома. Какая же всё-таки божественная рука свела меня с ними всеми.

— Антогора, а какая разница между триерой и триремой?

— Никакой. Это одно и то же. Первое название греческое, а второе римское.

— А децимремы здесь в бухте есть?

— Только одна. Вон там, видишь? Которая длинная-длинная.

— А галеры есть?

— Они все галеры, — рассмеялась Антогора. — И трирема — галера, и децимрема — галера. А также бирема, либурна, гексера, эннера и многие другие тоже галеры.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Почему только я знаю? Охота и Ферида тоже знают. Нас в племени всех одинаково учат.

— Ну что ж, пойдём вниз?

— Пойдём.

Портовая суета мне знакома. Только вот местных ругательств не знаю. А так почти всё то же. Бочки, канаты, матросы, грузчики. Правда, здесь грузчиками рабы. Кошмарно выглядят. Не то, что на рабском рынке в Багдаде. Вот грузят масло в амфорах или вино. А вот выгружают камни балласта. Свист кнутов сильно раздражает. Правда, он довольно редок. Достаточно окрика. Девочкам же всё это портовое в диковинку. С интересом смотрят по сторонам и прислушиваются к звукам.

— Что будем делать, Антогора? У нас две задачи. Узнать когда и на чём уплыл Октавиан, и на чём мы смогли бы его догнать?

— Сначала нам нужно где-то с ночлегом и едой пристроиться. Да и коней поставить. Есть у меня одна мыслишка о наших задачах, но это уже после.

Пока она это говорила, я уже присмотрел неподалёку достойного для беседы человека с большой плёткой, зажатой в руках за спиной. Стоит себе и внимательно наблюдает, как рабы таскают по сходням какие-то кули на пузатенький корабль.

— Аве, достойнейший! — без всяких выкрутасов подкатил я к нему.

— Аве и тебе, незнакомец, — послышался после визуальной оценки моей внешности чуть задержавшийся ответ.

— Не подскажешь ли нам — достойным путникам, достойное заведение, где можно получить достойную еду, достойный кров и достойное обиталище для достойных лошадей?

Похоже, тип малость опешил от такого изысканного обращения, но быстро пришёл в себя и нашёлся с ответом.

— Достойное заведение прямо перед тобой, — ткнул он плетью в сторону большой двери с вывеской "Трирема" над ней. — А это, похоже, стоят твои достойные спутники? То есть спутницы. Не знаю, как насчёт них, а вот кони у них точно очень достойные. Но вот в достойном заведении не очень-то любят женщин. Даже достойных.

Однако надсмотрщик присмотрелся и вроде в глазах мелькнул огонёк понимания того, что он видит.

— Ого, да это похоже амазонки! Если то, что я о них слышал, правда, то они заставят в этом достойном заведении, кого угодно полюбить себя.

Надсмотрщик осклабился словно в предвкушении какого-то удовольствия, которое его ждёт.

— Не пропусти момент, когда мои достойные спутницы будут заставлять любить себя, — сказал я ему и вернулся к девочкам.

— Таверна и постоялый двор, как я понимаю, прямо

перед нами. Только какие-то уж очень подозрительные. Трактирщику должно быть всё равно, кто у него клиент. Лишь бы деньги платил. А здесь, говорят, очень женщин не любят.

— Ничего, полюбят, — с угрозой в голосе посулила Охота. — Не будем же мы по всему порту и городу болтаться в поисках любви к себе.

Тут я, наконец, сообразил то, что можно было бы сообразить уже давно. Беспокоило что-то неуловимое ещё с утра. Но дошло только сейчас. Ветра-то в воздухе почти нет.

— Девочки, а ведь ветра-то почти нет и уже давно. А? Понимаете, что это значит?

— Октавиан где-то неподалёку застрял, — чуть не прыгая от восторга, обрадовалась Охота.

— Может быть, и не застрял, но на вёслах далеко не уйдёт. Как думаешь, Антогора.

— Не уйдёт. Торговые корабли с вёслами тихоходны, а быстроходное, военное ему негде взять. Не император уже.

— Вот-вот, подождите здесь, а я пойду, посмотрю, что там внутри творится.

В "Трирему" творится безобразие с точки зрения хотя бы и самого невзыскательного санэпиднадзора. Причём безобразие начинается ещё снаружи. В виде вьющейся у входа стайки оборванных мальчишек в возрасте восьми-двенадцати лет. Детская нищета? Мордашки измазюканные, а глазёнки алчущие еды. Внутри немногим лучше на первый взгляд. Вроде большой сарай сараем со столами. Однако если приглядеться, то видно, что сарай ухоженный, с притязаниями на порядок и чистоту. У древнеримской кабацкой стойки или прилавка словно дремлет, наверное, хозяин кабака. Глаза вроде бы и прикрыты, но незаметно зыркают туда-сюда под мохнатыми бровями, приглядывая за довольно многочислен-

ными гостями и снующими туда-сюда подавальщиками.

— Хвала Зевсу! — восклицаю я, подойдя к прилавку.

— Хвала, хвала, — распахивает глаза фигура за стойкой.

— Решили вот тут зайти в твоё заведение разузнать не найдётся ли здесь кров, пища для четверых приличных людей и конюшня для четырёх приличных коней, — лениво перечислил я наши потребности, многозначительно постукивая краешком золотой монеты по прилавку.

— Найдётся, найдётся, конечно же, всё найдётся для приличных людей и коней, — внезапно ожила фигура. — Всех, всех сюда заводите!

— И коней?

— Нет-нет, — опомнилась фигура, — коней вокруг дома. Я сейчас покажу.

Довольно полноватенький мужчина средних лет выскочил из-за прилавка, засеменил к двери, распахнул её, тут же захлопнул и уставился на меня.

— Женщины?

— И что?

— С ними всегда неприятности. Чуть что, то вокруг них сразу драки. Ломают всё вокруг, а платить за ущерб никого не находится. Не пускаю я женщин сюда. Кому они нужны, пусть принимает их дома или ходит в лупанарий.

— Но это не такие женщины. Только представь себе, что будет с твоим заведением, если ты откажешь им в услугах.

Кабатчик снова высунул нос за дверь, обозрел группу, стоящую на улице и тяжело вздохнул.

— Да уж, я не сразу понял. На Адриатике многие плавают мимо их владений, но здесь их никогда не видывали.

— Вот и хорошо. Значит, договорились, — и я отпу-

стил монету, звонко брякнувшую о прилавок. — Для начала сделай за самый краешек этой монеты вот что. Амазонкам очень не нравятся голодные дети. Дай тем, что у дверей хотя бы по куску хлеба с мясом. И ещё вот что. Особы они иногда очень беспокойные. Если что вокруг них и случится с ущербом, то за всё будет щедро заплачено. Они не бедные.

Не прошло и четверти часа, а мы уже сидели за столом, посмотрев выделенные нам для сна крошечные каморки. Лошади и те лучше устроены.

— Что подать? — подскочил хозяин.

— Две жареные курицы покрупнее, хорошего вина и сладкий пирог. Есть пирог?

— Есть, есть, а курицы у нас всегда на вертеле. Мигом будут.

И в самом деле, почти тотчас же прибыли куры и вино. Пирог через минуту. Вино вроде ничего — сладкое, осеннее.

— Кто делит — тому и шкурка Сергея, — орудуя ножом, заявила Охота, обдирая мою половину птицы. И тут же засмеялась: — Нет-нет, не твоя собственная шкурка, а курицы.

Ферида и Антогора только разочарованно сглотнули слюну. Опять их опередили. Однако курицы оказались большие и сытные. Ножку отдал Антогоре, а крылышко и кусочек от грудки Фериде.

— Антогора, так что у тебя там за мыслишка о наших задачах?

— Вспоминаю, как нас провели в дороге. Не хотелось бы повторения. А если опрашивать об Октавиане незнакомых людей, то можем и опять оказаться обманутыми. Он ведь и здесь мог оставить какую-нибудь хитрость против нас.

— Конечно, мог. Например, ложь о внешности корабля, на котором ушёл. Отплывал-то он наверняка тайно.

Не будем знать, что за корабль и не найдём Октавиана.

— Вот-вот. Я подумала вот о чём. А не согласятся ли нам помочь отцы некоторых наших подруг. Антиопа говорила, что их в Равенне двое или трое. Люди довольно важные. Только вот я их не знаю. Даже имён.

— Мысль просто замечательная, — воодушевилась Ферида, — но как их найти? Или хотя бы одного.

— То-то и оно. Давайте обсудим, как бы кого-то обнаружить. Мысль-то моя, да вот дальше ничего путного в голову не идёт. Охота, ты как?

— Никак! Мне и думать не надо. Я шкурку Сергея съела, и решение сразу в голову стукнуло. Кто годен решить задачу, тот и должен её решать. Мы с вами, как всем уже известно, чудо несказа́нное, а задача-то ведь для чуда хитроумного. Так что хитроумный пусть и думает.

Чуть ли не все в таверне и так пялятся на амазонок, а тут девочки так дружно, заразительно засмеялись, что обернулись уже все поголовно.

— Нет, так не честно. Нужно всем думать, а тут вдруг как найти неизвестно, кого должен соображать я один.

— Честно, честно, — возразила Антогора. — Ты нами восхищаешься и мы хотим тобой повосхищаться — работай.

— Ну, ладно, раз так ставится вопрос, то буду думать. Что у нас есть? Два или три отца амазонок в Равенне. Кто они не знаем. Антогора, не знаешь ли разовые это отцы или в племени у них много детей?

— Не знаю.

— Жаль. Предположим, что они участвовали в таинстве зачатия не раз. Дочери в племени у них есть. А, может быть, есть и сыновья от амазонок здесь в Равенне. Всё-таки три человека и хоть где-то и у кого-то из отцов должна сохраняться привязанность к племени, интерес к тому, что там происходит, сопереживание. Хо-

тя бы всё это и отдалённое. Возможно, им было бы интересно знать, что в племени происходит. И опять-таки хотя бы с их детьми. Это свойственно большинству людей даже без постоянных связей. Обратиться в племя за этим они не могут — запрещено, а что не запрещено, то далеко, но вот…

— Ну и ну! Как оказывается всё просто, — прервала меня Антогора, — а я-то и не догадалась. А нужно-то было всего лишь разложить всё по порядку. Мы здесь и о племени можно спросить у нас. Нужно только лишь, чтобы по Равенне разнёсся слух о нашем присутствии. Хоть кто-нибудь из двоих или троих может и прийти к нам. Тут мы и попытаемся через него что-нибудь узнать об Октавиане. Сергей, мы признаём, что ты более хитроумный, чем мы несказáнные. Весь оставшийся день будем тобой непрерывно восхищаться.

— Осталась мелочь, — напомнила Охота. — Как-то разнести слух по Равенне.

И вся троица опять начала пристально сверлить меня взглядами.

— Нужно устроить драку. Слухи о драках распространяются очень быстро, а о драке, в которой участвуют амазонки и того быстрее.

— Замечательно! — обрадовалась Ферида. — сейчас и устроим драку прямо здесь.

— Драка, драка, драка, — забубнила Охота, внимательно оглядывая таверну, в поисках объекта для драки.

— Но мы же не можем на кого-то просто так взять и наброситься, — засомневалась Антогора. — Нужно, чтобы набросились на нас.

— Не усложняй, — возразила Ферида. — Совсем не нужно, чтобы набрасывались. Нам достаточно хоть мелкого повода и мы уже будем не виноваты.

— Ферида права, — поддержал я её. — Нужен только повод. Давайте смотреть, где он может быть здесь.

За парой столов пристроились вроде как по-нашему матросы. Сидят тихо, глазеют на девочек и всё. Даже сильно пьяных среди них нет. Наверное, хорошо прослышаны об амазонках. Ведь о них легенды ходят. Не дадут повода.

А вот это, похоже, компания торговых судоводителей, навигаторов. Важные своим значением. С интересом разглядывают девочек, но ничего опрометчивого не сделают. Престиж не позволит.

Много разных торговцев. Хотя и бросают взгляды в нашу сторону, но слишком заняты собой. Совершенно трезвые. Ни на какой риск не пойдут.

Вот эти непонятные. Вроде бы торговцы, но что-то уж очень какие-то развязные что ли. Четверо. Шумно разговаривают. Смотрят на амазонок, переговариваются и потом хохочут. Одеты лучше всех в таверне. В разноцветные тоги. Импульсивны ли? Неясно.

— Работорговцы, — подсказала Антогора, проследив мой взгляд. — Их всегда легко узнать.

— Надо же, какие молодые. Самому старшему вряд ли больше сорока. А у меня о работорговцах было совсем другое представление. Плеть, злоба на лице, неаккуратная одежда.

— Плеть и злоба у надсмотрщиков, а это их хозяева. Сергей, что-то я не вижу, за кого бы зацепиться. Никто приставать к нам не хочет.

— Попробуем зацепиться как раз за этих. Уж очень они удобно сидят. У прохода между нами и прилавком с хозяином таверны.

— Причём тут сидят?

— Увидишь. Ферида!

— Я тут. Уже можно драться?

— Ещё нет. Ты ведь не любишь, когда чужие люди трогают тебя пальцами.

— Очень не люблю! Уже можно драться?

Охота и Антогора ухмыляются. Да и я не могу удержаться от улыбки. Разыгралась шутница.

— Слушай внимательно. Видишь вон того мужчину в тоге у прохода. Да не упирайся ты в него взглядом! Совсем забыла бальный этикет? Стрельнуть глазами было можно, но ты этот момент уже пропустила. Так вот, спокойно вставай и иди мимо него к прилавку. Поравняешься с ним и тогда случайно и легонько мазни его бедром по плечу. Так, совсем чуть-чуть. Словно сама и не почувствовала. Иди дальше до прилавка и заговори с хозяином.

— О чём?

— Всё равно. Спроси, нет ли пива. Если он не знает, что это такое, то попробуй объяснить. Обратно иди тоже не спеша. Посмотрим, как тот за столом поступит. Там уж сама соображай, что делать дальше. Если это всё не сработает, то и не знаю, как быть. Хоть иди, ищи драку в порту.

Ферида поднялась и независимой походкой двинулась по проходу. Смотрит прямо перед собой. Коснулась бедром! Да так естественно, что это может быть только случайно. Взгляды от всех столов прикованы к ней. А как же! Такая фигура и короткая юбка. Дошла до прилавка и заговорила с кабатчиком. Тот недоумевает. Пошла обратно и остановилась у стола с весёлой компанией. Оказывается, что тип, сидящий с края стола, выставил в проход ногу.

— Убери ногу. Дай пройти, — с очаровательной улыбкой произнесла Ферида.

Хозяин таверны, услышав это, скорчил невообразимую рожу и присел на всякий случай за прилавком. Печальный опыт наблюдения за женщинами в таверне, наверное, уже превратился у него в рефлекс. Все в зале замерли. Только торговцы что-то бубнят между собой. Но это всё ерунда. Если нога будет убрана, то ничего и

не произойдёт.

Но нахал сделал то, чего ему никак делать было нельзя. Схватил Фериду за предплечье, что-то весело, вполголоса ляпнул друзьям и тут же схватился за мгновенно окровавившийся рот. Ферида сгребла тогу наглеца на спине в комок, подняла его со скамьи и поволокла к двери. Распахнула её, и пинком вышибла работорговца наружу. Подошла к хозяину и внушительно произнесла:

— Пока мы у тебя на постое, чтобы этого дуралея я здесь не видела. То, что он сегодня тебе должен, я заплачу.

— Отлично проделано, — похвалил я девушку, когда она села на своё место. — Молодец! Свидетелей полно. Сейчас они начнут разбегаться с интересным скандальчиком. Сидите здесь. Я ещё кое-что должен сделать.

Подошёл к прилавку и выложил пять денариев.

— Разменяй на серебряные сестерции.

Сгрёб монеты и вывалился из таверны. Вижу, что пострадавший отошёл в сторону и там, поодаль сплёвывает кровь и зубы. Его коллеги и собутыльники уже около него. Мальчишки здесь и с интересом наблюдают за сценой.

— Ребята, заработать хотите?

Кто ж не хочет!

— Как зовут этого человека, знаете?

— Чёрный Краст. Он нубийцами торгует.

— Очень хорошо. Вот вам по одному серебряному сестерцию. Бегите по порту и городу. Кричите вот что: "Амазонки в порту! Амазонки в городе! Амазонки избили Черного Краста!" Понятно? Вот и хорошо. Весь город и весь порт обежать надо. Когда закончите, то приходите сюда и найдите меня. Я вам дам ещё по сестерцию. Пошли!

Из таверны выглянула Антогора.

— Что ты тут делаешь? Долго тебя ждать?

Прислушалась к мальчишеским крикам. Увидела, что их около таверны нет, всё поняла и засмеялась.

— Да-а, и такое тоже не пришло бы мне в голову.

И в самом деле, после выступления Фериды народу в таверне сильно поубавилось. Но, понятное дело, позже, наоборот, сильно прибавится. Многие сбегутся поглазеть на амазонок. Скандальная слава — лучшая реклама. Поэтому я распорядился оставить стол за нами при любом наплыве публики, и мы вышли из таверны.

Ветра как не было, так и нет. Хорошо. Несколько торговых судов из-за безветрия застряли у входа в бухту и дальше на подходе к ней. Большая вёсельная лодка подцепила одно из них, и тянет к берегу. Забрались на холм и по очереди рассматриваем панораму жизни порта в бинокль.

— Жалко мальчишек, — вдруг ни с того, ни с сего говорит Антогора. — Не могу я к этому привыкнуть. В Риме таких полным полно. Как они живут и где совершенно непонятно. Посетители Василия подкармливают нескольких. Да и Василий тоже, но он не может содержать их всех, как в семье. Девочек же забирают в лупанарии и они там растут до созревания, а дальше уж обслуживают клиентов. Казалось бы, им легче, но, когда стареют, им не позавидуешь.

— Сергей, хочешь сходить в местный лупанарий? Мы его живо найдём, — предложила Охота.

— Нет, обойдусь как-нибудь. Я вон вижу внизу невольничий рынок. Может, сходим, посмотрим? Я себе куплю пару молчаливых рабынь. Будут меня молча ублажать вместо болтливых амазонок. Их и бить можно. А тебя вот попробуй, стукни.

— А за что это меня стукать-то? Девочки, что ж это такое получается. Мы к нему с открытой душой, а он нас стукать мечтает. Или только меня?

— А что, и в самом деле, почему нам и не спуститься

к невольничьему рынку, — согласилась Ферида, убирая бинокль в тряпичную сумку. — Всё равно делать пока больше нечего. Драка-то кончилась.

Разительная разница с рабским рынком в Багдаде. Здесь и плети. Здесь и цепи. Здесь и клетки. Да ещё и громадные деревянные колодки на шеи, и железные обручи. Полный набор атрибутов рабства. Товарец, конечно, тот ещё. Грязный и усталый. Разве что только женщины ещё туда-сюда. Грязных и усталых никто покупать не будет. А мужчин, наверное, уж новый хозяин сам приводит в порядок, если захочет.

— Кошмар какой-то, — шепчет Антогора. — В Риме и то как-то получше.

— Зато здесь вдвое дешевле, — замечает Охота. — Вот, смотрите, если этого помыть и покормить славный парень может оказаться. Только взгляд у него страшноватый какой-то. На грека похож. Хотя от такой жизни обозлиться на весь мир немудрено.

— Ты откуда? — спросила Ферида раба, похожего на грека.

— Из Эфеса.

— Понятно. И в самом деле — грек. Сам продался или за долги?

— Пираты.

— Да, и так бывает.

Надсмотрщик стоит рядом, но молчит. И, вообще, что-то никто нам свой товар не предлагает. Чувствуется какая-то насторожённость. Видимо мальчишки здесь уже пробегали.

Женщины. Здесь, конечно, ни цепей, ни колодок. Только тонкие ошейники. Женщины разные-всякие. Есть вроде бы даже одна китаянка. Ну и путь ей пришлось проделать! Хотя и свеженькая. А это, наверное, мавританки. Наполовину арабки, а наполовину негритянки. А в некоторых проскальзывает и что-то испанское. Всех по

требованию можно посмотреть голыми.

Охота что-то сегодня совсем не отстаёт от меня со всякими подколками.

— Девочки, давайте мы Сергею всё же купим женщину для утех. На нас с вами он же жениться отказался, а жить-то надо в гармонии.

— У меня как раз гармонии-то хватает. И гармонию свою я тоже нашёл почти вот на таком же рабском рынке.

— Да ну! — хором ахнуло чудо несказáнное.

— Бьёшь, конечно, — ехидно добавила Охота.

— Она свободный и любимый человек.

— Отпустил?

— Отпустил.

— И не ушла?

— Не ушла.

— Романтично-то как.

— Романтично — это что? — поинтересовалась Ферида.

— Что-то красивое. Это слово я в Париже подцепила.

— И как зовут твою гармонию, Сергей?

— Зубейда. Очень чем-то на вас похожа. Не силой, конечно, а добрым характером и красотой.

— На нас похожа? — переспросила Антогора и все три задумчиво замолкли.

Негры. Много и разные от коричневого до совершенно чёрного цвета. Наверное, товар Чёрного Краста. Нам не интересно.

— Ну, что, пойдём, — предлагает Антогора. — Что бы нам ещё посмотреть в порту? Может, товары?

Товары можно посмотреть прямо на берегу. Правда, только привезённые. Увозимые не показывают. Кувшины, мешки, тюки стоят и лежат грудами на песке, и ждут своей очереди погрузки на суда. Часть же привезённых товаров выкладывается на берегу для демонстрации и

продажи. Но и те уже убирают — поздновато мы появились. Ткани хорошие. Девочки с завистью их рассматривают. Да вот брать нельзя — погоня. Не будешь же таскать с собой и склад товаров.

Потихоньку идём обратно к таверне.

— Может быть, всё-таки купим? — вдруг о чём-то спрашивает Охота.

— И что с ним делать?

— Отпустим.

Антогора круто поворачивает к невольничьему рынку. Грек никуда не делся.

— Мы вот этого возьмём. Сколько просишь? — следует вопрос надсмотрщику.

— Э-э…

— Без "Э-э". Цены мы знаем. Двенадцать денариев. Хочешь поторговаться? — с железом в голосе спрашивает Антогора.

— Двенадцать, так двенадцать.

— Пиши купчую на имя Антогоры Амазонской.

В три минуты обменяли монеты на раба и свиток о продаже раба по имени Марк.

— Ошейник сними.

Пока грека водили к кузнецу, Антогора добавила в свиток запись об отпуске на свободу, расписалась и приложила палец. Вернувшийся надсмотрщик расписался, как свидетель и шлёпнул свою печатку.

— Вот, держи, — впихнула она пергамент в руки грека. — И вот ещё тебе десять денариев. До Греции добраться хватит. А захочешь сэкономить, то наймись до Греции матросом и больше пиратам не попадайся.

И тут же повернулась к ещё никуда не ушедшему надсмотрщику.

— Я по твоей роже вижу, какие мыслишки у тебя крутятся к голове. И раб здесь, и деньги при нём, и купчую можно порвать. Поостерегись с нами шутить. Живо без

головы останешься.

Сняла с плеча надсмотрщика толстую плеть и с треском разорвала её у него перед глазами без малейшего видимого усилия. Мы ушли, оставив грека стоять столбом. Ничего, когда-нибудь, да и придёт в себя. Мальчишки-крикуны уже поджидали нас у таверны. Честно с ними рассчитался.

— У вас гости, — предупредил хозяин таверны.

В заведении уже многолюдно. Любопытствующие взгляды ласкают амазонок со всех сторон. За нашим столом сидит мужчина лет сорока пяти-пятидесяти и мальчик лет двенадцати. На столе пусто. Гости ничего не заказывали.

— Аве!

— Аве!

— Я триерарх Марий Туллий, а это мой сын Овий.

— Антогора, а это Охота, Ферида и наш друг и представитель племени Сергей. Рады приветствовать тебя, Марий. Что будешь?

— То же, что и вы.

Через несколько минут стол покрылся тарелками и блюдами вполне приличных яств и кувшинчиками вин.

— Я в этом году, — начал Марий, — опять получил от вашей предводительницы Антиопы приглашение. Скоро отправлюсь. Не каждый год я их получаю, но всякий раз неожиданно.

— Значит, ты тот человек, которого мы ждали.

— Ждали?

— Да. Нам нужна помощь в Равенне, но об этом потом. Ты женат, триерарх?

— Нет, до сих пор нет.

— Тогда, может быть, твой сын и от нас? Мне он нравится.

— От вас. Не очень трудно догадаться? Правда? — улыбнулся Марий.

— При нём можно говорить?

— Можно. Он знает, что его мать амазонка, но амазонок никогда не встречал. Видите, с каким восторгом он на вас всех смотрит? Мы услышали, что амазонки в Равенне и поспешили сюда.

— Понимаю. Хочешь что-то спросить?

— Да. Мы хоть и далековато от Рима, но кое-какие новости доходят и сюда. Меня очень обеспокоило нападение на племя. У меня две дочери и хотелось бы знать, не случилось ли с ними чего.

— Ты же знаешь, Марк, какие у нас жёсткие правила касаются родственных связей, и ты с ними согласился. Потому приглашения и получаешь. Ты вправе знать только то, кто у тебя родился и имя. Больше ничего.

— Антогора, — вмешалась Охота, — это не совсем обычный случай. Если отец имеет право знать, кто родился, то он должен иметь право знать и жив ли ребёнок.

— Я согласна с Охотой, — поддержала подругу Ферида. — Мы же сообщаем отцу, если ребёнок умер при родах или вскоре за ними. Вроде бы в правилах никаких оговорок о периоде между жизнью и смертью нет.

— Пожалуй, вы правы. Марий, кто тебя интересует? Только учти, что нас много и всех по именам мы не знаем.

— Вилия дочь Пенелопы девятнадцати лет и Дора дочь Лютеции. Ей должно быть десять.

— Вилию мы знаем. Она вестницей у Антиопы. С ней всё хорошо. А вот Дору я не знаю. Девочки, Дору дочь Лютеции знаете? Нет? Вот, видишь, не знаем. Но беспокоиться не о чем. У нас погибли только взрослые. С детьми ничего не случилось.

— А Аспасия? Такое имя знаете?

— Что ты, Марий, только я знаю шесть или семь Аспасий. Как я понимаю, ты имеешь ввиду мать Овия?

Мы не можем знать, кто мать ребёнка за пределами племени.

— Вроде бы она у вас в племени кузнец или была им.

Чёрт, девочки выдали себя, одновременно бросив взгляд на мальчика. Он-то ничего не заметил, но Марий, похоже, всё понял.

— Марий, у нас и кузниц-то не одна. Так и Аспасий там тоже. Очень часто встречающееся имя.

— Понятно. Какая помощь вам нужна в Равенне? Сделаю всё, что смогу.

— Мы преследуем человека, по приказу которого было совершено нападение на племя. Больше двадцати амазонок погибли и почти все молодые. Мы думаем, что этот человек покинул гавань Равенны ещё вчера и очень скрытно. Нам нужно подробное описание его судна. А из этого, какое судно нужно нам, чтобы его догнать. Нам очень повезло, что встретился ты, Марий, — командир триремы. Ты многое должен знать.

— Я догадываюсь, кого вы преследуете, и попробую помочь. Давайте встретимся здесь завтра перед полуднем. И очень благодарен, что вы промолчали о том, о чём не следовало говорить.

Отец с сыном ушли. Мы тихо посидели, некоторое время, не издавая никаких звуков.

— Значит, напарницу Одры по кузнице звали Аспасия?

— Звали. Жалко её. Редкий человек она была, как и Одра. Одре теперь трудно будет новую напарницу подобрать, — вздохнула Ферида. — Что-то хозяин на нас уставился. Хочет подойти, что ли? Кто-нибудь из нас хоть поинтересовался, как его зовут? Нет? Здорово.

Хозяин действительно засеменил к нам.

— Смотрите сколько сегодня народа и всё благодаря вам. Никогда так не было.

— Ну, и радуйся. Чего ты прибежал-то? — спросила

Антогора, — Хочешь узнать, сколько такое счастье продлится? Так мы не знаем, э-э…

— Аппий.

— Не знаем Аппий. Может быть, уже завтра уйдём. Но ты можешь сам продлить свою радость.

— Это как?

— Смени вывеску на "Приют амазонок". Внутри развесь героические и эротические картинки с амазонками. И, наконец, хорошо почисти своё заведение.

— Ха! Это интересно. Может, и в самом деле, так сделать?

— Сделай, сделай, а пока вот что скажи. Нам что-то совсем не хочется лезть в собачьи будки, которые ты выделил нам для ночлега. Неужели нет помещения повместительнее — сразу для всех?

— Я вам самое лучшее…

— Не обязательно самое лучшее. Нам бы самое удобное.

— Есть только большая комната на восьмерых.

— Вот её и давай.

Антогора, кряхтя, устраивается в своём спальном ложе. И коротко, и узко. Охота и Ферида уже скорчились на своих лежанках. Да и мне тоже коротковато, а ноги не вытянуть из-за каких-то дурацких спинок. Или подлокотников? Может, это когда-то были диванчики или кушетки для сидения? Слава Богам, что хоть воздуха достаточно.

— Что будем делать, если вдруг нам потребуется военное судно? — как раз в воздух и подбрасывает вопрос Ферида, гася фонарь.

В темноте что-то зашуршало и тяжело шлёпнулось на пол.

— Вы как хотите, а я буду спать на полу, — облегчённо вздохнув, сообщила из мрака Антогора.

*

— Мне полночи снилось, что меня кто-то щекочет за нос, — поделилась впечатлениями Антогора. — А так вроде и ничего — выспалась хорошо.

— Это мыши тебе сны навевали. У меня такие же сны были, хоть я и не полу спала, — поделилась своими наблюдениями Охота.

— Фу, ты, гадость какая! Что-то Марий задерживается. Полдень уже прошёл.

Встали мы против обыкновения очень поздно. Кости болят от скрюченного лежания. Только Антогора посмеивается. Во дворе таверны не развернуться и утренняя, нет, сегодня дневная гимнастика и при этом на голодный желудок состоялась прямо на улице при большом скоплении разинувшего рот народа. Вот, пожалуйста, ещё и шикарная реклама для заведения Аппия. Но, конечно, самые заинтересованные и благодарные зрители — это вчерашние мальчишки-оборванцы.

— Будет ждать-то, — заявила Охота. — Я есть хочу. Когда придёт, то дозакажем чего-нибудь и для него. Хотя уже и ждать не надо. Вон он появился.

— Аве.

— Аве, Марий, присаживайся. Сейчас поднесут. Для обеда рановато, для завтрака поздновато, но это не мешает побаловать живот.

— Благодарю, с удовольствием. Не часто окажешься в такой компании. Не посмею пренебречь.

— Удалось что-нибудь узнать?

— Удалось. В порту глаз много в любое время дня и ночи. Странности сразу подмечают. Тот, кого вы преследуете, покинул гавань ночью. Чего никто, никогда не делает. Чем себя и выдал. Вам, конечно, выдал. Другим-то наплевать на это. Ну, а когда знаешь кто, то несложно и всё остальное узнать.

— Интересно, очень интересно. Ты сам подливай. Это вино и нам нравится. И что там ещё?

— Местный скотник приобрёл предыдущим днём очень дёшево шестерых превосходных коней. Навигатор Фариз, у которого своё торговое судно, построенное по образцу финикийского, вдруг перед ночью чуть ли не опустошил одну из лавок с припасами для корабельных команд.

— Понятно. Фариз что-то вдруг много купил и сразу тихо уплыл. И с лошадьми тоже понятно. Не тащить же их с собой. А вот нам своих бросить нельзя. Как выглядит судно Фариза? Опиши нам.

— Нет нужды. Есть рисунок. Финикийское. Точно такое, как у Фариза. Я только зашёл к рисовальщику и он раскрасил его. Парус и борта у Фариза выглядят именно так.

Рисунок пошёл по рукам.

— Очень хороший рисунок, — согласился я. — И судно, похоже, тоже неплохое. Десять вёсел с каждого борта, парус большой. Кстати, сегодня ветра-то опять так и нет. Везёт нам пока ещё немножко. Марк, насколько далеко они могли бы уйти на вёслах? Ведь наверняка не отстаивались. Вчера весь день и сегодня уже половину, а когда мы двинемся с места так и неизвестно.

— Вёсла-то на финикийских судах есть, но сидит обычно на них сама команда. У Фариза как раз так. Постоянно держать рабов или матросов для гребли невыгодно. Так что, сколько необходимо матросов для корабельных работ, столько на вёсла и сядет. Не слышно, чтобы Фариз перед отплытием нанимал матросов. Так что у него и не все вёсла будут заняты. Команда-то матросов у него двенадцать или тринадцать человек. При всех гребущих вёслах такое судно пройдёт не больше тридцати стадий за час. Это три римские мили. Медленно. Например, моя трирема на вёслах проходит пять-шесть миль. Грести они будут не больше двенадцати часов в день. Остальное — отдых днём и сон ночью.

Вот и считайте.

— Ага, три мили, помноженные уже часов этак на двадцать. Они ушли от нас на шестьдесят миль. Далеко за горизонт. А если дунет ветер?

— Дунет. Уже к вечеру дунет. Можете мне поверить. При хорошем ветре судно Фариза делает до семи миль в час. Если добавить их шесть пар вёсел, то миль восемь выжмут. Но вряд ли при ветре кто-то сядет на вёсла. С парусом нужно управляться, и выигрыш в скорости не велик.

— Да, не очень радостные сведения. Мы вчера смотрели порт. Таких судов, как у Фариза всего два или три стояли под погрузкой. Если мы бы и наняли какое-то из них, то Фариза никогда не догоним. И Фариз далеко, и Фариз наверняка налегке.

— Верно. Его можно догнать сейчас только на военном судне. А военное судно в наём не дают. Правда, наш равеннский морской трибун Тит Валерий часто вольно распоряжается судами. Но мне известно, что только для себя. Погнать децимрему к своему поместью на денёк, чтобы отдохнуть для него обычное дело. Хотя верхом дотуда два часа пути.

— Хотя бы это показывает, что есть в характере вашего флотоводца щёлочка, в которую можно попытаться пролезть. Марий, какое судно ты бы нам посоветовал для погони.

— Моё, но это невозможно. Тит Валерий никогда не рискнёт предоставить для частных дел корабль с боевой командой.

— Значит, мы никого не догоним!

— Я этого не говорил. Одна лазейка есть — тюремное судно.

— Тюремное?! — поразилось хором чудо несказáнное.

— Тюремное. Есть такое в составе флота. Это бое-

вая бирема, как и другие биремы. Только гребцами на ней осуждённые преступники, а команда — надсмотрщики. На сорок вёсел восемьдесят человек и команда шестнадцать. Капитан судна, и навигатор наёмные. Преступников держат в береговой тюрьме и выводят на корабль перед походом. Тогда же грузится и команда солдат с военным капитаном. Он отдаёт приказы наёмному капитану. Но вам же военная команда не нужна. Так что лазейка есть, но даст ли Тит Валерий ею воспользоваться только в его власти.

— Гадать тут бесполезно, — хлопнула ладонью по столу Антогора. — Уговорить или заставить нам всё равно. Пойдём к Титу Валерию. Тебе, Марий в нашей компании лучше там не появляться. Покажи только, куда нам идти?

Мы вышли из таверны.

— Вон там, видите на берегу возле наших кораблей склады и казармы. Чуть левее серый дом морского трибуна. Вам туда. Да помогут вам Боги.

— Причём тут Боги? Нам больше люди помогают. Вроде тебя. Очень благодарим, Марий.

— Должен вас предупредить, что трибун Тит Валерий всегда был сторонником Октавиана Августа. Имейте это ввиду.

Пешком по берегу идти далековато и как-то не представительно. Седлаем коней и не спеша двигаемся на базу древнеримского флота.

— Знаешь, Антогора, дело у нас сильно осложняется. Мы не знаем, встретился ли Октавиан перед своим отплытием с этим трибуном или нет.

— Ты прав. Нужно предполагать худшее, что встретился.

— Я даже думаю, что обязательно должен был встретиться. Он наверняка понимал, на каких кораблях его можно догнать. Постарался бы как-то воспрепят-

ствовать. Вряд ли нас встретит радушный приём.

Вот и дом трибуна. В окно второго этажа за нами наблюдает человек в белой тоге с пурпурной полосой. Спешиваемся. Из дверей выходит кто-то в военной форме, но с непокрытой головой и выжидающе смотрит на нас.

— Сергей Андроник со спутниками просит о встрече с трибуном Титом Валерием.

Кто-то в военной форме кивнул и исчез за дверью на пару минут.

— Сергей, ты будешь говорить?

— Я, конечно. Сама знаешь об отношении к женщинам в Римской империи. Этот Тит нам не друг.

Чуть скрипнула дверь.

— Трибун Тит Валерий примет Сергея Андроника со спутницами.

Ого, подчёркнуто "со спутницами". Сразу всё поставлено на место. Однако я ошибся по части нерадушия приёма. Впрочем, флотоводец тоже политик и лицемерия ему, наверное, не занимать.

Довольно большой зал на втором этаже. Строго. Специально для приёмов и военных советов? Тит — мужчина лет пятидесяти среднего роста с вполне приветливым, но внимательным выражением на лице. Рядом с ним женщина лет тридцати пяти.

— Приветствую трибуна Тита Валерия.

— И тебя приветствую, Сергей Андроник. Моя жена Корнелия.

— Антогора, Охота и Ферида из племени амазонок. А я их представитель за пределами племени. У нас дело к тебе Тит Валерий. Морское.

— Так-так, представитель — это хорошо. Тогда обсудим это дело с тобой, и не будем обременять его скукой женщин. Корнелия, развлеки пока наших гостий.

— Прошу вас на мою половину, — пригласила Корне-

лия девочек.

Антогора вопросительно взглянула на меня. Я кивнул и женщины удалились.

— Слышал, слышал о прибытии в Равенну амазонок, но никогда ранее не встречал. Тем более не мог и полагать, что придётся принимать их в своём доме. Слышал также, что они в портовой таверне немного и шума уже наделали. О них легенды ходят. Странные, а иногда и ужасные.

— Что ты, трибун, какие могут быть ужасы. Женщины, как женщины со своими женскими, вполне невинными заскоками. Если их не дразнить, конечно, и не пытаться навредить. Вот тогда с ними сладить будет уже невозможно. Всё снесут на своём пути.

— Я слышал, что не так давно у них в племени была большая неприятность.

— Большая? Нет, не очень. Всего четыре тысячи дикарей с дубинами, секирами и мечами. Хватило их всего минут на десять. Не ушёл ни один.

— А амазонок сколько было?

— Где-то тысяча с четвертью.

— Ого, впечатляет.

— Не очень. А если я скажу, что на войско численностью с твой флот, трибун, им хватило бы не больше получаса. Я видел их в той, как ты сказал неприятности. Легенды не всегда врут. Лучше их не задевать и не полагаться на их внешнее миролюбие. Оно — это миролюбие у них в крови и держатся они подальше от людей, чтобы ни у кого не было искушения проверить их миролюбие на прочность.

— Знаешь, Сергей Андроник, я склонен в это поверить. Хотя амазонок и в жизни не встречал. Мимо их земли корабли ходят без опаски. Набирают воду, охотятся на берегу. Амазонки берег охраняют, но никогда не показываются. Почти никогда. А ты сам их не побаива-

ешься?

— Мне такой вопрос недавно задавали в Риме.

— И что ты ответил?

— Что у меня никогда и мысли не возникало чем-то их обидеть. Так что и бояться нечего. Хотя вот эти три девочки, трибун, самые смертоносные из всего племени. Видел бы ты их в Колизее в гладиаторских боях, которые они называют разминкой.

— Да, жаль. С удовольствием бы посмотрел. Но ты что-то упоминал о деле, по которому вы пришли.

Ну, вот, наконец-то, приличествующая часть визита закончилась и начнётся деловая.

— Мы волей случая оказались вдали от племени и нам нужно очень быстро до него добраться.

— В порту много кораблей, которые можно нанять. Почему вы пришли ко мне?

— Я же сказал, трибун, что очень быстро. Торговые корабли слишком медленные, а мы и так уже опаздываем.

— Так, ну и вопрос. Давай-ка присядем. Да, вот сюда. Понятная трудность. Если я предоставлю вам военный корабль, то мигом лишусь должности, если, вообще, не окажусь под судом. Это запрещено. Вот если бы кто-то из вас был на важной должности государственной службы, то я был бы даже обязан вам помочь.

— Мы не претендуем на чисто военный корабль. Нас устроит и тюремный без военной команды.

Мне показалось или у Тита Валерия несколько отвисла челюсть от неожиданности.

— Как это тюремный?

— Нам всё равно. Лишь бы плыл быстро. Пусть на вёслах и преступники. Они не военные и вряд ли все запреты в этом случае действуют. А если считать корпус корабля военным, то, наверное, этот вопрос можно решить через казначейство. Там ведь деньги любят неза-

висимо от их источника.

— А казначейство-то тут причём?

— Как причём? Мы заплатим за использование гребцов, команды и самого корабля. Скажем, восемьдесят гребцов по два денария — это сто шестьдесят денариев. Двадцать человек команды по четыре денария — это ещё восемьдесят. Ну, и денариев тридцать за корпус. Сколько это будет всего? Двести семьдесят. Вполне приличная сумма, чтобы, получив её в казну, в Риме сквозь пальцы посмотрели на недолгое частное пользование корпусом бесполезно простаивающего судна.

— Никогда подобного и, прямо скажем, нахального слышать не приходилось. Я даже в затруднении как отнестись к этому. Видно старею.

— Затруднения возникают при отсутствии взаимопонимания, трибун. Но это дело поправимое. Мы даже готовы внести премию для достижения взаимопонимания, которая к римскому казначейству никакого отношения уже иметь не будет. Скажем, двести золотых.

— Двести золотых? — как эхо повторил трибун Тит Валерий.

— Что-что? Какие двести, трибун? Я сказал триста.

Похоже, что в щель мы влезем. Ему нужно только поломаться для приличия. Тит Валерий поднялся и отошёл к окну. Постоял некоторое время молча.

— Неслыханно, — донеслось оттуда, — хотя даже формально противоречий вроде и нет. А в казначействе неожиданные деньги любят. Независимо от того, большие они или не очень.

Смотри-ка ты, ломаться не стал. Взаимопонимание — великая вещь! Хотя не очень это здорово для ситуации сторонника Октавиана. Подозрительна такая быстрая уступчивость. Хотя с другой стороны, деньги мы пытаемся всучить ему большие. Тут уж выбор между бесполезным сочувствием к опальному беглецу и собствен-

ным благополучием. Что ближе. Ничего мы о Тите Валерии не знаем и это плохо.

— Когда вы хотите отплыть? — прервал он мои опасливые размышления.

— Прямо сейчас.

— На подготовку судна понадобится не меньше двух часов.

— Что делать — подождём. Нужен будет ещё и плотник, чтобы соорудить привязи для лошадей. Мы их заберём с собой.

Трибун хлопнул в ладоши и приказал вошедшему солдату вызвать к себе капитана и навигатора тюремной биремы. А я поволок тяжёлую, оставленную нами при входе в зал около дверей сумку к большому столу в углу.

— Не здесь, не здесь. Иди за мной.

Деньги отсчитаны и быстро куда-то запрятаны.

— Мы тогда пошли, трибун. Вернёмся на погрузку через два часа. Где стоит наше судно?

Тит Валерий подвёл меня к окну.

— Вон отряд бирем. Ваша самая последняя. Желаю быстро добраться. Подожди, давай-ка, на всякий случай, напишем для Рима документ о найме судна и оплате. Мало ли что. Так меня в злоупотреблении должностью обвинить не смогут.

Девочки появились откуда-то из недр дома, оживлённо о чём-то разговаривая с хозяйкой. Попрощались приличными словами, сели на коней и двинулись бесцельно болтаться где-нибудь два часа.

— Ну, как? — поинтересовалась Антогора.

— Вроде бы всё в порядке. Смущает, что очень быстро этот Тит сдался. Хотя деньги и немалые. Бывает, что покровителей продают и за меньшие деньги. А тут покровитель бывший, запятнанный, теперь бесполезный. Может, в этом дело?

— Может, и в этом. Но нужно быть настороже. Это

хорошо, что гребцы не свободные солдаты или матросы, а прикованные. С надсмотрщиками мы справимся без труда, если что-то не так пойдёт. Давайте заглянем напоследок к Аппию. Кто знает, когда нам ещё удастся нормально поесть.

В таверне увидели вчерашнего грека. О чём-то беседует с каким-то вроде бы капитаном. Подошёл к нам.

— Меня берут матросом прямо до Эфеса. Не знаю, что вам и сказать.

— Так ничего и не говори, — оборвала его Охота. — В разговорах мало толку. Возвращайся домой и радуйся жизни. Не мешай нам обедать.

Оттрапезничали, забрали мешок с едой, который собрал нам Аппий, выслушали его мнение по поводу даром отпускаемых на свободу рабов и двинулись на посадку в плавучую тюрьму. За нами тащится повозка с сеном для лошадей. Бирема подтянута к берегу и на её борт брошен широкий трап. Ещё один через борт на палубу. Гребцы уже на местах и прицеплены к своим скамьям. Интересно, что выглядят они вполне вроде бы сносно. Сказывается отдых в тюрьме? Да вроде и расчёта морить их не должно быть. Всё-таки военный флот. Как двигатель они должны быть не в худшем состоянии, чем на других кораблях.

Антогора искоса взглядывает на меня. Пожимаю плечами. Мол, вроде бы придраться не к чему. Деньги не зря отданы.

Так, не перепутать бы вот этих. Капитана звать Петро Альфений, а навигатора Овис Луций. Впрочем, схожести в них лишь одежда и рост. Спутаешь разве что только в темноте. Капитан Петро оценивающе оглядел всех нас с ног до головы. Хмыкнул, и спросил:

— Кто командует?

— Антогора, — кивнул я в её сторону.

Скривился Петро от недовольства, словно от оскорб-

ления.

— Поостерегись, Петро, — предупредил я его на ухо. — Сейчас она на твои гримасы внимания не обратит, но припомнит, если они повторятся или замедлится исполнение её приказов.

Физиономия у него маленько вытянулась и стала вполне приличной для первого знакомства. Навигатор Овис просто кивнул нам безучастно. Работа, де, есть работа. Вот и ладно.

— Грузите лошадей, — распорядился Петро.

Оказывается, что плотникам ничего и делать было не надо. Сзади и впереди у бортов, там, где свободно от гребцов есть места специально для лошадей — разборные, продольные перила. Между бортом и перилами заводят лошадь и протягивают широкие ремни у неё под брюхом. Теперь она не упадёт при любой качке. Отлично. Правда, громадины амазонок едва-едва пролезли в эти конструкции. Тут же рядом на палубе лежат две лёгкие лодки. На берегу собралась небольшая толпа военных с судов флота и наблюдает за погрузкой, о чём-то переговариваясь.

Корма биремы двухэтажная, с окнами, сильно возвышенная. Совсем не такая корма, как у рядом стоящих судов. Рыбий хвост срезан. Видимо, экспериментальная конструкция из обычной биремы. Верх — это то, что мы сейчас зовём капитанским мостиком. Торчат два бруса рулевых вёсел. Обзор отсюда очень хороший. Ниже помещение капитана и навигатора, а ещё ниже для командиров солдат с дверью прямо на палубу. Его мы и заняли. Вполне прилично. По бортам широкие топчаны для сна. Посредине большой стол и какие-то табуретки тут и там. Несколько фонарей развешаны по бортам.

— Куда плывём? — раздаётся голос Пето.

— Нашу землю знаешь? Вот туда и правь. Да поскорей. Нам некогда, — распоряжается Антогора.

Трапы убраны. Несколько человек с берега длинной жердью отпихивают бирему от причала, и начинается осторожное шевеление вёслами для разворота её в сторону свободной воды. Мимо проскальзывают стоящие суда. С них тоже на нас глазеют. Ни поднятой руки, ни какого-либо возгласа вслед. Слышатся только команды Петро. Тот час же повторяемые надсмотрщиками. Вышли на воду носом к выходу из бухты. Движение вёсел приняло постоянный ритм, диктуемый буханьем литавр. Чёрт, этак они нам все мозги забухают. Литаврщик-то стоит со своим барабаном прямо у двери нашей каюты. Однако потом оказалось, что дверь и стенка каюты глушат эти звуки почти начисто.

Вечереет. Наблюдаем сверху выход в море. Тихонько толкаю Антогору локтём. Она согласно кивает и подставляет лицо лёгонькому ветру с кормы. Прав оказался Марий. Ветер пошёл. Хотя и попутный, но ещё очень слабенький для парусов.

— Капитан, — послышался голос Антогоры, — грести в полную силу по четыре часа с двухчасовым перерывом пока ветер не окрепнет. А парус поставьте прямо сейчас. Гребцы отдохнут, когда пойдёт полный ветер. Как у вас тут с кормёжкой? У нас с собой есть кое-что, но мало.

— Всё будет, как и нам с Овисом или можете повару сказать, что вам нравится. Правда, результат будет тот же. Что погружено, из того и еда. Выбирать не из чего.

Часа через три мы уже движемся во мраке, освещаемом половинной луной. Ритмичный скрип и плеск вёсел. Буханье литавр. Всё-таки сказываются плавания с Капитаном и Грегори. Узнаю на своём любимом небе звёзды и созвездия. И даже могу сказать, куда примерно плывём — почти прямо на восток. Хотя вряд ли это точно. Между временем Грегори и Римом полторы тысячи лет. Звёзды на небосводе, наверное, сдвинуты. Или нет? Я уже запутался с этими мирами иной материи. Надо по-

смотреть по компасу. Всё-таки события пиратских морей немножко просветили меня по части мореплавания и картографии.

Наверное, сейчас часов одиннадцать или полночь. На столе каюты горит фонарь. Охота сметает на пол крошки от нашего ужина. Похоже, что её немножко мутит. Хотя качки почти нет. Держится.

— Не обращайте внимания, — бормочет она. — Скоро пройдёт. У меня и на лодке такое сначала бывает, но быстро проходит.

Антогора выкладывает карту на стол, а я компас. Девочки с интересом его разглядывают.

— Зачем она дрыгает? — задаёт первый вопрос Ферида.

— Не дрыгает, а вертится. Эта штука называется компас. Видите, как я его ни верчу, а стрелка всё время показывает в одну сторону. Почему, я растолковывать вам не буду, но вот куда она показывает очень важно. Стрелка всегда показывает только на север. Голубая стрелка, а красная на юг.

— И что?

— А то, что будь мы в море или на берегу ночью, когда звёзды закрыты тучами, или днём, когда звёзд нет, то мы всегда знаем, где север и юг. Сейчас мы по карте и компасу определимся, правильно ли плывём к дому, как распорядилась Антогора.

Вспоминаю хотя бы примерный наклон Итальянского сапога относительно параллели на современных картах. На карте, расстеленной на столе, помечены четыре стороны света. Вроде наклон береговой линии соответствует. Хотя всё и уродливое.

— Вот, смотрите, на карте север, юг, восток, запад. Кладу её так, чтобы север карты совпадал с севером компаса. Вот ваша земля на карте посредине направления на юг и восток. А вон там нос корабля. Видите, в той

же стороне, как и на карте и одновременно север карты совпадает с указанием компаса на север. Поняли, что это значит?

— Мы плывём в сторону дома.

— Верно, Антогора.

— И чтобы понять это, нам не нужно смотреть на небо, — добавила Ферида. — Как просто.

— Умницы вы мои! А если стрелка на компасе начнёт вдруг поворачиваться?

— Значит, мы уже плывём не к дому.

— Вот, но нам сейчас нужно не это. Нам нужно узнать идёт ли перед нами корабль Фариза и насколько он нас опережает?

— Он должен заходить за водой и едой, — сказала Антогора. — Два дня потеряны от безветрия. Мясо можно сохранить в варёном или жареном виде дня три. Воду и овощи, конечно, дольше, но моряки предпочитают мясо. Потому по пути плавания часто высаживаются на берег, и добывают свежую пищу. Так что корабль Фариза многие должны видеть. Если, конечно, Октавиан не намерен, есть одни только сухари и рыбу. Но рыбу ещё поймать надо. Возят, конечно, с собой и живых овец. Тогда можно долго быть в море. Но вода за неделю портится.

— Значит, нам нужно будет выходить на берег и расспрашивать, не видел ли кто корабль Фариза. Где выходить? Недели у нас нет и пить они могут вместо воды вино. Так что основная надежда на то, что они будут плыть, как и все вдоль берега, с которого их будет видно. А если не так? Поплывут вдали от берега. Земля им будет видна, а их самих с берега — нет. Да и у нас каждая высадка на берег займёт много времени. Постоянно будем отставать.

— Встречные корабли, — донёсся откуда-то сбоку голос Охоты.

Я и не заметил, как она тихонько отделилась от нас и скорчилась на топчане. Подхожу.

— Сокровище, ты, наше, Охота. Худо?

— Худо. Посиди со мной.

Подтаскиваю табуретку и устраиваюсь рядом, держа за руку и поглаживая страдалицу по волосам.

— Попробуй заснуть. Не заметишь, как пройдёт.

— Угу.

— В самом деле, встречные корабли. Видели с них всё кругом. Никто не посмеет, не остановиться перед боевой биремой. И ответят на любые вопросы. И время почти не потратим. Замечательная мысль!

Через некоторое время Охота закрыла глаза и затихла. Я вернулся к столу.

— Может быть, и нам пора навестить царство Морфея. У меня уже глаза слипаются.

— Я не против, — согласилась Антогора, прислушиваясь к тихому буханью литавр.

— Я тоже не против, — поддержала нас Ферида. — Только вот мне кажется, что мы плывём уже не в сторону дома.

Действительно, стрелка компаса ушла далеко на восток и продолжает поворачиваться. Остановилась. Значит, мы идём уже не на юго-восток, а прямо на восток. Зачем.

— Может Петро удаляется от берега в опасении камней? Или на кормовых вёслах заснули?

— Сразу оба и навигатор в придачу? Мы и так были далеко от берега, а ночь лунная. Всё прекрасно видно. Что-то тут не то.

— Пойти посмотреть, спросить? — встала из-за стола Антогора.

— Не надо. Нам нужно быть осторожнее. Подождём и посмотрим. Если это не случайный поворот, то должно быть какое-то продолжение.

Продолжение последовало примерно через полчаса. Стрелка компаса пошла обратно, перевалила север, и остановилась на северо-западе.

— Возвращаемся обратно. Похоже, что нам сегодня поспать не придётся или будем спать по очереди. Нужно понаблюдать за компасом.

Через полчаса стрелка опять двинулась с места и, перевалив север, опять застыла на северо-востоке, как и в первый раз.

— Вы как хотите, — заявила Антогора, — а я ложусь спать. Мне всё понятно. Ты верно, Сергей, сомневался в Тите Валерии. Капитан Петро — это его секретный подарок нам, чтобы мы не очень спешили. Вот этот Тит и был таким сговорчивым. Ферида, сиди и смотри, сколько сможешь. Станет невмоготу, то разбуди меня или Сергея. Разбираться будем утром.

*

Разбудила нас Охота. Весёлая и подвижная.

— Что это вы разоспались? Уже еду принесли. Ферида за столом почему-то спит. Или это я что-то проспала?

— И ты проспала, и мы проспали. Ферида, Ферида, проснись! Что ты нас с Сергеем не подняла?

— Ой, смотрела, смотрела. Ещё четыре раза мы поворачивали туда-сюда и вдруг бух! — заснула.

— Понятно. Охота, нас тут кто-то по ночам, пока мы спим, решил водить по морю в разные стороны, чтобы замедлить погоню и дать беглецу уйти. Вряд ли это затея именно капитана Петро, но делает-то это именно он.

И Антогора рассказала Охоте о поведении компаса.

— Давайте поедим и пойдём, поговорим с капитаном. Его же предупреждали, что мы спешим. Он что-то плохо понял. От непонятливых нужно избавляться. Иначе дальше много хлопот будет.

Охота у нас всегда немного максималистка и радикалка. Но надо сказать, что это нам очень часто помога-

ет.

Интересно, а они-то сегодня спали? Капитан и навигатор. Когда мы поднялись наверх, оба оказались совершенно пригодны для не очень приятного разговора.

— Капитан, — обратилась Антогора к судоводителю, — сегодня ночью мы наблюдали какие-то странные метания корабля по морю. Словно ты что-то искал и никак не мог найти. Что мы потеряли?

— Ничего. Так было надо, — но видно, что его застали врасплох и он растерян.

— Кому?

Молчание.

— Мы же тебя предупредили, что очень спешим. А получилось, что за ночь мы прошли путь вдвое меньший, чем могли бы. Ну, ты что, так и будешь молчать?

Антогора обернулась к навигатору.

— А ты куда смотрел и что делал?

— Что мне прикажут, то и делал, — буркнул навигатор Овис, отводя глаза.

Я только и успел краем глаза заметить, что Охота, стоящая рядом с капитаном Петро, резко зашевелилась. Капитан внезапно взлетел в воздух, плавной дугой обогнул перила и исчез где-то в водах за кормой. Навигатор же побелел как мертвец.

— Вот, видишь, как просто мы исправляем разные ошибки, — внушительно произнесла Охота в сторону навигатора. — Теперь тебе никто неправильных приказов отдавать не будет. Ты капитан биремы.

Надсмотрщики на палубе замерли, наблюдая эту сцену. Овис шумно выдохнул, когда до него дошло, что его в полёт никто отправлять не будет. Белизна сошла с его лица.

— Ветер-то хороший стал, — порадовалась Антогора. — Овис, как быстро мы пойдём без вёсел при всех парусах? Надо поставить ещё и носовой.

— Миль девять, если ещё и носовой.

— Делай. Девочки, надо бы за конями убрать и почистить их.

Спустились на палубу. Пока шли между рядов хмуро, но с любопытством глядящих на нас гребцов, Антогора заметила Охоте:

— Наверное, не надо было так сразу.

— А что нам тогда делать. Ждать ещё сюрпризов?

— Чего-чего, каких сюрпризов? Это что, тоже в Париже подцеплено?

— Ага, сюрприз — это неожиданный подарок. Ну, в общем, сюрприз и всё тут. Мне нравится это слово.

— Упаси нас Боги от таких сюрпризов!

А надсмотрщики-то здоровяки ростом с меня, но мощнее намного. Вчера как-то на них внимания не обратил. Один стоит поперёк прохода к нам спиной и не замечает нашего приближения. Ферида, дойдя до него, взяла его за плечи, приподняла и отставила в сторонку. Тот обалдело уставился ей вслед.

На носу натягивают парус. Антогора спрашивает:

— Как думаешь, сколько времени нам потребуется, чтобы догнать Фариза?

— Трудно сказать. Когда мы вчера считали, то он мог уйти от нас миль на шестьдесят на всех вёслах, но у него не все в работе. Но после этого он ещё ушёл вперёд. Так что давай и будем считать около семидесяти миль. Под парусом у него скорость семь миль, а у нас девять. Разница две мили в час. Так что догнать мы его должны где-то через полтора дня. Если ветер не изменится. Вон, посмотри, впереди у берега несколько кораблей. Здесь не порт. Что они тут делают?

— Отстаиваются при встречном ветре, — раздался голос подошедшего Овиса.

— Овис, нам нужно к ним подойти, — распорядилась Антогора.

Носовой парус сбросили, так до конца и не поставив. Поворот, сброс большого паруса и, подгребая вёслами, медленно вклинились между двух, стоящих на якорях судов. Их команды высыпали наружу и с удивлением и беспокойством смотрят за нашими манёврами. Антогора понеслась в нашу каюту. Как я понимаю, за рисунком. Летит обратно и с разбега перескакивает на ближайшего торговца. Расспрашивает, как видно, старшего. Указывает на соседнее судно. Тот отрицательно мотает головой. Антогора возвращается.

— Овис, можно продолжать путь, — и тот ушёл на корму.

— Что там?

— Пусто. Они тут пятый день стоят и ждут ветра. Ничего, конечно, не видели. А капитана, с которым я разговаривала, я раньше встречала и он меня признал.

— Где видела?

— Когда в западном дозоре была. Они приставали за водой. Мы с девочками им свинку загнали, а они нам вина амфору вынесли. Антиопа ещё тогда обиделась, что ей не оставили попробовать.

Девочки почистили и накормили коней. Теперь сидим на носу у самого края и смотрим, как корпус корабля тараном с журчанием разрезает воду. Под поверхностью воды мелькают какие-то большие рыбы.

— Так бы и сидела здесь всё время, — говорит Охота, смешно морща носик. — Если бы не этот противный запах.

И, действительно, ветром с кормы несёт довольно ощутимо. Гребцы прикованы и бадьи для отправления нужды стоят на палубе рядом с ними. Девочки стараются не смотреть в ту сторону. Нам в этом отношении проще. Из нашей каюты и капитанской выступают за корму две будки для этих целей. Удобства, однако.

Далеко впереди показалась растущая точка. Встреч-

ное торговое судно со спущенным парусом. Идёт против ветра на вёслах. Медленно, но верно. Ферида побежала на корму с распоряжением для Овиса. Надсмотрщики зашевелились, спуская паруса. Бирема слегка развернулась и встала поперёк курса встречного судна. Один из надсмотрщиков с носа жестами показывает, что встречному нужно пристать к нам. Лёгкий толчок, трап и мы на торговце. Он вдвое меньше нашего корабля.

— Аве! Кто хозяин или капитан, — спрашивает Антогора.

— Я, — выступает вперёд далеко уже не молодой перс в халате.

— Посмотри, не встречали ли вы вот это судно? — протягивает ему картинку Антогора.

— Так это же финикийка Фариза. Мы её встретили вчера в это же время.

— Спасибо. Можете плыть дальше.

Суда разошлись, паруса наполнились.

— Смотри-ка ты, Октавиан-то, оказывается, ближе, чем мы думали, — радуется Антогора.

*

К исходу следующего дня остановили ещё одно встречное судно. Октавиан где-то в шести или семи часах от нас.

— Ваш берег, — объявил Овис, указывая рукой.

В самом деле — наш. В бинокль видны остатки нагромождённых варварами стенок на берегу. Овис внимательно смотрит за мной. Протягиваю ему бинокль. Берёт без колебаний. Прикладывает к глазам и вздрагивает. Отнимает от глаз и снова прижимает. Водит из стороны в сторону.

— Колдовство?

— Нет, — и забираю я прибор.

— Овис, надо войти в реку и пристать к берегу, — объявила Антогора. — Мы оставим своих коней здесь.

— Как скажешь.

Корабль осторожно входит в устье. Вёсла убрать нельзя. Иначе его несёт обратно в море. Овис осторожно маневрирует, используя лишь вёсла левого борта и шесты. Правые подняты. Корабль всё равно не может подойти к берегу вплотную — дно мешает. Бросаем якорь. Длинный трап едва достаёт до берега.

— Девочки, выводим лошадей, — и Антогора ведёт свою первой.

Я даже и не заметил, откуда они вдруг взялись. Только что не было никого, и вдруг вынырнули, как из-под земли. Восточный дозор.

— Антогора, Сергей, никак не ждали вас здесь увидеть. Ферида, Охота, аве! Надолго? Да на какой лодке!

— Здравствуйте, здравствуйте, девочки, — обнимает их по очереди Антогора. Севина, быстро на коня! Передай Антиопе, что мы здесь в погоне за Октавианом.

Севину словно ветром сдуло. Только стук копыт донёсся из-за деревьев.

— Так что, ещё не всё? — раздался за нашими спинами вопрос Овиса. — Вы же дома.

— Не всё. Далеко не всё. Скоро дальше поплывём.

— Я почему-то так и подумал.

Антиопа примчалась, как бешеная чуть больше, чем через час. С Севиной и, само собой, с Астрой и Вилией.

— Красавицы, вы, мои! Не упустили?

— Ещё нет.

— Вы откуда? Куда это вас занесло?

— В Равенну занесло, а оттуда вот на этой штуке плывём за ним. Сейчас он впереди часов на девять-десять.

— Значит, всё-таки в Риме его не удержали.

— Не удержали, — вздохнула Антогора. — Он наших следящих вырезал и успел выскочить из города.

— Вырезал? Значит, сильно жить хочет и сильно бо-

ится. Чего это мы тут болтаем? Живо на корабль!

Вытащили якорь, и течение вынесло бирему в море. Антиопа в своих чёрных с золотом доспехах выглядит крайне внушительно. Впрочем, как всегда. Только взглянула на Овиса и он просто оробело замер, моргая глазами. Надсмотрщики вытянулись, когда она проходила мимо них.

— Ну, рассказывайте, — нетерпеливо произнесла Антиопа, усаживаясь за стол в каюте. — Чувствую, что не так-то просто всё было. Как вижу, даже военный корабль откуда-то угнали.

— Скажешь тоже, — фыркнула Антогора. — Угонишь там чего так просто!

И начала описывать события с нашего въезда в Рим. Долго все вместе смеялись, вспоминая потасовку в таверне.

— Этак вы, значит, Мария Туллия и обнаружили? — веселится главная амазонка. И тут же посерьёзнела. — Жалко Аспасию. Сын, говорите, у неё хорошенький? Уже сколько времени после набега прошло, а Одра, чувствую, всё так и ходит, как потерянная. Такие уж подруги были. Антогора, Сергей, как думаете, догоним мы Октавиана к рассвету? Вон темнеет уже.

— Не знаю, время-то оцениваем приблизительно. К рассвету, может, и нет, а вот к полудню, скорее всего. Здесь, пожалуй, другая трудность. Если посмотреть на карту, то мы приближаемся к большой группе небольших островов. Много их там и расположены густо. Если корабль Фариза немного свернёт с прямого пути и до них доберётся, то беглецы просто растворятся среди островной каши, и мы Октавиана в жизни не найдём. А сам он сможет выйти когда угодно и в любую сторону.

— Но он в острова полезет лишь увидев погоню.

— Ага, а как мы сделаем себя невидимыми? Тут, пожалуй, две возможности. Либо догнать его прежде, чем

он дойдёт до островов. Либо не спешить и не показываться, пока он острова не пройдёт. Это лишний день или даже больше.

— Нет, второе не пойдёт. Я слишком зла, чтобы лишний день терпеть.

— Тогда нужно звать Овиса, и выяснять, можно ли увеличить ход.

— Овис, — начала объяснять навигатору ситуацию Антогора, пододвигая ему карту, когда он пришёл, — видишь, вот эти острова? Похоже, что мы дойдём до них к середине завтрашнего дня, а нам нужно к рассвету. Как увеличить ход?

— Очень надо?

— Очень.

— Тогда нужно грести всю ночь, но это прибавка невеликая будет. Можно натянуть запасной парус на стоящие вёсла. Это ещё добавит ходу. Больше нечего.

— А если и то, и другое сразу? Какой будет ход?

— Если ветер не изменится, то миль одиннадцать-двенадцать наберём.

— Делай. Понятно, что ритм гребли будет быстрый. Пусть будет два часа и час отдыха. Шевелите гребцов.

Пока Овис сидел за столом, то всё с интересом разглядывал лежащий перед ним на карте компас. Повертит так, повертит этак. Примерил к карте перед собой, оглянулся в сторону носа корабля. Похоже, понял, что послужило причиной вылета капитана Петро за борт.

На палубе суета. Между кормовой надстройкой и гребцами надсмотрщики привязывают к бортам, стоя, два весла. Растягивают между ними запасной парус. Едва не упустили. Натянули. Теперь к носу можно пройти лишь чуть ли не ползком под этим сооружением. Гребцы, подчиняясь, убыстрившемуся ритму бухающих литавр тоже толкают корабль вперёд. Пошли в ночь заметно быстрее.

— Ну, будем надеяться, что успеем, — говорит Антиопа, укладываясь на топчан. — Очень уж мне хочется встретиться с этим гадом и посмотреть в глаза. Даже ножик с собой взяла, который после и выбросить не жалко.

*

Как-то всем не до завтрака. Так и остался нетронутым на столе. Судно Фариза перед нами не более чем в трёх милях. По очереди смотрим на него в бинокль. Овис тоже. Вопросительно взглядывает на Антогору.

— Не, знаю, смотри сам. Подойдём поближе и убирай запасной парус. Догоним и так. Жми его к берегу, если не захочет остановиться. Надо будет дать им сигнал сбросить парус. Не сделают — иди на абордаж.

— Это же Фариз. И чего вам Фариз сделал, чтобы гнаться за ним из Равенны?

— Фариз? Фариз ничего и нам он не нужен. Но на его судне есть кое-что нужное нам. Разве твой бывший начальник Петро тебе о цели нашего плавания не сообщил? Он-то точно знал и, понятно, получил приказ незаметно препятствовать.

— Нет, мне он не сказал. Я очень удивился его приказам в ту ночь. Но он так и не объяснил ничего.

Похоже, что впереди паника. Нас заметили, забегали, с бортов высунулись вёсла. Не поможет. Островов не видно и вдали. Наш временный парус снят. Гребцы с кряхтеньем нажимают на вёсла. Надсмотрщики орут. Астра и Вилия примостились на носу с луками и стрелами. Охота и Ферида там же с абордажными крючьями.

Нос нашей биремы уже поравнялся с кормой финикийки Фариза. Ещё немного. Больше нельзя, чтобы не напороться своими вёслами на Фариза. Овис начинает прижимать нос биремы к борту финикийки. На ней треснули некоторые вёсла. Надсмотрщик на носу что-то орёт туда — к Фаризу. Кто-то всё же там решил огрызаться. Кто и чем от нас не видно, но Астра и Вилия выпускают стрелы. Всего две. Парус у Фариза начинают спускать. У нас тоже. Ферида и Охота бросают крючья и тянут на себя канаты. Всё, взяли!

Перебираемся на судно беглецов. Два тела, навер-

ное, слуг Октавиана валяются на палубе. Похоже, что собирались отстреливаться. Самоубийцы что ли или уж так любили хозяина? У одного стрела во лбу, а у другого в груди. Команда и в самом деле немногочисленная. Стоят тут и там, угрюмо взирая на нас. Всех, вместе со слугами Октавиана человек пятнадцать. Охота с Феридой сгоняют их в кучу, и остаются с Астрой и Вилией присматривать за ними. Всё в полном молчании.

На корме большая палатка. Или шатёр? Он здесь. Лицо, как застывшая, испуганная маска.

— Догадываешься, кто и зачем пришёл? Сам сделаешь, или как? — спрашивает Антиопа.

В правой руке её откуда-то появился длинный кинжал.

— Я ещё слишком молод, чтобы умирать, — с какой-то едва теплящейся надеждой слышится ответ. Хотя чувствуется, что в какое-то спасение веры уже и нет.

— Понимаю, подлости делать легко. Вот отвечать за них трудно.

— Антиопа! — словно напоминая что-то, говорит Антогора в спину главной воительнице.

— Да-да, ты права. Мы не разговаривать пришли.

Кинжал пошёл вперёд. Короткий стон, хрип, шум тела, опускающегося на пол. Кинжал падает на тело. Мы выходим и возвращаемся на бирему. Охота и Ферида по пути отцепляют крючья.

— Вот и всё, Овис, — облегчённо вздыхает Антогора. — Доставь нас домой, и ты свободен.

Против ветра, да на вёслах возвращаться долговато. Почти два дня тащились. Когда вошли в реку, то девочки из восточного дозора уже ждали нас на берегу. Астра прокричала им, чтобы наших лошадей перегнали домой. Едва протиснулись через узость русла у скалы. Большой-таки корабль и вёсла длиннющие. На берег высыпало почти всё двухтысячное племя. Посмотреть на такое плавающее диво, какое не так уж и многие когда-либо видели. Овис развернул бирему прямо на месте.

— Может денег ему дать? — спросила Антогора.

— Не надо. Лучше подари ему компас. Александр себе другой добудет.

Овис был рад как ребёнок.

— Передай Титу Валерию, когда он спросит о капитане Петро, что мы не забудем о такой помощи трибуна.

Стоим и смотрим, как бирема, уменьшаясь и уменьшаясь, медленно уходит вниз по реке, и скрывается за её изгибом.

— Одра, собирай Совет. Хотя, что это я. Все уже здесь. Пойдёмте, — распоряжается Антиопа. — С окончанием набега вам всем и так всё ясно. Обсудим текущие дела.

Мизансцена всё та же. Сотницы забились по углам дома предводительницы. Командиры отрядов перед ними. Остальные у стола.

— Что там у нас, Одра?

— Век живи — век учись. Мы, оказывается, всё время виноград не там сажали, а лоза-то хорошая была. Виноградарки Александра выбрали место и землю. Сказали, что всё будет хорошо, и мы справимся. Летом будем с вином. Новые посадки созреют уже в первый же год. Не сразу много, но вино будет. Уехали почти сразу после посадки. Нужно погреб делать и бочки, амфоры заказывать. За зиму сделают.

— Заказывай.

— Завтра в Рим поеду. Пять повозок возьму. Нет, на всякий случай шесть. Раз деньги есть, то нужно кое-что прикупить, о чём вы в прошлый раз не подумали.

— Поезжай.

— Мастерскую для изготовления мыла мы уже разметили. Будем мостить площадку для разлива и резки.

— Хорошо. Мне вот о чем нужно с вами всеми поговорить. Доходов у нас с вами постоянных нет. Вот и поизносились просто безобразно.

— А деньги же теперь есть, — донеслось из угла.

— Есть-то есть, но надолго ли? Кода-то кончатся и тогда что? Слишком дорого они нам достались и всего раз. Вот Сергей говорит, что мы могли бы делать на продажу бумагу. Не очень трудно и очень выгодно.

— А что это такое, — донеслось из другого угла.

— Сергей!

— Бумага — это такая штука, на которой можно пи-

сать и рисовать. Делать её легче, дешевле, чем пергамент в любом количестве. Есть бумага, которую делают их дерева. Есть из зерна, а есть и просто из травы. Нужно посмотреть из чего именно вам проще её делать. Вот и будут у вас постоянные деньги на хозяйство и нужды. Машины, инструменты для работы я вам сделаю.

— Писать и рисовать — это очень хорошо, — воодушевилась старшая учительница. — Даже просто здорово. Нашим девочкам ни писать, ни рисовать не на чем. Замываем старые пергаменты аж до дыр. Это будет очень многим нужная вещь. Надо попробовать делать. Раз уж Сергей берётся нас научить.

Потом пошли разговоры о воспитании детей. О том, что раз будет мыло и ткани, то будет больше стирки. Скука. Я вышел из дома и тут же у порога завалился на землю. Вверху голубое небо между кронами деревьев. Белки бегают вверх-вниз. Опять дятел застучал. Надо же, как легко, свободно и приятно чувствуешь себя в этом чисто бабском мирке. Какой он необычный. Нет ни зависти, ни злости. Кто и что может, тот всё безропотно и делает.

И нет какой-то мании превосходства друг перед другом. Характерной для любой другой общности людей. Рождаются-то все разные. Сильных красавиц, конечно больше. Но слабеньких или толстых тоже хватает. Красавицы становятся солдатами, а толстушки прачками, швеями, учительницами или поварами. И разницы в отношениях никакой. Даже и на ночь зачатия у всех одинаковое право. Естественный отбор в пользу сильных красавиц идёт как-то сам собой. У Охоты вот мать — солдат, а у Антогоры — нет. Вот, пожалуйста, как раз Антогора-то на меня чуть и не наступила.

— Что ты тут завалился? Идём обедать. Мама ждёт.

На следующий день двинулись домой вместе с обозом Одры. Одра на вилле Александра даже не приостановилась и быстро скрылась вдали со своими повозками. А мы стучим ложками на кухне.

— Ну, как? — интересуется Мар.

— Всё хорошо. Без твоего варева было скучно.

— Слава Богам, слава Богам, что хорошо. Я беспоко-

ился.

— Одно плохо, — заметил я. — Охота мечтает о большом ковре с морем и кораблями, а мы в Рим не вернулись. Погорела мечта-то.

Охота смеётся.

— Вовсе и не погорела. Я ковёр Одре заказала. Она прямо домой его и привезёт.

В библиотеке Ферида и Охота, словно с цепи сорвались от скуки по своим шахматным стычкам. Антогоре следовало бы прикрикнуть на них, но вместо этого она между воплями шахматисток тихонечко ввернула:

— Я бы сейчас мороженого съела.

— И мы бы тоже, — как эхо донеслось из угла в мгновенно наступившей тишине. — Парижского.

Я молчу. Уже ясно себе представляю, что сейчас начнётся. Надо поскорее драпать отсюда.

*

ГЛАВА 6

ожерелье Луизы

ГЛАВА 6: Ожерелье Луизы

Так просто от чуда несказа́нного удрать всё же не удалось. Сил моих нет, им сопротивляться. В Париж, конечно, я их не потащил. Отпустил самих. Вывел их к железной дороге у Марли и бросил там. Пусть сами добираются куда хотят и делают, что хотят. Взял только клятвенное обещание, что вечерами они будут сидеть в "Ритце", а не шляться по кабакам сортом ниже "Мулен Ружа". А также, что первым делом свяжутся с комиссаром Леграном, чтобы не влипнуть в какую-нибудь историю с полицией. Он прекрасно понял, что это за явление. Поэтому сразу сообразит, что, если они прибыли одни, то за ними нужно приглядеть. Подарок бы, какой ему, что ли придумали. Я приеду и заберу их как-нибудь потом или попрошу, чтобы их забрал Александр.

— Что-то ты малость подзадержался, провожая Фериду, — встретил меня Александр у себя дома.

— Так уж получилось. Пришлось за Октавианом гнаться чуть ли не через всю Италию. Твои друзья Марк и Ливий постарались его поскорее обелить. Им это удалось.

— Да, я заходил на виллу. Вас никого нет. Мар сказал, что вы срочно двинулись в Рим. Догнали?

— Догнали.

— Вот и хорошо, вот и хорошо. Хотя погибших девочек этим и не вернёшь.

И больше никаких вопросов об Октавиане не последовало.

— Если ты пойдёшь на виллу сейчас, то опять никого из девочек не застанешь. Отпросились в Париж поесть мороженого. Я их потом оттуда заберу.

— Стало быть, отдых для релаксации после удачно проведённой операции по ликвидации?

— Он самый.

— Но там же Люсьена Ваньи.

— Плевать. Она предупреждена, чтобы надежд на девочек не питала. А комиссар Легран за нашим чудом присмотрит.

Капитан тоже оказался дома. Сидит, ценные бумажки перебирает. В очках. Никогда не видел его в очках. Вроде бы во флоте со зрением строго. Как он комиссию проходит? Жульничает, конечно. Впрочем, небольшая близорукость в море ничему не мешает.

— Со скупкой паёв вроде пока хорошо. Правда, позавчера случилась потасовка, когда на наших скупщиков попыталась наехать какая-то банда. Сунулись, не изучив ситуацию. Ну, и напоролись на Пашкиных десантников. Троих бритоголовых увезли в больницу, а наши вовремя удрали.

Капитан достал вернскую бутылочку. Налил нам и задумался.

— Купили мы дом на твоей же улице. И Жанна туда уже переехала.

— Всё понятно. Теперь Жанной, как талисманом девственности для принесения удачи уже не воспользоваться.

Капитан захохотал.

— Серёга, ты и не представляешь, как я счастлив!

И, в самом деле, он в этот момент словно помолодел лет на десять.

— Почему же, Виктор, могу себе представить. Давай за них — наших милых и выпьем.

Посидели, смакуя вино.

— Да, Стелла тут мне вчера сказала, что пора нам Дом освобождать. Крушить всё здесь начнут, как только переберёмся в отремонтированный флигель. Контору свою она уже почти всю эвакуировала. Анна Петровна тебя совсем обыскалась. Позвони.

Беру трубку.

— Я тут. Да? Бегу.

И убежал.

— Серёжа, ну, что же ты. Нельзя так бесследно пропадать. Забыл что ли, что завтра день рождения Луизы. Нам самое позднее утром нужно туда уйти. Ещё же до её герцогства добраться надо. Хорошо, что праздник вечером. Двадцать лье ехать всё-таки.

*

Вот так и получилось, что сейчас во Франции я оказался не на башне в замке Аманды, а трясусь вместе с ней в карете по дороге в городок Арзо, где всесильной владычицей жизней и судеб населения является наша подруга — герцогиня Луиза де Шеврез. Моя верховая лошадь прицеплена к карете и трусит позади среди верховых слуг Аманды. Гийом скачет там же.

— Аманда, я вот не пойму одну вещь. Ленное владение Луизы — это герцогство Арзо. Следовательно, она герцогиня Арзо. Но тогда почему де Шеврез?

— Блажь сумасбродки, — смеётся Аманда. — Конечно, она герцогиня Арзо, а не Шеврез. Если считать по верховенству титулов. Есть у неё и владение Шеврез, унаследованное от отца. Арзо — это от покойного мужа. Так что Шеврез — её фамилия в девичестве. После смерти мужа Луиза постаралась вернуть себе девичьи атрибуты. Кто-то поудивлялся. Кто-то посмеялся. Потом привыкли. А после того, как на каком-то официальном приёме королева представила Луизу, как герцогиню де Шеврез, то и, вообще, забыли, что на самом деле она герцогиня Арзо.

— Мамочки, — воскликнул я, — а подарок? Совсем из головы вылетело.

— Я так и подумала, что у тебя всё повылетело, — пробурчала Аманда, похлопывая ладонью, изумительно сделанную большую шкатулку, лежащую рядом с ней на сидении. — Позаботилась за нас двоих.

— И что там, если не секрет?

— Ассорти из трёх больших маникюрных и косметических наборов. Таких изощрённых штучек во Франции ещё нет, а в нашем мире есть. Где-то лучше, где-то хуже, но футляры, конечно, никуда не годятся. Вот я и отобрала лучшее из трёх наборов и заказала для выбранного приличное вместилище. Вот, смотри.

В самом деле, наверное, с полсотни, если не больше самых разных, сверкающих хромом, во многом мне и неведомых предметов. Для каждого своё место в синем бархате. Красиво.

— Замечательно. Как весело будет!

— Что весело? — не поняла Аманда.

— Твой подарок поссорит Луизу с Катрин. Посмеёмся.

— А-а, ты об этом. Чтобы поссорить серьёзно Катрин и Луизу нужен повод повнушительнее. Если, вообще, у них повод к настоящей ссоре может существовать. А какое-нибудь представление нам на потеху они запросто могут устроить.

Только сейчас до меня дошла одна странность в быте Аманды. У неё нет близкой, находящейся при ней неотлучно камеристки. Издержки неизбежной таинственности появления и исчезновения? Как-то обходится.

— Скажи, пожалуйста, а Луиза, в самом деле, всевластна в своих владениях?

— Полностью и бесповоротно. Карает и милует. Подписывает законы и назначает на должности. Судит и помогает. Трудно это при её-то характере.

— Вышла бы снова замуж и заботы с плеч.

— Она же была замужем и сыта этим по горло. Ей свобода дороже избавления от забот. А претендентов на её руку, хоть пруд пруди. Герцогство самое богатое во Франции. Не абсолютно, конечно. Для этого оно не очень велико. А вот по доходам на душу или, как в нашем с тобой мире, говорят, по валу продукта на квад-

рат площади, то картина лучше всех. Вон, смотри, уже и приехали.

В самом деле, въезжаем в городские ворота. Чистенький город. И даже очень немаленький. И дворец тоже немаленький. Заборчик вокруг него вроде, как и большой. Тропинки и аллеи, цветники и кустики. Красиво и богато. Фонтаны и статуи — это особая статья. У Аманды, конечно, такого нет. Всё-таки замок — это цитадель защиты. С местом для красивости не очень-то разбежишься.

Внутри всё под стать. Шикарно, но комфорт не тот, что у Аманды. Всё-таки родовое гнездо многих поколений, а Аманда всё делала именно под себя.

— Ну, наконец-то, явились, — донеслось от двери, распахнувшейся в противоположном конце зала на втором этаже. — Все наши уже давно здесь, а лишние слуги распущены. Где это вы застряли?

Луиза в лёгком, розовом платье с красными вставками выглядит совсем, как девочка-переросток. Правда, сильный переросток. Из-за её плеча выглядывает Катрин, а Пьер и Арман видны там дальше у накрытого стола. С ними и Жермена ле Гран.

— Здравствуй, здравствуй, Гийом. Проходите. Пьер с Арманом уже зубами от голода щёлкают.

Жермена, конечно, сдержанна и к ней у нас не то обращение, что между собой. Чувствуется, что ей как-то немного не по себе. Не знает, как себя вести в таких обстоятельствах. Но держит себя в руках. Не посмела или не захотела пренебречь приглашением Луизы?

— Гийом, это что ты тащишь? Подарок от вас? Интересно, интересно. Пьер как охотник чуть не забодал меня сегодня новыми рогами для охотничьей комнаты. А вы чем удивите?

Луиза раскрыла шкатулку.

— Странные вещи, — удивилась она, опасливо взяв

двумя пальчиками какой-то корявый пинцетик.

Аманда принялась объяснять назначение щипчиков, ножничек, пинцетиков, пилочек и ковырялочек, кисточек, вынимая их, и показывая, как они работают. Посулила:

— Ни у кого в королевстве этого нет. Даже у меня.

— Всё понятно, Луиза — заявила Катрин. — Эта компания из замка Жуаньи решила нас поссорить. Ты только послушай и посмотри, с каким садизмом Аманда вертит каждой этой штукой у меня под носом. Словно в сердце мне собирается всадить. А?

— Ладно, ладно, Катрин, — благодушно ответила Аманда. — Вот будет и у тебя день рождения, то и подумаем.

— Да? Тогда и, в самом деле, будет ладно и я тебя прощу. Но все раны загладят только предметы из золота, а не серебра, как у Луизы.

— Из золота их не делают. Та сама золото. Вот и украсишь их своим прикосновением.

— Давайте, давайте за стол, — засуетилась Луиза и поспешила к своему месту. — Катрин, ты что отстаёшь? Ах, вот ты как в моём-то доме! Положи щипчики на место! Хватит того, что у меня уже любимое ожерелье украли. Если ещё и подруга будет воровать всё, что под руку попадёт, то жить-то как.

Луиза хлопнула в ладоши и откуда-то из-за драпировки стены полилась тихая и мелодичная музыка. В конце столового зала появились какие-то танцующие тени и стали изображать изящный балет.

Изобилие стола сверх всяких возможностей желудка. Но ни Армана, ни Пьера это не смущает. Щиплют сначала понемножку поблизости от себя, всё более и более расширяя круг захваченной территории блюд. Пробую делать также. Жермена с видимым удовольствием клюёт молча здесь и там. Да и нам с набитыми ртами, как говорить? Но вот подходит и время уже лишь эпизоди-

ческого покусывания и прихлёбывания. Танцы с музыкой где-то растворились.

— Так что там с твоим ожерельем, Луиза, — слегка отдуваясь, заинтересованно спрашивает Арман. — Как это можно украсть что-то из герцогского дома? Какой сумасшедший на это отважится? Да ещё при преданности твоих слуг.

— Сама не понимаю. Если тебе не нравится кража, то тогда пропажа. Какая разница. Видите, я совершенно голая. Ничего на шее нет. А к этому платью подходит только ожерелье с красными камнями, которое я надеваю на день рождения. Для гостей мне вчера пришлось одеть с жёлтыми камнями. Хоть что-то. Но с друзьями-то я его напяливать не буду. Раз оно мне не по душе.

— Давай-ка поподробнее и с самого начала, — потребовал Пьер. — И, вообще, я не понимаю трагедии. У тебя всяких побрякушек видимо-невидимо и вдруг такие страдания.

— Да что ты понимаешь в страданиях женщин! — тут уж возмутилась Катрин. — Охотник несчастный. Женщина — не дичь, а тонкая натура, одухотворённая красивыми вещами.

— Ладно, ладно, уймись, Катрин. Речь не о духе, а о пропаже. Когда пропало или хотя бы когда узнали?

— Позавчера. Да, позавчера, — припомнила Луиза. — Я примеряла это платье и велела подать к нему ожерелье. А его-то и нет в шкатулке. Браслеты, серьги от него на месте, а самого ожерелья нет.

— Странно как-то, — высказался я. — Я имею ввиду, что для кражи странно. Вор взял бы все вещи из шкатулки или вместе со шкатулкой.

— Верно, — согласился Арман, — словно взяли на время с намерением положить обратно.

— Но не положили ведь. Кому это нужно брать на время? Не наденешь же всё равно.

— Для образца, например, чтобы сделать такое же, — предположил Гийом.

— Да-а, — протянул Арман, — занятная ситуация. Но на приключение для нас не тянет. Ты что-нибудь предприняла, Луиза.

— А что я могу предпринять? Поручила искать. Пока не нашли. На камеристок и думать нечего. Никогда ничего без спроса не возьмут. Разве что так, на минутку побаловаться тут же.

— Ладно, пусть ищут, — махнула рукой Аманда. — Бывает, что вещи сначала пропадут, а потом вдруг обнаруживаются. Твоему красному ожерелью не так уж просто пропасть. Вещь заметная и известная. Ты, помнится, обещала на день рождения веселье. Давай-ка его сюда!

И, в самом деле, Луиза себя не подвела. Мы переместились в соседний зал поменьше и с превеликим удовольствием насладились целым концертом. Тут и очень даже превосходное пение, и чтение стихов, и вакхические танцы, и даже неплохой фокусник имел успех. Мы сидели и побрасывали артистам маленькие мешочки с серебряными денежками, которыми Луиза снабдила нас всех. В общем, всё оказалось очень мило и изящно.

Расходились по выделенным нам апартаментам далеко за полночь. Правда, разойтись так и не успели. Двери в покои хозяйки и гостей в одной длинной галерее. Проводили Луизу до её комнат и, зевая, побрели к своим. И вдруг из-за ещё неплотно закрывшейся двери послышался пронзительный вопль Луизы. Она вывалилась из двери обратно в галерею бледная как мел. У меня аж сердце приостановилось на мгновение, а Катрин и Аманда, так те, вообще, просто окаменели.

Бросились к Луизе, а она тычет пальцем за спину и слова сказать не может. Влетаем в спальню. Совсем даже и небольшая она для герцогской опочивальни.

Шкафчики и стульчики. Ширмочка и туалетный столик. Массивная кровать под балдахином. С амурчиками, разумеется. Идиллические картины по стенам. В кресле у кровати в безжизненной позе распласталась юная камеристка в голубом платье с глубоким вырезом. Смерть с обмороком не спутаешь. Хотя бы по гримасе нестерпимой боли и прижатой к груди руке. А на груди камеристки великолепное золотое ожерелье с россыпью крупных красных камней.

— Вот и нашлась пропажа, — ляпнул Пьер после минутного общего молчания, нарушаемого только тяжёлым дыханием стоящей рядом с нами Луизы.

— Ох, что же это такое? — прошептала за нашими спинами Катрин.

— Что делаем? — спросил Арман. — Луиза, может, твой лекарь скажет, от чего она умерла?

Позвали слуг и подняли лекаря. Он только головой покачал.

— Или сердце, или яд.

— Да ты что говоришь, Мишель, — чуть ли не прикрикнула на него, обрётшая голос Луиза. — Кому это нужно травить моих камеристок?

— Не знаю, а вот признаки похожие и на то, и на то.

Слуги потоптались вокруг кресла и собрались выносить тело. Одна из служанок сняла с шеи покойницы ожерелье и хотела положить в шкатулку.

— Постой-ка, — распорядился Арман, — дай-ка его сюда.

На груди мёртвой девушки крошечная царапина с соскользнувшей с неё капелькой почерневшей крови.

И опять мы в столовой зале. Ожерелье валяется на столе перед Арманом. Долго молчим. Не потому, что не понимаем произошедшего, а, напротив, потому, что прекрасно понимаем. Хотя и не догадываемся о причине.

— Непостижимо! — прерывает молчание Аманда. —

Кому это Луиза могла до такой степени стать поперёк дороги, чтобы решились на убийство.

— А иголка-то какая малюсенькая, едва заметная, — разглядывает Арман обратную сторону ожерелья. — И посажена у изгиба ключицы. Невозможно не оцарапаться, если наденешь. Со старанием и знанием дела сделано.

— Жутко мне, — поёжилась Катрин. — Словно в страшной, театральной трагедии. И сочинители часто такие страсти пишут. А тут с нами и на самом деле. Луиза, ты как?

— Злюсь. Однако вру — трясусь. Злиться ещё не начала, но уже начинаю. Милая девушка была Камилла. Угораздило же её… Хотя, если бы не она, то тогда я когда-нибудь. Может и не сегодня, и не завтра, но непременно. Откуда оно вдруг взялось, если его позавчера не было?

— Принесли и положили на место. Твоя камеристка знала, что ожерелье пропало? — поинтересовался Пьер.

— Конечно. Вот меня и удивляет, почему она мне не сказала, что оно вернулось?

— Вот это-то как раз понятно, — ответил Арман. — Неожиданно обнаружила и знает, что хозяйке сейчас ожерелье уже не потребуется. Решила побаловаться вещью, как обычно, когда никто не видит. Столько же суеты, переживаний вокруг пропажи. Жажда щекочущих ощущений. Вряд ли у неё таких чувств было много в жизни.

— Но откуда взялось?

— Оттуда же, куда и пропадало. Для того и брали, чтобы ожерелье сделать смертоносным. Но вот когда взяли? Могли когда угодно. Хоть год назад. Ты же говоришь, что только на день рождения это ожерелье и одеваешь. Серж, ты как думаешь?

— Вряд ли для отравления его взяли давно. Если бы

давно, то и успели бы вовремя положить на место. Никто бы его пропажи не обнаружил. А тут не успели вернуть к празднику. Начался шум и, пожалуй, вещь вчера или сегодня бросили обратно в шкатулку просто наудачу. Значит, взяли не очень давно. Может быть, не ранее недели, а вернули сейчас. Причём, вряд ли взял кто-то свой. Свой мог бы взять в любой момент совершенно тихо. А тут взяли, лишь когда подвернулась возможность. Нужно искать, кто посторонний оказался здесь в последние дни. Хотя тут половина на половину. Обманом можно вовлечь в преступление и старых слуг.

— Преступление, преступление и, если именно и только слуг, — пробормотала Луиза. — Не слуги способны гораздо на большее. Сами знаете. Убираюсь немедленно в Париж! Там на меня никто не покушается, кроме Ришелье. А он травить ядом меня не будет. Захотел бы, то уж давно бы…

— Интересно, как из Парижа будем злодея или злодеев ловить? — ввернул Арман любопытный вопрос. — Или так всё бросить и ждать следующего случая? Ерунда!

— Тоже верно, — вздохнув, согласилась Луиза. — Поймать надо. А ты говорил, что пропажа на приключение не тянет. С чего начинать будем? Хотя и так понятно. С опроса слуг. Но не среди же ночи. Аманда, я с тобой устроюсь. Однако боюсь, что не заснуть будет. А завтра ещё суд в ратуше. Не вовремя совсем.

— Я тоже с вами, — живо решила и Катрин. — Хотя бы на кушеточке.

Аманда, Луиза и Катрин ушли. Сна ни в одном глазу. Жермена задумчиво водит пальчиком по столу перед собой. Гийом о чём-то размышляет, уставившись в потолок. Пьер с Арманом слегка нервно вертят в руках бокалы, время от времени прикладываясь к ним.

— Пожалуй, и я тоже пойду, — словно очнулась

Жермена. — Неплохо было бы выяснить, кто и как становится наследником госпожи де Шеврез в случае её смерти.

*

Почему-то никто кроме меня не изъявил желания взглянуть, как Луиза судит и милует.

— Видели уже не раз, — сказала Аманда. — Ты иди с ней, а мы пока тут со слугами побеседуем и всё такое прочее. Луиза, ты нам своего секретаря оставь.

В зале приёмов ратуши кресло сюзерена стоит на возвышении. Луиза внушительно восседает в нём с выражением нетерпения и досады на лице, слушая перечень предстоящих рассмотрению дел.

— Сегодня, Ваша светлость, всего три дела, — докладывает какой-то скромно одетый, но, похоже, имеющий не малый вес чиновник. — Требование барона Эжена де Туи о расширении владения, жалоба крестьян селения Пуазье на поборы и просьба о помиловании в деле о поджоге.

— Начинайте, бальи*.

Стремительность, с которой Луиза расправляется со скандальными вопросами, просто поразительна.

— Барон Эжен, я с почтением отношусь к вашим годам и с не меньшим почтением к древности вашего рода. Однако мне не нужно и заглядывать в законы, чтобы усомниться в обоснованности ваших требований. Древность рода не является даже малейшим основанием просить об ущемлении имущественных прав другого, менее старого рода. В подобном споре могут иметь вес только права владения. Вы таких имущественных прав в виде документов не представили. Даже хотя бы и спорных. Вам отказано. Также налагаю на вас штраф десять ливров в пользу герцогства за заведомо ложное требование. Но я вам не враг, барон. И прекрасно осведомлена о вашем затруднительном положении с вашими

детьми и внуками, от жадности подталкивающими вас на всякие нелепости. Передайте им, что если они не прекратят свои безобразные посягательства на права соседей, то лишатся своих собственных прав. Я найду способ избавить их всех от вашего земельного наследства.

Мне показалось или барон выходил из зала чем-то очень довольный?

— Бальи, следующее дело! — поспешила Луиза. — Так, понимаю. Жалоба на повторное требование уплаты налогов. Но мы уже рассматривали такую жалобу. Что? Другое селение? Ах, даже два. Следствие проведено? И что? Понятно. Двадцать плетей откупщику и его откуп на сбор налогов отменяется. Приготовьте оповещение об освободившейся должности. Как? Уже претендент есть? И что? Хорошо. Уже готово? Давайте подпишу. Передайте ему, что за фокусы, за которые его предшественник получит двадцать плетей, новый откупщик в случае вины получит сорок.

Опля, а Луиза-то, оказывается, может быть и безжалостной. Плетей не жалеет. Правда, за дело.

— Бальи, следующее дело!

— Ваша светлость, вы уже месяц назад вынесли предварительное решение. Вина поджигателя установлена, но вы приказали выяснить и причины, побудившие Жана Готье двадцати лет поджечь мельницу Фернана Монти. Казнь же должна свершиться завтра.

— Выяснили что-нибудь?

— Да, Ваша светлость. Причиной здесь любовное соперничество.

— О, Боже! Только ради всего святого, бальи, не углубляйтесь в подробности запалившей мельницу страсти. В двух словах. Кто предмет такой жгучей любви?

— Девица Жанетта Флери.

— Я её вроде знаю. Это дочь торговца Этьена Фле-

ри?

— Она самая.

— Тогда понятна и страсть, и досада на соперника. Только вот проявление досады настолько преступно, что не позволяет помилования даже при раскаянии виновного. Поджог — наказуемое смертью деяние.

— Ваша светлость, но закон требует для смертной казни наличие пострадавшего. А на сегодняшний день в деле нет пострадавшего.

— Как это нет, когда я вижу его физиономию в зале?

— Отец девицы Жанетты полностью возместил Фернану Монти ущерб и тот отказывается от преследования виновного по закону.

— Любопытный оборот. Этьен Флери!

— Я здесь, Ваша светлость!

— Объясни свой интерес в чужом преступлении.

— Моя дочь Жанетта хочет выйти замуж за Жана.

— Понятно. Фернан Монти!

— Слушаю, Ваша светлость!

— А ты что скажешь?

— Жанетта завидная девица, но по моему разумению мельницы не стоит. Кто мне отстроит новую мельницу, если придурок Жан Готье пойдёт на плаху?

— Тоже понятно. Но безнаказанными фокусы с поджогами тоже оставлять нельзя. Даже если вы между собой и договорились. Жан Готье приговаривается к шести месяцам городских работ с содержанием в тюрьме. Тюремное содержание и штраф двадцать ливров в пользу герцогства оплатит торговец Этьен Флери. Дорого тебе, Этьен, обходятся амурные похождения дочери. Но ты сам это выбрал. Постарайся за свои деньги хотя бы выбить дурь из своего нового родственника. Всё. Бальи, можете очистить зал.

Когда мы в карете возвращались во дворец Луизы, она заметила:

— Сегодня я легко отделалась. Обычно бывает с десяток жалоб, просьб, обвинений, а то и больше. Бальи у меня толковый. Надо бы передать ему право решения некоторых дел. Из тех, которые не требуют помилования или казни. Ужас как не люблю посылать кого-нибудь на плаху, а приходится. Серж, а не может ли за покушением скрываться месть за мой суд?

— Кто его знает. Простолюдин не посмеет и подумать о мести господину. Да и пробраться в твой дворец не сможет. Через кого-то? Сложно уж очень. Вот если кто-то из крупных дворян на тебя обижен, то ещё туда-сюда. Но обида должна быть невыносимой. Есть такие тобой обиженные? Или, вообще, были какие-нибудь не мелкие столкновения с кем-то не по твоему суду и ты победила?

— Не припоминаю. Хотя…, — и Луиза задумалась. — Нет, не может быть. Очень давно было и вина такова, что на меня обижаться не за что. Нет, с этой стороны у меня врагов не видно.

В малой гостиной идёт опрос прислуги. Вернее, закончился уже. Жермена тихонько сидит в уголке, а остальные о чём-то совещаются между собой.

— Удалось выудить что-нибудь толковое? — прямо с порога спрашивает Луиза.

— Из слуг, похоже, что ничего, — развела руками Аманда. — За последние полгода среди них не появилось никого нового. Визитёров по делам из дворянства или простолюдинов здесь, вообще, не бывает. Ты ведь из Парижа почти не вылезаешь, а если и вылезешь, то либо случайно и непредсказуемо, либо для суда. Так что, если кто и хочет добраться до тебя, то обращается к твоему бальи, а не идёт во дворец.

— Правда, недели две или три назад на кухне появился новый постоянный поставщик Мишель Либер, — добавил Арман. — Но он заменил Дезире — умершего поставщика. Управляющий говорит, что иногда пользо-

вался его услугами, когда покойный не справлялся. Стало быть, это не случайный человек. Да и доступа в дом он не имеет. Так что и тут пусто, если не считать его обычное для мужчин внимание к служанкам. Камилла? Конечно, цеплял и её, но точно так же, как и других служанок, попадавшихся под руку. Говорят, что вполне видный парень лет двадцати восьми. Нашей герцогиней не интересовался.

— Понятно, — мрачно пробурчала наша герцогиня, — полная пустота.

— Не совсем, — ответил Гийом. — Жермена предлагает покопаться в твоих возможных наследниках. Мы считаем, что в этом есть смысл и немалый.

— Пожа-алуй, — задумчиво протянула Луиза, глядя с некоторым удивлением на Жермену. — Тут есть в чём порыться, но перспективы что-то понять не великие. Такая каша! Пьер, налей-ка мне чего-нибудь. Мне подумать надо. А вы посидите пока тихо.

И Луиза погрузилась в глубокие размышления. Минут на пятнадцать. Потом встала и молча вышла. Вернулась с большим листом бумаги и расстелила его на столе.

— Генеалогическое древо. Сам чёрт тут вроде бы ногу сломит. У меня же детей нет. Хотя по прямой с наследниками довольно просто. Бесспорный наследник только один — маркиз Альбер де Кюи. Это дядя моего покойного мужа. Прелестнейший старикан. Ему уже почти семьдесят и интереса травить меня, у него никакого нет. Слишком добр и со своим-то владением едва справляется.

— А ему кто наследует?

— В семействе с наследниками мужского пола плоховато. Поэтому маркизу Альберу наследует его единственная и поздняя по рождению дочь Антуанетта.

— Антуанетту де Кюи я знаю, — сказала Жермена, подходя к столу. — Ей нет и двадцати пяти. Безобидная

и простоватая особа. Живёт в Париже. До сих пор не замужем. Хочет, но всё время что-то не складывается. Может быть, потому, что далеко не красавица.

— Да, — подтвердила Луиза, — Антуанетта в Париже. Иногда даже в Лувр заглядывает. Ко мне домой тоже заходит, но какие-то близкие отношения не завязываются. Не интересная особа. Не то, что Катрин, с которой не соскучишься.

— Вот, наконец-то мои заслуги признали! — воскликнула Катрин. — И нужно-то для этого всего лишь покушение на убийство. Луиза, чтобы ты меня больше любила, я готова устраивать заговоры и покушения на тебя хоть каждый день.

— Спасибо, — рассмеялась наша герцогиня, — я знаю, что на тебя всегда можно рассчитывать. Да, вот, собственно, и всё о прямых наследниках. Старый маркиз мне не враг, а для Антуанетты какие-нибудь планы и намерения просто не в характере. И даже мужа моя смерть ей не добудет. Но вот если бы не маркиз и его дочь, то с моей смертью за наследство началась бы целая война. Потому как почти равные права на земли герцогства переходят сразу к нескольким ветвям родства. Очень запутанные права. Их нужно обосновывать и доказывать. А публика среди таких наследников самая разная. Есть и злобные, и коварные. Ситуация может склониться в чью-то пользу лишь по указу короля.

— Дрянная ситуация, — согласился Пьер, — и притом нелепая. Те наследники, право которых наиболее весомо покушаться на тебя не будут. А те, которые по характеру и интересам готовы бы пойти на преступление не пойдут на него, ибо гарантии получить наследство, у них нет. Прежде чем покушаться на тебя любому из них нужно сначала разобраться с соперниками. Иначе покушающийся претендент на наследство может оказать услугу не себе, а кому-то совсем другому.

— Серж, — обратилась ко мне Луиза, — а тебе в голову ничего не приходит? Надо же меня как-то спасать.

— Надо. Да вот ничего определённого у нас так и нет. Начинать не с чего. Есть только две слабенькие ниточки. Пожалуй, даже и не ниточки, а так, намёточки, где следовало бы покопаться для очистки совести.

— Ну-ну, и что это за намёточки?

— Понятно, что раз было покушение, то на месте покушения не может не быть и каких-то следов. Совсем бесследных событий не бывает. Вопрос в том, где эти следы искать. Как я понял из опроса слуг нам известно лишь одно событие, чуть-чуть вышедшее за рамки обыденности. И даже событием-то его назвать нельзя. Смена поставщика продуктов на кухню. Но раз уж у нас ничего нет, то надо покопаться хотя бы в этом для очистки совести.

— Ну, что ж, давайте покопаемся. С чего начнём копания?

— Мне думается, что нужно начать со смерти предыдущего поставщика. Нет ли в ней чего-нибудь необычного, подозрительного.

— Хорошо. Кто будет выяснять? Не всем же на это набрасываться. Серж и Гийом? Отлично. Берите моего управляющего и выясняйте. А какова вторая у тебя намёточка?

— Антуанетта де Кюи.

— Вот так сюрприз! С чего бы?

— Между тобой и оравой агрессивных наследников стоит Альбер де Кюи с дочерью. Орава к покушению явно не причастна. По твоим же словам старый Альбер тоже. Слабым местом остаётся только Антуанетта.

— Именно слабым, а поэтому и безопасным местом. Чтобы Антуанетта захотела бы мне или, вообще, кому-нибудь вреда? В жизни не поверю!

— Именно слабым, если верить тебе и Жермене, а

поэтому и очень опасным. Представь себе такую ситуацию, что отравленное ожерелье одела всё же ты, — Луиза поёжилась. — А тем временем Антуанетта вышла замуж. Что нужно новоиспечённому мужу, чтобы получить во владение герцогство Арзо с титулом в придачу?

— Всего лишь дождаться смерти старого маркиза! — словно ахнул Арман.

— Или ускорить её, — добавил Пьер. — А потом можно будет и от некрасивой супруги избавиться, если будет мешать.

— Да-а, — протянула Луиза, — ну и картинка складывается. О таком я и не подумала. И Антуанетта тут может оказаться совсем ни при чём. Эта намёточка ведёт нас в Париж. Что уж делать. Серж, Гийом, поезжайте. Мы вас тут подождём, и пока прикинем, с чего бы нам начать в Париже.

Мы с Гийомом быстренько собрались, и в сопровождении управляющего Гаспара не спеша поскакали в деревеньку поблизости от Арзо. В самом деле, не далеко. Чуть больше, чем через полчаса мы спешились во дворе чистенького деревенского дома, стоящего в окружении тенистых деревьев. Встретила нас вдова покойного поставщика.

— Мадлен, — обратился к ней Гаспар, — наша госпожа очень расстроена смертью твоего мужа. Поручила нам узнать как же произошла эта беда. Мы слышали только, что он упал с повозки и расшибся. А он ведь трезвый человек. Не мог же вот просто так взять и свалиться. Да и если бы и упал, то что? Ну, ушибся бы, сломал бы руку или ногу. Но не до смерти бы.

— Ох, месье Гаспар, горе-то какое, — запричитала Мадлен. — Ведь у нас четверо детей, а из взрослых я теперь одна. Самой делать то, что делал муж? Так, говорят, что его место теперь Мишель занял. Не знаем мы, что случилось. Мужа нашли на дороге с раздавлен-

ным животом. Люди говорят, что, наверное, упал под самое колесо, а лошади не заметили и сразу не остановились. Вот, видите нашу повозку. Большая и тяжёлая. Наедет, и в живых не останешься.

— Что поделаешь, Мадлен. Все под Богом ходим. А падать духом не надо. Найми работника и продолжай дело. Ведь вы снабжали не только дворец. Будут покупать и у тебя. Жалко Дезире, жалко.

Мы подошли к повозке. Телега как телега. Только большая и высокая. Широкая скамья для возницы. С такой высоты если свалишься, то и шею легко свернуть. Гийом обошёл телегу вокруг и заинтересованно уставился на переднее колесо.

— Интересная вещь не находите? Сидение возницы прямо над передними колёсами и даже чуть дальше назад их оси.

— И что?

— Если падать вбок, то и упадёшь сбоку от колеса, а не впереди него. Чтобы оказаться перед колесом, нужно прыгнуть вперёд. Зачем покойному вдруг прыгать перед колесом? А если падать вбок, то под заднее колесо при большом невезении попадёт лишь рука или нога. Допустим, что и голова может, но никак не живот.

— Думаете, его намеренно переехали, шевалье? — поинтересовался Гаспар.

— Похоже на то. Кто-то расчистил путь новому поставщику. Если не он сам, конечно. Этого нового, Мишеля, что ли, как можно найти?

— Здесь же на другом конце деревни. Родители умерли, и он живёт один. Хотите его допросить?

— Неплохо бы, но о чём спрашивать неясно. Нет никаких сведений о его причастности к смерти предшественника. Так, догадки лишь. Давайте всё же навестим его. Может быть, по ходу разговоров что-нибудь в голову придёт.

Дом Мишеля оказался почти на окраине деревни. Повозка во дворе. Там же, пугая кур, бродит и непривязанная лошадь. Слышно как в сарайчике похрюкивает свинка. Хорошее хозяйство. Ухоженное.

— Мишель, ты где? — прокричал Гаспар и обернулся к нам. — Должен быть дома, раз лошадь здесь. Мишель! Не отвечает. Странно. Давайте зайдём.

И, в самом деле, Мишель оказался дома. Спит прямо за столом, уткнувшись носом в сложенные перед собой руки. Тарелки, миски с разной едой, кувшин, бутылка и два стакана с недопитым вином. Гость ушёл, оставив хозяина спать? Гийом подошёл к столу, потряс хозяина дома за плечо и тут же быстро отдёрнул руку, словно схватился за что-то неприятное.

— Вот это да! Он же мёртв. И при этом давно. Наверное, со вчерашнего дня.

— Вот так гость побывал у Мишеля, — покачал головой Гаспар. — Теперь уж никакого сомнения, что Мишель причастен к смерти Камиллы.

— Сомнений-то у нас может и не быть, — заметил я, — но вот доказательств этого тоже нет. Между Мишелем и смертью Камиллы у нас пустота неведения, как это всё было организовано. Нужно хотя бы поспрашивать жителей деревни, не видел ли кто-нибудь гостя Мишеля.

Нашли старосту и сообщили ему безрадостную новость. Вместе с ним обошли соседей Мишеля. Никто не видел чужих людей. Только раза два или три замечали поздним вечером в освещённых окнах дома Мишеля мелькавшие силуэты не одного человека.

— Интересно, как гость подъезжал к Мишелю? — заинтересовался Гийом. — Если проезжал ворота Арзо перед самым закрытием, то его там должны бы заметить. На ночь глядя, вряд ли так уж многие выезжают из города. Нужно поспрашивать стражу.

— Не обязательно ехать через Арзо. Там дальше за

деревней есть развилка дорог. Боковая идёт к селению Пуаре, а потом выходит к парижской дороге далеко от Арзо у постоялого двора Кольбера, — ответил Гаспар.

— Не везёт нам, — вздохнул Гийом. — Что делать, поехали домой.

Едва успели проскочить вот-вот закроющиеся ворота Арзо и подъехали к дворцу Луизы уже в сумерках. Попали прямо к накрытому на ужин столу.

— Что интересного привезли? — спросила Луиза.

— Много интересного. Похоже, что обоих твоих поставщиков еды убили. Первого, чтобы открыть место для второго, а второго, чтобы вдруг не проболтался.

— Как это обоих? Час от часу не легче! Давайте подробнее.

И Гийом изложил всё добытое подробнее.

— Так, понятно, — пробормотала Луиза, — вокруг моего ожерелья уже три мертвеца. И сколько ещё будет — неизвестно. Всё что можно бы узнать оборвано смертью Мишеля Либера.

— Похоже на то. Враг у тебя оказался предусмотрительный и решительный. Нужно ещё раз опросить слуг.

— Зачем?

— Их опрашивали на предмет чужих людей. Сейчас же нужно выудить из них всё, что связано с Мишелем. Кто что слышал, кто что видел.

— Гаспар!

— Слушаю, Ваша светлость, — откликнулся управляющий.

— Организуйте.

— Слушаюсь, Ваша светлость.

Гаспар вышел, а мы устроились за столом.

— А мы тут без вас так ничего толком не надумали, — сообщила Аманда. — Надо ехать в Париж. Тем более, теперь ясно, что в Арзо все концы оборваны. Может, в Париже что-нибудь прояснится. Только вот что прояс-

нять — непонятно. У нас нет ничего, что связывало бы Антуанетту со смертью Камиллы. Так, предположения о вероятности. Может быть, покушение на Луизу, и не связано с притязаниями на наследство. Хочешь-не хочешь, а с Антуанеттой встретиться надо. Только вот Луиза к ней с визитами никогда не ходила. Не насторожить бы. Решили, что раз Жермена её хорошо знает, то ей и заманивать Антуанетту к Луизе или Катрин. Нам нужно чтобы она разговорилась.

— В первую очередь нам нужно прояснить, не появился ли за последний год у Антуанетты кавалер и кто он, — предложил я. — Как прибудем в твой замок, нужно будет установить наблюдение за домом Антуанетты. Это по части Гийома. У него здорово получается с организацией слежки. Ну, и будем ждать, выведают ли чего-нибудь Луиза, Жермена и Катрин. Если что-то там есть, то узнаем.

— А если нет?

— Будем дальше искать. Хотя и сам не представляю где. Луизу мы никому не отдадим. Точно знаю одно. Противник очень серьёзный. Я бы даже сказал матёрый. Что-то затевая, ни в чём не сомневается и ни перед чем не останавливается. Даже среди злодеев фигура должна быть довольно выделяющейся. Вряд ли таких много. Если Антуанетта нам ничего не принесёт, то выберем такие фигуры и будем проверять всех подряд. Что-нибудь да выплывет.

— Это же, сколько работы! — охнула Катрин.

— А Луиза?

— Молчу, молчу. Надо, так надо.

Заработали ложки и вилки. С полчаса было тихо. Вроде и говорить не о чем. В столовую вошёл Гаспар.

— Ваша светлость, двое из слуг видели вашу кастеляншу Лизу с Мишелем в городе. Один видел в церкви, а другой на рынке. Оба утверждают, что вряд ли встречи

были случайными. Поведение было, как у близко знакомых людей.

— Лиза знает об этом?

— Похоже, что нет.

— Очень хорошо, Гаспар. Можете идти, а Лизу пришлите сюда.

— Слушаюсь, Ваша светлость, — и управляющий удалился.

— Вот так фокус, — воскликнул Арман. — А я-то думал, что если из прислуги кто-то и замешан в пропаже ожерелья, то это сама погибшая. Наверняка она не знала, что ожерелье потребовалось для отравления. Не исключено, что и твою, Луиза, кастеляншу обманули. Случайных женщин никогда не посвящают в такие дела.

В дверь тихо проскользнула женская фигура. Девица лет двадцати.

— Вы меня звали, госпожа?

— Да, Лиза, есть у меня один вопрос к тебе. Зачем ты дала Мишелю Либеру моё рубиновое ожерелье?

Девица побелела как полотно, рухнула на колени и залилась рыданиями, сквозь которые едва можно было различить слова. Её даже и уличать не пришлось ни в чём. Видно уже была готова к худшему. Ну, про шашни с Мишелем можно было и не говорить и так ясно. Оказалось, что Мишель наплёл Лизе богатую и романтичную сказку о том, что один очень важный синьор хочет сделать герцогине сюрприз на день рождения. Прослышал о красном гарнитуре, который одевается в дни рождения и решил его обогатить диадемой. А для образца стиля нужно ожерелье. Всё знакомо, просто и правдоподобно в этом отравлении. Как в лучших традициях жанра всех времён. Сто раз читано-перечитано. Такое ощущение, что дальше и слушать не надо. Всё известно заранее.

— Ваша светлость, я и подумать не могла о чём-то зловещем. Очень испугалась, когда Мишель не принёс

ожерелье вовремя, — уже более членораздельно заговорила девица.

— Когда он его принёс?

— Позавчера.

— И ты сразу положила его на место?

— Да, сразу же.

— Что Мишель рассказывал о важном синьоре?

— Ничего. Он его никогда не видел. С Мишелем встречался друг и помощник этого синьора.

— Ты этого помощника видела?

— Нет, никогда.

— Мишель его описывал?

Девица задумалась.

— Нет, точно нет. Только как-то раз упомянул, что у этого друга синьора шпага с чёрным эфесом и грозный взгляд.

— Что ещё ты помнишь?

— Это всё. Что же теперь со мной будет, Ваша светлость?

— Иди и работай. Я после решу, что с тобой делать.

За девицей закрылась дверь.

— Вот теперь мы знаем всё, что тут произошло, — вздохнула Аманда. — Картина сложилась, а толку что?

— Немножко и нам прибавилось, — возразил Пьер. — Раз шпага, то дворянин. И эфес чёрный. Не скажу, что таких шпаг мало, но и не так уж и много. Дворяне предпочитают сверкающее оружие.

— Да, хороший признак, — согласился Арман. — И ещё при этом друг или помощник важного господина. Такие дела поручают только очень близким людям.

— Если дворянин со шпагой не соврал про важного господина и тот существует, — усомнилась Луиза.

— Вряд ли соврал, — успокоил я её. — Притязать на герцогство может только очень крупная фигура. Такие не станут сами шастать по ночным деревенским дорогам.

Слишком приметны и значительны.

— Тогда завтра утром переезжаем в замок к Аманде. Здесь мы выжали всё, что возможно.

*

На башне замка Аманды уже не очень-то посидишь в своё удовольствие. Прохладно. Осенний ветер пробирает. Листва уже почти вся опала и пространство вокруг замка покрыто жёлтым покрывалом. Во рву тоже листья, гонимые ветром туда-сюда. Воздух чист и свеж. Только запах осенней прели слегка нарушает эту свежесть. Вон лисица огненной молнией промелькнула меж стволов. Голоса каких-то зимующих птиц доносятся из глубины леса. Всё-таки и осень хороша своим своеобразием.

По пути сюда остановились на постоялом дворе Кольбера. Пьер и Арман сразу же взяли хозяина в оборот. Впрочем, он ничего скрывать и собирался.

— Да, бывает иногда такой странный господин, у которого шпага с чёрным эфесом. Всегда один и всегда к вечеру. Ни с кем не разговаривает. Ожидает почти всегда одного и того же вечернего времени и уезжает дорогой на Пуаре. Возвращается утром. Когда зайдёт, а когда и нет.

— Узнаешь в лицо, если встретишь?

— Ещё бы! Только мне не очень-то хочется его встречать для узнавания.

— Даже так?

— Серьёзный господин. Из тех, кому поперёк дороги лучше не становиться.

— Не беспокойся. Если увидишь его в нашей компании, то можешь становиться к нему, хоть вдоль, хоть поперёк. Он тебя уже не укусит.

Когда хозяин отошёл, мы тихонько возликовали.

— Наконец-то хоть одна серьёзная зацепка, — порадовалась Аманда. — Правда, подозреваемых возить далековато, чтобы показать Кольберу. Но и то, слава

Господу, что хоть есть куда возить. Арман, Пьер, это уж ваша доля.

— Само собой уж, как обычно. Всё грязное и гнусное достаётся нам, — рассмеялись оба. — Бог с ним, лишь бы что-то сдвинулось.

Как только приехали, Гийом собрал свою команду и только мы его и видели. Луиза, Катрин и Жермена тоже не задержались. Сразу после обеда ринулись в Париж вслед за Гийомом. Арман с Пьером засели в библиотеке. Аманда возится с какими-то бумажками по хозяйственным расходам. Я же разжился у хозяйки каким-то плащом и залез на верхотуру.

Оказывается, что король и кардинал вернулись в Париж уже более недели назад. Конечно же, сидеть под Ла-Рошелью осенью уже не очень сладко, а и зима не за горами. Так что получается, что они в свой военный поход не так уж и надолго отлучались из Парижа.

Да, Париж, Париж… Как там наши девочки? Уже три дня как они гуляют сами по себе. Что успели натворить и кого покорить? Вот задал-то я мороки комиссару Леграну. Будет ли он после этого восторгаться чудом несказа́нным? Если здесь дело затянется, придётся придумывать какое-то оправдание на отсутствие в два-три дня. Просто так девочек будет из Парижа не выцарапать. Хотя кого это я надуть пытаюсь? Сам бы с удовольствием там с ними погулял бы денёк-другой.

Ага, Гийом скачет.

— Мышь не проскочит, — доложил он. — Пока я там крутился, к Антуанетте заглянули на минутку Жермена с Катрин.

Вся дамская троица вернулась уже в сумерках. Ах, Жермена, не осталась-таки у себя дома. Видно её всё же зацепило и хочет сама наблюдать за событиями. А, может, и поучаствовать наравне со всеми. Видимо всё-таки поняла, что была приглашена Луизой не как обыч-

ный гость. Луиза смеётся:

— Что там творится в Лувре-то! Все только и говорят о покушении на меня. Новость бежала намного впереди нас. Анна в ужасе. Король в беспокойстве. Кардинал в недоумении. Надо отдать должное Людовику. Хоть он меня и на дух не переносит, но чувство справедливости ему не чуждо. Когда я сидела у Анны, то король с кардиналом пожаловали с визитом специально, чтобы высказать мне сочувствие. Людовик даже дошёл до того, что пообещал плаху несостоявшемуся убийце, когда того поймают. Независимо от положения и титулов того. Кардинал заявил, что немедленно откроет следствие, как только я сделаю заявление о покушении. Тут даже король ухмыльнулся. Все прекрасно понимают, что я никаких заявлений Ришелье делать не буду. Честное слово, на какой-то момент я даже почувствовала себя среди них, как в тёплом семейном кругу.

— Просто отлично, — обрадовался Арман. — Теперь если мы во что-нибудь влипнем, то сможем рассчитывать на королевскую поддержку. Или, уж во всяком случае, на невмешательство короля и кардинала. У нас развязаны руки для любых действий.

— Ага, остался пустяк — поймать злодея, — поддержал друга Пьер.

— Ладно, что у нас сегодня на ужин? — разглядывает Луиза обеденный стол. — Как мило. Мой любимый кабанчик. Жермена, налетайте! Нигде так чудесно не готовят кабана, как у Аманды.

— Что у вас там с Антуанеттой? — спросила Аманда, когда все расселись.

— Всё в порядке, — проталкивая слова через набитый рот, успокоила Катрин. — Мы с Жерменой заглянули к ней. Жермена меня представила, и спросила Антуанетту, будет ли та на завтрашнем обеде у своей родственницы Луизы. Та ответила, что её не приглашали. А

мы: какое тут может быть приглашение! Обед для выражения соболезнований по случаю покушения и радости по случаю чудесного спасения. Приходит кто угодно с сочувствием на лице. Будет Антуанетта. Пьер, не надо говорить того, что ты собрался. Мы не хуже тебя знаем, что нам нужно выудить из Антуанетты. А уж, каким способом, то уж и подавно знаем лучше тебя.

— Молчу, молчу, — ответствовал Пьер. — Как это мне могло прийти в голову, что я могу вам что-то присоветовать по части интриг! Жермена, бесценный опыт можете получить, наблюдая за Луизой и Катрин.

— Непременно постараюсь, — улыбнулась та.

— Как я понимаю, не все будут при деле в ближайшие дни, — начал я гнуть в свою сторону. — Например, мне вовсе не улыбается мучиться со скуки на башне, ожидая вас. Займусь своими делами. Так что меня не будет денька два, а то и три. Может быть, за это время что-то и всплывёт.

Когда все разошлись по спальням, Аманда спросила:

— Чего это вдруг ты собрался сорваться с места? С Арманом и Пьером могли бы найти себе занятие в Париже.

— А что делать. Мы же прибыли на день рождения и не думали, что приключится такая штука. А у нас с Александром девочки одни гуляют в Париже Люсьены Ваньи. Нужно их забрать оттуда. Кто знает, как быстро это получится. Может, сразу, а, может, и задержаться придётся.

— Боишься, что они натворят там что-нибудь?

— Не исключено.

Так что утром я выехал из замка верхом следом за каретой Луизы. Дамы повернули направо, а я налево. Подождал, когда карета скроется из вида и въехал в лес. Шагах в трёхстах в глубине Гийомом ещё весной сооружена среди деревьев сараюшка для лошади и неболь-

шого запаса сена. Завёл коника в неё. Будет ждать моего возвращения. Дом, Дом, где, ты, Дом…

*

— А-а, месье Серж! — приветствовал меня Мишель — владелец кафе у вокзала в Марли. — Заходите, заходите. Ваши девушки проходили тут дня три или четыре назад. Посидели у меня немного.

— До поезда сколько?

— Ещё почти целый час.

— Тогда и я посижу. Только загляну на минутку к Феликсу.

Опять я без бумажных денег. Они есть на вилле Александра, а я туда не заходил. Правда, в карманах болтаются и несколько ауреусов, и вернских золотых, и пистолей. Так что через несколько минут я вернулся к Мишелю уже отягощённый ассигнациями Государственного французского банка.

— Вы знаете, Серж, ваши девушки произвели в Марли настоящий фурор. Как они тут появляются, так все местные франты сбегаются ко мне в кафе, чтобы поглазеть на них. Кто-то их оповещает. Потом подолгу сидят и обсуждают увиденное. Если бы ваши красавицы появлялись регулярно, то я стал бы богатеем.

— Нет, Мишель, — рассмеялся я, — регулярности не будет. Скорее всего, не станет скоро и редкой случайности. Не быть вам богатеем. Но порадовать франтов вы можете. Назовите ваше кафе "Три красотки". А я обещаю, что мы все вместе заглянем к вам ещё разок на днях. У вас в Марли есть хороший фотограф? Сделаете фотографию и повесите на стену. Пусть франты любуются и делятся воспоминаниями.

— Какая великолепная идея! Вы серьёзно, Серж?

— Абсолютно. Однако мне пора. Слышу свисток начальника станции. А ещё билет нужно успеть купить.

В "Ритце" меня тоже встретили, как старого знакомо-

го.

— Месье Андроник! Как мы рады вас приветствовать, — воскликнул знакомый портье. — Ваши родственницы остановились в тех же номерах. Вам, конечно же, рядом?

— Конечно же, рядом. Девушки ещё спят?

— Нет, ушли завтракать. Не в наш ресторан, а куда-то на улицу.

— Не знаете вернуться ли они сейчас?

Портье только пожал плечами. Вижу, что у него внутри словно что-то клокочет. С чего бы это? И рожа такая, словно он едва сдерживает смех.

— Как вас зовут? — спрашиваю его.

— Жак.

— Что-то опять случилось, Жак?

— Нет, ничего, кроме того, что позавчера опять был ежемесячный бал.

— Вот как? Опять драка?

— Нет, драки на этот раз не было. Но пострадавшие были.

— ???

— Любопытствующих посмотреть было очень много. В толкучке у дверей зала кто-то оступился и покатился вниз по лестнице, сбивая других. Две сломанные руки и одна нога у разных людей.

— Понятно. Считай, что происшествий никаких и не было. Только вот мне непонятно, почему бал был позавчера? Если вспомнить наш первый визит в "Ритц" и отсчитать месяцы оттуда, то нынешний бал должен бы состояться где-то недели через полторы после сегодня, а не позавчера.

Жак заговорщицки склонился к моему уху и прошептал:

— Так распорядился управляющий, узнав, что прибыли ваши племянницы. Пока они не уехали, приказал

объявить бальным следующий день.

— Не может быть! — поразился я. — Он же сам приходил к нам извиняться за безобразие, случившееся на балу. И вдруг сам же его пытается спровоцировать. А престиж отеля?

— Престиж "Ритца" после того памятного вечера с такой стремительностью скакнул вверх, чего не было за всю историю существования отеля. У нас теперь нет почти ни одного свободного номера. Разве что некоторые люксы иногда пустуют. Но и те не так уж часто. Счастье, что пара их была свободна, когда ваши племянницы появились в отеле.

— Но вы же не в люкс их поселили.

— Они так потребовали, а ваши номера были заняты.

— Понятно. Вы уже живущих постояльцев переместили в люксы.

— Да, и все довольны. А ваш номер свободен, потому что девушки предупредили о вашем приезде через несколько дней. Держим свободным без бронирования.

— Спасибо. Я тогда пошёл.

Знакомая обстановка. Прошу горничную отпереть дверь между номерами. Чуть не забыл, что они отпираются и запираются изнутри. Запах Охоты, Фериды и Антогоры. На столе одного из их номеров вчерашние газеты. Опять отличился "Фигаро". Фотографии девочек и так, и этак. И кружком за столом, и в танцах, и убойная картинка прелестей всех троих со спины, когда они уходили. Понятно, что лестница со свалкой на ней тоже неплохо удалась. А вот писать-то особо и не о чем. Однако и то, что есть, размазали, как смогли.

Ладно, вернулся к себе, и прилёг на минутку поразмышлять о том, куда бы они могли двинуться после завтрака. Проснулся от того, что на меня упала щиплющаяся и щекочущаяся гора. Аж дыхание перехватило.

— Караул! — пытаюсь отбиться я от навалившегося

на меня чуда несказáнного. — Спасите! Полиция!

— Полиция уже здесь! — слышится от дверей в спальню.

Вот, пожалуйста, и Вивьен Легран собственной персоной! Целую девочек, куда попадётся, и они перестают беситься. Пожимаю руку Вивьену.

— Здорово Антогора угадала, что ты приехал! — радуется Охота.

— Как это угадала?

— Не знаю. Сидим в кафе за углом, а она вдруг говорит: "Сергей приехал. Нужно сказать Вивьену" и за телефон.

Вопросительно взглядываю на Антогору. Она только плечами пожимает.

— Ну, как они тут? — спрашиваю комиссара.

— Нормально. Познакомил с ними свою жену. Так она, спустя пять минут, уже и души в них не чает. Когда я не могу сопровождать ваших племянниц, то Жизель их опекает. Жаловаться не на что. Девушки опять захотели в Лувр и Мулен Руж. Да и я вспомнил молодость весёлым вечерком в этом кабаре.

— Сегодня куда-нибудь собирались?

— Я предлагал на выбор Во или Фонтенбло. Ещё не решили. Жизель должна бы с ними ехать, но раз вы тут, Серж, то пришёл я. Подумал, что вы захотите их сразу забрать.

Всё чудо несказáнное выжидающе смотрит на меня.

— А как же ваша служба, комиссар?

— Она и без меня хорошо идёт. Слава Богу, должность такова, что не требует безотлучного сидения на месте и отчитываться ни перед кем не нужно. Да и есть, кому меня заменить.

— Тогда давайте посетим Фонтенбло. Далеко это?

— Не совсем близко, но по железной дороге до станции Эйвон, что рядом с Фонтенбло не будет и ста кило-

метров.

— Тогда на вокзал! Я тоже не прочь набраться впечатлений. Уедем домой завтра или послезавтра.

Лионский вокзал остался позади. Паровоз пыхтит, дым валит из трубы, вагоны несутся вперёд. Девочки с растрёпанными волосами стоят и у открытых окон и смеются навстречу ветру. Глядя на них, улыбаются и другие пассажиры.

— Ну, как они тут, Вивьен? — снова поинтересовался я тем же.

Легран посмотрел в сторону девочек — не слышат ли. Вроде нет. Слишком заняты ловлей ветра ртом.

— Как обычно непредсказуемы. Даже трудно подобрать сравнение. Сами знаете, Серж, что с ними может происходить. В нашем с Жизелью присутствии то же самое, что и в вашем, как вы описывали.

— Динамит?

— Вот-вот, именно динамит и никак не меньше. Всё вроде бы тихо кругом и, на тебе, только моргнул глазом, а они уже во что-то влипли.

— И часто так получается? Вы простите меня, Вивьен, что я впутал вас в это дело.

— Как это вы могли впутать меня во что-то при своём отсутствии?

— Очень просто. Я был уверен, что вы, услышав об их самостоятельном появлении в Париже, непременно станете их опекать. Иначе я бы ни за что не рискнул отпустить их сюда одних.

— Да вы жулик, Серж!

Мы переглянулись и засмеялись.

— Знаете, Серж, как раз таких хлопот нам с Жизелью и не хватает. Она за прошедшие три дня словно помолодела лет на десять. Очень расстроится, когда ваши племянницы уедут. Вон посмотрите даже на случайных окружающих. Как всем передаётся восторженное

настроение ваших племянниц. Хотя вроде бы и не всем. Вон пара типов с мрачным выражением лица в конце вагона. Может, едут на похороны?

— Может, и на похороны. Не у всех в данный момент радость в жизни. Кажется, куда-то подъезжаем. Не Эйвон?

— Нет, до Эйвона ещё две станции.

Однако добрались и до Эйвона. Хотя парк и дворец Фонтенбло совсем не рядом со станцией, мы решили пройтись пешком. А ведь уже разгар дня и времени на осмотр будет не так уж много. Прочие любители прекрасного двинулись к парку на такси. За нами последовали не так уж и многие. В том числе и мрачная пара. Только на полпути они где-то отстали.

Парк Фонтенбло столь же чудесен, как и парк Версаля, но мы не стали в нём задерживаться. Побродили лишь по саду Дианы. Больший интерес ожидался от внутреннего убранства дворца. И мы не ошиблись. Со Двора Белой лошади влились внутрь королевских чертогов. Девочки, как только поднялись по Лестнице короля, и увидели здесь первые картины и скульптуры по стенам, так сразу и притихли, словно пришибленные роскошью и красотой. Мы с комиссаром не стали им мешать идти, куда захотят и просто тащились вслед за ними, любуясь их восторгами, и восторгаясь сами.

Галерея Франциска первого с неповторимыми фресками. Галерея Генриха второго с потолком невообразимой красоты. Тронный зал с золочёными потолком и люстрой. Комната охраны, соперничающая по убранству с покоями короля. Салон Гобелен, из которого не хочется уходить. Так уж притягивают к себе вытканные сцены. Гостиная Франциска первого и салон Людовика тринадцатого. А Королевская библиотека и галерея Фасты? А плафон капеллы? И всюду картины, картины, картины не менее впечатляющие, чем в Лувре…

Когда мы выкатились из дворца под начинающее темнеть небо, к нашему с комиссаром удивлению чуть нос к носу не столкнулись с одним из мрачных типов из поезда. Стоял рядом с группой кого-то поджидающих во дворе посетителей. А где же его спутник? Пошёл на похороны один? А этот чего испугался? Похоже, что наш выход из дворца застал его врасплох. Наверное зазевался, прислушиваясь к гомону стоящей рядом группы. При нашем появлении стал усиленно изображать пристальный интерес к группе рядом. Но проделал это слишком неуклюже и суетливо. Тем и привлёк наше с комиссаром внимание.

— Как думаете, Вивьен, что бы это значило?

— Непонятно. Похоже на слежку за нами. А учитывая поезд, то слежку от самого Парижа. Правда, слежка дурацкая — дилетанты.

— Раньше не замечали?

— Если бы была, то заметил бы.

— Значит, началось всё это только сегодня. С чего бы, кто и зачем?

— Рано или поздно узнаем.

— Лучше бы рано, чем поздно.

Девочки идут впереди нас. Когда мы все прошли группу оживлённых экскурсантов, около которой стоит мрачный тип, Ферида оглянулась. Через несколько шагов опять посмотрела назад. Потом отстала от подруг и подождала, когда мы поравняемся с ней.

— Серж, Вивьен, мне кажется, что я где-то встречала того парня, мимо которого мы прошли.

— Конечно, встречала. В поезде.

— Да? Нет, в поезде не замечала. Видела где-то раньше и, пожалуй, догадываюсь где.

— И где же?

— У Жюльена Сабо, когда мы заглянули к нему утром. Вроде бы этот парень был среди тех, кого я ски-

нула с лестницы.

— Вот чёрт! — воскликнул Легран. — Оказывается, та история ещё не кончилась. Уже темнеет и лучше нам не делать того, что от нас можно ожидать. А ждут наверняка, что девушки вернутся в Париж. Смотрите-ка, а парень-то уже испарился. Сделаем вот что. Я двинусь в Париж и постараюсь разузнать, куда разбежалась компания покойного Сабо. Если тут готовится месть, то не такими типами, как этот парень. А вы оставайтесь здесь. Отель в Фонтенбло вполне приличный. Поселитесь и никуда не выходите до утра. Утром на десятичасовой поезд и в Париж. Там на вокзале и встретимся.

Так и поступили. Отель оказался вполне достойный, хоть и провинциальный. Заняли три номера на втором этаже. Оказалось, что дверей между ними нет. Это не очень здорово. Заказали наугад ужин на всех в мой номер. Угадали. Оказалось очень вкусно. В разгар пиршества Антогора вдруг встала, подошла к двери и слегка пнула её ногой. Дверь глухо во что-то стукнулась и послышался шлепок чего-то о противоположную стену коридора. Антогора выглянула наружу, и стал слышен чей-то удаляющийся, сдавленный плач.

— Горничная, — сообщила амазонка, вернувшись за стол. — Наверное, хотела сменить постельное бельё, но почему-то забыла его с собой захватить. Нехороший знак. Значит так, Сергей, один ты не останешься. Я устроюсь здесь на диване. Больше не на что лечь, а то мы все здесь бы обосновались. Но нам вдобавок и шум не нужен, если вдруг кому-то придёт в голову ломиться в дверь. Поэтому двери не запираем и оставляем чуть приоткрытыми, чтобы был слышен любой шорох в коридоре. Охота?

— Я поняла.

— Тогда укладываемся. Поздно уже.

Ночь прошла спокойно. Утром спустились вниз и по-

завтракали в кафе. Через окна видна ещё пустынная улица, пара потрёпанных автомобилей на той стороне и большой грузовик слева метрах в пятидесяти от входа в отель. Вечером его здесь не было. Расплатились за ночлег, пищу, вышли на улицу и двинулись к станции. Грузовик остался на месте. Вот и хорошо. Ложная тревога — это даже приятно. Приятно и нестись в поезде через осеннюю Францию. Девочки опять у раскрытых окон, хотя уже совсем и не жарко.

Комиссар Легран встретил нас на вокзале. Не один. С ним ещё мужчина лет тридцати.

— Инспектор Лурье, — представил его Легран. — Улица Волне его участок. Впрочем, девушки должны его помнить.

— Ведь это он нас с Феридой за решётку посадил, как зверюшек каких-то. Как не помнить! — произнесла Охота.

— Вы уж извините, Бога ради. Кто же мог знать, — пробормотал Лурье. — Всякое бывает. А вы, зато решётку в участке испортили.

— Лурье разбирался с наследством Сабо, которое вы ему оставили в открытом сейфе. Несколько крупных дельцов загремели в тюрьму. Но клуб "Гавайи" отошёл к брату Сабо — Альберту. Пока что там тихо и вроде бы благообразно. Проституцией Альберт не промышляет. Наркотиками вроде тоже. Или же не развернулся так, чтобы это было заметно. Потому, как Альберт, говорят, стоит своего покойного брата, а, может, и врут. Разве что ведёт себя не так вызывающе, осторожнее. Получил лицензию на игорные столы. С одной стороны, отказать в лицензии, формальных оснований нет. С другой стороны, подмазал где-то, наверное. Очень уж быстро он получил бумагу.

— Есть слухи о том, что Альберт разыскивает виновников смерти брата, — добавил Лурье. — Поскольку

персонал клуба "Гавайи" остался старый, а ваших девушек многие видели, то и поисков-то никаких не требовалось для выяснения "Кто?". Однако по этому поводу в полицию заявлений не поступило. А позавчера парижские газеты выдали, что ваши племянницы, Серж, опять здесь. Ничего удивительного, что вчера они оказались под наблюдением. Правда, что затевается против них нам неизвестно.

Антогора искоса взглянула на меня.

— Жаль, что ничего неизвестно, — выразил я сожаление. — Мы ничего не можем предпринять, пока нет явной угрозы или открытого нападения.

Антогора кивнула головой в подтверждение моих слов.

— Тогда, может быть, вам лучше уехать? Пока не возникла явная угроза, — предложил Легран.

— Вивьен, — вмешалась Ферида, — сами послушайте, что вы говорите! Чтобы мы вдруг побежали от каких-то хулиганов, которые ещё и не проявили себя. Это значит, что мы больше не сможем появиться в Париже.

— Мы понимаем, что хулиганов вы не боитесь, но неизвестность часто кончается выстрелом из-за угла. Что тогда будем делать? Ни явной угрозы не было, ни отразимого нападения.

— Вы правы Вивьен, но как быть? — сказала Антогора. — Будем надеяться, что среди бела дня стрельбу никто затевать не станет. Проводите нас до отеля. Нам надо подумать. Неприятная ситуация.

Однако когда мы вернулись в отель и расстались с полицейскими, то ни над чем думать и не пришлось. У Антогоры было уже всё продумано.

— Нельзя всё время опасаться чего-то. Вечером идём веселиться в клуб "Гавайи", — объявила она. — Или уговорим кого-то не делать глупостей, или у этого кого-то лопнет терпение и на нас нападут. Стрелять в

зале при народе никто не станет. Там, наверное, нет "из-за угла", а только "из угла". Разница большая. Из угла видно кто стреляет, а из-за угла нет.

Весь день не выходили из отеля. Пару налётов на ресторан, конечно, совершили. Правда, подробно обсудили и виденное в Фонтенбло. Охота с Феридой попросили принести им шахматы и попытались играть. Ничего не вышло. Головы не тем заняты. В конце концов, я завалился подремать, а Антогора истребовала патефон и принялась слушать пластинки. Часов в двенадцать стали собираться. Вызвали такси. Ехать совсем рядом, но пешком как-то несолидно.

Ночной клуб "Гавайи" встретил нас громом джаза, клубами табачного дыма, гомоном голосов и полуголыми танцами на небольшой эстраде. Несколько свободных столиков. Видимо час полного наплыва ещё не наступил. Подлетел метрдотель и, посожалев, что мы не заказали столик заранее, тем не менее, нашёл нам место где-то у стены, но с хорошим обзором и зала, и эстрады. Выглядит всё вокруг вполне мило, пристойно и интересно. Публика, правда, странноватая какая-то. Шумная и развязная. Вон толстячок с сальными глазками в окружении нескольких девиц. Какой-то делец? А неподалёку кураж ится явный представитель криминала с подручными. Тоже с развязными девицами. Мои девочки стараются не смотреть в их сторону.

— Похоже, что трезвых здесь нет и не будет, — говорю я. — Придётся вам идти на жертву — танцевать с пьяными. Если будете отказываться, то драка начнётся раньше времени и не с теми, кто нам нужен.

— Ладно, потерпим, — голосом уже обиженной жертвы заявила Охота. — Только лапать себя я всё равно никому не позволю.

— Это очень просто, — засмеялась Антогора. — Как выходишь танцевать, то сразу бери партнёра за руки и

не отпускай до конца танца, как бы он ни старался вырваться.

Трахнули по бокальчику шампанского. Скованность потихоньку ушла и мы с Антогорой станцевали фокстрот. Потом какой-то деятель рискнул пригласить Охоту. Тут уж мы втроём чуть ли не покатились со смеху. Похоже, Охота и в самом деле незаметно ухватила партнёра за руки. Надо же! Когда он вернулся к своему столику, то сокрушённо и недоумевающее покрутил головой. К нам уже больше не подходил. Что-то не очень-то сегодня наши девочки пробуждают интерес у публики. Хотя это и понятно. Все, кто тут веселится, уже обеспечен, как минимум, двумя девицами. Куда уж тут искать ещё кого-то!

Только сейчас заметил, что в дверях с портьерами, ведущих куда-то во внутренние помещения стоят несколько человек и упорно смотрят на нас. Подошёл ещё кто-то. И ему ткнули пальцем в нашу сторону. Так, нас признали. Сейчас будут соображать, что делать. Подзываю метра.

— Девушки хотели бы во что-нибудь сыграть. Где это у вас?

— Пройдите вон в те двери, — направил метр свой указующий перст на замеченную мной компанию, и осёкся, не понимая, что там за толкучка в дверях.

Однако, увидев направленный на неё палец, компания мигом и бесследно рассосалась.

— Девочки, идём играть, — скомандовал я.

Игорный зал оказался, вообще, без углов — овальным и довольно большим с очень высоким потолком. Напротив входной двери ещё одна. Несколько карточных столов, четыре рулетки и два стола для игры в кости. Красивые люстры. Камер наблюдения не видно. Замаскированы? Хотя, что это я? Какие тут могут быть камеры-то в двадцатые годы? Электронного наблюдения ещё и в зародыше нет. Вместо него под потолком широ-

кое окно со шторами. Если судить по расположению зала, то окно, похоже, в кабинете Сабо. Раньше его там не было. Наверное, сделали по распоряжению Альберта при организации игорного зала. Шторы на окне раздвинуты, и какой-то тип смотрит оттуда на нас. Или не на нас? Окно-то над второй дверью зала. Стало быть, эта вторая дверь должна выходить к лестнице на второй этаж и выходу во двор.

— А как тут играют? — шепчет мне на ухо Антогора. — Ни шахмат, ни шаров не видно. Я уж не говорю про колесницы или гладиаторов.

— И всё равно играют. На деньги и на большие деньги. Пойдёмте — расскажу, что знаю. Я и сам-то ещё ни разу не играл. Вот видите, стол с цифрами в квадратиках. А вон там вертушка с шариком. На вертушке такие же цифры. Нужно положить деньги на цифру на столе, а потом запустить вертушку с шариком. Если шарик остановится на выбранной тобой цифре, то ты выиграл, а если нет, то ты проиграл.

— И это вся игра? И денег не видно.

— Вместо денег разноцветные фишки. Так проще управляться с игрой. Давайте постоим, посмотрим.

Постояли и поглазели, как другие выигрывают и проигрывают. Охота первой сообразила насчёт замены денег. Побежала к кассе и вернулась с пригоршней фишек. Мгновенно продула все подчистую. Притащила ещё. Половину проигрыша отыграла. Стало интереснее. Ферида и Антогора тоже подключились. Правильно говорят, что дурной пример заразителен. Все вместе профукали пять тысяч франков. Не скажу, что я им не помогал. Но одновременно посматривал и по сторонам. Антогора тоже косила глазами туда-сюда. Толкнула меня локтем, кивнув на двери, через которые мы вошли. Там стоят двое и никого в игорный зал не впускают, но всех выпускают. А я и не заметил, что в зале стало много свободнее.

— Что это за игра? — возмутилась Ферида. — Только и проигрываем. Я обиженная и злая.

— Я тоже злая, — заявила Охота. — Жульничество какое-то, а не игра. Поскорее бы на нас кто-нибудь напал. Вот уж я бы тогда отыгралась.

А по залу тем временем курсируют какие-то вполне прилично одетые типы из обслуги. Подходят к игроками и что-то настойчиво им говорят. Люди непонимающе пожимают плечами, но потом кивают, на что-то соглашаясь, и покидают зал. Нам выйти никто не предлагает. Довольно быстро мы остались последними из играющих. Но ненадолго. Чуть погодя, мы перестали быть и игроками. Крупье пробормотал что-то неразборчивое и быстро рванул к вторым дверям.

— Эй, ты куда? — крикнула вслед ему Охота. — Кто же нас грабить-то будет?

Куда там! Нырнул в двери и был таков. Вокруг нас и рулетки сошлись с дюжину мрачных типов. Стоят мрачно по обе стороны стола и мрачно пялятся на нас. Один, что держится чуть подальше, у стены с окном прячет что-то за спиной. Из задних дверей бодро выскочил тот тип, который следил за нами в Фонтенбло.

— Зря вы сюда пришли, — укорил он нас. — Хозяин очень недоволен.

— Вот тебе и раз, — удивилась Ферида. — А мы по простоте душевной подумали, что он приглашает нас к себе в заведение. Послал тебя с приятелем, но вы постеснялись подойти к нам в Фонтенбло и передать поручение. А, может, не постеснялись, а просто у вас память отшибло. Я здесь тебя в прошлый раз не очень изуродовала?

Тип смешался и начал механически повторяться, как заезженная пластинка.

— Зря вы сюда пришли. Теперь вам трудно будет отсюда выйти. Вы убили брата хозяина, и он этого не про-

стит.

— Думаешь, нам нужно его прощение? — поинтересовалась Антогора. — Мы вашего покойника не трогали и не подозревали о его существовании. Пока он не затеял на нас охоту. Если и этот брат будет нам мешать жить, то и он отправится вслед за первым. А вот вы все, если сунетесь к нам, то станете калеками.

Непонятно, чего тип больше боится. Столкновения с девочками или своего хозяина. Память о полёте с лестницы должна быть ещё свежа. Но, пожалуй, больше боится пока ещё хозяина, ибо заявил:

— У нас есть способ успокоить и таких, как вы.

Шевельнул рукой, словно подавая кому-то сигнал, и… зажмурился. Тип, стоящий в стороне, задвигался и начал вытаскивать что-то из-за спины. Автомат Томсона! Вот это аргумент! Но и аргументами нужно успеть воспользоваться. Тяжеленный стул, пущенный рукой Охоты со скоростью камня из пращи, врезался в автоматчика, попав спинкой прямо в горло, и отбросил безжизненное тело к стене. Автомат коротко прострочил вверх и на пол посыпались осколки люстры.

— Антогора! — крикнул я и кивнул на окно вверху.

Второй стул сорвался с места и, пролетев почти по прямой, проломил окно, и со звоном вдребезги разбитых стёкол исчез в кабинете братьев Сабо. Мрачные типы дружно замерли, похоже, поражённые видом смертоносно летающей мебели.

— Ферида, наверх! — раздалась команда Антогоры и Ферида, сорвавшись с места, исчезла за дверью. — Всем стоять и свои карманы не трогать! Эй, дурень, открой глаза-то. Твоё счастье, что у нас сегодня хорошее настроение. Если будете стоять смирно, то мы вас бить не станем. Но вот порядок мы здесь наведём. На память о том, что нас донимать опасно.

И для начала наведения порядка сорвала колесо ру-

летки и запустила его, как спортивный диск в дальнюю стену. Грохот удара и звон разбиваемой посуды в стоящем там буфете. Я не стал дожидаться, пока вся остальная мебель поднимется в воздух и выскочил в заднюю дверь.

В кабинете тишина и покой. Только через выломанное окно снизу доносится треск и звон наводимого Антогорой и Охотой порядка. Альбертик валяется в углу позади письменного стола. На щеке кровоточащий порез. Наверное, задело осколком стекла. И опять, как в прошлый раз у его брата разбит нос, и наследник родственника-гангстера, хлюпая им, размазывает кровь по физиономии. Как они похожи друг на друга! Даже усики такие же. Ферида сидит напротив него на краю стола и болтает ногой.

— Я его только чуть-чуть разок, чтобы не мельтешил. Что будем с ним делать? Удавим?

— Если, как братец полезет за пистолетом, то тогда, конечно. А так пусть пока поживёт ещё. Да и жалоб у полиции на него вроде нет. Эй, Альбертик, не надо за нами гоняться. Кончишь как брат. Не нужно было ему из-за своей блажи подсылать к нам своих головорезов. Не вообразил бы он себя вершителем чужих судеб, то был бы жив. Альбертик, ты меня слышишь? Кивни хоть. Он что, в обмороке что ли? Но глаза-то открыты.

— Сейчас я его быстро оживлю, — посулила Ферида, соскакивая со стола.

Альбертик мигом зашевелился, что-то замычал и закивал головой. Кровь из носа у него вроде перестала течь.

— Видишь, он всё понял. Значит, живой.

Внизу наступила тишина. Мы с Феридой выглянули в окно. Просто не верится, что такой хаос могут устроить всего два человека за пять минут. И среди этого бедлама из завалов переломанной мебели сгрудились кучкой

мрачные типы и стоят, держа руки по швам.

— У нас всё! — кричит снизу Антогора.

— У нас тоже, — отвечаю.

— Как это, как это, как это? — зачастила Ферида. — Он же нам деньги должен.

— Брось ерунду говорить. Нас играть никто не заставлял и не обещал, что игра будет честной. Пошли!

Антогора и Охота столпились у осколка зеркала, застрявшего в раме на стене, и приводят себя в порядок.

— Ну? — поинтересовалась Антогора у нас с Феридой.

— Не стали, — ответила Ферида.

— Ладно, пусть будет так, — глянув на меня, согласилась Антогора. — Смешные эти гангстеры. Почему их все боятся? Пойдём, закончим ужин?

Посидели в заведении ещё с полчаса. Допили шампанское. Охота поинтересовалась:

— Как-то всё просто и тихо обошлось. Не понимаю. Почему они вели себя, как стадо баранов? Не набросились на нас. Когда мы с Антогорой громили всё вокруг, то эти парни стояли и смотрели.

— Это понятно, — ответил я ей. — Именно стадо. А в стаде нужен зачинщик, который набросится первым. Тогда все за ним. А с другой стороны, послушав разговоры о результатах нашего прошлого посещения "Гавайев", никому не хочется подставлять свою шею первым. Вот зачинщиков и нет. Давайте-ка пойдём в отель. Нам утром домой уходить.

*

Вивьен и Жизель заглянули попрощаться к нам в "Ритц" часов в двенадцать. Приятная особа — жена Леграна. Сразу видно, как она огорчена отъездом девочек. Посидели, выпили чая с пирожными. Девочки вручили им толстый конверт с подарком. Под клятвенное обещание вскрыть его только после нашего отъезда. Интерес-

но, что там внутри? Я спросить не успел. Как только встали в десять часов, все три амазонки удрали искать подарок комиссару, даже не позавтракав. Вернулись перед самыми гостями.

Вызвали такси, спустились вниз и попрощались с Вивьеном и его женой. Погрузились в авто.

— Так что вы им такое подарили, о чём нельзя сразу узнать?

— Теперь им отказаться от подарка не получится, — засмеялась Охота. — Вот он у отеля стоит.

Надо же! Вот как сообразили. Молодцы! Тёмно-красный, вроде бы четырёхцилиндровый "Рено" с откидывающимся верхом. Недурён, стервец. Рассмотреть не успел, как проскочили мимо.

— В конверте ключи и бумаги на имя Вивьена Леграна.

— И где вы её нашли?

— Спросили у портье о продаже машин. У нас денег как раз хватило и даже осталось. А за десять франков с нами внутри её и к "Ритцу" пригнали.

— Замечательно. За нами ещё один подарок в Марли.

— Это ещё кому? В Марли у нас друзей нет.

— Как знать. Вот доедем — увидим.

В кафе Мишеля мы задержались. Девочки решили серьёзно перекусить. Раз с завтраком у них сегодня не получилось. Пока сидели, собрались местные франты и не только они, а и просто местные зеваки. Мишель привёл фотографа.

— Видите ли, Мишель решил переименовать своё заведение в вашу честь. И теперь просит у вас фотографии на память. Он повесит их на стену. Это и есть ваш подарок.

Уж такой подарок наши красавицы готовы сделать кому угодно. Сделали бы и кабатчику Аппию из Равенны,

если бы в Древнем Риме водились фотографы. Снялись по отдельности и вместе. За столиком и в дверях. С хозяином и его дочерьми. Со всеми франтами за спиной и с некоторыми счастливцами под ручку. Все остались довольны. Только я шепнул Мишелю.

— Франтов задержите. Незачем им тащиться за нами.

Дошли до камня и опять постояли, глядя на далёкую Эйфелеву башню. Нырнули в подземный зал. А вот в саду нас ждала засада.

— Очень удачно вы появились, — обрадовался Габор, провожая нас до виллы. — У нас вино кончилось, а Мар не даёт.

— А он должен дать?

— А как же! Ведь оно же кончилось.

— Классный аргумент. Антогора, а эта троица хоть чем-то помогала при сборе винограда и изготовлении вина?

— Конечно, только больше всякими бесполезными советами, а не делом. Но под это они уже две бочки у нас выманили. Совести у этих мохнатых нет. Да и праздник Диониса не так уж давно был. Не дам я вам больше, чем по кувшину на каждого. Мар, пусти их в погреб. Пусть возьмут по кувшину.

Поднялись в библиотеку. Девочки заскочили к себе и быстро переоделись в свои кожаные юбочки и жилеточки. Антогора с облегчённым вздохом завалилась на свою любимую кушетку, а Охота с Феридой вышли на террасу. Оттуда почти сразу же донёсся их хохот и крики.

— Нет, Мар, теперь ты их уже не догонишь! Метла у тебя короткая.

Мы с Антогорой выскочили наружу. По саду, размахивая метлой, несётся Мар. А перед ним, значительно опережая метлу, к лесу летит троица фавнов. В руках у каждого по два кувшина вместо одного.

— Вот же мошенники! — воскликнула Ферида.

— Мошенники, — согласилась Антогора. — только без них и их выходок у нас было бы совсем скучно.

— Ни черта у вас не выйдет! — вскипел я. — Чтоб мы с Александром не меньше трёх месяцев не слышали от вас никаких разговоров о скуке.

Хотя и сам не верю в мечту о покое на вилле. Да ещё и длительностью в три месяца.

*

Мой коник из конюшни Аманды так и стоит в лесной сараюшке у парижской дороги. Взбираюсь на него и, оглянувшись во все стороны у края леса, выбираюсь на большую дорогу. И почти тут же сворачиваю на дорогу к замку. Утро не очень раннее. А я даже сказал бы позднее. Мост через ров поднят, но только я выехал из леса, стал опускаться. Все уже отзавтракали. Луиза с Катрин собираются в Лувр, но почему-то тянут с отъездом.

— Гийом ещё не приехал с новостями за вчерашний день. Задерживается что-то. А так, пока тебя не было, ещё ничего не изменилось. За Антуанеттой смотрят днём и ночью. Ни она никуда кроме церкви и приятельниц не ходит, ни к ней никакие мужчины не забредают.

— Луиза, а что вы с Катрин и Жерменой выведали у Антуанетты? — поинтересовался я.

— Да ничего. И вот это-то как раз самое интересное. Жермена говорит, и я тоже знаю, как Антуанетта тосковала по замужеству. А тут вдруг никакого интереса к разговору о мужчинах. Как отрезало. Очень странно. То она всё выспрашивала и интересовалась всякими любовными историями. И вдруг полное равнодушие к теме.

— Понимаю. Вы думаете, что у неё кто-то появился?

— А тут и думать нечего — появился. Но кто это она обходит молчанием. А почему — это тоже загадка. А ведь когда выпадает такое счастье, то очень хочется похвастаться. А тут ничего нам из неё выжать не удалось.

— Пьер, смотри-ка. Сами признаются в провале своей тактики интриганства.

— Ой, лучше не поминай. Я попробовал их поддеть, так они меня чуть в клочья не разорвали.

— А ты не злорадствуй, когда у нас беда, — отрезала Катрин. — Хотя и беды-то нет. То, что у Антуанетты кто-то есть, мы уверены. А кто именно должен узнать Гийом. А он непременно узнает. Вот, пожалуйста, лёгок на помине. Гийом, нас с Луизой обижают!

— Бросьте, кто посмеет вас обидеть, тот долго не проживёт, — ответил нашим луврским дамам шевалье, здороваясь со всеми. — Если не убьёте, то изведёте.

— Вот, пожалуйста, и этот туда же! Принёс хоть чего-нибудь? Если нет, то с тебя и начнём изводить, а потом и за Пьера возьмёмся.

— Принёс, принёс. Немного, но принёс.

— Давай, выкладывай!

— Оказывается, у Антуанетты есть в Париже ещё домик на улице Медников. Арман, у тебя под боком. Твой дом в середине улицы, а у Антуанетты в конце. Рядом с улицей Старой голубятни. Обнаружили его совершенно случайно. Кому-то из наших слуг со скуки пришла в голову мысль последить не за госпожой, а за её служанками.

— Чего это ради появляются такие мысли у слуг?

— Правильная мысль, оказывается. Ведь в самом же деле. Какая бы тайная любовная история ни была бы, без посредников она никогда не обойдётся. Письма передать, свидание устроить. Не сами же господа это делают. Катрин, хоть один твой роман был без участия третьих лиц? — и Катрин начала усиленно соображать.

— Что-то не припоминаю. Вроде бы рано или поздно, хоть какая-то служанка и потребуется. Да и тот же кучер. Не будешь же бродить пешком по Парижу. Особенно по ночному.

— Вот-вот, только мы ещё не выяснили собственный

это дом Антуанетты или снят ею на время. Если свой дом, то это ничего нам не говорит, а если снятый у кого-то на время, то…

— То это гнёздышко для любовных встреч, — перебила Гийома Луиза. — В нём требуется уборка хотя бы время от времени. Письма можно в нём оставлять. Вот служанка вас к нему и привела. Остаётся ждать, когда Антуанетта направится к этому гнёздышку. Там её любовника и обнаружим. Уже три дня мы присматриваем за Антуанеттой и пока она с места не двинулась. Нужно и за домиком присматривать.

— Уже присматривают.

— А если очередное свидание будет через месяц? — вмешалась в разговор Аманда. — Так и будем сидеть и ждать?

— Можно попробовать покопаться с другого конца, если он есть, — подбросил я на безрыбье.

— Это ещё, с какого конца? — поинтересовалась Катрин. — Здесь что, много концов?

— Много — не много, но могут быть и другие, кроме гнёздышка. Вы описывали Антуанетту, как особу не очень привлекательную и не очень активную. Стало быть, не так уж много мест, где она бывает и с немногими встречается. Но где-то со своим избранником она ведь встретилась. Где и когда? Примерно, что представляет собой наш убийца, мы знаем. Не знаем только лица. Где Антуанетта могла встретить такого человека? Узнаем где, узнаем и кого.

— А что, отличная мысль! — согласилась Луиза. — Нужно вспомнить, где мы встречали Антуанетту, и кто из агрессивных и беспринципных мужчин там был в это же время. В моём доме таких типов она встретить не могла. Совершенно точно. Я сама агрессивная и соперников рядом не терплю. Жермена, а ты что можешь сказать о том, где Антуанетта могла бы кого-то нам нужного под-

цепить?

— Трудно сказать прямо так сразу. В дамских салонных встречах, при которых я видела Антуанетту мужчин, вообще, не бывает. Домашние балы? Там каждый мужчина на виду и стоило бы кому-то из них приблизиться к Антуанетте, то сразу бы пошли сплетни. В Лувре не знаю. Она там бывает, а я нет.

— Да, пожалуй, как раз в Лувре заговорщиков и убийц и нужно искать. Катрин, у нас с тобой сегодня много работы в Париже. Давно пора уехать, а мы ещё здесь. Оставь свою карету в замке. А то два часа будешь тащиться до Лувра. Жермена, поедешь с нами? Мало ли что может понадобиться.

Через пять минут вороная четвёрка Луизы унеслась в Париж. Подождали, когда Гийом насытится, и мы вчетвером ринулись туда же. Гийом проверять свои посты, а я с Пьером и Арманом на всякий случай, чтобы осмотреться. Если в Лувре выяснится что-то срочное, то пошлют Жермену в дом Армана.

Гийом показал нам домик Антуанетты на улице Медников. Симпатичный и двухэтажный. Почти напротив него устроились наши наблюдатели — трое слуг Аманды. Гийом опять уговорил владельцев выехать куда-нибудь на время. Выехали. Наверное, шевалье неплохие деньги предложил.

— Узнали что-нибудь, — спросил Гийом у слуг.

— Узнали. Дом принадлежит торговцу Эжену Рабло.

— Отлично, это-то нам и нужно.

— Меня занимает вот какой вопрос, — сказал Гийом, когда мы перешли в другую комнату и слуги не могли нас слышать. — Прийти могут либо любовник Антуанетты, либо слуга или другое доверенное лицо с письмом. Первого мы задержать так сразу не можем. Пока не знаем, кто он, а вот второго захватить было бы желательно. Как их различить? Арман!

— Спросил бы что-нибудь полегче. Откуда я знаю. Поинтересуйся у Пьера. Он охотник и повадки всякого зверья знает. В том числе и хищного.

— Что Пьер, что Пьер! Причём тут зверьё. Оно совсем безобидное. Своих сородичей не грызёт. Не то, что некоторые люди. Спроси у Сержа. Он тебе сразу выложит все повадки и у кого угодно.

— Бросьте, причём тут повадки и, откуда я могу их знать. О повадках человеко-зверей Луизу бы спросить. У неё в этом большой опыт. Ну, а как отличить любовника от посыльного, то это очень просто. Любовник приходит надолго, а посыльный на минуту. Оставить или забрать письмо. Быстро вышел, значит, посыльный.

— Понятно. Надо же, как просто-то. Пьер, Арман, вы меня разочаровали. Что решим-то? Хватаем посыльного? Если хватаем, то куда его потом? Что сказать нашим слугам?

— Конечно, хватаем посыльного, — согласился Арман. — Будь он слуга или дворянин. Нам на это наплевать. Лишь бы до хозяина добраться. Тащить-то рядом — в мой дом. Там и подвальчик хороший есть с крепкими дверями. Я свою экономку Франсуазу сегодня же куда-нибудь на время отправлю. Ну, что, пойдём отсюда. Гийом, ты с нами?

— Нет, потом, может быть, загляну.

В доме у Армана оказалось очень даже уютненько. Ещё ни разу у него здесь не был. Если не считать того момента, когда выслеживали отца Жозефа. Но тогда внутри дома всё было другое. Арман поговорил о чём-то с экономкой. Позвенел деньгами. Франсуаза собралась и ушла.

— Всё, можно принимать гостей, — заявил хозяин дома, бросая на стол пару ключей, забранных у экономки. — Что сейчас-то будем делать?

— Что-что, отнесём эти ключи ребятам Гийома. Ина-

че, если что, то им сюда будет не попасть. Да и двинемся в замок. Можем за дамами в Лувр завернуть. А можем в "Сосновую шишку" заглянуть. Послушаем последние сплетни от нашего поэта.

Сплетни от будущего Мольера послушать не удалось. Не потому, что его не оказалось в "Сосновой шишке". Был, но к нему не подступиться. Мы не учли, что раз король в Париже, то и мушкетёры в Париже. Долгие военные дни и месяцы пробудили неутолимый голод по любви. Жан был осаждён мушкетёрами едва ли не плотнее Ла-Рошели. Мы заглянули в таверну, и ушли ни с чем. На парижской дороге нас нахально обогнала карета Луизы.

— Мы с Катрин осторожненько выспросили, когда за последние полгода в Лувре видели Антуанетту, — начала Луиза, когда мы уселись за стол. — Оказалось, что вроде бы всего четыре раза. Казалось бы, всё остальное будет просто, а оказалось, что, наоборот, возникает такая каша, в какой не разобраться вообще. Три раза — это обычные дни Лувра без всяких заметных событий. Никто и ничего о них не помнит. Понятно, что никаких определённых мужчин связать с Антуанеттой не удастся. Тогда мы с Катрин начали расспрашивать просто о дворянах решительного, властного и жёсткого характера, которые буднично бывали во дворце за последние полгода. Набралось семь человек.

Четвёртое посещение Антуанеттой Лувра приходится на бал провинций. Там уж мы сами насчитали ещё пятерых. А когда спросили некоторых дворцовых дам, кого они считают наиболее опасными мужчинами королевства, то список увеличился ещё на четырёх человек. Всего, стало быть, шестнадцать. Из них двое приковывают особое внимание и вызывают особые опасения. В список они попали и по присутствию в Лувре, и по отзывам дворцовых дам о них. Причём оба они стоят до-

вольно близко ко мне и вроде бы стоят доверия. Никогда бы на них ничего бы не подумала, но в свете событий последних дней…

— Вот-вот, мы с Луизой и решили, что наиболее вероятными подозреваемыми как раз и должны быть те, кого меньше всего и подозреваешь. Это ещё древние греки заметили, а…

— Что-то уж очень многоречиво вы это подносите, — с нетерпеливым сомнением оборвала Аманда излияния Луизы и Катрин. — Кто они?

Жермена неожиданно скривила лицо словно едва сдерживает смех и нагнулась, будто потеряла что-то под столом.

— Граф Арман де Гиш и маркиз Пьер де Моль, — выложила свой козырь Луиза. — Вот! Они втёрлись ко мне в доверие. Свободно могут делать у меня во дворце, что хотят. Их поместья рядом с моими землями. А в их опасности и мне самой довелось не раз убедиться. Причём оба неженатые и охмурить бедняжку Антуанетту им ничего не стоит. Всё сходится. А вот кто именно из них двоих, нам после их пытки скажет палач. Аманда, у тебя есть палач? Если нет, то я одолжу.

Пока мы с Амандой и Гийомом хохотали, Пьер и Арман сидели с обиженным видом, раскрыв рот.

— Как же это вы влипли, голубчики, в число самых опасных лиц королевства? — сквозь смех и слёзы проговорила Аманда. — Вот уж потешили!

— Это враждебные происки! — заявил Арман. — Есть сколько угодно свидетелей, что мы с Пьером и мухи не обидим. Представьте людей, которые видели, что мы когда-то прихлопнули хотя бы одну муху. Нет? Вот то-то и оно.

— Ладно, ладно, успокойтесь. Пока вы в моём замке вас никто пытать не будет. Луиза, дай-ка мне ваш список. Так, если отбросить этих двоих, то остаётся четыр-

надцать человек. Многовато и люди серьёзные, но есть, кого по разным причинам можно определённо исключить. Я, например, вижу сразу троих или четверых, родства с кем род Кюи никогда не допустит. Если Антуанетта пойдёт против воли родни в этих случаях, то её просто лишат наследства. Знаете что, займитесь-ка вы все чем-нибудь сами. А мы с Луизой посидим в библиотеке и подумаем над списком.

Думали они долго. Наверное, часа три. Потом позвали нас в библиотеку. Стол завален книгами и бумагами.

— Мы не стали отбрасывать маловероятных виновников, — сообщила Аманда. — Отбросили только всех, кто по тем или иным причинам совсем невероятен. Их оказалось очень много. Осталось под подозрением всего три человека. Это герцог Филипп Антуа, граф Георг де Реми и маркиз Анри ле Блан. Де Реми самый маловероятный — он женат. Мы не стали его исключать лишь потому, что и жёны всё-таки смертны. Филипп Антуа недавно овдовел, а ле Блан никогда женат не был.

— У всех троих земли граничат с моими, но это просто совпадение, — сменила Аманду Луиза. — По признаку отдалённости мы никого не отклоняли. Все трое когда-либо точили зубы на моё владение. Но только с де Реми дело дошло до королевского суда. Помнишь, Серж, ты спрашивал, не может ли быть кто-то обижен на меня из-за проигрыша в каком-нибудь деле? Здесь де Реми проиграл земельный спор, но виноват был во всём сам. Никакой открытой враждебности после этого он не показывал. Однако очень сложный человек. Ле Блан претендовал на мою руку и очень обиделся отказу, а Филипп Антуа всегда орал, что владение женщиной герцогством противно естеству. Думаю, он может решиться на что угодно, понимая, что брак со мной ему не светит. Жаден безмерно. Есть своё герцогство, но ему этого мало. Аманда, можешь что-нибудь ещё добавить?

— Пожалуй, нет. Я их всех мало знаю. За исключением жены де Реми — Марии. Хорошо образованная и умная женщина при муже сатрапе. Мы с ней с удовольствием общаемся. У меня Мария была несколько раз. К себе же она никого не приглашает из-за мужа. Дома в Париже у них нет, но до их владения рукой подать.

— Да, и я Марию хорошо знаю. Весьма достойная особа в отличие от мужа, — подтвердила Луиза. — Аманда, может, пригласишь её в гости? Поспрашиваем её про мужа и его окружение.

— Почему бы и не пригласить? С удовольствием. Сегодня же пошлю письмо. Завтра вряд ли, а вот послезавтра она, наверное, заглянет ко мне. Так за кого будем браться первым?

— Наверное, за самого вероятного, — предложил Пьер. — Аманда, Филипп Антуа давно овдовел?

— Месяц или чуть больше назад.

— Маловато, чтобы осмыслить ситуацию, составить план и начать действовать. А де Реми по вашему же мнению наименее вероятный. Так что наиболее вероятным получается ле Блан. С него и начнём. Луиза, Катрин, Жермена, за вами тогда завтра всё о ле Блане. Иначе Гийому не с чего начинать слежку, а нам с Арманом некого ловить.

— Да, — напомнил я, — в первую очередь нужно выяснить есть ли у ле Блана доверенный клеврет с чёрной шпагой. Хотя вполне может и не быть. Таких помощников обычно не держат при себе вблизи, чтобы в случае чего не замараться.

*

На следующий вечер за ужином мы узнали много интересного о маркизе Анри ле Блане. Правда, это нисколько не приблизило нас к нему самому. Его уже неделю не было в Париже. Да и близкого знакомства с ним ни у кого из нашей компании нет. Однако Гийом мигом

начал налаживать слежку за его парижской резиденцией. Впрок что ли? Сразу же наткнулся на разговорчивого слугу маркиза, который сообщил, что маркиз собирался появиться в Париже в конце месяца. То есть недели через две и не ранее.

— Что же такое получается? — возмутилась Катрин. — На улице Медников он не может появиться в ближайшие две недели, а мы там кого-то ловим. Так мы никого и не поймаем. Понятно, почему Антуанетта сидит дома, если ожидает именно ле Блана. Пока ле Блана в Париже нет, нужно посмотреть за следующим. Филиппа Антуа я вчера видела в Лувре. Луиза, а ты видела?

— Не только видела, но и поругалась с ним, как обычно. Просто безобразный тип. А его самомнению и высокомерию границ нет. Как хочется, чтобы именно он оказался виновным в покушении на меня!

— Слушай, подруга, а у меня есть прекрасная идея. Давайте тихонько отправим к праотцам всех троих подозреваемых и делу конец. Ни искать ничего не надо, ни ошибки не будет. Арман, Пьер, как насчёт троих? А? Филиппа завтра, ле Блана через две недели, а про де Реми мы с Луизой завтра узнаем, когда удобнее будет его укокошить.

Пьер захохотал.

— Катрин, а ты уверена, что наш злодей среди этих троих? Доказательства этого хоть какие-нибудь у нас есть?

— Пьер, что ты вечно всё усложняешь. Даже если и нет злодея среди них, всё равно работы меньше станет, и мы быстрее начнём искать среди других.

— Ну да, и тех укокошим, и следующих тоже. Пока всех дворян в королевстве не выведем. Потом примемся друг за друга.

— Ладно, с вами всё понятно. На троих у вас кишка тонка, а вся работа будет на мне. Ну, и на Луизе чуть-

чуть.

В столовую проскользнула служанка, что-то прошептала на ухо Аманде и ушла.

— Гийом, — окликнула Аманда своего наперсника, — твой человек прискакал из Парижа с улицы Медников. Едва живой. Лекарь уже там.

То, что едва живой оказалось сильным преувеличением. Ранен — да, но вполне подвижный и разговорчивый. Проткнуто шпагой левое плечо и слегка порезано бедро правой ноги. И то, и другое было плотно замотано. Так что от скачки большой потери крови не было. Говорят, что сполз с лошади и доковылял до скамьи в прихожей сам. Лекарь разматывает тряпки и обрабатывает раны.

— Ничего серьёзного. С бальзамом заживёт быстро.

— Кто это тебя так, Сезар? — поинтересовался Гийом.

— Тот, кого ждали — посыльный.

— А Жак и Бодо?

— С ними всё в порядке.

— Рассказать подробно можешь?

— Могу, месье Гийом, но рассказывать-то особенно нечего. Не ожидали мы такого отпора. Видим, человек отворяет дверь и заходит в дом. Вы нам сказали, что если посыльный, то выйдет быстро и его нужно будет взять. Но не толкаться у дома на тот случай, если это окажется не посыльный. Он и в самом деле вышел быстро, но мы его уже поджидали через два или три дома и, когда он приблизился, то перегородили путь. Даже ещё не произнесли ни слова, как он понял, что мы за ним и выхватил шпагу. Я был впереди и успел отбить пистолетом первый выпад. Однако этот тип оказался быстр, как дьявол и достал меня. Хорошо, что Жак оказался позади него. Сдёрнул с лошади и оглушил дубинкой. Иначе нам всем досталось бы.

— Так, ну и посыльный, оказывается! А дальше что?

— Взгромоздили его на его же лошадь, перевезли в дом графа Армана и заперли в подвале. Жак и Бодо остались охранять, а я поскакал сюда. Всё равно от меня там никакого толка.

— Значит, у того дома никого не осталось?

— Никого.

— Скверно, но вы всё сделали правильно. Что при нём было?

— Шпага, кинжал, кошелёк и ключ. Больше ничего и всё без меток.

— На шпаге эфес блестящий?

— Нет, чёрный.

— Понятно. Ну, что ж, Сезар, лечи раны. Награда тебе, Жаку и Бодо будет.

Вернулись обратно к столу.

— Какая незадача, — огорчился Арман. — Поздно слишком. До закрытия ворот к Парижу не добраться. Даже в Луизиной карете. Которая притом уже и распряжена. Придётся ждать до утра.

— И письмо упустили, — добавил я.

— Почему упустили? — поинтересовалась Аманда. — Ключ-то есть. Можно и завтра утром зайти и посмотреть.

— Завтра уже будет нельзя. За ним в любой момент могут прийти. Если посыльный пропал, то об этом могут и не сразу узнать. Или не поймут, куда пропал. Но если застукают незнакомых людей в доме, то сразу будут оборваны все концы.

— Тоже верно. Тогда остаётся только допрос. Но что-то не очень мне верится в допрос. Пойманный, похоже, не из тех, кто ответит охотно, — вздохнула Луиза. — Арман, повезёте его опознавать на постоялый двор Кольбера?

— Обязательно. Пусть даже ни слова и не говорит.

Следующим утром мы вчетвером верхом и с каретой

Аманды оказались у городских ворот, когда они были ещё закрыты. Пришлось немного подождать. Узником подвала в доме Армана оказался худощавый брюнет лет тридцати пяти немного выше среднего роста. Черты лица не очень резкие, но запоминающиеся. Глаза тёмные. Взгляд пронзительный и угрожающий. Вчера, наверное, он был чисто выбрит. Сегодня уже нет. Когда открыли дверь, то весь подобрался, словно вознамерился наброситься на входящего. Но передумал, увидев за дверью несколько человек.

— Вы уж извините нас за такое своеобразное гостеприимство, месье. Но обстоятельства нас к тому вынудили, — начал Арман. — Не назовёте ли нам своё имя?

Молчание.

— Не назовёт, пожалуй, — обращаясь уже к нам, с сожалением произнёс хозяин дома. — Может он немой? Совсем плохо, если он окажется и глухой. Не хотите ли, месье, узнать наши имена?

Опять молчание. Только глаза сверкнули.

— Не хочет он нас знать. Придётся таскаться по всяким местам, где его смогут опознать. Вам, месье, это должно быть интересно. Сможете попытаться сбежать. Жак, Бодо, свяжите ему впереди руки. Не надо противиться, месье. А то Жак трахнет вас дубинкой для успокоения. Голова болеть будет. Может, перекусить хотите? Со вчерашнего дня много времени прошло. Нет? Тогда пошли.

Жак и Бодо запихнули пленника в карету рядом с Пьером, поигрывающим кинжалом. Гийом приказал слугам вернуться на свой пост слежения за любовным гнёздышком и мы поспешили к владениям Луизы. Далековато, но что поделаешь. Часа через четыре подъехали к постоялому двору Кольбера. Пьер набросил какую-то тряпицу на руки пленника, чтобы не было видно верёвок. Гийом тоже сел в карету. В прошлое посещение постоя-

лого двора он внутрь заведения не заходил и хозяин его не видел. Вызвали хозяина.

— Любезный, — попросил его Арман, — загляни, пожалуйста, в карету и скажи, нет ли там знакомых тебе лиц.

Трактирщик заглянул.

— Есть, Ваша милость. Тот господин, который в прошлый раз был с вами и тот, которого мне встречать не хотелось бы. Я имею в виду того, который вечерами ездил по дороге на Пуаре. Третьего я не знаю.

— Очень хорошо. Ты точно не ошибаешься про ездока на Пуаре?

— Я же не слепой и не один его видел.

— Позови тогда ещё кого-нибудь. Пусть посмотрят.

Слуги тоже опознали нашу добычу.

— Отлично, — обрадовался Арман, залезая за мной в карету, — поговорим, если он захочет говорить. Что ж, месье, вы, конечно, поняли, где мы сейчас находимся и почему. Находимся на землях герцогини Арзо. Понимаете, что с вами могут тут сделать за три убийства и покушение на жизнь сюзерена? По глазам вижу, что понимаете. Вопрос лишь в том с предварительными пытками или нет. Мы могли бы замолвить за вас словечко в обмен на имя того, кто вас сюда послал. Нет? Ну, что ты тут поделаешь! И звука не хочет произнести. Однако трактирщик говорит, что он прекрасно может шевелить языком. Верный слуга. Как надёжно защищает своего господина. Так и не скажете, кто ваш господин? Филипп Антуа? Георг де Реми или Анри ле Блан? Не знаете таких господ? Что ж, придётся выяснять, у кого пропал такой верный помощник.

Арман высунулся в окошко кареты и крикнул кучеру:

— Поехали в Арзо к бальи!

Бальи принял нас в ратуше без промедления.

— Мы вам привезли злоумышленника, покушавшего-

ся на герцогиню и убившего при этом ещё трёх человек.

И Арман выложил бальи, что нам стало известно и где, от кого получить нужные для следствия доказательства.

— Только вот молчит этот злодей словно немой.

— А он не немой?

— Куда там. На постоялом дворе-то немым не был.

— Ах, ну да, ну да. Тогда, может быть, молчит потому, что хорошо знает законы в герцогстве?

— А законы-то тут причём?

— По законам герцогства нельзя казнить неизвестного.

— Вот даже как! Всё равно забирайте его и держите у себя. Следствие-то вести можно, а имя мы установим. И имя того, кто его послал.

— Очень хорошо, господа. Надеюсь на вас и желаю удачи. Передайте герцогине, я сделаю всё, что следует.

Когда мы вернулись в замок, то уже стемнело. Весь день мы только и делали, что носились по дорогам. Луиза, Катрин и Жермена были уже там. Аманда встретила нас внизу.

— Мария де Реми приехала. Имейте в виду. Как у вас? Что-нибудь узнали?

— Ничего. Молчит наш пленник, но это тот, кто нам нужен. Узнали его на постоялом дворе несколько человек. Отвезли его в Арзо и сдали бальи. А здесь-то как неудачно. Надо бы поговорить, а тут Мария де Реми. Придётся тогда ночью.

— Ничего страшного. Луиза и Катрин набрали кое-что о Филиппе Антуа. Ночью, так ночью. Проходите, я вас Марии представлю.

Гостьи вместе со всеми мы не застали. Отлучилась по своим дамским делам. В минуту кратенько уведомили всех о нашей поездке во владения Луизы. Успели вовремя. Мария оказалась приятной и живой женщиной

лет этак старше тридцати и меньше тридцати пяти. Доброжелательные и одновременно проницательные серые глаза. При случае над чем-нибудь заразительно хохотала вместе с Луизой, Катрин и Жерменой. За столом легко и без труда поддерживала любой разговор. Ей даже Пьера удалось разболтать об охоте.

Когда после ужина переместились в малую гостиную, между дамами возник разговор о чужих мужьях. Затеяли его, конечно, Катрин с Луизой.

— А как там твой Георг? — спросила Аманда.

— Будто ты не знаешь, Аманда, — сразу помрачнела гостья. — У кого-то, может быть, и есть муж, а у меня вот — родственник. Даже за обедом не разговариваем. С тех пор, как он попытался на меня замахнуться, а я приставила ему к горлу кинжал, то супружеские отношения и кончились. Он меня терпит и я его тоже. Не более того. Да ему и жена-то не нужна была. Поместье в приданое и всё. Надо же было мне попасть в такую историю. Уже почти пятнадцать лет мучаюсь. Предлагала ему развестись. Трудно, но, если знаешь, где и кого подмазать в нашей церкви, то возможно. Тем более что королева знает обо всём и уговорила бы Людовика разрешить развод.

— И что?

— Ничего. Готов и на развод, если с моей стороны не будет требований имущества. А я что, на улицу жить пойду?

— Неужели он так жаден, Мария? — подтолкнула разговор в нужную сторону Луиза.

— Смотря о чём речь, Луиза. Если о деньгах, то он вроде и не скупердяй. А если о землях, то о-го-го! Ты не представляешь, что с ним было, когда король вместо того, чтобы твою деревеньку отдать ему, передал тебе кусочек его владений. Наказали его жестоко за имущественное сутяжничество. Я думала, что он затеет заго-

вор против короля. Так это на Георга подействовало. Целую неделю только и слышались проклятия королю и тебе. Потом утих, но в последнее время несколько раз в его разговорах с секретарём проскальзывало слово "Арзо". О чём речь не знаю. Слышала так, случайные обрывки слов издалека. Видишь, Луиза, сколько лет прошло, а свою обиду он забыть всё так и не может.

— Думаешь, о том событии разговоры и шли?

— А о чём же ещё? — и задумалась. — Нет, не может быть. Не станет он больше так рисковать. Понимает, что во второй раз для него всё может оказаться ещё хуже. Король-то на твоей стороне. Но земли Арзо его очень дразнят. Хотя и наши ничем не хуже, чем твои. Правда, герцогского титула не дают, — и весело засмеялась.

Луиза бросила на нас короткий взгляд. Арман кивнул. Да, неплохо бы показать Марии нашего пленника.

— Мария, — вступила в разговор наша сообразительная и внимательная, когда надо Катрин, — мы с Луизой отсюда поедем к ней в Арзо. Не хочешь составить нам компанию? Повеселимся.

— Что ты! Если Георг услышит, что я была у Луизы, то он меня месяц грызть будет. Это только на людях он ведёт себя спокойно. Не буду я его дразнить. Давайте лучше здесь подольше посидим. У Аманды в доме просто душой отдыхаешь.

Я встал и извинился.

— Отойду на минутку.

В библиотеке порылся в рабочем столе Аманды и нарыл подходящий листик желтовато-сероватой бумаги. Великоват. Разорвал пополам. Опять порылся в столе. Неужели Аманда не притащила из нашего мира? Нет, откопал два карандаша. Уже заточенные. Замечательно. Свинцовые карандаши семнадцатого века для рисования совсем не годятся. Засел за работу. Через четверть часа полюбовался на результат. Вроде бы хорошо по-

хоже на нашего сегодняшнего узника в Арзо.

А в гостиной разговор между тем перешёл к покушению на Луизу.

— Что вы говорите! Весь Париж знает? — поразилась Мария. — Я впервые слышу, но у нас ведь не Париж, а Георг со мной новостями не делится. Ещё и трое убитых? Ужас-то какой! И что? Ищете? Повесить негодяя мало! Нет, Луиза, просто не верится. Ты-то сама как после такого? Злая? Я, думаю, после этого будешь не только злой. Как же это так и кто? Антуанетта? А причём тут Антуанетта? Знаю и её саму, и её отца. Понятно. Никаких доказательств, но возможность может быть. Ты права, Луиза. Арзо — завидный кусок и тут всё может случиться. Но через Антуанетту? Как-то в голове не укладывается. Как всё-таки повезло. Хотя в истории были повороты и покруче. Искренне сочувствую тебе.

Я уселся на своё место и передал рисунок Луизе. Катрин заглянула ей через плечо.

— Похоже? — спросила меня Луиза.

— Вроде бы, — пожал я плечами. — Спроси Пьера, Армана и Гийома.

Луиза передала им рисунок.

— Очень похоже, — подтвердили все трое.

Мария с любопытством следит за нами.

— Мария, посмотри, пожалуйста, — передаёт ей рисунок Луиза. — Не видела ли ты где-нибудь этого человека?

— Как же! — воскликнула та, взяв рисунок в руки. — Чуть не каждый день вижу. Это же старший брат секретаря Георга — виконт Анри дю Плесси. Откуда это у вас?

— Этот человек сегодня опознан и арестован в Арзо, как убийца трёх человек и один из организаторов покушения на меня.

— Так что, Мария, — добавил я, — повезло избежать

смерти не только Луизе, но и вам тоже. Пока Луиза жива, то и вам ничего не угрожает.

Мария побледнела.

— Как мне? — и задумалась. — Вы полагаете, что… А потом Антуанетта? Какой-то дьявольский план. Просто не укладывается в голове. Нет никакой ошибки?

— Ваш виконт опознан несколькими людьми, как лицо, тайно посещавшее Арзо по ночам до и во время убийств, — напомнил я. — Если мы застанем вашего мужа при встрече с Антуанеттой там же, где поймали Анри дю Плесси, то цепь улик и доказательств замкнётся. Хотя достаточно и того, что виконт был пойман при выходе из дома, который наняла Антуанетта для любовных встреч с неизвестным мужчиной. Теперь этот таинственный любовник нам известен. А вот Антуанетту жалко — простая душа.

— Что же мне теперь делать-то? Луиза, ты убьёшь его?

— Да, если ты завтра его не предупредишь, чтобы он бежал как можно дальше и не останавливался. Король и Ришелье мне на такой случай заранее индульгенцию выдали.

В гостиной наступила тишина. Мы сидим и смотрим на Марию, а она словно полуслепая в раздумье бродит по гостиной, время от времени натыкаясь на мебель.

— Мне нужно увидеть дю Плесси, — наконец, решается она.

— Утром, Мария, — слышится ответ Луизы. — Сегодня спать уже пора.

*

Наутро Пьер, Арман, Гийом и Катрин отправились в Париж. Удел же остальных на сегодня — дорога и узилище. Тюрьма в Арзо очень даже похожа на тюрьму, но мы с Луизой и Марией в неё попали без хлопот. Как же можно не пустить туда её же хозяйку! Подвалы, камеры,

камни и цепи. Дю Плесси вывели к нам уже в наручных кандалах. Мария долго стояла лицом к нему почти вплотную. Тот опустил глаза.

— Что плохого я вам сделала, Анри?

Минутное молчание.

— Зря вы сюда приехали, Мария.

Женщина вздохнула и отошла от арестанта.

— Пойдёмте отсюда. Луиза, делай, что считаешь нужным. Я мешать не буду.

— Бальи, — обратилась Луиза к своему главному чиновнику. — Графиня де Реми желает дать показания относительно личности арестованного.

Опять дорога обратно. Во дворе замка Аманды попрощались с Марией. Та пересела в свою карету и отправилась в поместье Реми. Спрашиваю Луизу:

— Как же королева сегодня без тебя?

— Ерунда! Катрин скажет, что я слегка приболела. Что теперь-то будем делать?

— Это уж тебе выбирать, Луиза. Можно тихо прирезать его в каком-нибудь уголке. Можно вызвать на дуэль и против Армана у него никаких шансов не будет. Это мгновенные решения. Можно дождаться результатов следствия и представить их на королевский суд. Тогда или плаха, или пожизненное заключение. А можно и предупредить его, чтобы бежал, а потом потребовать лишения его прав владения. Много чего можно придумать. Решение за тобой. Что скажешь — то и сделаем.

— Понятно, подождём, когда все вернутся. А пока делать нечего помоги, пожалуйста, мне в библиотеке порядок навести. Мы с Амандой там всё разворошили, а на место не убрали.

Можно подумать, что Луиза и в самом деле принимала участие в уборке. Чёрта два! Я распихивал геральдические книги и схемы по местам, а Луиза сидела за столом, уставившись в огромный звёздный атлас с описа-

ниями и комментариями.

— Какая интересная книга! Завидую я Аманде. Как ей удалось собрать такую библиотеку?

— Спроси. Но, если ты не хочешь, чтобы Аманда подарила тебе этот атлас, не говори, что он тебе понравился. Я же по глазам вижу, что атлас тебе не нравится. А про интерес, то ты это просто так словечко отпустила — для приличия. Нехорошо пользоваться слабостью хозяйки ко всем нам.

— Поняла.

В библиотеку заглянула Аманда.

— Наши ребята приехали.

— Аманда, постой, не уходи! — окликнула хозяйку замка Луиза.

— Что тебе?

— Хочу сказать пару слов об этом звёздном атласе. Он мне так не понравился, так не понравился, что просто ужас. Совершенно противная книга. Я бы даже сказала — страшно омерзительная…

— Да-да, — кивнув, оборвала её Аманда, — полностью с тобой согласна. Но должна огорчить. У тебя ничего не выйдет. Я не отдам её тебе для уничтожения. Сама с ней разделаюсь. Как-нибудь выберу зимним вечером время, сяду у камина и буду выдирать и сжигать по одному листочку. Так уж мне хочется получить такое удовольствие, что просто дождаться не могу этого момента.

Аманда закусила губу и быстро захлопнула дверь. Из галереи послышался её приглушённый дверями хохот. Луиза досадливо прикусила губу.

— Ты ведь знал, Серж, что так кончится?

— Конечно. Тут надо было действовать совсем иначе.

— Как иначе?

— Ты что, в самом деле, думаешь, что я буду помогать тебе грабить хозяйку? Пойдём-ка лучше к столу.

Может быть, из Парижа подоспело что-нибудь интересное.

И в самом деле, подоспело.

— На улицу Медников приходила служанка Антуанетты и забрала письмо, — сообщил Гийом.

— Почему ты думаешь, что приходила за письмом? — поинтересовался Пьер.

— Быстро выскочила и вернулась домой.

— И что же нам теперь делать? Ждать свидания? — забеспокоилась Катрин.

— Да вроде бы и свидание нам теперь ни к чему, — ответил я. — Смысла нет. Злоумышленник нам и так уже известен. А разбираться с ним в присутствии Антуанетты вряд ли нам нужно. Нам бы лучше перехватить его до свидания где-нибудь в стороне или в гнёздышке, но без Антуанетты. Но, что будем с ним делать? Луиза-то ещё ничего не решила.

— А в чём проблема-то? Кого не устраивает старый, добрый кинжальный вариант? — предложил Арман.

— Выбор способов, как разделаться очень большой. Луиза в растерянности, что применить.

— Я уже выбрала, — решительно заявила Луиза и просительно добавила: — Мальчики, наденьте на него моё ожерелье. Или лучше помогите мне это сделать.

На минуту наступила полная тишина.

— А что, справедливо, красиво и символично, — нарушила молчание Аманда. — Луиза, напиши записку своему управляющему. Гийом, пошли посыльного в Арзо. В ночь, чтобы был там к открытию ворот. Ожерелье пусть сразу везёт в Париж, на улицу Медников к Арману. Только вот нам ещё так и неизвестно, когда де Реми появится в Париже, и где мы его там перехватим.

— Мне кажется, что самым удобным местом будет как раз дом свиданий на улице Медников, — предложил я. — Он же там обязательно появится. Пусть там и оста-

нется. Появиться должен, если его не напугает двухдневное отсутствие дю Плесси. Не должно напугать. Слишком большую игру он затеял. В ней нельзя остановиться на полпути. В этой игре Луиза обязательно должна умереть.

— А Антуанетта?

— Да, вот тут могут быть неприятности. Только она может нам сказать, когда должно состояться свидание. Ведь письмо-то мы упустили. А, с другой стороны, жалко её. Она-то тоже можно считать пострадавшая в этом покушении. Мы не знаем, как и чем де Реми её прельстил. Но по тому, как вы её описывали особа, очень внушаемая, и убедить её в нечестности намерений де Реми будет очень трудно. Особенно, когда в это совсем не хочется верить. Так что, Луиза, Катрин, Жермена, вас завтра с утра ждёт трудная работа. Раскрыть глаза Антуанетте на её роман и узнать, когда де Реми прибудет в Париж. Вестей от вас мы будем ждать в доме Армана.

— С Антуанеттой и в самом деле трудно будет. Жаль Мария уехала. Она могла бы нас поддержать, — с сожалением произнесла Луиза.

— Что делать, если её и вернуть, то к утру это не получится. Не говорите сразу что-либо о де Реми. Ты, Луиза, главное действующее лицо всей этой истории. Вот и начни с себя и покушения. По порядку всё изложите Антуанетте вплоть до поимки и опознания Анри дю Плесси. Пусть сама Антуанетта назовёт де Реми. А там уж вам будет легче. Нажимайте на то, что Мария никогда не даст согласия на развод без возврата ей земли — бывшего приданого. А без владения от жены де Реми почти нищий. Следовательно, де Реми планирует убийство жены.

— А развод что, очень важен?

— А чем, по-твоему, женатый мужчина может прельстить незамужнюю женщину?

— Пожалуй, ты прав. Вроде всё обсудили? Тогда пора. У меня уже глаза слипаются, — зевнула Луиза. — Завтра, и в самом деле, денёк обещает быть тяжёлым.

*

Сидим у Армана на улице Медников, пьём вино, закусываем каким-то паштетом и ждём известий из дома Антуанетты. Ожерелье Луизы в кожаном мешочке привезли с полчаса назад.

— Да, трудная задачка видно досталась нашим девочкам, — наливая себе очередную порцию вина, посочувствовал Пьер. — Уже третий час, как мы оставили их у дома Антуанетты. Получится ли у них чего-нибудь?

— Если не получится, то придётся ждать де Реми у дома свиданий, сколько бы это времени ни заняло, — ответствовал Арман. — Будем надеяться тогда, что этот дом единственное место обмена посланиями. И Антуанетта не сможет предупредить своего любовника о том, что им заинтересовались.

— Да, — согласился я, — если у девочек не выйдет, то хлопот нам здорово прибавится. Де Реми может засесть в поместье и выманить его оттуда будет трудно. Гийом!

— Что?

— При любом раскладе нам нужно сказать нашим следящим, чтобы ни в коем случае не подпустили Антуанетту к дому свиданий. Пусть делают, что хотят. Хоть поперёк дороги ложатся, но Антуанетты тут и близко быть не должно. Влюблённые женщины непредсказуемы и неуправляемы.

— Пожалуй, верно. Надо им команду дать. Я тогда прямо сейчас схожу.

Гийом ушёл и буквально минут через десять тихую улицу заполнил грохот колёс кареты Луизы. Остановилась. В окошко кареты выглянула хозяйка этого дворца на колёсах и махнула нам рукой. Мы вышли и подошли.

— Мы прямо в Лувр. Так что вылезать не будем. И так опоздали, уже Бог знает на сколько. Потом всё расскажем. Де Реми будет здесь завтра вечером, как стемнеет, — и карета загрохотала дальше.

Дождались Гийома и передали ему новость.

— Отлично! Значит, наблюдение с гнёздышка можно снять. Сами там засядем. А я освободившихся слуг перемещу к дому Антуанетты. Подкрепим тылы. Тогда нам здесь сегодня больше и делать нечего. Давайте дойдём до конца улицы, я распоряжусь, и двинем домой.

Так и сделали. Проезжая мимо "Сосновой шишки", опять заглянули внутрь. Жан-Батист Поклен оказался тут и один. Правда, строчит что-то на бумаге и хохочет при этом.

— Здравствуй, Жан.

— О, кого я вижу и даже вчетвером! Здравствуйте, здравствуйте. Извините, господа, сейчас я строчку закончу и буду к вашим услугам. А то из головы вылетит. Вот так и ещё вот так. Всё. Хотите услышать?

— Нет уж, Жан. Это всё равно, как читать чужие письма, — отказался Арман. — Мы видим у тебя работы теперь, хоть отбавляй.

— Да уж и даже больше, чем я могу сделать. А вы когда закажете мне что-нибудь любовное?

— Мы-то вряд ли. Нас, как всегда больше интересуют сплетни.

Жан мгновенно посерьёзнел.

— Я очень сочувствую герцогине де Шеврез. Надо же, какая беда! Как она сама-то?

— Ничего, надеется злоумышленника поймать. А что говорят по поводу покушения в Париже?

— Многое и всё больше нелепое. Одни говорят, что это месть обманутой жены. Но это совершенная ерунда. В дворцовых кругах супружеская измена больше доблесть, чем преступление. Смешно травить госпожу де

Шеврез по такому поводу.

— А другие, что говорят?

— Другие намекают на Ришелье. Все знают, какая между ними "тесная дружба". Но я в это не верю. Если бы его преосвященство захотел бы кого-нибудь извести, то никакой ошибки не случилось бы.

— А ещё?

— Ещё совершенно непонятные разговоры о связи госпожи де Шеврез с трупами во дворце де Тревиля. Откуда она могла знать о них, раз заявила страже о непорядке именно там? Подозревают месть друзей этих трупов.

— Да-а, богатые слухи. А ты сам, что думаешь по этому поводу?

— Сам? Сам я думаю, что это месть за отнятого любовника. Уж очень характерно для женщин отравление соперниц ядом. Вот и всё, что ходит сейчас по Парижу интересного. Про то, что говорят мушкетёры о Ла-Рошели вам, конечно, не любопытно?

— Не любопытно. Нам хватит и про герцогиню. Не будем больше тебе мешать, Жан. А то какой-нибудь мушкетёрский заказ не выполнишь. А мушкетёры, как известно, народ крутой.

Мы вышли из таверны.

— Когда мы расскажем всё это Луизе, она будет довольна. Любит, когда о ней много говорят, — смеясь, заметил Гийом. — Поехали домой!

Дамы приехали сегодня не очень поздно.

— Вы не представляете, что это за спектакль был сегодня утром в доме Антуанетты, — начала рассказ Катрин. — Хозяйка очень обрадовалась, увидев Луизу. Сначала поговорили о всяких пустяках, выпили кофе. Потом сама Антуанетта затронула тему покушения. Луиза тут и рассказала всё по порядку. Только она произнесла имя Анри дю Плесси, как Антуанетта воскликнула:

"Так ведь Анри помощник…".

"— Да-да, именно помощник того, о ком ты подумала", — сказала ей Луиза.

Вслед за этим началась игра в кошки-мышки. Он — не он. Виноват — не виноват. Правда — неправда. Плохо, когда человек добрый и глупый. Он живёт в мире своих иллюзий, и выковыривать его оттуда очень трудно. Больше часа длилось препирательство. Не знает Антуанетта никого, и нет у неё никакого любовника и всё тут. Тут Жермена сообразила, чем взять эту дурочку. Сказала, что из-за упрямства дочери первым умрёт отец Антуанетты, которого она обожает. Это её немного образумило, и она оказалась способной выслушать и понять всю суть затеянной Георгом де Реми махинации. Добило её сообщение о том, что никакого развода в семействе де Реми не предвидится.

— В общем, в конце концов, я протянула руку и Антуанетта, поколебавшись ещё секунду, выложила мне вчерашнее письмо, и заревела в три ручья, — продолжила Луиза. — Пришлось, успокаивая, просидеть с ней ещё полчаса. Пообещали найти ей неженатого мужчину и не обманщика. Не знаю, поверила она нашим обещаниям или нет, но всё равно оставили мы её в истерическом состоянии, хоть уже и не ревущую. Беспокоит меня это. Как бы она что-нибудь с собой не сотворила. Надо было, наверное, кому-то остаться с ней.

— А меня беспокоит другое, — заявила Катрин. — Как бы Антуанетта не бросилась спасать положение по своему разумению.

— Мы это предусмотрели, — успокоил её Гийом. — Не дадут ей предупредить де Реми.

— Замечательно, — высказала одобрение Луиза. — Мальчики, опишите мне дом, в котором мы будем сидеть. Ага, понятно. Вы поезжайте без меня, а я постараюсь из Лувра вырваться пораньше, чтобы присоединить-

ся к вам засветло. Мне ещё надо будет домой заехать переодеться.

*

Луиза присоединилась к нам на следующий день и в самом деле ещё засветло. Мы её сначала и не признали. Где-то поодаль остановилась какая-то задрипанная карета. Потом опять двинулась и проехала мимо дома с нашей засадой. Проехала и опять остановилась дальше, почти на углу улицы Старой голубятни. Минуту спустя в дверь застучал какой-то мужчина в широкополой шляпе с пером, надвинутой на глаза. Лица не видно. Пьер пошёл выяснять, кому это и зачем пришло в голову нас побеспокоить. Вернулся с Луизой. А ей, оказывается, мужская одежда очень даже идёт.

— Недурно вы тут устроились, — оценила герцогиня внутренний антураж. Цапнула бокал Армана и уселась у окна. — И видно хорошо. Это вон тот домик? Тоже симпатичный. Только у меня ощущение, что мы что-то не так делаем.

— Что это может быть не так? Всё так, — возразил Гийом.

— Нет, не так. Любовника должны ждать. Можете мне поверить. В таких делах у меня опыт есть.

— И немалый, — вставил слово Арман.

— И немалый, — согласилась Луиза. — А тут что? Де Реми придёт, отопрёт дверь, а там темнота и тишина. Что он будет делать? Зайдёт или нет? Брать его на улице и с шумом?

— Что ты предлагаешь? Пойти и зажечь там свечи?

— Нет, гораздо лучше. Нам всем перебраться туда.

Разумный довод и разумное предложение. Вылезли из дома, перебрались через улицу, отпёрли дверь и оккупировали дом свиданий. Внутри тоже недурно. Внизу прихожая, кухня, столовая, а наверху большая гостиная с окнами на улицу и спальная с окнами во двор. В гости-

ной не маленький круглый стол, стулья с высокими, ажурными спинками, два кресла у камина, тумба с множеством ящиков, и две то ли кушетки, то ли диванчика, шкафчик с бутылками и посудой для питья. Удобно и уютно. Здесь, видимо, свидания и происходят.

— Совсем другое дело, — со вздохом садясь за стол, заявила Луиза. — Уже темнеет. Можно и свечи зажечь. Только к окну не подходите. А то так напугаете гостя, что его будет не догнать.

— Мы с Гийомом, пожалуй, расположимся где-нибудь внизу, — решил Пьер. — Как только гость поднимется по лестнице, отрежем ему отступление.

Ждать пришлось не так уж и долго. Часа два. Слышно как негромко залязгал ключ в замке. Потом брякнул внутренний засов. Вот чёрт! Как же мы об этом не подумали? Если бы мы были в доме напротив, а он бы запер внутренний засов, то, как бы мы попали сюда? Молодец, Луиза. Правда, она тоже про засов не думала, но мы-то теперь здесь.

Шаги по ступенькам и лёгкий скрип лестницы.

— Входите, входите, Георг, — послышался голос Луизы, — а то мы вас уже заждались.

Мужчина лет сорока-сорока пяти с волевым, бритым, резко очерченным лицом и глубоко посаженными, тёмными глазами так и замер в дверном проёме.

— А где…? — последовал от неожиданности нелепый и глупый вопрос.

— Антуанетта? Дома, конечно, раз мы здесь. Заходите, заходите же.

Мужчина прямо-таки влетел в гостиную от крепкого тычка Пьера в спину. Но уже оправился от неожиданности, и схватился было за шпагу. Не тут-то было. Пьер и Арман следят за каждым его движением. Схватили за руки, вырвали шпагу, сняли с пояса кинжал. Пьер толкнул де Реми в грудь и тот тяжело грохнулся на стул. Ар-

ман мигом развернул стул так, что де Реми оказался сидящим лицом к Луизе.

— Ну, вот, граф, очень жаль, что мы встретились при таких печальных для меня обстоятельствах и ещё более печальных для вас.

— О каких это печальных обстоятельствах вы говорите, мадам, и что вы, вообще, тут делаете в чужом доме?

— Ах, Георг, неужели вы не слышали о покушении на меня? Разве это не печальное для меня обстоятельство? Да и знать о нём вы должны из первых рук. Ведь вы же его и организовали…

Луизу прервал дикий хохот, переходящий в язвительный смех.

— Что за чушь, госпожа де Шеврез! Или, если хотите, то Ваша светлость. Неужели можно хотя бы даже только предположить такой бред, — послышалось сквозь спазмы смеха.

— Луиза, он ещё не знает, что Анри дю Плесси у нас, — просветил захваченного типа Арман.

Смех мгновенно прервался.

— Что же вы замолкли, Георг? Да, дю Плесси опознан в Арзо и арестован, как организатор покушения на меня и за убийство трёх человек. А поймали его, когда он выходил из этого дома. Вы, конечно, понимаете, что это всё для вас значит. Корысти-то для дю Плесси в том, что он натворил, нет никакой. Но вот для вас выгода великая. И нужно-то всего лишь, чтобы умерли трое. Я, ваша жена Мария и старик Альбер де Кюи. Вот тогда и вы герцог, и герцогство Арзо ваше, через одураченную Антуанетту. Что там такая мелочь, как какая-то деревенька, которую вы хотели отщипнуть от моих владений несколько лет назад. Пустяк! Сейчас вы затеяли очень крупную игру, но опять проиграли. Вот я и говорю, что обстоятельства печальные для вас. Мне не улыбается постоянно трястись за свою жизнь при вашем соседстве.

Потому мы сейчас, граф, попрощаемся с вами навсегда. На прощание мне хотелось бы увидеть, будет ли вам к лицу моё, обновлённое вами ожерелье. Арман, Пьер!

Те мигом завели руки де Реми за спинку стула.

— Гийом!

Управляющий Аманды достал свой кинжал и двумя движениями разрезал колет и рубашку на груди де Реми. Обнажил торс злоумышленника. Луиза подошла к столу и вытряхнула на него из мешочка ожерелье. Взяла осторожно двумя руками за цепочку.

— Не-ет, вы не посмеете! — заревел де Реми, и принялся вырываться, как сумасшедший.

Гийому даже пришлось наступить на носки его сапог, чтобы не дать ему брыкаться. Луиза подошла к приговорённому. Приложила ожерелье к его груди, и прижала ладонью к телу то место ожерелья, где должна находиться отравленная игла. Буквально через мгновение тело де Реми напряглось, затряслось, он громко застонал и тут же обмяк. Голова с открытыми глазами свесилась набок. Ожерелье отправилось обратно в мешочек. А на груди покойного выступила капелька почерневшей крови.

— Вот и всё, — сказала Луиза, нервно и гадливо потирая ладони о свою одежду, словно вляпалась во что-то очень неприятное. — Как же это всё-таки противно! Не понимаю я палачей. Ребята, проводите, пожалуйста, меня до дома. Не по себе мне что-то.

Вышли на тёмную улицу. Во дворике дома напротив забрали своих лошадей и двинулись за каретой-развалюхой, в которой приехала Луиза. На мосту через Сену карета остановилась. Луиза вышла и подошла к перилам. С минуту о чём-то думала, глядя в тёмный и одновременно блестящий в свете луны поток. Достала мешочек с ожерельем и швырнула его в воду.

*

Ночевали мы у Армана, а утром вернулись в замок.

— Ну, как? — был первый же вопрос Аманды.

— Всё!

— Вот и хорошо. Пошлю слугу сообщить Марии, где забрать тело мужа для похорон. А Антуанетта всё-таки попыталась выручить любовника. И ей это могло удастся, если бы не ваша предусмотрительность в слежке за ней.

— И что она натворила?

— Прискакал один из следящих за домом Антуанетты. Рассказал, что она выехала из дома и вопреки ожиданиям поехала не на улицу Медников, а к воротам Сен-Жермен. Выехала из города, прокатила с половину лье и остановила карету на обочине. Стало ясно, что она ждёт, когда де Реми покажется на парижской дороге. Наши слуги не стали ждать пока она нам всю игру испортит. Связали кучера, залезли в карету, чтобы Антуанетта не выскочила, и загнали карету в лес. Спрашивают, что делать дальше. До вас-то дальше, чем до меня.

Я им сказала, чтобы заляпали чем-нибудь герб на карете и привезли её быстренько сюда. При этом завесили бы окна, и не давали выглядывать из кареты. Вот мы с Жерменой до самой ночи и боролись с истерикой Антуанетты. Вроде бы она поуспокоилась. Утром выглядела вполне ничего. Уехала незадолго до вас. Вы должны были встретить её по пути.

— Не обратили внимания.

Вечером, когда все собрались за столом Арман произнёс:

— Ну, и весёленький же день рождения у тебя получился, Луиза, в этом году.

— Ой, и не говорите, ребята. Уж такой весёлый, что я до сих пор в себя прийти не могу. А вам, Жермена, не было с нами скучно? — обернулась Луиза к ней.

Та только рассмеялась. Теперь уже без всякого

напряжения.

— Так, когда соберёмся в следующий раз? — поинтересовался Пьер.

— Когда Аманда нас созовёт, — ответила Катрин, и подняла бокал за счастливый конец.

Счастливый ли и для кого?

*

Эпилог

Сижу в своём временном пристанище в отремонтированном флигеле. Уже с неделю, как мы все сюда перебрались. В главном Доме начался ремонт. Нас это беспокоит. Как бы при перекладке системы отопления не повредили связь машины Швейцера с нами. Правда, финнов предупредили, чтобы не заменяли крепления труб на первом этаже и в подвале. Подивились они такому требованию, но хозяин-барин. Ходим пока в свои сказки через каморку Ахмеда. На всякий случай я открыл-таки проход в подземный зал из нашего мира, минуя машину Швейцера в Доме. Эта дверь оказалась неподалёку от Питера в скалах у Финского залива.

Свадьбу Капитана и Жанны решили сыграть в "Морском драконе". Виолетта и Казимир будут обязательно. Все будут. Теперь Анна Петровна, Александр, Ахмед и я тоже озабочены задачей, что же подарить молодым, у которых всё и так уже есть.

Зубейда… Чудо моё несравненное! Как раз время без всяких багдадских приключений провести с ней недельки две. Пока из Китая не нагрянул Синдбад. Тогда приключений будет уже не избежать.

Кстати о Китае. Вести туда или нет чудо несказáнное? Всё равно с кем-то туда придётся идти. Китайского-то я не знаю. Хотя там должен быть не китайский, а немецкий язык. Может, Антогору послать в Гешвиг на

недельку-другую, чтобы усовершенствовалась в немецком. А уж потом заглянуть с ней в Китай Швейцера. Что же он всё-таки там делал?

Пока так до сих пор и не представляю, как я через год… Хотя нет, уже не через год, а меньше, я буду разговаривать с амазонками о возможности возвращения их в племя беременными. Не обидеть бы случайно наших красавиц. Не нарушить сложившуюся между нами гармонию отношений. Хотя, впрочем, чем обидеть-то? Вот же проблема…

Живём!

*

Примечания

Золотой = 10 серебряных декст.

Декста = 100 медных солентино.

Акр – 0,4 гектара.

Фиал — питьевой сосуд для вина.

Галс — движение судна относительно ветра, а не географических координат.

Морфей — бог сновидений в греческой мифологии.

Капер — частное военное судно, которому одна из воюющих сторон предоставляет право захватывать торговые суда противника.

Меркурий — Бог торговли, плутовства и воровства

Бальи — высокий административный чиновник

Басов Андрей Николаевич
"Сказки старого дома 2"
С-Петербург 2013 г.
http://www.andrey-basov.net/

Издатель: *Басов А.Н.*

Типография "Атмосфера"
Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 112, корп. 2, литер "И"
Услуга Book-on-Demand
Формат: 84x108/32
2013 г.